

Сандра Браун

Жар небес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129504

Жар небес: Эксмо; Москва; 2000

ISBN 5-04-005485-8

Оригинал: SandraBrown, "Slow heat in heaven"

Перевод:

Ольга Анатольевна Дудолодова

Аннотация

Шейла Крэндол вернулась домой в Луизиану, где когда-то узнала горечь разочарований. Приезд любимой дочери самого влиятельного человека штата неожиданно всколыхнул мирную на первый взгляд жизнь городка. И закипели страсти, вырвавшись на поверхность... Предательства, подлоги, измены... События разворачиваются слишком стремительно и неожиданно для всех участников... Лишь мужество Шейлы, ее вера в добро и обретенная среди этого хаоса любовь самого опасного, гордого и неотразимого мужчины помогают ей вырваться из заколдованного круга.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	31
Глава 4	40
Глава 5	49
Глава 6	61
Глава 7	70
Глава 8	80
Глава 9	89
Глава 10	96
Глава 11	103
Глава 12	111
Глава 13	126
Глава 14	133
Глава 15	143
Глава 16	152
Глава 17	161
Глава 18	175
Глава 19	189
Глава 20	196
Глава 21	206
Глава 22	215
Глава 23	234

Глава 24	242
Глава 25	251
Глава 26	263
Глава 27	278
Глава 28	289
Глава 29	304
Глава 30	326
Глава 31	337
Глава 32	354
Глава 33	368
Глава 34	378
Глава 35	395
Глава 36	411
Глава 37	421
Глава 38	434
Глава 39	445
Глава 40	459
Глава 41	468
Глава 42	481
Глава 43	486
Глава 44	495
Глава 45	510
Глава 46	523
Глава 47	533

Сандра Браун

Жар небес

Глава 1

В первый момент ей показалось, что это просто продолжение сна.

Она спала, положив голову на согнутую руку, которая теперь онемела и слегка покалывала. Пробудившись и открыв глаза, медленно выпрямила руку, приподняла голову. И тут в поле ее зрения попал этот человек. Она замерла, забыв о затекшей руке. Или это просто шутки полупроснувшегося сознания? А может, виной всему послеполуденный зной? Она несколько раз сморгнула, но видение не исчезло.

Очертание его тела на фоне ослепительного заката было столь четким, что напоминало аккуратно вырезанный силуэт из черной бумаги. Горизонт за его спиной, словно тюрбан турецкого султана, переливался всеми оттенками алого и золотого цвета. Силуэт, безусловно, принадлежал мужчине. Это подтверждала его поза. О да, поза в своей возмутительной самоуверенности была истинно мужская. Одна нога свободно согнута в колене, бедро резко выпячено.

Поневоле станет не по себе, если случится задремать в подобном месте и, проснувшись, обнаружить в двадцати ша-

гах молчаливого соглядатая, наблюдающего за тобой с терпением хищника в засаде. И вдвойне тревожно сознавать, что этот наглец вовсе не любопытный прохожий, а человек, вторгшийся в твои частные владения.

Надо окликнуть его. Потребовать ответа, кто он и что делает здесь. Но она почему-то молчала. В душе возникло нелепое чувство, что хозяин здесь именно он, а вовсе не она. Более того, он казался как бы порождением самой этой природы, неотъемлемой ее частью. Это скорее она, Шейла, здесь чужая.

Неизвестно, сколько времени они так смотрели друг на друга. Наконец до нее дошло, что это становится странным. Она не могла различить его лица и тем более направление взгляда. Однако в том, что он смотрит на нее и стоит здесь достаточно долго, она нисколько не сомневалась. Эта неприятная мысль побудила ее к действию. Шейла резко села. Он не отвел глаз.

Его шаги уверенно зашелестели по невысокой траве. В этом безмолвном приближении ей почудилось нечто зловещее.

Все приемы самообороны, которые она знала, мгновенно улетучились из памяти. Не в силах издать ни звука, не в силах двинуться, она только пыталась вдохнуть побольше воздуха, чтобы закричать. Но воздух вокруг сгустился, словно зыбучий песок. Не помня себя от ужаса, она сжалась за толстым стволом и зажмурилась.

– Проснулась, pichouette?¹

Шейла широко раскрыла глаза.

– Что?

– Я спрашиваю, проснулись, мисс Шейла? Заслонившись ладонью, чтобы свет не слепил глаза, она попыталась разглядеть его лицо.

Незнакомец спокойно сложил ладони на поставленной вертикально рукояти мотыги и оперся сверху подбородком. На сей раз в его позе не было ничего угрожающего. Наконец она сумела увидеть его лицо:

– Откуда вы знаете меня?

Презрительные губы сложились в некую гримасу, которую едва ли можно было назвать улыбкой, ибо в ней не было и тени приветливости.

– Почему же мне не знать, если весь Лорентский округ говорит о том, что мисс Шейла Крэндол вернулась домой из Лондона?

– Только временно, да и то потому, что у моего отца инфаркт.

Он пожал плечами, выражая полное безразличие к ее словам, и, полуобернувшись, стал смотреть на быстро садящееся солнце. Оно отразилось в его глазах, как в неподвижной воде залива в полдень, когда вода кажется монолитной и твердой, словно металл. Такими же были его глаза в этот миг.

– Что вы здесь делаете? Он снова взглянул на нее.

¹ Pichouette – крошка (фр.).

– Смотрю, как ты спишь.

– А до этого? – резко уточнила она.

– Коренья собирал. – Он похлопал по небольшой кожаной сумке, привязанной к поясу.

– Вы нарушили границы частных владений. Вы не имеете права пользоваться лесами Бель-Тэр.

В наступившей паузе слышалось только назойливое жужжание насекомых. Он напряженно всматривался в ее глаза. А когда заговорил, голос зазвучал мягко и осторожно, будто ветерок:

– Имею, *richouette*. Бель-Тэр – мой дом. Шейла еще раз взгляделась в его лицо:

– Будро? – прошептала она, почувствовав комок в горле. Узнавание не принесло приятного облегчения. – Кэш Будро?

– Ну вот! Узнала наконец.

– Я узнала бы и раньше. Но такое солнце... К тому же ведь прошло столько лет!

Увидев, что она смущенно опустила глаза и покраснела, он довольно хмыкнул:

– Но если ты не узнала меня, как ты догадалась, что перед тобой Кэш Будро?

– Ты единственный человек, который живет в Бель-Тэр, и не...

–..не Крэндол.

Она слегка кивнула, явно тяготясь его присутствием. Отец с самого детства запретил им с Трисией общаться с Будро.

Кэш и его мать Моника Будро были таинственны ми обитателями небольшого дома на берегу затона,² пересекающего лесистую местность Бель-Тэр. Моника принадлежала к акадцам.³ Она вообще не занималась воспитанием сына. Он рос как дикарь. Его постоянно обижали, пока он не повзрослел и не поступил в училище, где скоро стал грозой всех и вся. В Хевене, да и, пожалуй, в целом штате Луизиана, никогда не бывало такого исчадия ада, как этот неизвестно откуда явившийся Кэш Будро.

– А твоя мать... как она? – спросила Шейла.

– Она умерла.

Этот короткий ответ, произнесенный вполне спокойным голосом, заставил ее вздрогнуть. Лицо говорившего в скудном свете наступающих сумерек было непроницаемо. Но она не сомневалась, что и при ярком свете дня оно оставалось бы столь же непроницаемо, надежно скрывая малейшее движение чувств. Таинственность, присущая жизни его матери, передалась и ему.

– Извини, я не знала.

– Это случилось давно.

Шейла шлепнула себя по плечу – убила москита.

– Советую поторопиться домой. Москиты сожрут тебя живьем, – усмехнулся Кэш.

² Затон – здесь: заболоченный рукав Мексиканского залива.

³ Акадцы – потомки французских переселенцев в Америке, занимавшиеся знхарством.

Он подал ей руку. Какое-то мгновение она колебалась, снова ощутив нечто невыразимо опасное. Коснуться этой руки было так же рискованно, как погладить водяную змею. Однако в прежние времена она не раз прибегала к его помощи, и не было случая, чтобы он подвел.

Пришлось воспользоваться ею и теперь. Его большая ладонь, твердая и шершавая, давала ощущение плотной теплоты. Поднявшись, Шейла немедленно высвободила руку. Чтобы скрыть досадное смущение, принялась отряхиваться.

– Последнее, что я слышала о тебе, – это что ты поехал в Форт-Полк и готовился к отправке во Вьетнам. Он молчал. Она взглянула на него:

– Впрочем, это было давно.

– Не так уж и давно.

– Я рада, что ты вернулся. Из нашего округа многие погибли.

Он пожал плечами.

– Видимо, я был лучше подготовлен. – Его губы опять скривились в подобие улыбки.

Ей не хотелось говорить на эту тему. Но ничего другого на ум не приходило. Внезапно Кэш Будро поднял руку и смахнул с ее шеи москита, примостившегося на нежной коже. Грубые пальцы мягко коснулись ее обнаженной шеи и скользнули чуть ниже. В лице отразилось напряженное ожидание ее реакции. Глаза его выражали откровенное желание. Он прекрасно знал, что делает. Он совершал неслыханное

посягательство: Кэш Будро дотрагивался до Шейлы Крэндол! И он еще смел притворно виноватым голосом пояснять свои действия:

– Они знают, где самые вкусные места! Шейла сделала вид, что ее не волнует провоцирующий взгляд.

– Ты, я вижу, как был наглецом, так и остался.

– Не хотелось бы разочаровать тебя.

– Мне это безразлично.

Скованная его непреодолимым влиянием, она изо всех сил старалась сохранить внешнюю невозмутимость.

– Мне пора. Как раз успею к ужину. Рада была повидать вас, мистер Будро.

Он изобразил легкий поклон.

– Доброй ночи, мисс Шейла.

Она кивнула с высокомерием, свойственным скорее ее сестре Трисии, чем ей самой, и направилась по тропинке к дому. Можно было не сомневаться, что он смотрит ей вслед.

Глава 2

Шейла пробиралась между деревьями, то и дело спотыкаясь о кочки, торопясь укрыться в стенах дома. Ночной воздух испускал тысячи пряных запахов. На берегах ручья благоухала жимолость. Откуда-то лились ароматы гардении, дикой розы, магнолии, лигуструма с твердыми, будто восковыми, листьями. Шейла различала и узнавала эти запахи. Они словно поднимались из глубин ее подсознания, и каждый был связан с отдельным воспоминанием, отдаваясь в душе сладкой болью.

Никакой запах на земле не похож на запах садов Бель-Тэр, на запах родного дома. Если бы ее ослепили и привезли сюда, она безошибочно узнала бы это дорогое ее сердцу место.

Ночной хор лягушек и цикад гремел во всю силу. Закрыв глаза, она прижалась лбом к шершавому стволу флоридской сосны. Неужели она снова дома, в Бель-Тэр, в душистую летнюю пору! На какой-то миг она словно наяву ощутила холодную пелену зимнего лондонского тумана.

Затем, не выдержав, открыла глаза. Пред ее восхищенным взором возвышался дом, легкий и белоснежный. Он располагался в центре широкого пространства, освобожденного от лесных зарослей.

Желтый свет электрических ламп освещал часть веранды, которая опоясывала дом с четырех сторон.

В одном из углов веранды Коттон когда-то устроил для Шейлы и Трисии веревочные качели. Бостонские папоротники, нежные, точно лебяжий пух, росли в двух вазах по обеим сторонам от входной двери. Веда очень любила эти папоротники, вечно суежилась вокруг них и бранила всякого, кто проходил мимо слишком близко.

Веды больше нет в Бель-Тэр. Коттон балансирует на грани жизни и смерти в больнице святого Джона. Только сам дом остается пока незыблемым и неизменным.

«Бель-Тэр», – прошептала она благоговейно, будто слова молитвы, и отойдя от дерева, нагнулась и, уступая неожиданному желанию, сняла сандалии. Горячие босые ступни погрузились в прохладную, совсем недавно политую мягкую траву.

На аллее, посыпанной толчеными ракушками, ей пришлось поморщиться от боли. Но и в этой боли было забытое и теперь ожившее вновь радостное воспоминание детства.

Знакомый хруст и покалывание ракушек. Знакомый скрип входной двери. Бель-Тэр все тот же. Наконец-то она вернулась домой.

Не правда! Это больше не ее дом. Это их дом. Его и Трисии. С тех пор как он женился на ней.

Оба уже сидели в столовой за длинным обеденным столом. Трисия потягивала из бокала бурбон со льдом.

– Сколько можно тебя ждать! – в сердцах бросила ее благовоспитанная сестрица.

– Прошу прощения. Бродила по лесу и совсем позабыла о времени.

– Не бери в голову, Шейла, – улыбнулся Кен Хоуэл. – Не так уж долго мы ждали.

Достав из буфета хрустальный графин с бурбоном, он наполнил свой бокал.

– Тебе налить чего-нибудь?

– Джин и тоник, пожалуйста. Льда побольше. Жара ужасная.

– Духота, я бы сказала. – Трисия раздраженно помахала перед собой жестко накрахмаленной льняной салфеткой.

– Нормально? – спросил Кен, подавая Шейле бокал.

Та сделала глоток и ответила, стараясь не глядеть в его немигающие глаза:

– Прекрасно. Спасибо.

– Кен, прошу тебя, пока ты не сел, скажи миссис Грейвс, что Шейла наконец изволила прийти и мы ждем ужин.

Трисия махнула рукой в сторону двери, которая вела в кухню. Муж кинул на нее раздраженный взгляд, но пошел исполнять указание.

– Честное слово, Шейла, – возмутилась Трисия, заметив сандалии сестры, сброшенные под столом, – не успела ты вернуться домой, как тут же вспомнила свои дурные привычки, которые всегда доводили маму до безумия, покуда она была жива. Ты ведь не собираешься сидеть за столом босая?

Чтобы не дразнить Трисию, которая и так уже прямо-таки кипела из-за промедления с ужином, Шейла нагнулась и надела сандалии.

– Странно, что ты не любишь ходить босиком, – только и произнесла она.

– Странно, что ты это любишь. – Наверное, сам Микеланджело был бы рад позаимствовать улыбку Триси для одного из своих ангелов. Однако внутренняя сущность этой женщины вряд ли могла кого-либо вдохновить. – Очевидно, все дело в том, что у меня врожденный аристократизм. А твоя наследственность очень сомнительна.

– Возможно, – равнодушно отозвалась Шейла, сделав глоток и с удовольствием ощущая на языке тающую льдинку и кислотатый лимонный привкус джина.

– Неужели тебя это совсем не волнует? – удивилась Трися.

– Что именно?

– То, что ты не знаешь своего происхождения? У тебя иногда такие плебейские выходки. Можно не сомневаться, что твои родители были неудачниками.

– Я никогда не думала о своих настоящих родителях, – ответила Шейла. – Впрочем, нет. Когда подросла, иногда думала. Особенно когда меня обижали или бранили.

– Бранили? – с недоверием повторила сестра. – Не припомню, чтобы тебя когда-нибудь бранили. Может, подскажешь ну хоть один-единственный случай?

Шейла пропустила это замечание мимо ушей.

– В такие минуты мне бывало очень жаль себя. Вот я и воображала, как была бы счастлива, будь у меня настоящие родители. Такая чепуха! – она печально улыбнулась.

– Как странно, что ты так решила. Твои настоящие родители наверняка принадлежали к низшему классу, уж какое в этом счастье? – возразила Трисия, рассеянно вращая кусочек льда в бокале своим изящно отполированным ноготком. Затем, слизнув с него прозрачную каплю коктейля, добавила:

– Не сомневаюсь, что моя мать, конечно, была девушкой из высшего общества. Чопорные престарелые родственники заставили ее расстаться со мной из злобы и высокомерия. Мой отец, конечно же, обожал ее, но не мог жениться, потому что его сварливая жена не давала развода.

– По-моему, ты просто наслушалась душещипательных радиосериалов для домохозяек, – сказал Кен, шутливо подмигнув Шейле. Она тоже улыбнулась в ответ.

– Возможно, они были не очень богаты, – продолжала Трисия. – Но плебеями они не были. Чего не скажешь о родителях Шейлы. Уж они-то точно из простых.

Сладко улыбнувшись, она потянулась через стол к сестре и взяла ее за руку.

– Надеюсь, я не обидела тебя, дорогая?

– Нет. Не обидела. Меня очень мало занимает этот вопрос. В отличие от тебя. Я счастлива, что стала дочерью Коттона

и Мэйси.

– Вот уж верно! Ты всегда была рада до поросычьего визга, что Коттон носится с тобой как курица с яйцом.

Появление миссис Грейвс позволило Шейле не отвечать на очередную колкость сестры. Вряд ли можно было найти еще одну столь же угрюмую женщину, как новая экономка. Все в ней было полной противоположностью Веде. Глядя, как она с неприступным лицом обошла стол, разливая по тарелкам суп, Шейла остро ощутила отсутствие старой негрятки. Ласковое лицо цвета черного кофе с цикорием уходило в такие глубины памяти, которые она едва создавала. Необъятная грудь Веды была такой же мягкой, как пуховая подушка, и такой же надежной, как крепость. От нее всегда пахло крахмалом, лимонной цедрой, ванилью и лавандой.

Вернувшись в Бель-Тэр после долгого отсутствия, Шейла прежде всего мечтала попасть в медвежьи объятия старой Веды. Но ее ждало поистине сокрушительное разочарование в лице миссис Грейвс. Кушанье было так же пресно и бездушно, как женщина, которая его приготовила. Глотнув ложку остывшего супа, Шейла нашла его совершенно несъедобным.

– Я помню, как Веда готовила этот суп. Он был таким душистым и густым, что в нем стояла ложка.

– Я так и знала, что ты будешь пилить меня.

– Я не собиралась...

– Она стала слишком стара. Ты не видела ее много лет,

поэтому не имеешь права судить. Она стала неряшлива, готовила из рук вон плохо. Ведь правда, Кен? – вскользь спросила она, но не дала мужу произнести в ответ ни слова. – У меня просто не было выбора. Глупо держать кухарку, которая не способна исполнять свои обязанности. И в этом меня никто не переубедит.

Прижав для полной убедительности ладони к своей красивой груди, она продолжала:

– Я тоже любила ее. И ты это прекрасно знаешь.

– Да, знаю, – отозвалась Шейла. – Я не собираюсь упрекать тебя. Просто скучаю по ней. Без нее наш дом опустел.

Какая все-таки жалость, что она в то время была в отъезде и не смогла помешать сестре выгнать старую няньку! Пусть Трисия рассказывает кому-нибудь другому о том, что Веда стала неряшлива и плохо готовила. И о своей фальшивой любви к ней тоже могла бы помолчать. Слишком свежи в памяти ее многочисленные стычки с Ведой. Однажды она так оскорбила негритянку, что даже Коттон возмутился. Был ужасный скандал. Трисии запретили выходить из своей комнаты целый день и лишили возможности пойти на вечеринку, о которой она мечтала больше месяца. Ни для кого не секрет, что злоба ее сестрицы не имеет предела. Но от Веды она, очевидно, избавилась по какой-то иной, более важной причине.

Никакие добавки соли или перца не смогли придать вкус цыпленку табака, который последовал за остывшим карто-

фельным супом. Однако ей не хотелось наживать врага в лице миссис Грейвс. Поэтому она оправдалась полной потерей аппетита, с тех пор как Кен сообщил ей о сердечном приступе Коттона.

Она тогда тотчас поспешила в Луизиану с быстротой, на какую только была способна. Дома ей сообщили, что отец все еще без сознания и находится в реанимационном отделении больницы святого Джона. Состояние серьезное, но изменений к худшему сейчас нет. Со времени своего приезда она уже несколько раз была в больнице, но застать отца в сознании не удавалось. Один раз он даже открыл глаза и посмотрел на нее. Но в лице ничто не изменилось, глаза закрылись, не выразив радости узнавания. Неужели он умрет, так и не поговорив с ней!

– Шейла!

Вздрогнув, она взглянула на Кена через стол.

– Я, кажется, задумалась, извините... Нет, миссис Грейвс, я больше не хочу, – сказала она, заметив вопросительно-осуждающий взгляд кухарки.

– Ты собираешься сейчас в больницу, Шейла? – спросил Кен.

– Да. Вы что, тоже хотите ехать?

– Только не сегодня, – сказала Трисия. – Я устала.

– Еще бы! Игра в бридж весь день напролет – очень тяжелая работа.

Его колкость осталась незамеченной, и Трисия сообщила

как ни в чем не бывало:

– Учитель из папиной воскресной школы дал нам письмо, в котором вместе со всем классом желает ему скорее поправ-
ляться.

– Да, все в городе переживают за Коттона, – сказал Кен, обильно сдабривая желе сладким кремом и, по-видимому, нимало не заботясь о своей фигуре, которая сильно округлилась за время счастливого супружества. – Пока иду в контору, по крайней мере дюжина встречных спросит, как он себя чувствует.

– Естественно, все беспокоятся, – подхватила Трисия. – Он, можно сказать, первый человек в Хевене.

– Меня тоже кое-кто спрашивал сегодня о его здоровье, – сказала Шейла.

– Кто же это? – сразу заинтересовались супруги и даже перестали жевать.

– Кэш Будро.

– Кэш Будро? Ну-ну. – Трисия томно облизала чайную ложечку сначала с одной, затем с другой стороны. – Надеюсь, «молния» на его джинсах была застегнута?

– Трисия!

– Успокойся, Кен. Или ты думаешь, что такие деликатные леди, как я, не должны знать о подобных вещах? – Она бросила кокетливый взгляд в сторону мужа. – По-моему, в городе нет ни одного человека, кто не знал бы о похождениях Будро. Когда он бросил эту дуру из Уоллеса, она целое

субботнее утро выкладывала в парикмахерской всю подноготную их гнусной маленькой интрижки. – Трисия интимно понизила голос. – До малейших подробностей. Целую толпу собрала. Всем было ужасно стыдно, тем более что бедняжка была изрядно пьяна. Но мы ловили каждое слово. Если он хотя бы наполовину так хорош, как она описывает, тогда это просто... – Она потупила взор, будто была не в силах выразить свое потрясение.

– Я вижу, этот Будро – нечто вроде племенного быка у вас в городе? – сухо спросила Шейла.

– Боевого, я бы сказал. Любая юбка действует на него как красная тряпка.

– Ну уж это ты зря, дорогуша, – осадил его Трисия. – Он, как я слышала, очень и очень разборчив. А почему бы и нет? Он вполне может себе это позволить. Женщины со всего округа буквально вешаются ему на шею.

– Прямо-таки луизианский донжуан, – съязвил Кен, наливая себе еще стакан лимонного морса.

– Тебя, я вижу, это здорово волнует. Не будь таким ревнивым.

– Ревнивым?! К этому ублюдку, незаконному сыну приблудной нищенки? Человеку, у которого в рваных джинсах не найдется и двадцати центов?

– Уж если говорить о том, что найдется в его джинсах, то дамы и не собираются искать там деньги. Но похоже, что именно содержимое этих самых джинсов позволяет ценить

его на вес золота, – с умильной кошачьей улыбкой насмешливо протянула Трисия. – Но тебе нечего тревожиться. Ничто низменное меня не привлекает. Я просто говорю, что Кэш Будро очень обаятельный мужчина. Так где же ты встретила его, Шейла?

– Здесь.

– Как здесь?! – Ложка Кена застыла в воздухе. – Возле усадьбы?!

– Он сказал, что собирает коренья.

– Для своего зелья, – понимающе кивнула Трисия.

– Зелья? – недоуменно переспросила Шейла.

– Он занимается тем же, чем и Моника, его мамаша. Шейла все с тем же недоумением смотрела на сестру.

– Неужели ты не знаешь, что Моника была ведьмой? – удивилась Трисия.

– Слышала, конечно. Но это же просто смешно!

– Ты напрасно смеешься. С чего бы еще папа стал держать здесь этих нищих столько лет? Разумеется, он боялся, что она наведет порчу на всех нас, если он ее выгонит.

– Опять тебя тянет на мелодраму, – сказал Кен. – Но что правда, то правда, Моника действительно занималась знахарством, по обычаю своих предков. Она многих вылечила. И до самой смерти раздавала всякие настойки и припарки.

– У меня есть доказательства, что Моника была ведьмой!

– Боже мой! Неужели ты это всерьез! Если Моника и обладала какой-то там силой, она пользовалась ею не во зло, а

для лечения людей, – сказал Кен. – Все ее снадобья и заклинания передавались через поколения акадцев с восемнадцатого века. И они полностью безвредны. Так же, как она сама.

– Вряд ли. Все эти средства связаны с африканским колдовством, которое акадцы переняли у негров, когда прибыли в Луизиану. Это чистейшая черная магия.

Кен нахмурился.

– А я тебе еще раз повторяю, что Моника Будро не ведьма. Потому что она никогда никому не делала зла. Кстати, она была удивительно красивой женщиной. Возможно, именно поэтому все наши дамы, включая тебя, предпочитают чернить ее.

– Интересно, кто ее лучше знал, я или ты? Не забывай, что ты появился здесь незадолго до ее смерти.

– Мне много рассказывали о ней.

– Ерунду тебе рассказывали. Да и к тому времени она была уже старой, и вся ее красота давно испарилась.

– Это мнение женщин. А я сам видел, как она была прекрасна.

– А ее сын, – спросила Шейла, чтобы увести разговор от предмета, грозящего вызвать семейную сцену, – чем он зарабатывает на жизнь?

Вопрос почему-то показался им странным. Оба пристально поглядели на нее. Затем Кен сказал:

– Он работает у нас, для фирмы «Крэндол Логинг». Теперь дело несколько прояснилось для Шейлы. Значит, Кэш

Будро находится на содержании Крэндалов. Однако его поведение при сегодняшней встрече не отличалось почтительностью. Ничего похожего на разговор наемного работника с хозяйкой.

– И что он делает?

– Он лесоруб. Не правда ли, коротко и ясно? – усмехнулся Кен, вытирая губы и бросая салфетку на стол.

– Не совсем так, Шейла, – внесла поправку сестра. – Он пилит, грузит, управляет машинами. Выбирает нужные деревья. Он делает абсолютно все.

– Он все еще живет в том доме на берегу затона?

– Конечно. Нам он не докучает. Мы тоже его не трогаем. Коттону приходится общаться с ним на лесозаготовках, но и только. Мне и в голову не могло прийти, что он позволяет себе появляться возле усадьбы. Они оба, Коттон и Кэш, дали слово Монике Будро перед смертью, что будут работать вместе. Коттон хотел было убрать его отсюда. Но Кэш как-то уговорил его. Коттон остался верен своему слову.

– Он верен своей выгоде, – сказала Трисия. – Кэш ему необходим.

– Может, и так. Но Коттон его не выносит. И при этом доверяет ему, кстати, по-моему, напрасно. На месте Коттона я постарался бы как можно скорее избавиться от такого помощника... Он не обидел тебя чем-нибудь? – с внезапной тревогой спросил Кен, наклонившись к Шейле через стол.

– Нет-нет. Мы просто перекинулись двумя-тремя слова-

ми.

– Ну ладно. Но, если он вздумает грубить, скажи мне.

– И что ты тогда сделаешь?! Дашь по физиономии? – Трисия так расхохоталась, что замерцали, покачиваясь, хрустальные подвески на люстре. – Говорят, Кэш не терял даром времени в джунглях Вьетнама. Из любви к дракам и убийствам он даже завербовался в десантники на второй срок. Вернулся еще более отвратительным, чем ушел. Хотя уже в детстве он был чудовищем, как смертный грех. Боюсь, дорогуша, ты не представляешь для него реальной угрозы.

Шейла снова ощутила подспудную вражду между супругами.

– Думаю, мне не придется больше общаться с мистером Будро. – Она встала, отодвинув стул. – Хочу немного освежиться, перед тем как отправлюсь в больницу.

Шейла ополоснула лицо, подкрасилась перед большим зеркалом в тяжелой раме и стала расчесывать волосы, свободно падающие на плечи. Приподняв щеткой темно-золотистые завитки, закрывающие шею, заметила сбоку красное пятнышко – укус москита.

«Они знают, где самые вкусные места», – сразу зазвучал в памяти непрошенный голос.

В раздражении она отвернулась от зеркала и бросила на столик щетку. Захватив в комнате сумочку и ключи от арендованной машины, торопливо сбежала по лестнице'. Трисия сидела в парадной гостиной и что-то щебетала в телефонную

трубку медовым голоском.

Сестры махнули друг другу рукой на прощание. Пройдя через просторный холл, Шейла вышла на веранду. Она была уже на второй ступеньке крыльца, когда Кен окликнул ее. Поднялся с кресла-качалки, подошел и, взяв под руку, проводил до машины.

– Я отвезу тебя, ладно?

– Спасибо, не беспокойся. Вы с Трисией уже были в больнице утром. Теперь моя очередь.

– Меня это нисколько не затруднит.

– Я знаю. Но в этом нет никакой необходимости. Он взял ее за подбородок и заглянул в глаза.

– Я предложил это не потому, что тебе нужен провожатый. А потому, что мы ни одной секунды не были вдвоем, с тех пор как ты здесь.

Такое направление разговора не понравилось Шейле. Особенно некстати были нежные интонации в его голосе. Осторожно, но твердо она высвободила руку из его пальцев.

– Ты прав, Кен. Не были. И это к лучшему, не так ли?

– К лучшему для кого?

– Для нас обоих.

– Только не для меня.

– Кен, прошу тебя!

Шейла попыталась обойти его, но он не позволил. Снова повернув к себе ее лицо за подбородок, приблизился почти вплотную.

– Шейла, Шейла, как же я скучал по тебе! Господи, ты просто вообразить себе не можешь, что для меня значит снова видеть тебя.

– И что же это значит? – резко спросила она, впервые взглянув прямо на него осуждающими глазами. Он досадливо нахмурился и убрал руку.

– Я хорошо понимаю, как ты расстроилась, когда мы узнали, что Трисия забеременела, – неловко забормотал он.

Шейла горько усмехнулась.

– Вряд ли ты это понимаешь. Если только тебя когда-нибудь не предавал единственный друг. Если только ты когда-нибудь не чувствовал, что весь мир рухнул. Если с тобой такого не случилось, ты не можешь понять меня. – Она облизнула пересохшие губы и встряхнула головой, чтобы отогнать так некстати ожившие воспоминания. – Мне пора.

Она вновь попыталась обойти его, но он снова остановил ее.

– Постой, Шейла. Мы должны все выяснить.

– Все абсолютно ясно.

– Ты умчалась в Лондон, не дав мне даже возможности оправдаться.

– Какие могут быть оправдания? Мы собирались объявить о нашей помолвке, а вместо этого Трисия во всеуслышание заявила, что беременна от тебя. От тебя, Кен! – выразительно повторила она.

Он закусил губу, пытаясь таким образом выразить раска-

яние.

– Ты перед этим поссорила со мной, помнишь?

– Подумаешь, ссора! Глупейшая перепалка двух влюбленных. Не помню даже из-за чего. Но тебя это, как оказалось, не очень обескуражило. Не теряя времени даром, ты отправился в постель к моей сестре.

– Я же не знал, что она забеременеет. На мгновение Шейла застыла с разинутым ртом. Что это? Прежде она как будто не замечала за ним тупости. Шесть лет – немалый срок. Она изменилась.

Видимо, он тоже. Все-таки не верится, что он не осознал своей вины.

– Важно не то, что она забеременела. А то, что именно ты предоставил ей такую возможность.

Он взял ее за плечи.

– Шейла, ты обвиняешь не преступника, а жертву. Она попросту соблазнила меня. Черт возьми, мужчина я или нет, в конце концов! Я был подавлен нашей размолвкой. И ужасно скучал по тебе. Сначала я думал, она просто хочет утешить меня. Ты же знаешь, она умеет быть очень ласковой. А потом...

– Я не желаю этого слушать!

– А я хочу, чтобы ты выслушала. – Он слегка встряхнул ее за плечи. – Она сразу начала кокетничать, льстить. Дальше – больше. Полезла целоваться. Я и не стерпел. Но это было только один раз.

Она взглянула на него с откровенным недоверием.

– Ну два, ну три раза! – Он сжал пальцами ее плечи. – Это же ничего не значит. Переспали – и все. А любил я только тебя. И до сих пор люблю.

Она гневно сбросила его руки.

– Ты еще смеешь мне это рассказывать! Даже не понимаешь, что унижаешь нас обоих. Ты – муж моей сестры.

– Я несчастлив с ней.

– Сожалею. Зато я счастлива.

– С этим типом, Марком, на которого ты работаешь?

– Совершенно верно, с этим типом Марком. Да! Марк Хоктон сделал меня счастливой! Я люблю его, и он любит меня.

– Но не так, как мы с тобой любили друг друга. Она усмехнулась.

– Ты прав, ничего общего. У нас с Марком такая любовь, какую ты никогда не поймешь. Но что бы у нас с ним ни происходило, это никак не может тебя интересовать. Ты женился на Трисии – в добрый час! Счастливо или нет вы живете, меня не касается.

– Я не верю тебе.

Внезапно наклонившись, он поцеловал ее. Она отпрянула от неожиданности, но он не прервал поцелуя, все глубже проникая языком в ее рот.

Какое-то мгновение она не сопротивлялась, ожидая реакции своего тела. Реакция была ошеломляющей: поцелуй

мужчины, о котором она не могла не тосковать все эти годы, не вызвал ничего, кроме протеста. Она с силой оттолкнула его и выбежала из дома.

Глава 3

Стоя под низкой кроной пальметной яблони, Кэш видел, как Шейла дала газ и умчалась, предоставив Кену растерянно смотреть ей вслед. Он подождал, пока Хоуэл понуро поднялся на крыльцо и вошел в дом, и только после этого углубился в лес, направляясь к затону.

– Вот, значит, откуда ветер дует, – произнес он.

В Хевене каждый знает о другом все. Скандал, шесть лет назад столкнувший лбами сестер Крэндол, доставил развлечение множеству злых языков. Город гудел от сплетен еще полгода после бегства Шейлы, на все лады обсуждая сроки ее возвращения. Одни давали на все про все не более недели. Другие отодвигали дело на месяц или два. Но никому и в голову не приходило, что можно не возвращаться несколько лет и приехать вновь только из-за болезни отца.

И вот Шейла Крэндол снова в Бель-Тэр и, как он только что видел, снова в объятиях прежнего любовника. Если этот поцелуй неслучаен, значит, ей безразлично, что Хоуэл женат на ее сестре. Возможно, она вообще считает, что имеет на это право, ведь он был отнят у нее весьма недостойным способом.

Погруженный в эти раздумья, Кэш шел через лес бесшумной походкой, которая выработалась у него в детстве и достигла совершенства в армии. Корпус морской пехоты пре-

вратил естественную способность в искусство. Он едва замечал, куда идет, безошибочно выбирая путь среди зарослей.

Шейла моложе его лет на восемь. Сколько в точности лет ему самому, он не знал. Мать никогда не запоминала даты и забыла, когда родила его.

Он помнит все детство Шейлы. И все последующие годы. Когда она была малышкой с пушистыми хвостиками и когда стала девушкой. Помнит, как гордый папа Коттон катал ее в новеньком «Кадиллаке» с откидным верхом. Волосы у нее всегда были аккуратно завязаны лентой в тон отделанному кружевом платицу. Всегда ужасно важная, она общалась с друзьями Коттона почти как взрослая.

А иногда она бывала совсем другой. Кэш знал, что в коробке у нее есть маленькая кукла. И часто, лежа под сенью лесных зарослей, он видел Шейлу, босую, верхом на неоседланной лошади, с распущенными, летящими сзади волосами, с раздумившимся и вспотевшим лицом. Интересно, теперь она еще ездит верхом? А если да, то любит ли еще скакать тем сумасшедшим галопом, которому лишь он один был свидетель? Вспомнив об этом, он ощутил мощный прилив внизу живота и давление на застегнутую «молнию» джинсов с внутренней стороны. Вытер рукавом пот со лба и в сердцах проклял адскую жару. Обычно он ее не замечал. Да, но теперь Шейла Крэндол вернулась в Бель-Тэр. Все обычное кончилось.

Короткий отрезок пути от машины до вестибюля двухэтажной больницы заставил Шейлу претерпеть все мучения вечерней духоты и сырости. Но, вступив через автоматические двери в прохладный от кондиционера холл, она почувствовала себя лучше. В ожидании лифта украдкой бросила взгляд на зеркальную стену. Из зеркала на нее смотрела женщина, катастрофически приближающаяся к тридцати годам.

Но вовсе не штрихи зрелости в лице нагнали на нее внезапную грусть. А то, что жизнь ее так и не состоялась. Ни профессии, ни мужа, ни ребенка. И даже нет адреса, который она могла бы считать своим. Все ее усилия умножаются на ноль, и этот ноль ее прошлое. Она не может двигаться вперед, не избавившись от этого груза. Вот она вернулась домой и надеялась, что обида уляжется перед лицом действительности. Теперь можно будет спокойно разобраться в своих чувствах к Кену Хоуэлу.

Его поцелуй многое прояснил. Она больше не любит его. Во всяком случае не так сильно. Теперь это совершенно понятно. Неясно только почему. Почему больше не замирает сердце под его взглядом? Почему она не сошла с ума от счастья, когда он коснулся ее рта своими губами?

Шесть лет Кен Хоуэл неизменно владел ее мыслями. Такой, каким она впервые увидела его, – лихой студенческий лидер Тулонского университета, баскетбольная звезда в зените. Мальчик из хорошей семьи, сливки нью-орлеанского общества, старший управляющий в министерстве. Его ожи-

дало блестящее будущее. И он выбрал Шейлу Крэндол, королеву Лорентского округа.

Они провели вместе два года. Свадьба по окончании учебы была делом решенным. Однажды они сильно поссорились и не встречались несколько месяцев. Из-за ерунды, не стоившей упоминания. Шейла не беспокоилась. Она была уверена, что это не разрыв. Просто временная разлука, которая только укрепит их отношения, даст возможность пообщаться с новыми людьми и понять, что никто другой им не нужен.

Через какое-то время Кен не выдержал и позвонил. Он просто сходил с ума без нее. Встреча была нежной и страстной. Он торопил со свадьбой. Ей тоже не хотелось больше ждать. Они назначили день и пригласили родственников для празднования в Бель-Тэр.

Трисия украли этот праздник.

В тот день она была в голубом платье, таком же, как ее глаза. Шейла даже сказала, что она прекрасно выглядит. Весь мир в тот день был абсолютно прекрасен. Пока не произошло это.

Среди всеобщего веселья Трисия пробралась к Кену и взяла его за руку.

– Прошу внимания!

Когда смех и разговоры смолкли, она улыбнулась Кену и заявила:

– Дорогой, я думала, что скажу тебе первому и наедине,

но чувствую, что самое время сделать это теперь, когда все наши родные в сборе.

Она набрала побольше воздуха и с сияющим лицом именинницы провозгласила:

– У нас с тобой будет ребенок.

На какой-то миг Кен застыл как каменный. Потом он стоял, совершенно потеряв привычный облик, будто что-то в нем было навсегда уничтожено, растоптано, убито, и не мог произнести ни слова, даже когда Шейла обратила к нему неверящие, молящие глаза.

При таких обстоятельствах никакого иного решения, кроме как узаконить уже совершившийся брак, быть не могло. Через несколько дней состоялась скромная гражданская церемония, подтвердившая перед законом супружество Трисии и Кена. А восемь недель спустя произошел выкидыш.

Это известие застало Шейлу уже в Европе. Она восприняла его с полным равнодушием. Ее сердце было так же пусто, как утроба Трисии. Предательство обратило ее в труп.

И, наверное, она все еще мертва.

Выйдя на втором этаже больницы из лифта, Шейла подумала, что Коттону не так страшно умереть – его жизнь не прошла впустую. К сожалению, о его любимой дочери этого сказать нельзя. Но одно она поняла совершенно точно – если до своего возвращения в Лондон она не простит Трисию и Кена, не примет все как есть, то навсегда останется трупом.

– Добрый вечер, – обратилась она к медсестре, которую

встретила в холле. – Как мой отец?

– Здравствуйте, мисс Крэндол. Пока никаких перемен. Доктор спрашивал о вас. Он хочет поговорить.

– Я буду у отца.

– Хорошо, я передам.

Медсестра ушла за врачом. Шейла прошла по коридору до последней реанимационной палаты. Через стеклянную дверь увидела Коттона. Тело прямо и безжизненно лежало на постели, и разные трубки тянулись от него к мигающим и булькающим приборам, которые поддерживали затухающую жизнь.

Сердце Шейлы тяжело заныло. Разве можно без слез видеть обожаемого человека в таком состоянии? Он сам пришел бы в отчаяние, если бы мог осознать свое положение. Как он всегда ненавидел болезни! И всегда был здоров и независим. А теперь он не в силах сделать буквально ничего без помощи хитроумных машин. Было что-то противоестественное в том, что этот великан лежит здесь поверженный, безжизненный, бесполезный.

Прижав ладонь к прохладному стеклу, Шейла прошептала, словно в забыты:

– Что с тобой произошло, папочка? Скажи, родной!

С того страшного дня, когда у судьбы кончились подарки для Шейлы Крэндол и в один миг на нее обрушилось столько горя, сколько не пережить и за целую жизнь, с того самого дня отец перестал любить ее.

После того как разъехались смущенные гости, после того как Кен и Трисия остались вдвоем, чтобы обсудить предсвадебные проблемы, Шейла кинулась к Коттону, чтобы укрыться от всего мира в его любви и сочувствии.

Но отец вдруг стал чужим. Он даже ни разу не взглянул на нее. И холодно отстранился, когда она упала на его широкую грудь. И не сказал ни одного ласкового слова. Это ей, любимой дочери, которую берег всегда как зеницу ока. И когда Шейла сказала, что ей надо уехать хотя бы на некоторое время и чем дальше, тем лучше, он одобрил ее. Он не был зол. Не бушевал и не впадал в патетику. Это было знакомо и не так страшно. С этим она умела справляться. Но теперь она была ему безразлична. И это пронзило ей сердце. Таким он бывал только с теми, кто был ему противен. Что с ним? Ведь именно сейчас ей так необходима его поддержка, его нежность, его любовь.

Она убежала из дома куда глаза глядят. И добралась до Лондона. Трещина в отношениях с Коттоном расширялась. Короткое письмо раз в полгода, несколько равнодушно-вежливых слов по телефону – вот и вся любовь. Ясно, что иного он от нее не ждет. Каким-то непостижимым образом он вычеркнул ее из своей жизни. Она боялась, что он так и умрет, не посвятив ее в эту тайну. В отчаянии она день и ночь ломала голову над тем, что превратило ее в глазах отца из любимицы в парию.

– Это еще что такое? – услышала она успокаивающий го-

лос доктора. – Я совсем не хочу, чтобы у меня появилась еще одна пациентка.

Шейла нагнула голову, поспешно стирая со щек слезы.

– Здравствуйте, доктор Коллинз, – виновато улыбнулась она. – Со мной все в порядке. Устала просто.

Он взглянул озабоченно, но, к счастью, больше ничего не добавил.

– Есть новости? – спросила она.

– Если судить по данным анализов, я должен сообщить вам, что его необходимо оперировать. – Он закрыл медицинскую карту, щелкнув металлическими пластинками обложки. – Но сейчас это опасно. Он слишком слаб. Пока что нам придется ждать и надеяться, что приступ не повторится.

– Вы мне разрешите войти к нему?

– Не более чем на две минуты. А вам я очень рекомендую успокоиться, хорошо питаться и побольше отдыхать. У вас не вполне здоровый вид. Доброй ночи.

Он пошел по коридору широким размашистым шагом самоуверенного человека, что лишней раз доказывало, какой он еще, в сущности, мальчишка.

Шейла с удовольствием приветствовала медсестру, снимающую показания приборов, и толкнула стеклянную дверь. Несмотря на яркое освещение, комната казалась склепом.

Она приблизилась к кровати на цыпочках. Глаза Коттона были закрыты. Из рта торчала трубка. Две других, потоньше, тянулись из ноздрей. Взгляд упал на знакомый, как все-

гда торчащий вверх, клок совсем белых волос. Слезы сразу обожгли глаза. Пальцы ее легко коснулись седых прядей.

– Я люблю тебя, папочка!

Он не подавал признаков жизни.

– Прости, если я в чем-то виновата.

Ровно через две минуты она поцеловала бледный лоб и тихо вышла.

Только когда дверь за ней закрылась, Коттон Крэндол открыл глаза.

Глава 4

Трисия и Кен бились в конвульсиях взаимной ненависти. С крыльца веранды Шейла увидела их через окна гостиной. Голоса, приглушенные оконными стеклами, не позволяли разобрать слов. Но Шейла и не пыталась. Жестикуляция была вполне красноречива.

Ступив в полосу света, идущего из окна, она вновь спустилась с крыльца. Не хотелось, чтобы они видели ее. И тем более вовлекли в свой скандал. Вполне возможно, что ссорились из-за нее. Впрочем, нет, Трисия не могла засечь их тогда в аллее. Если бы она подглядывала, то ни за что не стала бы дожидаться, пока Шейла уедет, а немедленно вылетела бы из укрытия, чтобы застать их на месте преступления.

Оставив сумку и ключи на капоте машины, она пошла через газон к лесу. Конечно, было бы лучше сразу лечь в постель и постараться уснуть. Посещение отца ужасно вымотало ее. Но с тех пор как он заболел, она выматывалась каждый день и каждую ночь с трудом засыпала. Все думала о нем. Она думала и о Трисии с Кеном, о том, как они лежат в одной постели в спальне как раз под ее комнатой. Она ненавидела себя за то, что ей не все равно. Но что тут можно поделать!

А если это ее волнует, то почему поцелуй Кена оставил ее совершенно равнодушной? Ведь она же страдала эти шесть лет! Первый поцелуй после столь долгой и безнадежной раз-

луки должен что-то значить! Пускай даже Кен женат на ее сестре. Но в душе только смутная печаль, горечь безвозвратной потери и непонятно что еще.

Она миновала узкий мостик и вступила в лес. Душный воздух только местами стал прохладнее. Бесплотные полосы тумана лежали у самой земли, клубясь под ногами и окутывая икры и лодыжки. Эти призрачные прикосновения могли бы вызвать суеверный страх, но Шейла помнила их с детства.

Она шла по узкой тропинке, которая вела сначала вдоль дороги, а затем свернула влево, пробираясь сквозь кусты и петляя между деревьев. Но вот дорога пошла под уклон и вывела Шейлу на высокий берег Лорентского залива.

Стоп! А это что за звук?

Она не успела понять, что означает раздавшееся в этот миг рычание, как на тропинку выскочила огромная собака со страшным оскалом. Животное было таким жутким, что невольно напоминало об адских призраках, блуждающих по топким зыбям болот. Пес стоял, широко расставив лапы, взгляд круглых огненных глаз впился в нее с леденящей злобой. Шейла даже вообразить не могла, что на свете существуют такие отвратительные твари, словно воплощенное зло. Одного их рычания достаточно, чтобы привести человека в ужас.

Она замерла, боясь разозлить зверя нечаянным движением или шорохом одежды.

– Тихо, мальчик, тихо, – эти слова прозвучали бессмыс-

ленной мольбой. Вряд ли у него был любящий хозяин. Перед ней стоял четвероногий убийца. Рычание перешло в низкий вибрирующий звук, и у Шейлы пропала всякая надежда, что зверь отпустит ее без боя.

Кричать? Звать на помощь? Она слишком далеко от дома. Шейла сделала осторожный шаг назад. Пес не реагировал. Тогда она отважилась на второй, третий шаг. Видимо, теперь можно повернуться к монстру спиной и идти побыстрее. Только не бежать, это вызовет у собаки рефлекс преследования. Не теряя времени и стараясь не думать о смертельной опасности, она повернулась. В тот же миг снова раздался предупреждающий лай. Звук был так внезапен и громок, что она споткнулась и упала. Пес вскочил ей на спину. Перевернувшись и закрывая лицо рукой, другой рукой она пыталась столкнуть огромное животное. Эта рукопашная схватка в темноте напоминала ночной кошмар. Вспышка боли – и рука безжизненно повисла.

Стало ясно, что пес добирается до горла.

Руководствуясь одним только инстинктом самосохранения, она протянула в сторону здоровую руку и, схватив первое, что попало, – толстый сосновый сук, – изо всех сил ткнула псу в морду. Удар был силен, но пес его словно не заметил. Даже, пожалуй, расвирепел еще больше. Не помня себя, она лупила палкой куда попало, но почти без всякого толку. Однако ей удалось подняться на ноги и броситься бежать, не разбирая дороги, сквозь кусты и ветви. Пес не от-

ставал ни на шаг, хватая зубами за икры, за лодыжки, каждое мгновение угрожая свалить ее, поймав в капкан своих мощных челюстей.

Вдруг из ниоткуда вдали возникли два огонька, мелькающие между стволами, как светлячки в высокой траве. От неожиданности она зажмурилась и остановилась. В стоячем влажном воздухе пронесся пронзительный свист. Пес насторожился. Он прекратил рычать и лаять и замер у ее ног. Второй свист оживил обоих. Оба понеслись в направлении луча света.

Наконец Шейла поняла, что ее безумный бег в никуда привел к дороге и эти огни – не что иное, как фары пикапа, стоящего у обочины.

Шум, доносившийся из машины, казался сверхъестественным. Двигатель тарахтел и стучал, а из грузового отсека неся остервенелый лай и вой. Псы были в неистовстве, и беспрестанный скрежет когтей и зубов по металлическим прутьям клеток сопровождал их дикий хор. Неизвестно, сколько их там было, но казалось, что все они сцепились в один адский клубок.

Отчаянно развернувшись, Шейла понеслась назад, гонимая невыразимым ужасом, не сомневаясь, что через мгновение вся кровожадная свора будет спущена ей вслед.

Наконец она рискнула обернуться. Грузовик подался назад с неприятным скрежетом, развернулся к дороге и, громыкая железом, уехал. Лес погрузился во тьму.

Но ей снова послышался лай. И, потеряв последний разум, она кинулась направо, сквозь кусты и заросли, ставшие теперь незнакомыми и враждебными. Мох, падавший на голову с сучьев, навел панический ужас. Корни и лежащие на земле стволы стали ловушками, готовыми повалить и увлечь в черные пропасти ночного кошмара.

Коротко вскрикнув, она вдруг уткнулась в сильное живое тело. Обезумев, стала лупить по нему кулаками и царапаться. Ноги внезапно оторвались от земли, большие руки охватили плечи и колени. Она пыталась брыкаться, но тихий удивленный голос остановил ее:

– Постой-постой. Какие дьяволы в тебя вселились?

Обыкновенный человеческий голос. Не призрак, не чудовище. На руках ее держал человек. Она подняла голову, чтобы увидеть его лицо, и встретила изумленный взгляд Кэша Будро. Несколько секунд не отрываясь смотрела в его глаза, а он слегка качал ее на руках, как будто успокаивал ребенка. Она слишком нуждалась в утешении, чтобы помнить о приличиях. К тому же пес мог каждую минуту выскочить из кустов, и тогда можно будет сжаться в комок на этой широкой и надежной груди.

Постепенно страх проходил, пальцы разжались. Она глубоко, со всхлипом, вздохнула и сказала:

– Вы можете опустить меня на землю, мистер Будро. Я уже успокоилась.

Он не сделал этого. Он даже не замедлил шагов, неся ее

в направлении затона.

– Вы слышите?

– Qui.

– Тогда, пожалуйста, отпустите меня. Я очень благодарна вам за услугу, но...

– Я не оказывал тебе никаких услуг. Просто нести тебя удобнее, чем тащить за собой через кусты.

– Но я могу идти сама.

– Да ты просто не в состоянии держаться на ногах. Ты же вся дрожишь.

Это была правда. Она дрожала, словно сухой лист на ветру.

– Вы не туда идете. Дом в другой стороне, – вдруг заметила она.

– Я знаю, где дом, – с усмешкой ответил он. – Но я думал, что тебя именно там, дома, так напугали.

– На меня напала... собака. – Голос ее дрогнул, слезы потекли сами собой. Будро остановился.

– Собака? На тебя напала собака? Она молча кивнула.

– Я слышал лай. Она не укусила тебя?

– Наверное, да. Я уверена, что укусила.

– Господи!

Он пошел еще быстрее. Лягушачье кваканье становилось все отчетливее. Появились ивы, и их склоненные к темной стоячей воде силуэты были похожи на кающихся грешников.

Невдалеке, до половины вытянутая на берег, стояла уз-

кая лодка. Перекинув через борт одну ногу, Кэш наклонился и посадил Шейлу на жесткое сиденье. Достал из нагрудного кармана спички, зажег керосиновую лампу. Желтый свет вспыхнул в его глазах, придав ему сходство с диким камышовым котом, живущим на болотах.

Взяв со дна лодки бутылку бурбона, он отвинтил крышку и протянул ей:

– На, выпей.

Мигая от света, она недоверчиво смотрела на бутылку.

– Не буду.

Он нагнулся к ней. По его лицу перебежали огненные тени, придавая ему сатанинское выражение.

– Когда ты выскочила на меня из чащи, я в первый момент решил, что это привидение. К сожалению, у меня здесь нет хрустальных стаканов и серебряных ведерок для льда, как в Бель-Тэр. И уж точно, на тот воздушный коктейль, к которому ты привыкла, это мало похоже. Но зато это хорошо взбодрит и прогреет тебе нутро, чтобы ты перестала трястись. Так что пей, черт возьми!

Хотя ей не понравился его издевательский тон и то, что он явно ощущал себя хозяином положения, она взяла бутылку и поднесла ко рту. Большой глоток из бутылки Кэша Будро, который она отважилась сделать, огнем опалил ее горло.

Она хрипло раскашлялась, отирая рот тыльной стороной ладони, и протянула бутылку Кэшу. Он взял, с любопытством поглядывая на девушку, выпил сам.

– Еще будешь?

– Нет. Спасибо.

Он сделал еще несколько глотков, завинтил пробку и положил посудину на дно лодки. Перешагнув через борт, опустился возле Шейлы и спросил:

– Где еще тебя укусил пес, кроме руки? Шейла охнула, когда он поднял ее руку и поднес к свету. Прикосновение не вызвало боли, только слегка пощипывало кожу. Но ее поразил вид этой руки, сплошь залитой кровью и иссеченной порезами.

– Боже мой!

Его пальцы были теплые, уверенные и осторожные. Они тщательно ощупали каждую царапину.

– Как он выглядел?

– Пес? – Шейла покрылась мурашками. – Жутко. Чудище с того света. Похож на боксера. Порода бульдогов.

– Видимо, из своры Джигера. – Кэш серьезно взглянул ей в глаза. – Ты дешево отделалась. Могло быть гораздо хуже. Ты дразнила его, что ли?

– Дразнила?! Просто гуляла по своему собственному лесу. А эта тварь выскочила на меня, как черт из болота.

– Неужто ты ничем не разозлила его?

Сомнение, прозвучавшее в голосе, возмутило ее.

Отдернув израненную руку, она решительно встала.

– Мне необходимо скорее в больницу. Благодарю за...

Кэш тоже встал, возвышаясь перед ней в темноте.

Его широкая ладонь поднялась и легко толкнула ее выше груди:

– Сядь.

Глава 5

Она опустилась на прежнее место. Подняла на него ошеломленные глаза.

– Я сам буду лечить тебя, – сказал он. Еще ни один человек не смел приказывать ей, а тем более распускать руки.

– Благодарю вас, мистер Будро, за заботу. Но мне нужна профессиональная медицинская помощь. Он снова опустился на одно колено.

– Многие считают меня профессионалом. Кроме того, я отказываюсь везти тебя в больницу. А без меня ты никогда не доберешься.

– Мне нужны уколы против бешенства. Он протянул руку и достал из-за ее спины кожаную сумку.

– Это ни к чему. Собака Джигера даже слишком здорова.

Со смешанным чувством доверия и любопытства она наблюдала, как он вынул из сумки несколько матово-коричневых бутылок без этикеток.

– Ты уверен, что это пес Джигера Флина?

– Qui.

– Неужели он все еще живет здесь? Кэш фыркнул:

– Если он уедет, местные шлюхи останутся без работы.

Имя Джигера Флина было связано с детскими страхами. Флин был известный сводник и скупщик контрабанды.

– Мать в детстве говорила нам с сестрой, что Джигер Флин

крадет маленьких девочек, которые плохо себя ведут.

– Она не слишком преувеличивала.

– Он был для нас чем-то вроде Синей Бороды. Когда нам случилось проезжать мимо его дома, нам всегда казалось, что это заколдованный замок.

– Кстати, он стоит на прежнем месте и Джигер живет там.

– А по-моему, его место за решеткой. Кэш рассмеялся:

– Кто станет с ним связываться? Контора шерифа сама поставляет Джигеру клиентов.

Наверное, он прав. Шейла рассеянно кивнула, прислушиваясь к чему-то внутри себя. В душе все еще отдавался его низкий, только что прозвучавший смех, задевая какие-то очень чувствительные струны. Она снова высвободила руку из его пальцев и тревожно спросила:

– Что ты хочешь делать?

Он намочил комок ваты прозрачной жидкостью из флакона и поднес к ее носу. Запах был очень знакомым.

– Самый обычный, надежный и неизменный спутник человека – спирт. И конечно же, будет жечь как дьявол. Приготовься орать от души.

Не успела она как следует собраться с духом, как он провёл по иссеченной коже своей огненной ваткой. Нарастающая боль охватила ее, и через секунду неистовое пламя обрушилось со всей силой. Она старалась не кричать, но придушенный хриплый звук все же вырвался наружу, перед тем как она крепко сжала зубы.

Ее стойкость позабавила его. Он отложил испачканную кровью вату и усмехнулся. Быстро снял крышку с другой бутылки и, смазав свои пальцы, стал легко втирать в ранки маслянистое вещество. Очищенные от кровавых потеков, они выглядели не так страшно.

– Это снимет боль, – пояснил он.

Обильно смазав все укусы, он достал марлю и перевязал руку от запястья до локтя.

– Не мочи и не снимай несколько дней.

– Что это за мазь? – спросила она, все еще не веря, что боль стихла.

– Один из матушкиных домашних рецептов. Она вздрогнула, и его губы сразу скривились в язвительной усмешке.

– Я варил ее из сушеных глаз летучих мышей и жабьих бородавок. Черная магия, – прошептал он, округлив глаза, так что они жутковато блеснули в неверном свете пламени.

– Я никогда не верила, что твоя мать занимается черной магией.

Косая ухмылка исчезла, уступив место выражению горечи.

– Тогда ты одна из немногих. Есть еще ссадины? Шейла нервно облизала губы.

– Он кусал за ноги, но...

Она не успела закончить фразу. Он быстро отогнул подол юбки выше колен. Поддерживая икру снизу, положил ногу к себе на колено и придвинулся к свету.

– Ну, это не страшно, – произнес наконец. – Я просто промою ссадины. Перевязки не нужно.

Осмотрев вторую ногу, он пришел к тому же выводу и снова достал спирт.

Шейла внимательно следила, как умело он обрабатывал царапины и укусы на ее лодыжках. Трисия сказала, что он левша, как и положено колдуну. Шейла старалась думать о чем угодно, только бы подавить нарастающее во всем теле сладкое чувство от прикосновений его рук, от того, что лицо его совсем близко у ее колен.

– Ты сказал, я счастливо отделалась. Разве этот пес уже нападал на других?

– Был один случай полгода назад. Он покусал мальчишку.

– Ребенка? Этот пес искусал ребенка?

– Не знаю, этот или не этот. У Джигера много боевых кобелей.

– Как случилось, что пес напал на мальчика?

– Говорят, парень раздражил его.

– Так что же стало с ребенком?

– Думаю, все обошлось. С тех пор как его отправили в больницу, я больше ничего об этом не слышал.

– Его положили в больницу? И все это оставили без последствий?

– Что – все?

– Собак. Джигер ведь не платил штраф или как-то иначе не привлекался к ответу?

– Джигер в этом не виноват. Парень шлялся не там где нужно и не тогда когда можно. Эти собаки – истинные сукины дети. Он специально озлобляет их. Иначе они не смогут выйти на ринг.

– На ринг?

Он взглянул на нее, издав короткий лающий смешок.

– Ты никогда не слышала о боях бультерьеров?

– Слышала. Но они запрещены.

– Никто не станет плевать на тротуар перед зданием суда.

Но это не значит, что люди вообще перестали плеваться.

Он покончил с ее лодыжками и стал складывать на место свою аптечку, включая и самодельную анестезирующую мазь Моники. Шейла спрятала колени под юбку.

– Ты хочешь сказать, что в нашем городе устраиваются собачьи бои?

– Уже много лет.

– Джигер Флин разводит собак-убийц?

– Qui.

– Но кто-то же должен положить этому конец! Кэш покачал головой, явно забавляясь этим предложением.

– Вряд ли Джигер подчинится. Его собачьи бои – слишком выгодное дело. Устроители редко проигрывают.

– Но теперь я вернулась в Бель-Тэр и не потерплю этого безобразия. Я сообщу шерифу.

– На твоём месте я бы не стал поднимать шум.

– Но ведь пес мог загрызть меня насмерть! Внезапно он

схватил ее за горло и притянул к себе.

– Ты слишком долго отсутствовала, мисс Шейла. И прежде чем ты поймешь это сама, наделав кучу ошибок, я хочу предупредить тебя. – Он помолчал, погрузив свой острый взгляд в самую глубину ее глаз. – Лорентский округ как жил, так и живет, независимо от того, уехала ты или приехала. И лучше всего следовать прекрасному правилу: если тебе что-то не нравится, найди себе что-нибудь другое. Избавишься от многих бед, попомни мое слово.

Ощущение его ладони на шее было таким волнующим, что она некоторое время молчала, не в силах сосредоточиться.

– Я поняла тебя. Но попустительствовать этому не могу. Боюсь представить, чем бы все кончилось, если бы я побегала не в сторону дороги и свист Флина не остановил бы пса.

– Он разорвал бы тебя в клочки. И это было бы очень унижительно, не так ли? Притом испортил бы такую красоту, а?

Большой палец шевельнулся и нежно погладил шею над ключицей. Почувствовав бугорок, обследовал его более тщательно, разглаживая и слегка нажимая.

– А, это комар укусил тебя в тот раз, – вспомнил он.

Шейла чувствовала, что, пожалуй, не сможет отказаться от прикосновения этой руки, хотя давно пора это сделать. Настойчивость его глаз была непреодолимой. Ее очаровывали черты сурового лица, убаюкивал властный, исполненный желания голос. Широкая грудь приводила в восхищение. Но

она хорошо помнила, что она – Шейла Крэндол, и потому не может позволить себе пасть случайной жертвой Кэша Будро.

– Мне пора домой.

Он не переставал медленно водить пальцем по ее шее.

– Не раньше, чем я помажу чем-нибудь этот укус.

– В этом нет необходимости.

Однако она не двинулась с места, когда он убрал руку и опять полез в свою аптечку. Вытащил маленький флакон и снял пробку. Запах был знакомым и возбуждал воспоминание о летнем палаточном лагере.

– Я вижу, фиговый ты колдун, мистер Будро. То у тебя спирт, теперь – обыкновенная камфора.

– Почти что обыкновенная, – хмыкнул он. Шейла ни за что не смогла бы объяснить, почему не отвела настойчивую руку, которая вновь распорядилась ею. Почему не шелохнулась, позволив самоуверенному указательному пальцу, скользкому от неизвестной мази с камфорным запахом, массировать маленький розовый бугорок на своей коже. Мало того, каким образом могла она позволить его дерзким пальцам пройти по всей шее и по открытой части груди в поисках других укусов. Один обнаружился за вырезом блузки. Кэш растянул верхнюю пуговицу и, скользнув под легкую ткань, тщательно смазал давно уже не беспокоивший ее укус.

Затем его пальцы вышли на более нейтральную территорию – к ключицам.

– Еще? – спросил он весьма двусмысленно.

– Нет.

– Точно нет?

– Абсолютно точно.

Прищуренные глаза неожиданно блеснули удовольствием. Он убрал руку и положил мазь в сумку. Встал и, выйдя из лодки, собрался помочь Шейле.

Она поднялась сама, будто не заметив его предупредительности. Но в тот же миг покачнулась. Только его быстрая реакция спасла ее от падения. Он снова подхватил ее на руки.

– Отпусти меня! Я пойду сама.

– Ты совсем пьяная.

Это было верно. Но разве такое возможно с одного глотка?

– Ты обманул меня. То, что ты мне дал, вовсе не было куплено в винной лавке.

Он издал неопределенный звук, который мог означать все, что угодно.

Луна взошла над вершинами деревьев, и весь лес засиял. Кэш шел быстро, видимо, гораздо лучше Шейлы зная каждый изгиб тропинки и предчувствуя каждую нависающую ветвь.

Все только что пережитое вкупе с крепким напитком лишило Шейлу последних сил. Она засыпала прямо на ходу, безуспешно пытаясь держать голову прямо. Наконец щека припала к его груди, и все тело бессильно обмякло, гибко

облегая форму его торса. Держать глаза открытыми стало невозможно, и они закрылись сами собой.

Когда он остановился, еще несколько мгновений ее глаза оставались закрытыми. Очнувшись, Шейла увидела, что он стоит в тени застекленного павильона, склонив к ней лицо.

– Отсюда дойдешь сама?

Она подняла голову. Дом был совсем близко, белея в лунном свете. Но дойти до него сейчас казалось очень трудно.

– Дойду, – твердо сказала она, соскальзывая вниз.

– Я бы с удовольствием донес тебя хоть до постели. Но твой отец скорее позволит мочиться в колодец, чем допустит, чтобы тень Кэша Будро пала на усадьбу Бель-Тэр.

– Ты был очень добр. Спасибо за...

Внезапно он поднял руку и пригвоздил ее к решетчатой стене, нажав ладонью на солнечное сплетение, так что у нее перехватило дыхание.

– Я никогда не бываю добр к женщинам. Запомни это, *richouette*. Я кусаюсь страшнее, чем все псы Джигера Флина...

– И это ты называешь «заниматься любовью»? Кэш взглянул на распростертую под ним женщину и, перевалившись на бок, лег рядом. Ее кожа блестела и скользила под пальцами, еще сохраняя красноватые следы интенсивного трения. Он протянул руку за сигаретой, зажег и глубоко затянулся.

– По-моему, я ничего подобного не говорил. Поднялся, снял презерватив и швырнул в корзинку. Он не был удовле-

творен. Тело сохраняло напряжение и желание.

Рода Гилберт села, прикрыв грудь простыней. Смехотворная демонстрация целомудрия. Он отошел к окну. Стоя спиной к ней, голый, молча курил, глядя невидящими глазами на вспыхивающую розовую вывеску над автомобильной площадкой мотеля «Пеликан».

– Ладно, не дуйся, – примирительно промурлыкала она. – Я иногда тоже люблю быстро и сильно. Я вовсе не жалею.

Взлохмаченная голова, отливающая золотым блеском, наконец повернулась к ней. Глаза презрительно вспыхнули из-за плеча.

– С чего бы тебе жаловаться? Ты кончила не менее трех раз, прежде чем я сбился со счета.

Мирное выражение ее лица сменилось досадой.

– Во-первых, ты злишься. Во-вторых, ты груб. И после этого хочешь, чтобы я была довольна.

– Чего ж тебе надо? Может, заплатит тебе?

Она сверкнула глазами.

– Ты, наверное, вообразил, что мне очень просто было примчаться сюда ночью, плюнув на все приличия. Я ни за что не стала бы этого делать, но у тебя был такой голос, когда ты позвонил, словно произошла катастрофа.

– Произошла, – пробормотал он, вспомнив, в каком состоянии был, когда Шейла ушла.

Отойдя наконец от окна и воткнув новую сигарету между мрачно сжатыми губами, он взял джинсы и стал одеваться.

Женщина, сидевшая с недовольным лицом, облокотясь на подушки, встрепенулась:

– Ты что делаешь?

– Разве не понятно?

– Ты уходишь?

– Угадала.

– Прямо сейчас?

– Опять угадала.

– Да ты что! Мы только что пришли!

– Не шуми, тебя услышат в коридоре, Рода. Ты примчалась сюда потому, что у тебя жар в одном месте.

– А у тебя разве нет?

– И у меня. Я этого и не скрываю. А ты хочешь втолковать мне, что твой приезд сюда – это прямо какая-то благотворительность. Мы с тобой достаточно хорошо знаем друг друга.

Она поняла, что надо действовать иначе. Согнув колено и медленно покачивая им из стороны в сторону, произнесла с завораживающей улыбкой:

– Я сказала Дейлу, что буду сидеть у постели больной подруги и вряд ли смогу вернуться до рассвета. – Медленным движением руки она позволила простыне соскользнуть с колена. – Так что у меня есть возможность провести здесь всю ночь.

Но Кэш даже не взглянул на ее уловки. Натянул ковбойские сапоги, измазанные болотным илом, сунул руки в рукава рубашки, которую до этого снял не расстегивая.

– Вот и отлично. А я пошел.

– Будь ты проклят!

– За комнату я заплатил. Посмотри телевизор. Холодильник работает. Что еще тебе надо? Отдыхай. – Он бросил ключ от комнаты ей на постель.

– Ублюдок!

– Это точно. Об этом здесь знают все. Он цинично ухмыльнулся и издевательски помахал рукой. Дверь за ним захлопнулась.

Глава 6

Они ее попросту осмеяли.

Завтрак был сервирован на закрытой части веранды позади дома. Когда Шейла объявила о своем намерении, Трисия уронила ложку, которой черпала рубиново-красную мякоть техасского грейпфрута. Кен с размаху поставил на блюдечко, едва не расплескав, чашку с кофе. Оба посмотрели на нее так, словно она сморозила ужасную чуть, и дружно расхохотались.

Шейла сошла к завтраку всего несколько минут назад. Вид у нее был вполне приличный, только забинтованная рука выдавала ночные приключения.

– Боже, что у тебя с рукой? – удивилась Трисия. Пройдя к столику на колесах, Шейла налила себе кофе из серебряного кофейника, вежливо отклонив нелюбезное предложение миссис Грейвс принести горячий завтрак.

– Вчера вечером в нашем лесу на меня напал бойцовый бультерьер.

Шейла пересказала им случившееся, ни словом не упомянув Кэша Будро.

– Тебя надо немедленно отвезти в больницу, – озабоченно сказал Кен.

– Меня уже осмотрели. И обработали раны, как видишь, – сказала она будто мимоходом, надеясь, что они не станут

вдаваться в детали.

Чтобы избежать вопросов, она поспешно объявила:

– Я собираюсь привлечь этого Флина к ответственности.

Вот в этом месте они и расхохотались.

– Шейла, против этого не существует закона, – с отеческой снисходительностью к ее наивности сказал Кен, все еще продолжая улыбаться.

– Почему же? Обязательно должно быть местное или государственное запрещение разводить подобных собак.

– Нету. В Хевене занимаются разведением бойцовых буль-терьеров уже сто лет. Притом Джигер всегда держит их под замком.

– Почему же эта свободно разгуливает в наших владениях?

– Думаю, это случайность.

– Слишком дорогая случайность. К тому же это не первый раз. Мне рассказывали, что уже был случай нападения на ребенка.

– Парень ехал на велосипеде слишком близко к дому Джигера.

– Поэтому на него можно натравить собаку?! – гневно воскликнула Шейла. – Я сделаю все возможное, чтобы этого больше не повторилось.

– От шерифа ты ничего не добьешься. Он, конечно, нанесет официальный визит Джигеру, но знаешь, чем это кончится? Они разопьют бутылочку виски и обменяются по по-

воду тебя парой скабрзных шуток.

Сейчас Шейла не могла бы сказать, кто ей более противен – Кен или Трисия.

– Значит, вы предлагаете оставить все как есть? Будто ничего не произошло?

– Это будет лучше всего, – подытожил все сказанное Кен, поднимаясь и традиционно целуя Трисию в щеку. Шейлу он мимоходом потрепал по плечу. – Пока, девочки. Сегодня в десять у меня первый удар по мячу.

Шейла проводила его глазами со смешанным чувством испуга и отвращения. Его равнодушие к страшному ночному происшествию оскорбило ее и укрепило в намерении действовать. Джигер должен понести наказание. Один раз в жизни она уже позволила себе сдаться и впасть в отчаяние – это было, когда Трисия объявила о своей беременности. Но больше она такого не допустит. Как показало время, возмещения потерь не бывает. Жертв несправедливости не превозносят, а презирают.

– Не могу поверить, что не кто иной, как Кен, советует мне промолчать. Он всегда был готов защищать обиженных, не заботясь о последствиях.

– Тогда он был студентом, Шейла. А теперь, слава Богу, повзрослел.

– То есть ты с ним полностью согласна, да?

– Конечно. – Трисия вернулась к своему недоеденному пирожному и слизнула с пальцев медовый крем. – Ты жи-

вещь у нас меньше недели. Не мути здесь воду, прошу тебя.

– Так это, значит, я виновата?! Я даже не предполагала, что такие мерзкие псы существуют на свете! И не узнала бы никогда, если бы на меня не напали в моем собственном лесу.

Трисия тяжело вздохнула.

– Ты все-таки не можешь уgomониться, да? Ты всегда должна сунуть нос куда не следует, да? Коттону нравилась твоя неумемная активность, но мы с мамой не знали, куда от нее деться. Все это так неприлично. Так... не изящно. – Она подалась вперед:

– Это мой дом, Шейла! Надеюсь, ты не посмеешь нас позорить? Я хочу иметь возможность высоко держать голову, когда выхожу в город.

Шейла отодвинула стул и бросила в свою чистую тарелку неиспользованную салфетку.

– Если власти не в состоянии защитить мою жизнь от этого легального преступника и его опасных животных, мне придется заниматься этим самой. И иди ты к черту со своими приличиями, Трисия!

– За последние сутки замечены некоторые улучшения, – сказал доктор Коллинз. – Хотя, конечно, радоваться рано. Но, если его состояние будет улучшаться даже такими незначительными темпами, мы сможем оперировать его уже через неделю.

– Я так рада, доктор!

– Повторяю – радоваться рано. Он все еще очень тяжелый больной.

– Я понимаю.

Доктор дружески улыбнулся ей. Когда человек так сильно любим, как Коттон Крэндол, и так близок к смерти, малейшая надежда обращается в радость.

Шейла нашла телефон-автомат и позвонила Трисии, чтобы сообщить хорошие новости. Об утренней размолвке она постаралась забыть. Затем она отправилась в реанимационную палату отца.

Трисия и Кен приехали после полудня. Всем троим пришлось просидеть в зале ожидания несколько томительных часов, чтобы каждый из них мог провести разрешенные две минуты в час у постели больного.

– Почему бы тебе не уехать с нами, Шейла? – спросил Кен, когда посещение закончилось.

– Поезжайте одни. Я обязательно буду к ужину. Хочу подождать, может, он все-таки придет в сознание.

– Ну, как знаешь.

Кен повел жену к лифту. Перед тем как двери за ними закрылись, еще раз помахал рукой. Не зная, чем заняться, замкнутая в четырех стенах, Шейла вышла в сверкающий чистотой коридор, думая, не позвонить ли Марку. Он был настолько чуток, что отпустил ее, не выяснив, когда ждать обратно. Даже не стал выяснять. Помог собраться, отвез в Хит-

роу, поцеловал на прощание. Просил звонить, если что понадобится. А как он искренне переживал за Коттона, которого никогда не видел, но, кажется, знал о нем все.

– Мисс Крэндол?

Она поспешно обернулась. Медсестра с улыбкой смотрела на нее.

– Он пришел в сознание. Только скорее. Шейла мгновенно пролетела по коридору вслед за частыми шажками медсестры и вошла в палату. Он лежал так же безжизненно, как в прошлый раз. Но ей показалось, что лицо стало менее восковым и почти исчезла синева губ. Осторожно, чтобы не задеть трубок и проводков, она взяла его руку и сжала между ладонями.

– Папочка! Это я, Шейла. Я здесь уже много дней. Как ты себя чувствуешь? Мы все в ужасной тревоге. Но доктор сказал, что ты уже поправляешься.

Черты его лица стали резче. Линия волос заметно отступила ото лба к темени. Но ее взгляд был прикован только к его глазам. За шесть лет они претерпели самые сокрушительные изменения. Сердце ее болезненно сжалось. Глаза были все того же голубого цвета. Но где огонь, согревавший эту неподвижную синеву? Ни проблеска, ни движения, ни самой жизни. И страшнее всего то, что не болезнь была причиной этого омертвения.

Шейла знала, что так он реагировал на ее присутствие. Не знала только почему.

– Ты приехала. – Голос был бесстрастный, ломкий, как пергамент, и лишенный выражения.

– Да, папочка, приехала. Я в Бель-Тэр. До тех пор, пока я нужна тебе.

Он посмотрел на нее долгим взглядом. Затем тяжелые веки со вздувшимися жилками закрыли от нее обвиняющие голубые глаза, и лицо отвернулось в сторону.

– Он уснул, мисс Крэндол, – сказала медсестра. – Думаю, не стоит больше беспокоить его.

Шейла неохотно отпустила безвольную руку и отошла от постели. Задумчиво понаблюдала, как медсестра снимает показания с приборов. Опустошенная, она вышла из палаты.

Не всякая дочь так сильно любит своего отца, как Шейла любила Коттона. И он, может быть, единственный из всех отцов на свете, перестал любить ее. Уже целых шесть лет он выказывает к ней полное равнодушие. За что? Ведь она была потерпевшей стороной. Почему же он ополчился на нее? За что, отец?

Пока ее не было, автомобиль так раскалился на солнце, что сидеть в нем было невыносимо. Шейла опустила стекла. Встречный поток воздуха немилосердно трепал волосы. Вот она проскочила мост через Лорентский затон и выехала на просеку, приближаясь к месту, где должна была вести работы фирма «Крэндол Логинг». Был субботний день, еще далеко не вечер – но вырубки безлюдны. Никто не суетится на складе, никто не нагружает платформы, стоящие на же-

лезнодорожной ветке. Шейла озадаченно огляделась. Что бы это могло значить?

Оставив открытой дверцу машины, Шейла направилась к небольшому плоскому строению, в котором располагалась контора.

В помещении было душно. Она не стала закрывать дверь. Закатное солнце растянуло ее тень по всему полу, дощатому и щелястому, уложив головой прямо на письменный стол Коттона. Разбросанные бумаги и невскрытая корреспонденция заваливали этот стол, как в прежние времена. Коттон не выносил конторской работы и всегда затягивал ее на месяцы. Шейла приходила помогать ему во время школьных каникул.

Шейла огляделась. Окна пора мыть. Шейла провела пальцем по подоконнику. Слой пыли уже не меньше сантиметра. Надо найти человека, чтобы привести все в порядок. Вернувшись к столу, она встала за высокой спинкой кресла и положила на нее обе ладони.

Кресло Коттона. Годы службы сделали коричневую кожу обивки мягкой, как перчатка, и податливой под ее напряженными пальцами. Она закрыла глаза. Горячие соленые слезы потекли по щекам. Как часто она сидела в этом кресле у него на коленях и терпеливо слушала описания разных видов древесины и куда какой лес будет отправлен – на лесосклад, на бумажную фабрику. Он радовался, глядя на свою единственную ученицу.

Трисия ненавидела вырубку. Ей виделись здесь только грязь и грохот. Мэйси вообще ничем на свете не интересовалась. Будь то семейный бизнес, или ее супруг, или даже маленькие девочки, которых она удочерила от отчаяния, поняв, что бесплодна и не сможет дать Коттону наследников, о которых он мечтал.

Что касается дочерей, Мэйси заботилась только о том, чтобы они были одеты лучше всех девочек округа. Обе учились в элитарной частной школе. В их честь устраивались такие роскошные праздники, каких не припомнят старожилы. Их материальные запросы всегда щедро удовлетворялись. А до их души Мэйси не было дела. Если бы не Коттон, Шейла так и осталась бы сиротой, подобно Трисии.

А теперь он больше не любит ее.

Она открыла глаза и вытерла слезы. В тот же миг по неприбранному столу пролегла длинная тень. Шейла вскинула голову, и ее резкий вздох гулко отдался в тишине помещения. Но, узнав человека, который лениво подпирал дверной косяк, Шейла нахмурилась.

Глава 7

– Сделай милость, перестань меня выслеживать.

У меня просто мурашки пошли по телу.

– Почему ты плакала?

– Коттон...

Лицо Кэша напряженно застыло. Брови резко сошлись над загадочными глазами.

–..умер? – выдохнул он.

Шейла покачала головой:

– Нет. Он пришел в сознание. Я говорила с ним.

– Ничего не понимаю.

– А тебе и нечего здесь понимать, – отрезала она. – Хватит лезть в мои дела.

– Ладно. В следующий раз, когда тебя покусает собака, я буду спокойно смотреть, как твоя рука сгниет.

В виске сразу что-то кольнуло, и она прижала к нему руку.

– Прости. Я должна поблагодарить тебя.

– Как рука?

– Вроде ничего, не болит.

– Иди сюда, я посмотрю.

Она взглянула на него, но не двинулась с места. Он шевельнул бровью и мягко повторил:

– Ну подойди.

Она колебалась еще несколько мгновений, затем обошла

стол и приблизилась к открытой двери. Он не изменил позу. Шейла протянула ему забинтованную руку с таким видом, словно ожидала бог знает чего. Поняв ее неприязнь, он криво ухмыльнулся, размотал повязку, и Шейла с изумлением увидела, что кожа почти зажила. И никаких следов инфекции. Он осторожно дотронулся до каждой ссадинки, но боли не было.

– Еще одну ночь не снимай бинт, – сказал он, снова перевязывая руку. – Завтра утром развяжешь и хорошо вымоешь руку. После этого считай, что ты здорова.

Она ждала объяснений этого чуда, вопросительно глядя ему в лицо.

– Это жабы бородавки тебя спасли. Она отняла руку.

– Ты левша.

Он расплылся в широкой улыбке:

– О, ты даже знаешь, что все колдуны – левши? И вдруг без тени смущения или нерешительности запустил пальцы за отворот ее широкого матросского воротника, нащупывая след укуса, который смазывал прошлой ночью своими чудодейственными составами.

– А как поживает укус москита?

Шейла сильно ударила по бесцеремонной руке.

– Превосходно. А что, Моника тоже была левшой?

– Qui. К тому же она была женщиной. А я в этом пункте нарушил традицию акадских знахарей. – В его голосе зазвучали чарующие ноты. – Потому что я – мужчина. И если ты

сомневаешься, мисс Шейла, я буду более чем счастлив доказать тебе это.

Его самоуверенность была нестерпима. Она взглянула на ленивую снисходительную улыбку, искривившую твердые губы. Чего он ждет от нее? Смущения от того, что такой большой и страшный Кэш Будро, хулиган, которым родители пугают благовоспитанных девочек, вдруг решил обольстить ее? Наверное, она уже слишком взрослая, чтобы испытывать головокружение и падать в обморок при натиске столь безудержного самца.

Таким, как он, нет нужды рекламировать свою мужскую силу. Она сказывалась во всем его облике, стоило только взглянуть на твердые черты этого лица, широкий размах плеч. Его походка, его голос, каждое его движение властвовали над ней. Она замороженно следила за его пальцами, достающими из нагрудного кармана пачку сигарет и вытряхивающими одну. Он предложил ей закурить.

Она молча отказалась. Он небрежно засунул пачку обратно в карман, достал спичку, чиркнул о притолоку, прикурил, прикрыв ладонью маленькое пламя.

Она вспомнила, как эта рука прижимала ее вчера к стене павильона. Он не применял силу, но она стояла как пригвожденная.

Ей стало страшно. Что он за человек и кто дал ему такую власть над нею?

Он зажал сигарету в пальцах и глядел на Шейлу сквозь

дым. Она перевела взгляд на его шейный платок, обвивший крепкую загорелую шею, на грудь, сужающуюся к талии и узким бедрам. Кэш не спускал с нее глаз. Она не сомневалась в сексуальном значении этого взгляда. Но, если верить слухам, все, что Кэш Будро делал лет с тринадцати, было сексуальным.

Его внимание не было лестным и не казалось пугающим. Если бы он намеревался атаковать ее, то за последние сутки мог сто раз это сделать.

Но она ни за что не призналась бы даже самой себе, что испытать сильные ощущения в объятиях Кэша Будро было бы очень заманчиво. Он пользуется дурной славой, он опасен, непостоянен и горд, а с женщинами груб и циничен. И вообще гнусно к ним относится. Возможно, в этом и заключено его очарование.

Они выросли в одном и том же месте, можно сказать, рядом. Но жизнь их протекала в совершенно разных условиях. Между ними нет ничего общего, кроме подспудных желаний, незримых для глаз, но таких же сильных, как волны горячего солнечного света, пронизывающего землю. Она была просто женщина. Кэш Будро был даже слишком мужчина.

Она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза, чтобы разрядить обстановку.

– Ты что, следил за мной?

– Нет. Случайно заехал. Хотел кое-что проверить.

– Нечего тебе проверять. Кен вполне способен держать де-

ло в руках, пока отец болен.

– Кен не способен удержать в руках ничего. А чтобы об этом никто не догадался, он остановил дело.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Все рабочие уволены до особого уведомления. А частных он отправил искать другие рынки сбыта. Объявил, что «Крэндол Логинг» временно закрывается, запер контору и уехал. Разве это не значит, что дело остановлено?

Шейла отступила назад, как будто вновь ощутив себя преданной. Теперь понятно, почему все в таком запустении. Окружающая обстановка наводила уныние покинутого дома.

– Почему он так поступил?

– Я уже ответил почему.

Кэш швырнул сигарету за дверь. Описав красный полукруг, она упала в пыль безлюдного двора.

– В тот же день, когда Коттона увезли в больницу, твой зятек рассчитал всех и, задрвав хвост трубой, ускакал отсюда.

– А Коттон знает?

– Вряд ли.

– Да, наверное, не знает.

Она призадумалась, что за причины могли повлиять на Кена. У Коттона случались и крупные затруднения в делах, но он никогда не останавливал предприятие.

– Но ведь это оставило многие семьи без заработка?

– А кого это волнует?

Шейла озадаченно теребила пальцами волосы.

– Я уверена, что у Кена были основания. Просто они не так очевидны.

– Знаешь, что тут вполне очевидно, мисс Шейла? – Он оттолкнулся от косяка и прошел к столу. – Половина семей округа сократили покупки в гастрономе. И пока твой родственничек, пуская пузыри в бассейне, заказывает стаканчик «Линчбурга», ребяташки сидят без завтрака, обеда и ужина.

Кен уезжал из дома каждое утро и возвращался только к обеду. Шейла не сомневалась, что он ходит на работу. А он, оказывается, просаживает деньги, которые Коттон зарабатывал всю жизнь.

Но, может, она делает слишком поспешные выводы? Кен работал для «Крэндол Логинг» с тех пор, как женился на Трисии. Он отдал делу несколько лет жизни. Конечно, у него есть веские причины, чтобы поступать таким образом.

– Что задумалась? Ищешь для него оправдания?

– Я не позволю тебе оскорблять моего зятя, мистер Будро, – отрезала она.

Он присвистнул.

– Как она защищает его! Вот вам истинная верность клану.

Усилием воли сдержав раздражение, она ответила:

– Даю слово, что выясню это сегодня же. Я знаю, Коттон не допустил бы, чтобы люди, которые зависят от него, голодали.

– В этом я не сомневаюсь.

– Я обязательно что-нибудь сделаю, можешь мне пове-

ритель.

– Буду рад, – сухо произнес Кэш.

Она взглянула на него долгим испытующим взглядом. Ее раздражение прошло. Что с него требовать? Но для одного дельца, которое с утра не дает ей покоя, он вполне подойдет. Он достаточно беден и наглостью не обделен. Словом, то, что ей нужно. Собравшись с духом, она сказала:

– Хочу предложить тебе работу. И хорошо заплачу.

– Сколько?

– Сколько запросишь.

– Зависит от того, что за работа, – сказал он охрипшим голосом, предвкушая ту награду, которую мог бы сейчас запросить, и, разумеется, вовсе не звонкой монетой. – Что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя?

– Хочу, чтобы ты пристрелил собаку, которая на меня напала.

Он смотрел не мигая несколько мгновений. Она успела разглядеть, что глаза у него карие, с золотыми искорками. Суший камышовый кот, дикий и хищный.

– Ты в своем уме?

– Вполне.

– Значит, ты предполагаешь, что я сошел с ума?

– Эту собаку нужно убить, пока она никого не загрызла!

– То, что произошло прошлой ночью, – случайность. Джигер никогда не выпускает собак.

– Кен тоже так сказал, но...

– Ага! – торжествующе прервал он, вскинув руку, и посмотрел на нее сузившимися глазами. – Сначала, значит, ты кинулась за помощью к своему зятю.

– Не совсем так.

– Ты просила его сделать это. А после того, как он намочил штаны от страха, пошла ко мне. Так?!

– Да нет же! – с раздражением ответила Шейла. – Мне пришлось рассказать Трисии и Кену о случившемся. Они заметили повязку.

– Ты сказала, кто ее наложил?

– Нет.

– Я так и думал.

– Я все равно добьюсь, чтобы собаки были обезврежены. Хотя Кен советует мне оставить их в покое.

– На этот раз сукин сын прав. Оставь их в покое. Иначе наживешь себе хлопот. Держись подальше от Джигера Флина. Это сам дьявол.

– А ты разве нет?

Пронзительная тишина стала ответом на ее слова. Ей пришлось выдержать еще один пронизывающий взгляд Кэша. Облизав пересохшие губы, она заставила себя продолжать:

– Я хотела сказать, ты всегда был склонен к... всегда с кем-то конфликтовал. Ты воевал. И даже остался на второй срок. И, наверное, хорошо стреляешь.

– Дьявольски хорошо, – прошептал он.

– А больше я никого здесь не знаю. Просто не представ-

ляю, кто еще был бы способен... мог бы убить.

– Ты не знаешь больше никого, кто не побрезговал бы такой грязной работой?

– Я этого не сказала.

– Но имела в виду?

– Что же ты хочешь, мистер Будро, если ты потратил лучшие годы жизни на то, чтобы заработать репутацию жестокого и неуравновешенного человека? Все твои поступки говорят о том, что ты вспыльчив, как кобра. Вот и нечего обижаться, что я такого же мнения. Не удивлюсь, если окажется, что тебе приходилось нарушать закон.

– И не раз.

– Почему же в таком случае совесть не позволяет тебе уничтожить собак, которые угрожают жизни людей?

– Это вовсе не совесть. Просто здравый смысл. Я не хочу трогать Джигера Флина.

– Потому что боишься! – закричала она.

– Потому что это не мое дело, – не менее громко парировал он.

Шейла поняла, что кричать бесполезно. Она решила подойти к делу с другой стороны. Деньги многое могут.

– Я заплачу тебе сто долларов.

Его лицо не изменилось, словно он не слышал.

– Двести долларов.

– Брось, мисс Шейла. Меня не интересуют деньги.

– Тогда что?

Скабрзная ухмылка, которой он ответил на этот вопрос, была красноречивее слов.

– Догадайся.

Взбешенная, Шейла резко отвернулась и пошла к выходу.

Он поймал ее за руку и резко дернул к себе.

– А в любви ты такая же горячая, как в битве, а?

– Только не с тобой.

– Никогда не говори «никогда», – усмехнулся он.

– Пусти, – произнесла Шейла сквозь зубы.

– Знаешь что? Поехали со мной, – вдруг неожиданно предложил Будро.

– С тобой? Куда?

– Я покажу тебе, почему ни один человек в здравом уме не станет убивать собак Джигера.

– С тобой я никуда не пойду.

– Почему? Чего ты боишься?

Глава 8

– Куда ты меня везешь? – Кэш сидел за рулем своего облезлого голубого пикапа. Шейла все еще не могла прийти в себя от того, что согласилась ехать. Возможно, она просто приняла его вызов. В данную минуту ей не хотелось размышлять о последствиях этого шага. Она заперла контору, оставила свой автомобиль во дворе и села в выдавшую виды машину Кэша. И вот она неслась в неизвестном направлении.

Перед тем как ответить, он взглянул на правую руку, где носил часы.

– Еще рано. Может быть, перекусим где-нибудь?

– Я думала, наша поездка имеет отношение к Джигеру Флину.

– Имеет. Только потерпи немного. Это у вас обычное состояние – вы вечно торопитесь.

– Кто это – «вы»?

Он взглянул на нее через спинку грязного потертого сиденья.

– Богатые, мисс Шейла, – ответил он вполне равнодушно.

Ей не хотелось замечать различия в их имущественном положении, и его иронично-подобострастное обращение раздражало ее.

– Оставь ты свое «мисс». Зови меня просто Шейла. Он с ходу обогнул крутой поворот дороги, затем обернулся к ней

со своей обычной ухмылкой:

– Я хочу повести тебя в один кабаk, где ты никогда не была.

– Куда это?

– К Реду Бруссару.

– А там до сих пор принято кидать арахисовую шелуху на пол? – спросила она с озорной улыбкой. Он изумленно оглянулся:

– Вот это да!

– Что тебя удивляет? Папа часто возил меня к Бруссару. Его улыбка постепенно исчезла.

– А, я и забыл. Коттон любит акадскую кухню.

– Да, любит. И я тоже, – с вызовом сообщила Шейла.

– Но я никогда не видел тебя у Бруссара.

– Мы всегда уходили до заката.

– Ну, это зря. До заката там делать нечего.

Она рассмеялась:

– Поэтому он и увозил меня пораньше.

Из окон ресторана неслась громкая, сиплая, беспрестанно повторяющаяся музыка. Казалось, еще миг – и ее конвульсивные потуги разнесут стены по досочкам.

Кэш тут же подхватил акадский мотивчик. Напевая, обошел машину и открыл дверцу для Шейлы.

– Субботний вечер, – объявил он. – Танцы, напитки, развлечения.

Она по-детски надула губы:

– И без тебя знаю.

– Ты что, знакома с академическими обычаями?

– Что ж я, по-твоему, жила взаперти?

– Не знаю, как у вас там, в Бель-Тэр, – уклончиво сказал

он и, положив ладонь ей на поясницу, слегка подтолкнул к лесенке.

– Надеюсь, я нормально одета? – с беспокойством спросила она.

– Не совсем. – Поймав ее быстрый встревоженный взгляд, добавил:

– Наверное, тебя попросят снять туфли.

Домик с плоской крышей стоял на столбах. Доски пола гремели под каблуками танцующих, как барабан. Эхо отдавалось в пустоте между сваями. Ред Бруссар, толстый, словно бочонок, бородатый, с лицом Санта-Клауса и сногсшибательным чесночным духом изо рта, сам вышел им навстречу. Он неистово громко приветствовал Шейлу, потом одарил сокрушающим ребра объятием Кэша, тут же сунул им ледяные бутылки с пивом и повел к столику в углу, вежливо прокладывая дорогу среди танцующих.

Шейла чувствовала себя неловко. Однако никому из присутствующих, по-видимому, не казалось странным, что она пришла с Кэшем Будро. Наверное, потому, что все здесь были из его компании. Вот если бы она пригласила его в городской клуб, переполох был бы порядочный. Спуститься вниз

по социальной лестнице намного проще, чем подняться.

Они подошли к столику, Ред пододвинул ей стул. Шейла подняла на него глаза и улыбнулась:

– Мне, пожалуйста, раков.

Ред тряхнул рыжей гривой и расхохотался басом. Тыча мясистым пальцем в ее сторону, он проревел:

– О, я не забыл тот день, когда ты разделала десять раков за один присест, не помнишь, а? Больше, чем твой отец, qui!

– Принеси порцию, Ред.

Ред отвесил Кэшу чувствительную затрещину в плечо и тяжело двинулся к булькающим чанам, где варились раки сегодняшнего улова, сдобренные такими специями, от которых слезились глаза и щипало в носу.

Как Кэш и все другие посетители этого кабачка Шейла не стала просить кружку для пива, а отхлебнула прямо из бутылки.

– Я думал, ты побоишься идти сюда.

– Потому что я держу свой аристократический нос кверху и гляжу на здешнюю публику свысока, да?

– Ну, вроде того. – Не сводя с нее глаз, он глотнул еще пива. – А ты, значит, хочешь доказать мне, что я не прав?

– Вовсе нет. Просто я соскучилась по здешней пище.

В это время подошла официантка с вареными раками на деревянном блюде. Она поставила блюдо в центре между ними и, прежде чем уйти, бросила на Кэша косой завлекающий взгляд.

Шейла поглядела ей вслед.

– Это что, одна из твоих подружек? – спросила она.

– Вполне могла бы ею стать, если бы я захотел. – Он бросил на блюдо опустевший панцирь и взял еще одного рака.

Шейла вытерла рот бумажной салфеткой и спросила:

– Все так просто? Женщины только и ждут, когда ты захочешь?

– Тебя это волнует?

– Просто интересно.

– Интересно знать, что их привлекает?

– Нет. Скорее, что привлекает в них тебя, – сказала она.

– Мне просто интересно, – повторил он ее же слова и усмехнулся.

С деланным спокойствием Шейла съела еще одного рака, выпила еще пива и вытерла губы. Только после этого она взглянула на него.

Кэш долго пил из своей бутылки. Потом он медленно поставил ее на стол, медленно повернул голову и вдруг неожиданно погрузил свой взгляд в ее глаза. Это было как гипноз.

– Приходи ко мне. Все узнаешь.

Где-то внутри возникла и забилась тревога. Кэш Будро опасен, опасен самим своим присутствием. Его действиям невозможно противиться. Его власть абсолютна. В то же время ему нельзя верить. Он ловок и хитер, он достиг совершенства в искусстве оболъщения, его слова еще пленительнее, чем поступки.

– Ты плохо ко мне относишься, да? – спросила вдруг Шейла с интуитивной прозорливостью.

– Честно говоря, да, – ответил он. – Всегда плохо относился ко всем вам. Только не принимай это на свой счет.

– Я это запомню, – сухо сказала она. – И за что же ты меня не любишь?

– Я не люблю не именно тебя, а то, что ты представляешь.

– Что же я представляю?

– Ты – член семьи.

Она не ожидала, что ответ будет столь простым и коротким.

– И что? – спросила с недоумением.

– А я – нет.

Неужели он так переживает свое одиночество? Но все равно его чувство несправедливо.

– Разве я виновата?

– А разве нет?

– Нет. Я тебя почти не знала.

– И не считала нужным знать, – сказал он, а глаза его словно обвиняли ее.

– Опять же я не виновата. Ты никогда не относился ко мне с симпатией.

Он видел, что она обижена, и забавлялся этим.

– Ты права, *richouette*. Я действительно ненавидел тебя.

Она почувствовала, что разговор принял слишком неприятный оборот, и, чтобы сменить тему, спросила:

– Почему ты называешь меня этим словом? Что оно означает?

– Richouette? – Он напряженно глядел ей в лицо, не зная, как ответить. – Это значит – крошка.

– Я давно уже не маленькая. Кэш обхватил пальцами горлышко бутылки и опять посмотрел ей в глаза.

– Просто я хорошо помню тебя маленькой девочкой. У тебя были длинные светлые волосы и длинные тонкие ножки.

Шейла засмеялась и быстро спросила:

– Откуда ты знаешь?

– Я часто смотрел, как ты бегала по траве возле дома. Она не стала спрашивать, почему он не подходил к ней, чтобы поиграть вместе. Тогда она бы все равно убежала от него в слезах и страхе или его прогнали бы взрослые. И Коттон, и Мэйси, и Веда зорко следили, чтобы дети не общались с мальчишкой Моники Будро. Он – неподходящая компания для маленьких девочек, и не только потому, что был на несколько лет старше. Все знали, что он хулиган, и это постоянно подтверждали все его поступки.

– Я помню, как однажды праздновали твой день рождения. Тебе исполнилось четыре года. На праздник пришло, по-моему, не меньше пятидесяти ребятишек. Коттон катал всех на пони. И был клоун, который показывал магические фокусы.

– Неужели ты помнишь? – изумилась Шейла.

– Помню, потому что меня не пригласили. Но я пришел

и все видел. Я как бешеный хотел посмотреть поближе эти самые фокусы.

Ей вдруг стала понятна его ненависть. Он был агрессивен, но это – только самозащита. Скрыто или явно, его всегда презирали. Она в этом, конечно, не виновата. Но сейчас Шейла в душе понимала, что отныне не смогла бы мириться с этим.

– Ты не станешь ради меня убивать собак Джигера Флина?

– Нет; не стану.

Она нервно теребила влажную салфетку.

– Я понимаю, с моей стороны нехорошо было просить тебя делать эту грязную работу, как ты назвал ее.

– Согласен.

– Я не хотела обидеть тебя.

Он равнодушно пожал плечами и кивнул на деревянное блюдо:

– Доедай.

– Не хочу больше.

Ред пожурил их, что они так мало съели, и пригласил заходить почаще. Спускаясь по скрипучим ступенькам, Шейла поблагодарила Кэша за то, что он привел ее сюда.

– С тех пор как я дома, ни разу не ела ничего вкусного. Новая кухарка, которую Трисия взяла вместо Веды, видимо, меня не выносит. И это у нас с ней взаимно. Я тоже не перевариваю ни ее, ни ее стряпню.

– А как у тебя вообще с желудком? Серьезность тона, ка-

ким был задан вопрос, заставила Шейлу насторожиться.

– Почему ты спрашиваешь?

– Боюсь, ему предстоит еще одно испытание, – усмехнулся он.

Глава 9

– Я думала, что знаю все дороги в округе. А здесь я сроду не была.

Пикап подпрыгнул на ухабе, и Шейла вцепилась в щиток управления.

– Скажи, ради бога, куда ты меня везешь?

– Туда, где ты сроду не была. – Он искоса взглянул на нее. – И на этот раз я уверен, что не ошибаюсь.

Ночь была жаркой и душной. Теперь, когда огни города остались позади, звезды стали хорошо видны во всем своем блеске. Живя так долго в большом городе, Шейла отвыкла от полного мрака деревенских ночей.

Наконец машина преодолела какой-то подъем, и впереди замаячило темное строение. Шейла вопросительно взглянула на Кэша, но он молчал.

Несмотря на то что добраться сюда было так непросто, постройка из рифленой жести оказалась необычайно людным местом. Она напоминала большой амбар, а может, когда-то она и строилась под амбар. Но теперь здесь было нечто вроде клуба, о чем свидетельствовали десятки сгрудившихся во дворе автомобилей.

Кэш поставил пикап рядом с новым глянцевым «Мерседесом», который выглядел до смешного помпезно в их глухом провинциальном городишке. Шейла все ждала объясне-

ний, но Кэш только ухмылялся.

Чувствуя себя немного тревожно, она вышла с его помощью из машины. Вход был обозначен единственной лампочкой без плафона, свисающей на проводе над неприглядной дверью. Ни объявления, ни вывески, ни единого знака, указывающего на предназначение этого сарая, не было.

Хотелось повернуться и уйти. И только нежелание проявить перед Будро свою слабость останавливало ее. Она молча прошла в дверь, которую он распахнул перед ней.

Воздух внутри был удушающе спертый, неподвижный. Было так темно, что Шейла наткнулась на столик, установленный у лесенки возле двери. Она, наверное, свернула бы его с места, если бы Кэш не удержал ее, положив обе ладони ей на бедра.

Внезапно за перегородкой, отделяющей стол билетера, раздалось рычание. Шейла даже вздрогнула от неожиданности. Кэш положил ладонь на изгиб ее бедра пониже талии. Билетер заглянул за перегородку.

– О, вы как раз вовремя. Сейчас будет еще раунд. Кэш подтолкнул Шейлу вперед. Чувствуя, что она не двигается, подтолкнул сильнее. Повернув к нему разозленное лицо, она прошипела:

– Что все это значит?

Она боялась подумать, что происходит за перегородкой, и боялась человека, который привел ее сюда. Его жесткое циничное лицо не предвещало ничего хорошего.

– Собачьи бои, – ответил он.

Она разинула рот.

– Собачьи бои?

– Qui.

– Зачем ты привел меня сюда?

– Показать, чем ты рискуешь, если хотя бы Пальцем тронешь Джигера Флина.

– Я уже сказала, что не боюсь его, и повторяю опять.

Повернувшись к нему спиной, она прошла за перегородку.

Центр арены был ярко освещен прожекторами. Там располагалась так называемая яма – большой четырехугольник с грязным, запятнанным кровью деревянным полом, огороженный дощатым барьером. В двух противоположных углах суетились владельцы собак, они же тренеры, подготавливая своих бультерьеров к бою. В одном из владельцев Шейла сразу узнала Джигера Флина, хотя не видела его много лет.

Редеющие седые волосы Флина, смазанные чем-то жирным, были зачесаны назад, и розовая лысина блестела под лампами. Глубоко посаженные маленькие глазки темного цвета напоминали изюмины, воткнутые в тестообразное лицо. Мясистый нос нависал над тонкими жесткими губами, неспособными на улыбку. Подбородок утопал в бесформенных жирных складках. Он был малорослым, но с мощным торсом и растянутым животом, который переваливался через ремень. Казалось, что осевшие к коленям брюки не смог-

ли удержаться на тощих бедрах, потому что ягодич, способных поддержать их, просто не было. Ноги были кривые и тощие, а ступни – смехотворно маленькие. Его одежда была так старая и грязная, что наводила на мысль о свалке, из которой ее могли извлечь. От него за версту разило преступлением.

– Что он делает с этим псом?

Кэш, который не сводил глаз с Шейлы, повернул голову в сторону арены. Оба тренера, сжав руками челюсти своих собак, держали их нос к носу, слегка встряхивая. Псы рвались друг к другу, скребя когтями по доскам.

– Это называется стравливание. Тренеры нарочно злят их, чтобы возбудить инстинкт нападения. Если их привести в ярость, они лучше сцепятся. Борьба считается законченной, когда один пес загрызет или искалечит другого так, что дальнейшее сопротивление станет невозможным.

– То есть...

– Они сейчас будут рвать друг другу глотки. Шейла даже подскочила на месте, когда псы, отпущенные тренерами, кинулись друг к другу с противоположных концов ямы. Такой натиск не оставлял сомнений, что схватка будет ожесточенной. Но то, что произошло на самом деле, по жестокости превзошло всякие ожидания.

Когда пролилась первая кровь, Шейла отвернулась и припала лицом к плечу Кэша. Она была возмущена, но еще больше испугана. Только теперь ей стало до конца понятно, какой опасности она избежала, отделавшись несколькими неглубо-

кими укусами. Вся дрожа, она снова подняла голову и уже не сводила глаз с арены.

– А могут собаки напасть на своих тренеров? – Она как замороженная смотрела на жуткий блеск глаз Флина.

– Случалось.

– Неудивительно. Они посылают их на смерть. Сопровождающий рев толпы рос вместе с ожесточением событий на ринге. Помещение было забито до отказа. Запах собачьего и мужского пота наполнял воздух. Псы, ожидающие в клетках своей очереди, чуяли кровь и жаждали крови. Металлические прутья, казалось, едва сдерживали обезумевших, остервеневших зверей.

Шейла уже не могла дышать этим воздухом, сизым от стоящего над толпой дыма дешевых сигар. Стены давили на нее. Каждый вдох заставлял вбирать в себя нестерпимую вонь, пот, кровь. Ее пальцы сжались, собрав в комок полу рубашки Кэша.

– Пожалуйста...

Эта хриплая мольба пронзила его, словно ржавый гвоздь. Этот гвоздь прошел сквозь все мозоли души и проник в самую нежную ее сердцевину, о существовании которой он забыл с тех пор, как побывал в Наме и привык там к ежедневной человеческой смерти.

– Держись, сейчас я тебя выведу отсюда. Не заботься более о гордости, Шейла прижалась к нему, прислушиваясь к биению его сердца и надеясь, что этот стук приглушит вой

и беснование кровожадной толпы. Тщетная надежда. Когда смертельно раненный зверь упал, рев достиг такого оглушительного предела, который едва выдерживает человеческое ухо.

– Уходим, Шейла, уходим. Только запомни хорошенько, на что ты поднимаешь руку.

Согнутым пальцем он взял ее за подбородок и повернул к арене. Джигер водил на поводке по кругу своего вымазанного кровью победителя с истрепанной в клочья шкурой, словно исполняя обряд посвящения в рыцари, и принимал восторги толпы.

Когда она повернулась к Кэшу, ее лицо было белым как смерть.

– Ну что с тобой? – участливо спросил он. – Учти, что это не домашнее животное. Это машина, созданная убивать. Кроме того, это надежный способ делать деньги. Если ты тронешь собаку Джигера, он убьет тебя, не задумываясь.

Помолчав немного для внушительности, он спрыгнул с помоста и поднял вверх руки, чтобы снять ее. Положив ладони ему на плечи, она позволила спустить себя вниз. Он стал пробираться к выходу, прижимая ее к себе вплотную и защищая своим телом и руками. У дверей образовалась воронка, где сталкивались два потока – входящих и выходящих, считающих выигрыш или клянущих поражение, поздравляющих и сочувствующих.

Среди этого месива горячих тел Шейле послышался зна-

КОМЫЙ ГОЛОС:

– Господи боже, Шейла, какого дьявола ты здесь делаешь?

Глава 10

Обернувшись, она остановилась. Все трое – Кэш, она и Кен Хоуэл застыли как вкопанные, со всех сторон обтекаемые толпой. Кен, ошалело разинув рот, уставился на нее своими красными пьяными глазами, затем перевел их на Кэша и вновь на нее.

– Отвечай! – наконец заорал он. – Какого хрена ты тут делаешь?

– Могу задать тебе тот же вопрос, – невозмутимо ответила Шейла.

– Помоги мне вытащить ее отсюда, а, Хоуэл? Видишь, мы заблокировали движение.

Но Кен только кинул на Кэша презрительный взгляд. Неловко схватив Шейлу под руку, он стал пробираться к двери, распихивая окружающих. Снаружи тоже было столпотворение. Все пили, ругались, шутили, обсуждали только что пережитое, делали предположения об исходе следующего боя.

Кен завел Шейлу за угол, подальше от толпы, встал перед ней и только тогда повторил свой оригинальный вопрос:

– Что ты здесь делаешь? Тем более с ним? – он пренебрежительно кивнул в сторону ее спутника.

– Нечего кричать на меня, Кен. Ты мне не указ. Я взрослая женщина и не собираюсь держать ответ за свои поступки

перед тобой или кем-либо еще.

– Это ты попросила его проводить тебя сюда? – словно не слыша, продолжал он. Шейла запнулась.

– Не совсем так... но...

Кен обернулся к Будро. От напряжения пена выступила у него на губах.

– Оставь ее в покое, ты слышишь, парень? Или я тебе, чертов ублюдок...

Ему не удалось высказать до конца свою угрозу. Неуловимым движением Будро выхватил нож, висевший в чехле у пояса, и мигом впечатал Хоуэла в жестяную стену с силой, достаточной, чтобы вышибить из него дух. Блеснувшее лезвие застыло так близко от шеи, что инстинктивный глоток, заставивший шевельнуться адамово яблоко, едва не стоил Кену жизни.

Шейла отступила назад, потрясенная и испуганная. Ноздри Будро раздувались при каждом вдохе. Остекленевшие, налитые кровью глаза Кена приняли безумное выражение. Пот градом катился по его лицу, словно слезы.

– Тебе, сукин сын, лучше уйти отсюда подобру-поздорову, пока я не прирезал тебя.

Голос Будро с музыкальным, свойственным его родному языку произношением гласных звучал так же зловеще, как блеснул в темноте его отточенный нож. В следующий миг он убрал его от горла Кена и отступил. Тот слегка подвигал шей, словно для того, чтобы убедиться в ее невредимости. За-

тем ноги его подкосились, и он тяжело сполз по жестяной стене наземь.

– Двигай отсюда, – повторил Кэш. Его взгляд скользнул в сторону Шейлы. Холодный блеск его глаз заставил ее содрогнуться от страха. – И ее забирай.

Он повернулся спиной к своему недавнему противнику, нимало не опасаясь, что тот атакует его сзади. Шейла не сводила с него глаз, пока он не скрылся за автомобилями.

– Где твоя машина, Кен?

Подняв дрожащую руку, он махнул в сторону. Шейла, взяв его за руку, помогла подняться и доплестись до машины. Спросила ключи.

– Я сам поведу, – промямлил он.

– Ты пьян. Я поведу.

Самолюбие не позволяло ему уступить, и она взорвалась:

– Давай сюда чертовы ключи!

Он швырнул их с размаху ей в руки. Она села за руль и, когда обе дверцы захлопнулись, наконец вздохнула свободнее.

Перед шатким мостиком она даже не притормозила, и с треском рванула вперед. Она была зла как черт. На Кена – за то, что он вел себя как кретин; на Кэша – что втянул ее в такую гнусную историю. И больше всего на себя – что позволила обращаться с собой, как с наивной девочкой.

– Так, может, ты все-таки скажешь, что вы делали вместе?

– Ради Бога, Кен! Мы с тобой только что были в верте-

пе, где неразумные животные убивали друг друга на потеху пьяным негодьям. Делались незаконные ставки, и бог знает что еще творилось. А тебе понадобилось знать, что я делала с Будро!

Ее голос повышался на каждом слове, пока не достиг такой высоты и силы, что она сама это заметила. Взяв себя в руки, она продолжила:

– Он хотел мне кое-что объяснить. Я предложила ему деньги, чтобы он убил пса, напавшего на меня в лесу. И он хотел показать мне, насколько Джигер Флин дорожит своими собаками.

– Сумасшедшая! – завопил Кен, запуская пятерню в свою шевелюру. – Я же сказал, чтобы ты бросила эту затею! Убить боевую собаку Джигера Флина? Это все равно что вызвать его на дуэль на Мейн-стрит.

– Не ори. Будро отказался. – Слава Богу. Он прав. Откажись и ты, Шейла. Она решила оставить эту тему.

– А что делал там ты, Кен?

Он заерзал на дорогой коже сиденья и отвернулся к окну.

– Сегодня суббота. Неужели я не могу немного развлечься?

– Ты делал ставки?

– Разве это так уж плохо?

– Но ведь существует множество нормальных игр, где можно делать ставки. Скачки, карты.

– Нечего меня отчитывать! – Он сгорбился на сиденье и

глядел исподлобья, словно упрямый ребенок. – Трисия наорала на меня сегодня. Хотела, чтобы я поехал с ней в клуб на ее чертовы танцы. Я не желаю терпеть взбучки еще и от тебя.

Шейла замолчала. В конце концов, какое ей дело, чем занят Кен в свободное время? Он мрачен и, естественно, чувствует себя униженным и разбитым после того как Кэш выставил его в таком позорном виде.

– Он не ранил тебя? Кен покачал головой:

– К счастью, нет. Он такой же опасный, низкий и порочный, как эти псы. Не верь ему, Шейла. Не знаю, чего он хочет от тебя, но он преследует свои цели. Какими бы они ни были, они служат лишь его выгоде. – Он поднял вверх указательный палец для большей убедительности. – В этом я абсолютно уверен.

– Я буду встречаться с теми, с кем нахожу нужным, – холодно сказала она. – Я уже объяснила, зачем Будро привез меня сюда.

Он снисходительно склонил голову.

– А сообщил тебе он, какую сумму выиграл за сегодняшней бой?

Шейла резко затормозила посреди дороги.

– Как ты сказал?

Он злорадно ухмыльнулся:

– Я вижу, он забыл упомянуть о своих достижениях.

– Откуда ты знаешь?

– Он всегда ставит на собак Джигера. Поэтому можно не сомневаться, что сегодня он порядочно хапнул. Не знаю, что он тебе наплел, но он напрямую заинтересован в этих боях.

– Теперь мне понятно, почему он отказался, – пробормотала она.

– Конечно. Неужели он станет убивать собаку, которая приносит ему такие деньги?

Видя, как расстроилась Шейла, он ласково тронул ее за плечо.

– Послушай меня, Будро прежде всего заботится о своей заднице. Всегда помни об этом. Он живет инстинктом, как дикий зверь. Никогда не верь этому хитрому ублюдку.

Она скинула с плеча его руку и вновь завела мотор. Наклонившись через спинку сиденья, он положил руку ей на бедро, отнюдь не по-родственному сжимая его и поглаживая.

– Ты здесь совсем недавно. Не знаю, как там в столицах, но у нас пропасть, разделяющая социальные слои общества, непреодолима. И в этом есть свой глубокий смысл. Не надо пренебрегать этим, Шейла. – Он снова погладил ее бедро. – Ты только не забывай, к какому слою ты принадлежишь, и все станет на свои места. Держись подальше от этой белой швали. И не привлекай к себе внимания Джигера Флина. Иначе быть беде!

Его опекающий доверительный тон, пронизанный снобизмом, был хоть и противен, но вполне терпим, пока он не заговорил о Кэше. Тут она сразу разозлилась. Но тратить энер-

гию впустую, занимаясь переубеждением Кена, не хотелось. Слушая краем уха все эти пьяные разглагольствования, она только укреплялась в своем решении.

Поняв, что найти для этой акции нужного человека не удастся, она решила осуществить ее сама.

Глава 11

Если собаки залают, дело практически сорвется:

Флин может выйти во двор, чтобы выяснить причину переполоха. Все оказалось сложнее, чем она думала.

С одной стороны, нужно подойти поближе, чтобы не промахнуться; в то же время с малого расстояния псы могут почуять ее. Когда дело будет сделано, она готова объясниться с Флином, но попасться ему в руки раньше было бы глупо.

Вероятно, ей не следовало затевать это в одиночку. Что ж, риск большой, но отступить поздно. Хотя она до дрожи боялась Флина. В ее глазах он воплощал собой все зло на свете.

Еще днем, когда Трисии и Кена не было дома, а миссис Грейвс подметала веранду, Шейла зашла в комнату Коттона и выбрала дробовик 12-го калибра. После беглого осмотра она убедилась в том, что ружье было в исправности. Коттон всегда держал свое охотничье снаряжение в полной боевой готовности – мало ли что! Шейла ненавидела ружья. Их холодные безличные поверхности из дерева и металла вызывали в ней чувство отвращения. Но теперь она отбросила свои антипатии и сосредоточилась на том, чтобы успешно справиться с задачей.

Побыстрее покончив с ужином, Шейла извинилась и ушла к себе. Переодевшись, она выскользнула из дома через чер-

ный ход, чтобы избежать объяснений по поводу того, куда это она собралась с ружьем. К тому же малейшая задержка могла лишить ее мужества и заставить отказаться от задуманного.

И теперь ее отделяла от дома Флина только дорога. С сильно бьющимся сердцем она стояла в ста шагах за кустами и словно не сознавала, что должно сейчас произойти. Мысль, что она будет кого-то убивать, вызывала мучительную тошноту. Не то что убить, а даже причинить малейшую боль животному было для нее невыносимо. Только воспоминание о ночной атаке в лесу и боязнь, что следующей жертвой может стать беззащитный ребенок, поддерживали ее решимость. Собаки Флина не домашние животные, а существа, созданные только для убийства. Если Флин станет предъявлять претензии, она заплатит ему. Но больше никаких поблажек. Она сама проследит, чтобы был принят закон, запрещающий собачьи бои в Лорентском округе. По этому поводу она готова обратиться даже в конгресс.

За окнами то и дело двигались тени, отчего грязные тюлевые занавески колыхались, будто тронутые порывами легкого ветра. Чувствовался запах жареной свинины. Шейла рассчитывала, что этот густой запах помешает собакам почуять ее присутствие. Надо пересечь дорогу подальше от дома и подобраться к нему сзади.

Низко пригнувшись, Шейла еще минут пять наблюдала за домом, стараясь уловить внутри малейшее движение. Соба-

ки непрестанно сновали по загону, но молчали.

Глубоко вздохнув, она выбралась на дорогу и изо всех сил помчалась на противоположную сторону, зная, что в этот миг хорошо просматривается со всех сторон. Юркнув в тень полуразрушенного сарая, распласталась вдоль стены, пытаясь отдышаться.

Одна собака заворчала, остальные еще быстрее забегали по загону. Общее беспокойство росло. Затаив дыхание, она взвела курки. За легким металлическим щелчком последовало ворчание еще одной собаки. Пора.

Шейла вышла из-за сарая и направила ружье в сторону собачьей будки, от которой ее отделяло метров двадцать. Пальцы, совсем мокрые от волнения, вдруг соскользнули с курка, и в следующий миг раздался оглушительный выстрел.

Громовой звук взорвал тишину, словно пушечными раскатами. Она забыла об отдаче, но сокрушительная боль в плече тут же напомнила об этом, едва не лишив ее сознания.

Почти в беспамятстве уловила она невообразимый шум, поднявшийся вокруг. Бешеный вой из конуры, проклятия и крики из дома. Она словно ничего не замечала. Сконцентрировав все свое внимание, произвела второй выстрел. В этот момент Джигер Флин выскочил из задней двери дома.

Он был взбешен до умопомешательства. Лицо его стало сплошной кричащей маской, жидкие волосы торчали дыбом, рот, брызгая слюной, непрерывно извергал проклятия и угрозы. Босой, в рваной полосатой тенниске и спускающихся

ся штанах, он орал не переставая. Но главное – и это уже совсем не смешно, – Джигер потрясал пистолетом. Да, никто не солгал ей, предупреждая, что он шутить не будет.

– Мои собаки! Какой ублюдок мог... Убью, падла! Повернувшись в сторону Шейлы, он принялся наугад палить по кустам.

– Убью! Отправлю ко всем чертям. Пожалеешь, что на свет родился, сволочь, когда я вырву твое поганое нутро!

В окне появился чей-то силуэт, и красивый женский голос произнес:

– Что случилось?

Шейла вся задрожала, узнав этот голос.

– Заткнись, черномазая стерва! Звони шерифу. Какой-то ублюдок стрелял в моих собак.

И охваченный новым приступом бешенства, Джигер вновь стал палить в темноту. В этот раз пуля попала в стену сарая, отбив щепку у самой головы Шейлы. И уже не помышляя ни о чем, кроме бегства, она метнулась за сарай в сторону дороги.

Через секунду она остановилась прислушаться. Сзади донеслось тяжелое пыхтение Флина. Он заметил движение у сарая и кинулся через двор, проклиная попадающиеся под ноги предметы.

Какие уж тут дипломатические переговоры! Сейчас надо было бороться за собственную жизнь. Единственный путь лежал через дорогу в глубь леса. Она спустилась в придорож-

ную канаву и выбралась на дорогу. Флин следовал по пятам, стреляя и ругаясь без передышки. Она оказалась на середине дороги как раз в тот момент, когда из-за крутого поворота вырвался автомобиль и едва не сшиб ее, лишь в последний миг вильнув в сторону и притормозив в облаке взметнувшейся пыли, прямо как в кино. Дверца была открыта.

– Скорей, идиотка! – раздался голос Кэша. Забросив ружье в грузовой отсек, она схватилась за ручку открытой двери и забралась в кабину. В дверцу ударила пуля.

– Пригни голову! – крикнул Кэш.

– Рули сюда, сволочь! – орал Флин.

Он еще раз выстрелил, но ярость мешала целиться точнее. Пока он снова прицеливался, пикап исчез под пыльной завесой.

Шейла согнулась в три погибели на своем сиденье, уткнувшись лицом в колени и закрыв голову руками. Ее билась дрожь, которая не унялась и тогда, когда пикап был уже недосыгаем для пуль и истерических проклятий Флина.

Кэш вел машину с такой скоростью, словно это был гоночный автомобиль на спортивной трассе, выделявая виражи на ухабистой, как стиральная доска, дороге без помощи тормозов и фар, чтобы исключить преследование. Дорога пересекала заболоченные рукава затона столь же замысловато, как и тканые хлопчатобумажные узоры – старинное акадское покрывало. Кэш прекрасно ориентировался в этой местности.

– Ты как, в порядке? – На какую-то долю секунды его глаза

оторвались от дороги, чтобы взглянуть на пассажирку.

– Нет! Немедленно отвези меня назад.

– В Бель-Тэр?

– К Флину.

Он вылупил на нее глаза:

– У тебя мозги на месте, леди?

– Отвези меня назад, Кэш.

– Вот черт! Я устал спасать тебя!

– А я и не просила.

– Ты сейчас лежала бы мертвая, если бы не я! – вдруг закричал он.

– Я должна вернуться. Джигер сказал, что вызовет шерифа. А если там будет шериф, я смогу объяснить...

В эту минуту Кэш сильно тряхнул ее за плечи. Она замолкла.

– Шейла, ты не представляешь, с кем хочешь иметь дело. Он никогда в жизни не обратится к закону. Он будет сам добираться до горла. Совсем как его пес. Я советовал тебе не связываться с ним, но теперь дело сделано. Поэтому молчи и оставь все как есть.

– Но я не могу иначе, – со слезами в голосе повторила она.

– Черта с два! – в сердцах выругался он. – Ты что, не слышишь, что я тебе говорю?

– Я видела Гейлу. Через окно.

– Гейлу Френсис?

– Да, дочку Веды. Ты ведь знаешь ее? Она в доме у Флина.

Кэш отпустил ее и сделал шаг назад. Уцепившись для устойчивости за дверцу, Шейла вопросительно глядела на него.

– Гейла живет с ним уже несколько лет, – ответил он.

Земля поплыла под ее ногами, черные деревья утратили очертания и закружились над головой.

– Гейла? С Джигером Флином? Невероятно!

– Но это так.

Пикап несся по проселку с потушенными фарами, петляя по дорогам, иногда столь узким, что ветви деревьев хлестали по машине и смыкались над головой в живой туннель. Шейла молчала. Если он так хорошо знает, что делать, пусть делает. Она отдыхала, временно предоставив другому принимать за нее решения, и, бессильно прислонив голову к открытому окну, наслаждалась прохладным потоком встречного ветра.

– Расскажи мне про Гейлу. Как могло случиться, что она согласилась жить с этим подонком?

– Приедем домой, расскажу. Ко мне домой.

– Я не поеду.

– Я сегодня достаточно наворчался возле дома Флина в ожидании, когда ты выкинешь очередной из своих сумасшедших фортелей.

– Такты...

– Стоял за поворотом.

– Ты был так уверен, что я приду?

– Я сильно подозревал, что ты предпримешь что-нибудь

вроде этого.

– Даже после того как предостерег меня? Он бросил на нее неприязненный взгляд:

– Именно потому, что я предостерег тебя. Помолчав несколько мгновений, она сказала:

– Я чувствую, мне снова надо благодарить тебя.

– Qui. Я тоже так думаю.

Глава 12

Он остановил машину. Тормозная педаль тяжело закричала, когда он придавил ее ногой. После этого он повернулся к Шейле. Долго и напряженно они глядели друг на друга.

– Чем ты отплатишь мне за то, что я снова спас тебя? – тихо спросил он. – Твой счет растет.

Шейла сидела как каменная и чувствовала себя совершенно опустошенной. Рот пересох, но вовсе не от недавней рвоты.

Наконец после долгой паузы его губы растянулись в обычную кривую ухмылку.

– Успокойся. Сегодня я не стану предъявлять счет.

– Как благородно с твоей стороны!

– Не в этом дело. Просто сроки еще терпят. – Он с силой толкнул дверцу машины. – Дальше пойдем пешком, мисс Шейла.

Чтобы не показываться на дорогах, ведущих в Бель-Тэр, он выбирал окольные пути и подъехал к дому с дальнего конца. Взяв Шейлу за руку, он повел ее по тропинке к затону, где между столетними деревьями приютился маленький дом.

Этот дом, построенный из кипарисов, был, по-видимому, так же стар, как и поместье Бель-Тэр. Подобно ресторанчику Реда Бруссара, он стоял на огромных столбах. Металлическая кровля нависала над крыльцом, устроенным в виде ни-

ши, и поддерживалась столбами перил. Ставни, оставленные открытыми, позволяли видеть сетки от насекомых на окнах. Установленная сбоку от крыльца наружная лестница вела на второй этаж.

Они поднялись по деревянным ступеням и вошли в центральную комнату первого этажа. В глубине размещались камин и маленькая кухня. Комната служила столовой и гостиной одновременно. В доме было гораздо чище, чем ожидала Шейла, но вся атмосфера носила отпечаток одинокой жизни хозяина.

Архитектура дома Будро была типичной для акадских строений, вплоть до так называемой галереи – закрытой сетками террасы со ступенями, которая тянулась по всей задней стене дома. Здесь стояли двуспальная железная кровать, бюро и шаткий столик с портативным телевизором. Книжный шкаф заполняли бестселлеры в мягких обложках и иллюстрированные журналы. Содержание этой библиотеки поразило ее так же, как поразила чистота дома. Было ясно, что большую часть свободного времени он проводит на галерее. Оттуда открывался вид на затон.

– А что наверху?

– Спальня матери.

Часть мебели была самодельной, но выполненной с большим мастерством. В доме находилось и несколько вполне современных предметов – телевизор, микроволновая печь, вентилятор с тростниковыми лопастями, прикрепленный к

балке потолка в центральной комнате. Кэш включил его, дернув за шнурок, и в неподвижном воздухе возник ветерок.

– Выпить хочешь?

Он прошел в чулан возле кухни, отдернул ситцевую занавеску и достал бутылку виски.

– Мне с водой.

– И лед?

Она отрицательно покачала головой. Он вернулся к ней с бутылкой и стаканами. Пододвинул стул с самой обыкновенной обивкой, из тех, что продаются в любой американской мебельной лавке.

– Садись.

Этот стул выглядел до смешного нелепо в таком самобытном старинном доме, но Шейла вдруг обрадовалась ему, словно старому знакомому. Слишком уж много всего ей пришлось сегодня пережить. У нее до сих пор еще стучали зубы.

– Спасибо.

Пододвинув себе такой же стул, он сел напротив и отпил из своего стакана, поставив бутылку на маленький столик между ними. Рядом с бутылкой водрузил скрещенные ноги в башмаках.

Сделав торопливый глоток, она поставила стакан на столик рядом с башмаками Кэша и встала.

– Еще налить?

– Нет, спасибо.

Она беспокойно прошлась по комнате, подошла к ок-

ну над кухонной раковиной. На подоконнике стоял ящик с землей, густо засаженной травами. «Огородик» был хорошо ухожен.

Она вопросительно оглянулась на Кэша. Тот пожал плечами и налил себе еще неразбавленного виски.

– Мать всегда что-нибудь выращивала в этом ящике.

– Это трава для твоих чудодейственных снадобий? – насмешливо спросила она. Он ответил серьезно:

– Для некоторых.

Над старым шумящим холодильником висела большая доска с припиленными к ней старыми фотографиями. Шейла запрокинула голову, чтобы лучше разглядеть их. Среди других был снимок женщины и мальчика с буйными кудрями и не по-детски серьезными глазами.

– Это ты? А это твоя мать?

– Qui.

У женщины были черные кудрявые волосы, обрамлявшие треугольное лицо, резко сужавшееся от широкого лба к острому зазорному подбородку. Удлиненные экзотические глаза создавали впечатление, что она знает тысячи секретов, а таинственная улыбка свидетельствовала о том, что она ни один из них не выдаст. Губы сердечком, пухлые и чувственные, полные желанья и соблазна.

Шейла немного помнила Монику, но совсем не такой молодой. К тому же она видела ее только издали. Фотография заморозила ее.

– Твоя мать была красивой.

– Благодарю.

– А сколько тебе здесь лет?

– Лет десять, не знаю точно.

– А по какому случаю вы снимались?

– Тоже не помню.

Шейла разглядела остальные фотографии. На них было много моряков в полном боевом снаряжении, с жетонами на цепочках вокруг шеи, с глупыми улыбками и в нелепых позах. На одной из фотографий Шейла узнала Кэша.

– Вьетнам?

– Qui.

– Вы все так страшно довольны собой и друг другом.

Он фыркнул:

– Да, нам было там дьявольски весело.

– Не думай, я вовсе не смеюсь, – попыталась она исправить положение.

– Вот этот усатый получил пулю в живот на следующий день после того, как сфотографировался. – Не вставая с места, он указал еще на одну фотографию. – Я не очень-то интересовался, что в точности произошло с парнем в чудной шляпе. Мы пошли в патруль. А когда услышали его крик, газанули оттуда, как черти.

Шейлу поразил его спокойный тон.

– Как ты можешь говорить так равнодушно о погибших друзьях?

– У меня нет друзей.

Она отпрянула, словно от удара.

– Отвези меня домой, – сердито потребовала Шейла.

– Тебе здесь не нравится? – он гостеприимно обвел рукой скромный интерьер комнаты.

– Мне не нравишься ты!

– Большинство представителей твоего класса меня не любят.

– Я не представитель класса, я сама по себе. А не любят тебя потому, что ты лживый, циничный сукин сын. Где телефон? Если ты не желаешь везти меня, я позвоню, чтобы кто-нибудь за мной приехал.

– У меня нет телефона.

– Нет телефона?

Он ухмыльнулся в ответ на откровенное недоверие, прозвучавшее в ее вопросе.

– Это мой способ уклоняться от нежелательных разговоров.

– Как же ты обходишься?

– Если мне надо позвонить, я еду в нашу контору.

– Но ведь там дверь всегда заперта!

– Есть иные пути. Шейла вспыхнула:

– Ты вскрывал замок? Вламывался в чужой дом и обманывал нас?

Его ухмылка, несколько не похожая на раскаяние, вполне соответствовала наглому кивку, которым он подтвердил об-

винения в свой адрес.

– Ты не только неприятный тип, но еще и взломщик!

– Кроме тебя, никто не возражает. – Он явно забавлялся, наблюдая ее праведный гнев.

– А разве кто-нибудь знает об этом?

– Коттон.

Шейла была поражена.

– И Коттон позволяет тебе пользоваться имуществом Бель-Тэр? В обмен на что?

– Это останется между нами. Со стуком поставив стакан, он подался вперед и облокотился на колени.

– Я надеюсь, ты не собираешься предпринимать что-либо столь же безумное на этот раз по поводу Гейлы Френсис?

– По крайней мере, мне надо, поговорить с ней.

– Не надо. Она не обрадуется твоему вмешательству.

– А я все-таки вмешаюсь, черт побери! Я хочу сама услышать от нее, что она добровольно выбрала этого человека. Иначе я этому никогда не поверю. Не понимаю, куда смотрит Веда!

Он как-то странно поглядел на нее.

– Веда умерла.

У Шейлы перехватило дыхание. Колени подкосились, и она рухнула на стул. Опустошенными глазами она уставилась на Кэша.

– Ты говоришь правду?!

– Да.

– Веда умерла?!

Он кивнул, еще раз подтвердив сказанное. Она опустила взгляд и, уставившись в пространство, старалась вообразить себе мир без Веды. Большой, надежной, любящей Веды, которая нянчила ее с пеленок, а потом стала ее поверенной в сердечных делах.

– Когда?

– Несколько лет назад. Вскоре после твоего отъезда. Неужели сестра тебе не сказала?

Ее охватило холодное, как смерть, оцепенение. Она покачала головой:

– Нет, не говорила. Сказала только, что рассчитала Веду.

Он пробормотал ругательство.

– Рассчитала, да! Это и было началом конца. Веда заболела. Думаю, оттого, что эта сука, которую ты называешь сестрой, выгнала ее из Бель-Тэр. – Он откинулся на спинку стула. – Веда была слишком стара, чтобы найти другое место. Гейле пришлось оставить колледж и вернуться домой, чтобы ухаживать за матерью. Работу найти не удалось, хотя Гейла бралась за все, что подворачивалось под руку. А потом она нанялась буфетчицей в бордель. Там ее Джигер и заприметил. Она ему понравилась. Он стал ее опекать и так поднастаскал, что она может обслужить любого самого привередливого клиента.

Шейла смотрела на него как на сумасшедшего.

– Ты врешь!

– Для чего? Спроси кого хочешь, и тебе скажут. Гейла брала клиентов в самых дешевых притонах города.

– Она бы ни за что на свете на это не пошла!

– Видимо, она не видела другого выхода. Шейла решительно не могла в это поверить.

– Она такая миловидная, такая нежная, такая умница.

– Наверное, поэтому она и нарасхват.

Шейла прикусила губу, стараясь сдержать слезы.

– Среди девочек Джигера Гейла сияет, словно новый пенни. Поэтому он и забрал ее себе. И теперь только изредка выдает напрокат – и то за большую цену.

Шейла уронила голову на руки. Кэш безжалостно продолжал:

– Веда умерла скорее всего от стыда и скорби. Трисия Хоуэл распространила сплетню, что Веда не справляется с работой, что она чуть не спалила дом, оставив утюг. А потом – вся эта история с Гейлой. Веда не смогла вынести то, что сделали с ее дочерью.

Нет, это просто не могло быть правдой. Шейла знала Гейлу с момента ее рождения – она была поздним ребенком. Шейла плакала вместе с Ведой, когда мистер Френсис погиб при взрыве маслоочистительной машины, на которой работал. В это же время Коттон пригласил Веду поселиться в Бель-Тэр. Дочка Веды на глазах у Шейлы превратилась в прелестного подростка. Позже – Шейла тогда уже уехала в Англию – Веда отдала ее в колледж.

– А где Джимми Дон? – спросила Шейла. Джимми Дон Дэвисон и Гейла нежно любили друг друга с детского сада. Он стал звездой школьной футбольной команды в Хевене. У него оказались такие необыкновенные способности к спорту, что его заметил тренер из высшей лиги США и взял на полное четырехлетнее обучение. Джимми Дон был симпатичным интеллигентным парнем, которого в школе все любили – и негры, и белые. И все знали, что он принадлежит Гейле Френсис, а она – ему.

– Он отбывает срок.

– Срок?! Он в тюрьме?! – вскричала Шейла. – За что?

– В то время, как все это произошло с Гейлой, он еще учился. А когда узнал, что она связалась с Джигером, напил-ся до сумасшествия и устроил в баре настоящее побоище – крушил все и избил многих из тех, кто там был. А парня, который хвастался, что спал с Гейлой, и описывал, какой она лакомый кусочек, чуть не убил. Потом был признан виновным и отбывает срок. Загремел года на три.

Шейла закрыла лицо руками. Это было уже чересчур для одного раза. Веда. Гейла. Джимми Дон. Три загубленные жизни, И во всем, хотя и косвенно, виновата Трисия. И, наверное, она, Шейла, тоже.

Она подняла голову и взглянула на человека, ссутулившегося на стуле напротив нее. Казалось, ему доставляет удовольствие мучить ее.

– Тебе нравится рассказывать мне это, не так ли? Он кив-

нул.

– Чтобы ты знала, с кем живешь в этом большом красивом доме. Твоя сестра – грязная сволочь. Ее толстожопый муж – шут гороховый. Коттон... – тут Кэш немного помолчал, – черт, никак не могу понять, что с ним творится. Он держится словно посторонний и позволяет Трисии играть чужими судьбами, как ей заблагорассудится.

Шейла вскинула подбородок. Одно дело, если она сама знает слабости своих родных, и совсем другое, если о них рассуждает чужой, особенно Кэш Будро.

– Поступки людей, живущих в Бель-Тэр, не имеют к тебе никакого отношения. Я не позволю злословить о них никому.

Она встала и теперь смотрела на него сверху вниз, надменно и повелительно. От этого взгляда он вдруг потерял голову. Еще секунду назад его спина расслабленно наваливалась на спинку стула, но в следующий миг он уже стоял, сильно сжимая ее плечи.

– Я буду говорить, что хочу и о ком хочу, черт бы меня побрал.

– Только не о моей семье.

Его пальцы прошли сквозь ее волосы и сжали ей затылок, так что она не могла двинуть головой. Он нагнулся к ее лицу.

– Хорошо. Тогда я буду говорить, что я думаю о тебе.

– Меня не интересует твое мнение. Отвечая, он легко коснулся губами ее губ:

– Я уверен, что интересуется.

– Прекрати сейчас же.

Улыбнувшись, он снова скользнул губами по ее рту.

– Я думаю, что ты, видимо, самая интересная женщина, какую я встречал за последнее время, мисс Шейла.

– Отпусти меня.

Она пыталась уклониться от его ищущего рта, но ей некуда было деться. Его губы непрестанно касались ее лица, словно опадающие лепестки. Она хотела воспротивиться, но не решалась.

– Женщина, которая идет против Джигера Флина, черт ее дери, – это факт, достойный самого пристального внимания.

Прижав ее тело к своим бедрам, он чиркнул «молнией» джинсов по невидимому бугорку между ее ногами.

– Ты мне отвратителен.

В ответ он тихо, но цинично рассмеялся.

– Я? Да ты спроси у других, мисс Шейла. Большинство женщин так не думают. Да и ты, я уверен, стораешь от желания убедиться в этом.

Она попыталась увернуться, но он снова сжал пальцами ее голову, причем довольно сильно, словно тисками. Приподняв к себе ее лицо, поцеловал. Она издала придушенный звук, чувствуя, что его язык все глубже продвигается между зубами ей в рот. Это медленное неуклонное проникновение потрясло ее. Покачнувшись, она вцепилась в его плечи, чтобы не упасть. После долгого, прошедшего сквозь все тело

поцелуя он поднял голову и жестко сказал:

– Вот что я о тебе думаю. Ты, конечно, напустила на себя неприступность настоящей леди, но на самом деле ты как ракета на Четвертое июля⁴ – готова воспламениться и даже взорваться.

Его руки соскользнули ей на шею, плечи и наконец сжали талию.

– Чувствуешь меня? Я и есть тот запал, который поможет тебе взлететь.

Она сильно ударила его по щеке. Его глаза опасно сузились.

– В чем дело? Не приучена к...

– К грязи, мистер Будро! Совершенно верно, к грязи я не приучена.

– А твой родственничек всегда залезал к тебе в постель чистеньким?

Шейла даже побелела от возмущения. Кэш тихо рассмеялся:

– Не понимаю, как Хоуэлу удавалось обслуживать вас обеих – тебя и твою сестру.

– Заткнись!

– Всем в городе это ужасно интересно. Бегал ли он из одной спальни в другую или вы все трое спали в одной большой счастливой кровати?

Шейла так сильно толкнула его в грудь, что он отпустил

⁴ 4 июля – День независимости США.

ее. Она выбежала из комнаты, пронеслась по ступенькам крыльца. Он следовал сзади, не отставая ни на шаг. Поймав ее за запястье, резко остановил.

– Тебе нет необходимости убежать. Мне не нужны объедки Хоуэла. Садись в пикап. Отвезу тебя домой.

– Я никуда с тобой не поеду. Мне говорили, что ты непорядочный, теперь я имела случай в этом убедиться!

Она вырвала руку из его пальцев. Как же ей противен этот человек! А она еще пыталась вести себя с ним, как с равным. Кен прав, он не заслуживает этого. Сословные различия уходят в далекую историю. Они неизменны, как годовые кольца на дубовом пне, и, видимо, действительно непреодолимы. Может быть, с этим трудно примириться, но идти против этого нельзя. Кэш Будро опустил ее до своего уровня, и она чувствовала себя выпачканной в грязи.

– Теперь, когда ты все мне высказала, садись в пикап, – сказал он.

– Да лучше в ад, чем с тобой!

– Куда ж в таком случае ты направляешься?

– Домой.

Он пошел вслед за ней.

– Не дури. Ты не можешь идти в Бель-Тэр пешком среди ночи.

– Держу пари, что могу.

Он снова развернул ее лицом к себе.

– Я сказал то, что тебе не нравится. Вот ты и разозлилась.

Меня здесь все называют белой швалью. Пускай. Их паршивое мнение не стоит ни гроша. У меня есть свое собственное мнение. Я не сомневаюсь, что меня ждет преисподняя за некоторые мои дела, но я никогда не выгонял из дома старуху-негритянку, жизнь которой зависела от меня. Так поступила твоя сестрица, которая считает себя благородной. Я никогда не делал вид, что меня это не касается, и не пускал такие дела на самотек, как твой слизняк Хоуэл. И я не закрывал на все глаза, как твой Коттон.

Шейла посмотрела в его лицо. Даже во мраке было видно, как его презрительный взгляд пронизывает ее.

Его поцелуй был завораживающе нежен, но не обещал продолжения. Кэш хотел обидеть ее, наказать за то, что она не хочет принять его таким, какой он есть.

– Держись подальше от Бель-Тэр! – воскликнула она. – И от всех, кто там живет. Иначе я пристрелю тебя за вторжение в мои владения.

С этими словами она подошла к пикапу, достала оттуда свое ружье и отправилась домой пешком.

Глава 13

Гейла сидела в углу на стуле со спинкой в виде лесенки. Джигер постоянно хотел ее видеть. Особенно это ему нравилось, когда собиралась его компания. Впрочем, слышать ее он предпочитал поменьше. Кроме тех случаев, когда он хотел, чтобы она принимала его гостей.

Сегодня в гостях – шериф. По натуре он, конечно, свинья. Однако сегодня он был как бы по служебным делам, и это освобождало Гейлу от ее обязанностей.

– Ты вспомни, Джигер, с кем ты в последнее время ссорился?

– Да нет у меня ни одного врага в целом мире, шериф, – ласково сказал Джигер, – и ты сам это знаешь.

Они оба знали, что все как раз наоборот. Шериф громко прочистил горло и похотливо взглянул на Гейлу. Ее лицо ничего не выражало, словно она была чересчур глупа, чтобы уловить смысл их беседы. Только благодаря этой своей пассивности она смогла пережить последние несколько лет. Она продолжала сидеть неподвижно, словно не замечая, как шериф тарашится на ее высокие заостренные груди. Легкое узкое платье, которое Джигер заставил ее надеть, едва прикрывало их. Она глядела на шерифа безжизненными глазами и размышляла, на какое животное он похож.

Пэтаут вытер рот тыльной стороной ладони и неловко по-

ерзал на стуле.

– Налей-ка мне чуток, – он кивнул на бутылку. – Ужасно душная ночь. Жарко, как в чертовом пекле.

Джигер налил ему изрядную дозу, и тот проглотил виски одним глотком. На лбу у него тут же выступили капли пота.

– Может, у тебя и нет врагов, Джигер, – язвительно засипел он, – но я уверен, что ты кому-то нагадил.

– Ублюдки, – пробормотал Джигер.

– Думаешь, он был не один?

– Стрелял один. Второй ждал в пикапе.

– Ты узнал машину?

Джигер покачал своей блестящей намащенной головой:

– Было очень темно. Да и произошло все слишком быстро.

– А ты что-нибудь видела?

Гейла чуть не подскочила, увидев, что Пэтаут обращается к ней. Она подобрала под стул свои босые ноги и выпрямив руки, зажала кулачки между колен, словно пряча что-то. Но так ее грудь еще более приподнялась, и, заметив это, девушка приняла прежнюю позу. Похотливый мерзавец с форменной бляхой, приколотой к нагрудному карману рубашки, напярлся, пожирая ее жадным взглядом.

Она отрицательно покачала головой. Даже если они станут пытаться ее, она никогда не выдаст Шейлу Крэндол. Она молилась Всевышнему, чтобы Шейла не узнала ее. Если это произойдет, ей будет противно даже плюнуть на тень Гейлы. Они никогда не встретятся. Но Шейла вернулась, и одна эта

мысль согревала сердце девушки.

– Ничего такого я не видала, шериф, – промямлила Гейла, стараясь говорить с простонародной интонацией.

Джигер бросил на нее свирепый взгляд через плечо.

– Где твои манеры, куколка? Дай шерифу поесть.

– Не надо, Джигер, я поужинал в кафе.

– Принеси ему поесть. – Глаза Джигера, словно булавки, пришили ее к грязным обоям с большими, похожими на капусту розами.

– Он не хочет.

– Я велел дать ему ужин! – зарычал Джигер, грохнув по столу кулаком, отчего виски заплескался в бутылке, янтарными каплями сползая вниз.

Гейла поднялась на ноги. Ее шаги зашелестели по грязному полу. С полки над старой газовой плитой она достала тарелку. Взяла со сковороды жирную свиную котлету, бросила в тарелку, добавила ложку тушеной капусты, отломив кусок холодной кукурузной лепешки, которая осталась с обеда, и положила сверху. Затем понесла это малоаппетитное блюдо к столу и небрежно поставила перед шерифом.

– Спасибо. – Пэтаут нерешительно оскалился. Джигер положил руку ей на талию и притянул к себе, так что его плечо прижалось к ее животу. Его рука спустилась ниже и остановилась на копчике, пощипывая и нажимая на косточку сквозь тонкую материю платья.

– Она хорошая девочка. И когда... – Не договорив, он

звучно шлепнул ее по заду ладонью, словно хлестнул кнутом. Гейла даже не вздрогнула.

Джигер засунул шершавую ладонь ей под юбку, ведя ею вверх по ногам сзади. Она внутренне сжалась, но ни в ее позе, ни в выражении лица ничто не изменилось.

Шериф продолжал глотать куски, время от времени одобритительно хмыкая.

– Я, конечно, сделаю все возможное, хотя дело запутанное.

– Если найдешь этих ублюдков, Гейла и я сделаем тебе небольшой подарок, правда, детка?

Пэтаут прекратил жевать и довольно долго рассматривал Гейлу. Его губы и подбородок блестели от свиного жира. Она тоже смотрела ему в лицо, размышляя, можно ли понять по выражению ее глаз, насколько она презирает всех мужчин.

Шериф тяжело сглотнул и отодвинул пустую тарелку. Поднялся, натягивая пояс штанов на вылезший живот, и взялся за ковбойскую соломенную шляпу.

– Тогда я должен поторопиться. Буду искать пикап с пулевым отверстием.

– Придется осмотреть чуть ли не все пикапы в округе, – заметил Джигер.

Он оттолкнул Гейлу в сторону, словно ненужный предмет, и пошел проводить шерифа до входной двери, занавешенной сеткой.

– И даже более того, ты ведь понимаешь? – напористо до-

бавил потерпевший.

– Не надо учить меня, как работать, Джигер. Злые глазки Флина еще более потемнели от вновь вспыхнувшей ярости.

– Знаешь, что я тебе скажу, шериф? Ублюдкам, которые сделали это, будет гораздо лучше, если ты найдешь их раньше, чем я.

Они обменялись понимающими взглядами. Пэтаут надел шляпу, бросил на Гейлу последний похотливый взгляд и вышел. Со скрипом и треском старого дерева дверь за ним захлопнулась.

Джигер обернулся к Гейле, которая взялась мыть жирную тарелку после шерифа.

– Быстро в постель.

Обычно, услышав эту команду, она бросала свое занятие и шла в спальню. Чем скорее она покорится, тем скорее все кончится. Внезапно она вспомнила Шейлу, которая по неизвестной причине выступила против этого мерзавца. Такая мысль придала ей храбрости, и она решилась:

– Я... я не могу сегодня, Джигер. У меня месячные. Он с силой шлепнул ее по губам тыльной стороной ладони. На губах выступила кровь.

– Не ври, сука. У тебя были месячные на прошлой неделе. Ты думаешь, я идиот? Или у меня склероз?

Он пнул ее в ягодицы, так что она отлетела лицом в стену.

– Не надо, Джигер, я не вру.

Захватив в пятерню ее короткие курчавые волосы, он так

дернул их, что слезы полились из прекрасных глаз девушки. Она всегда старалась стричь волосы покороче, чтобы он не мог поступать вот как сейчас, но это не всегда помогало.

– Я сказал – в постель, значит – живо и без разговоров.

Безжалостные пальцы, не разжимаясь, потащили ее вдоль стены к двери спальни. Отпустив волосы, он сильно толкнул ее в затылок, едва не свернув шею. Споткнувшись, она влетела в комнату. Сразу ставшая покорной, Гейла сняла платье, легла на спину.

Он разделся и вскарабкался на нее. Пружины затрещали под грузным телом. Хрюкая, словно кабан, он вогнал в нее орудие пытки. Выгнувшись от боли, она вцепилась обеими руками в грубую простыню и уперлась пятками в жесткий матрас, но не издала ни звука. Он любил, когда она кричала и корчилась от боли. Поэтому она и привыкла терпеть изо всех сил, только бы не доставить ему еще и этого удовольствия. После единственной непроизвольной реакции на грубое вторжение она ни разу не шелохнулась.

Еще и еще он толкался в нее, словно тяжелый молот. И это не имело ничего общего с нежными, волнующими ее тело движениями Джимми Дона в их первые робкие свидания. Ей тогда едва минуло пятнадцать. Оба были так юны и так полны своей любовью, что не могли отвести глаз друг от друга и разнять рук. Их кровь неслась по жилам горячо и сладко, как кипящий поток шоколада. Поцелуев и ласк стало недостаточно, и не было сил противиться зову тела. Господи Бо-

же, какое же это было счастье!

Потом они стали встречаться постоянно. И после этих встреч у нее никогда не было того мерзкого ощущения грязи, какое всегда оставалось после объятий Джигера.

Она думала о Джимми постоянно, хотя и не так часто, как о самоубийстве. Мысль о том, что она скоро убьет себя, служила ей главной опорой, с тех пор как она попала к Джигеру. Единственное, что еще удерживало ее, – это слабая надежда, что придет день, и Джимми Дон вернется. И тогда она вымолит его прощение. Она думала еще и о том, чтобы убить своего мучителя. Когда он валялся, бесчувственный, в запое, она воображала себе, как загонит кухонный нож в его вонючие кишки и покончит с этим навсегда. И что бы потом ни сделали с ней, это все равно будет лучше, чем ее жизнь с Джигером.

Глава 14

– Во время вашего отсутствия вам звонили, – официальным тоном сообщила миссис Грейвс. – Я положила записку на письменный стол мистера Крэндола в его кабинете.

– Спасибо.

Шейла бросила сумочку и ключ от машины на ворох нескрытой почты и села в мягкое кожаное кресло, совсем такое же, как в конторе на лесосеке, но не столь памятное и дорогое, потому что Коттон сживал в нем нечасто.

Мысли Шейлы вновь завертелись вокруг отца. У него все еще никаких перемен. Кардиолог только что сказал ей, что отсутствие перемен в таком положении тоже неплохо.

– Значит, вы не можете пока сказать, когда будет операция?

– Нет. Но чем больше времени мы дадим ему для восстановления сил, тем лучше. Сейчас каждый день отсрочки работает на нас.

После короткого визита в палату Коттона, совершенно упавшая духом, она отправилась домой. Страшно хотелось услышать голос Марка. Жара действовала угнетающе. И хотелось чего-нибудь вкусного. К тому же безумно надоели бесконечные ссоры Трисии и Кена. А лучше всего – лечь в постель и как следует выспаться.

Набирая телефонный номер, который записала для нее

миссис Грейвс, она вспомнила две причины, не дававшие ей сегодня уснуть. Одна – Гейла Френсис, другая – Кэш Будро.

– Национальный банк «Дельта», – послышался вежливый голос. Она растерялась.

– Как, прошу прощения?

– Национальный банк «Дельта». Чем могу служить?

Она никак не ожидала, что это деловой звонок. В записке стояли просто имя и фамилия.

– Мистера Дейла Гилберта, пожалуйста, – прочитала она, придав голосу требовательный оттенок.

– Он разговаривает по телефону. Вы подождете?

– Да, хорошо.

В ожидании ответа Шейла сняла туфли и подвигала онемевшими пальцами по ковру. Завтра она снова наденет сандалии. А носить колготки и туфли в такую жару – просто мазохизм.

Кто же такой, черт возьми, Дейл Гилберт? Имя не будило никаких воспоминаний. Она стала копаться в своей памяти, но ничего определенного не обнаружила. Прекратив наконец свои старания, Шейла задумалась о более важных вещах.

Во-первых, чем-то надо помочь Гейле. Но чем? Все, что рассказывал Кэш, слишком жутко, чтобы можно было не поверить. И, видимо, он прав – Гейла не захочет ее вмешательства. И все-таки надо что-то предпринять. Гейла не должна жить с этим жалким подобием мужчины. Оскорбительные слова, с которыми он обращался к ней, показывают, как

ужасно все, что там происходит. Шейла просто не могла быть в стороне и оставить все как есть. Надо срочно решить, что делать и как найти подход к девушке, чтобы не обидеть ее. Это проблема, но сейчас не до этого. Сейчас надо решать, как быть с Кэшем Будро. Легче всего ответить: никак. Ничего не надо делать. Он всегда жил в Бель-Тэр, и она едва знала об этом. Почему теперь это должно волновать ее? Ну поцеловал он ее, и что же? Забудь об этом.

Но забыть этого нельзя. Она словно припала к нескончаемому источнику. Какие усилия приложить, чтобы вычеркнуть его из памяти? Она не должна больше этого хотеть. Но ей хотелось. Она снова и снова вспоминала тот миг, и каждый раз все ее тело пронизывала острая дрожь.

– Мистер Гилберт ждет вас. Шейла встрепенулась:

– Да-да, спасибо.

– Гилберт слушает.

– Мистер Гилберт, это Шейла Крэндол. Вы хотели говорить со мной?

Тон незнакомого голоса мгновенно изменился. За резко прозвучавшей первой фразой последовали заискивающие, почти заботливые интонации:

– Да-да, мисс Крэндол, очень рад. Поистине, очень рад. Благодарю за любезность.

– Разве мы знакомы?

Он засмеялся над ее прямолинейностью:

– О, в этом вопросе у меня перед вами явное преимуще-

ство – я столько слышал о вас, что могу считать своей знакомой.

– Вы работаете в банке?

– Я президент.

– Поздравляю вас.

Возможно, он не понял ее шпильки. Но скорее всего предположил не заметить.

– Я имел дела с Коттоном. Он говорил, вы живете в Лондоне?

– Так и есть.

– Как он себя чувствует?

– Единственное, что можно сейчас сделать для него, – это ждать, – повторила она слова доктора. Он сочувственно хмыкнул:

– Да, могло бы быть хуже.

– Конечно, и гораздо хуже.

Разговор не клеился. Шейла уже мечтала повесить трубку и принять аспирин, чтобы избавиться от мучающей ее головной боли.

– Спасибо, что вы нас не забываете, мистер Гилберт. Коттон будет рад, что вы справлялись о его здоровье.

– Мой звонок – это не просто дань вежливости, мисс Крэндол, – внезапно включилась совсем иная интонация. Никакой показной сердечности больше не было.

– Слушаю вас.

– Мне необходимо поговорить с вами лично. Это касается

банковских дел.

– Со мной? Разве вам неизвестно, что все наши дела ведет мистер Хоуэл, мой зять...

– Финансовые дела «Крэндол Логинг» – безусловно. Но так как мое дело касается непосредственно Бель-Тэр, я посчитал себя обязанным поставить в известность именно вас. Для вашего же блага.

Ее брови резко сдвинулись, образовав на лбу глубокую складку, но на этот раз не от головной боли.

– В чем дело?

– Невыплаченная ссуда. Но я прошу вас прийти. Об этом необходимо говорить с глазу на глаз.

Чем-то он был ей неприятен. Подсознательно она чувствовала его враждебность. Его интонации были лживы. Больше всего ей хотелось послать его к черту. А потом раздеться, принять освежающий душ и улечься в прохладную постель до самого ужина. И, может быть, уснуть.

Она отбросила эти мысли.

– Хорошо, я сейчас приеду.

– Извините, но сейчас...

– Тогда назначьте время.

Через час Шейла уже входила в отделанное под розовый мрамор фойе Национального банка «Дельта». Здание было новым и занимало целый квартал города. Этот шикарный современный вестибюль казался ей уродливым. В нем было чисто и тоскливо, как в больнице, и отовсюду пахло только

деньгами. Здесь не чувствовалось ничего человеческого. По необъятному зеленому ковру были симметрично расставлены группы металлических стульев с жесткими розовыми сиденьями. Коттон любил говорить, что стул только тогда стул, если дерево чуть-чуть скрипнет, когда ты опускаешься на него всей тяжестью. Л Шейла с ним полностью согласна.

– Мисс Крэндол, сюда, пожалуйста.

Ее провели через вестибюль в один из раззолоченных кабинетов за стеклом, похожих на аквариумы. Здесь размещался мистер Гилберт, президент Национального банка «Дельта».

Пожимая ей руку, он вкрадчиво улыбнулся:

– Мисс Крэндол, вам повезло, что у меня выдалось немного свободного времени. Садитесь, пожалуйста. Кофе?

– Нет, благодарю.

Кивком отпустив секретаршу, он уселся за стол и сложил руки на животе.

– Рад, что наконец познакомился с вами. Шейла не была расположена к фальшивым любезностям и холодно ответила:

– Взаимно.

– Благодарю.

Интуиция не обманула ее – на вид он был столь же неприятен, каким и показался, судя по телефонному разговору. Он нес с собой новые проблемы и был причиной грядущих бед.

Гилберт надел очки и открыл блокнот, лежащий перед

ним на столе.

– Мне очень жаль, что пришлось побеспокоить вас, мисс Крэндол.

Он зловеще взглянул на нее поверх очков. Она твердо встретила его взгляд, брошенный через полированный стол, и даже не моргнула до тех пор, пока он снова не опустил глаза в блокнот.

– В мои обязанности входит защита интересов банка. Хотя подчас эта обязанность бывает неприятной.

– Почему бы вам не перейти прямо к делу? Пусть даже и неприятному?

– Хорошо, – живо подхватил он. – Я хотел бы знать, может ли непредвиденная болезнь Коттона Крэндола помешать выплате ссуды, которую он от меня получил?

Чтобы выиграть время, Шейла уселась поудобнее и немного изменила позу. Она пыталась сохранять спокойствие, хотя всякий раз, когда на Бель-Тэр падала тень неблагополучия, начинала паниковать, чувствуя, как в желудке от этого поднимается тошнота.

– Мне ничего не известно о ссуде. Скажите, каковы были условия?

Он откинулся на вновь опустившуюся под ним спинку кресла.

– Год назад Коттон занял у нас триста тысяч долларов. Ссуда была предоставлена на условиях ежеквартальных процентных выплат. И они были получены нами в срок.

– Тогда я не понимаю, в чем проблема? Облокотившись на стол, он взглянул на нее с профессиональной скорбью устроителя похорон.

– Потенциальная проблема, я подчеркиваю – потенциальная, состоит в том, что срок действия договора, учитывая последнюю процентную выплату, истекает пятнадцатого числа следующего месяца.

– Я уверена, что отец знает об этом и отложил необходимую сумму. Я имею право на передачу средств, если это то, что вы хотите знать.

От его сочувственной улыбки желудок занял еще сильнее.

– Был бы рад, если бы все было так просто. – Он сделал беспомощный жест. – Но личный счет Коттона не покрывает суммы кредита. И даже процентов по ссуде.

– Понимаю.

– Не покрывает ее и счет «Крэндол Логинг».

– Но ведь банк не мог так рисковать. Я уверена, что сумма была обеспечена.

– Была.

Она затаила дыхание, хотя не сомневалась в ответе – он отдал в залог Бель-Тэр. От этой мысли искры замелькали перед глазами, словно от удара по голове.

– Что именно он заложил?

– Дом и культивированную часть территории.

– Это же просто смешно! Один только дом стоит гораздо больше трехсот тысяч. Отец никогда не пошел бы на это.

Гилберт снова изобразил жестом свою беспомощность – всплеснул белыми холеными руками и пожал плечами.

– У него не было выбора. Нужна была крупная сумма, а я предложил самые выгодные условия. Он делал свое дело, я – свое.

– Как ростовщик?

Его лицо досадливо скривилось.

– Мисс Крэндол, прошу вас! Я делаю все возможное, чтобы сохранить дружеские отношения.

– Мы отнюдь не друзья. И очень сомневаюсь, что когда-нибудь станем ими.

Она встала и теперь глядела на него сверху вниз.

– Я все поняла. И позабочусь о том, чтобы сумма была выплачена в срок.

Он тоже встал и нахмурился.

– Я не обижаюсь на то, что вы рассердились. Вы устали от плохих новостей. Но и вы не должны быть в обиде на то, что я беспокоюсь о судьбе договора в изменившихся условиях. Знаете, болезнь Коттона и прекращение работы «Крэндол Логинг» – при таких обстоятельствах трудно не волноваться.

– Незачем бить тревогу по всякому поводу, – сказала она, стараясь убедить себя в этом. – Вы получите свои деньги в указанный срок.

Его улыбка была такой же поддельной, как и картина, висевшая над столом. Шейлу не обмануло ни то, ни другое.

– Было бы очень прискорбно, если бы нам пришлось лишиться вас права выкупа заложенного имущества.

– Этого не случится. Никогда! – Ее улыбка была так же далека от сердечности, как и его. – И можете начертать это на своих фальшивых мраморных колоннах в вашем претенциозном холле. До свидания, мистер Гилберт.

Глава 15

Все, что Дейл Гилберт сообщил Шейле, было печальной правдой. Остаток дня она провела в кабинете Коттона в Бель-Тэр, проверяя бумаги. На его счете не было суммы даже близкой к тремстам тысячам долларов. Она растерянно глядела на катастрофически низкий итог своих подсчетов на ленте машинки, когда вошел Кен.

– Полдник сегодня на веранде, – сказал он. Несколько дней после их встречи на собачьих боях Кен был мрачен и раздражителен. Но сейчас снова вернулся к прежней шуточной манере разговора. Эта шуточность царапала ее, словно кусок пемзы.

– Кен, нам надо поговорить. – Отбросив карандаш, она сложила руки на столе. – Почему ты остановил работы на «Крэндол Логинг», когда у папы случился приступ?

Широкая улыбка Кена заколебалась, в уголках губ появилось неприятное выражение, но он предпочел оставить на лице ту же, хотя и несколько искривленную улыбку.

– Кто тебе сказал?

– Какое это имеет значение? Рано или поздно я бы это узнала. Так почему это произошло, Кен?

– А все-таки откуда у тебя эти сведения? Она раздраженно выдохнула:

– Мне позвонил мистер Гилберт из банка «Дельта».

– Этот осел? Он не имеет права...

– Как раз имеет, Кен. Банк дал нам огромную ссуду. А у меня тоже есть право знать, что здесь творится и какому лешему это понадобилось. И я жду твоего ответа, Кен.

– Хорошо, а я разве не имею права знать, что творишь ты в последнее время?

Сердце у нее замерло. Она вообразила, что он намекает на ее ночное посещение акадского домика у затона и, может быть, на тот поцелуй. Но его слова принесли облегчение.

– Все в городе говорят о том, что кто-то расстрелял ночью собачью будку во дворе Джигера Флина. И теперь он с пеной у рта ищет виновных. – Его глаза сузились. – Ты, конечно, ничего об этом не знаешь, не так ли?

– Когда же это произошло? – С трудом, как заторможенная, выговорила она.

– В воскресенье ночью.

– Я в тот день рано ушла спать, ты же помнишь.

Присев на угол стола, он внимательно следил за выражением ее лица.

– Да, я помню. – Он вертел в руках медное пресс-папье. – Джигер говорит, что в это время по дороге промчался пикап, как летучая мышь в адское пекло, и подобрал парня, который убил собак. Говорит, что выстрелил по машине и попал со стороны пассажира.

Он скрестил руки у колен и, наклонясь к ней, прошептал:

– Догадайся, на чем пикапе нашли свежий след от пули?

– На чем?

– Кэша Будро.

– Разве мистер Будро обязан отвечать на голословные обвинения?

– Он ответил. Сказал, что по его машине стрелял разгневанный муж, который застал его в своей спальне. А точнее – со своей женой.

– По-моему, тут нечего возразить.

– Во всяком случае, это вполне вероятно. Но знаешь, что я думаю?

Она смотрела на него твердо и спокойно. Кен понизил голос еще на один тон:

– Я думаю, собак убила ты. А Будро помогал тебе. И единственное, что мне непонятно, – какой монетой ты платила ему. Потому что этот ублюдок ничего не делает даром.

Она резко вскочила со стула, но, поняв, что может выдать себя, неторопливо обошла стол и сказала:

– Однако ты ловко сменил тему. Он доверительно взял ее за руку. Игра уступила место нарочитой серьезности. Его лицо нахмурилось.

– Я думал, что убедил тебя не мараться с ним, Шейла.

Она резко выдернула руку.

– А я уже говорила, что не нуждаюсь в поводе. А вот ты, видимо, нуждаешься. Иначе дело моего отца не пришло бы в такое состояние.

– Это и мое дело тоже.

– Почему же ты остановил его?

– Ради Бога, что здесь за шум? – В комнате появилась Трисия, распространяя вокруг запах французских духов и волны злобы в равной степени. – Нельзя ли говорить тише? – Она прикрыла дверь. – Миссис Грейвс не особенно разговорчива с нами. Но я не сомневаюсь, что она обожает сплетни. Итак, что происходит?

– Ничего имеющего отношение к тебе, – огрызнулся Кен.

– Это как раз имеет к ней прямое отношение, – возразила Шейла. – Она здесь живет и должна знать, что Бель-Тэр находится под угрозой.

Трисия переводила недоумевающий взгляд с одной на другого.

– Господи, да о чем вы?

Шейла снова взглянула на счета, которые только что сверяла.

– Мы банкроты.

– Банкроты? – недоверчиво усмехнулась Трисия. – Но это невозможно.

– Папа заложил Бель-Тэр для обеспечения трехсоттысячного займа. Я вообразить себе не могла такого, однако он это сделал.

– Он был в отчаянии, – стал объяснять Кен. – Я говорил ему тогда, что он валяет дурака. Он не слушал моих советов. Он никогда меня не слушал.

Шейла сразу бросилась на защиту Коттона:

– Он сделал то, что считал необходимым, в этом я уверена. Разве можно было предвидеть инфаркт? Или то, что ты прекратишь работы, как только он попадет в больницу?

– Что ты размахиваешь этим перед моим носом, словно красной тряпкой? Ладно, ты своего добила – я разозлился. Ты этого хотела?

– Не говори ерунды. Мы сейчас не можем позволить себе такую роскошь, как капризы и взаимные обиды. Мне нужны исчерпывающие объяснения.

Кен прикусил щеку изнутри. Засунул руки в карманы слаксов и вызывающе нахохлился.

– Арифметика тут проста. Наше предприятие пожирает больше средств, чем дает. Контрактов сейчас нет, а зарплату лесорубам Коттон сохраняет неизменной. К тому же дает надбавку за каждое бревно частникам.

– Он никогда на них не экономил.

– Вот поэтому «Крэндол Логинг» и буксует, – ласково произнес Кен. – Я и подумал, что лучше закрыться и не распылять деньги на бессмысленную работу.

Кен был явно не в ладу с логикой, но Шейла не собиралась сейчас дискутировать на эту тему. Коттон всегда был удачливым бизнесменом. Он не мог настолько запустить дела, что они полностью вышли из-под его контроля. Или он просто постарел? Но это уж совсем глупый довод. Как бы там ни было, факт оставался фактом. Каковы его причины, теперь неважно, надо искать выход.

– Нам пора решать, как будем выкручиваться. Деньги должны быть до пятнадцатого числа.

Трисия уселась в кресло и с видом полной беззаботности рассматривала свои ногти. Кен отошел к окну и нервно пошвыкивал мелочью в карманах брюк.

– Могла бы и мне принести попить, – ворчливо сказал он жене, кивнув на ее стакан.

– Как только ты станешь заботливым мужем, я стану заботливой женой.

«Если они опять начнут перебранку, я просто закричу», – подумала Шейла. Ее нервы уже не выдерживали.

Кен повернул к ней голову и сказал:

– У тебя и у Трисии есть деньги из наследства матери.

– Забудь о них, – сказала Трисия. – Я не собираюсь рисковать своим наследством, чтобы вытаскивать из болота «Крэндол Логинг» или спасти Бель-Тэр. Я лучше продам дом.

– Не смей говорить такие вещи! – Шейла еле сдержалась, чтобы не ударить ее.

Трисия никогда не любила старый дом. Ее теперешнее равнодушие было вполне понятно. Но в одном Трисия была права. Деньги из наследства матери брать нельзя. Если Коттон умрет, эти деньги понадобятся для сохранения Бель-Тэр в будущем.

– А этот парень из Лондона? Шейла удивленно взглянула на Кена.

– Марк? При чем здесь он?

– Он ведь богат, а?

– Я не могу просить у него деньги.

– Отчего же? Ты ведь спишь с ним? Намеренно не замечая оскорбительного вопроса, Шейла твердо заявила:

– Это не обсуждается! Я не могу и не стану просить у Марка деньги.

– Что же тогда нам остается? Возмущенная его снисходительным тоном, Шейла ответила:

– Остается вновь открыть «Крэндол Логинг» и заработать необходимые деньги.

– Не понял.

– Все ты понял, Кен, не старайся быть глупее, чем ты есть.

– Но ты не сможешь это сделать! Трисия фыркнула:

– Это как раз в ее стиле, дорогой. Каждый день сидеть на этой грязной лесосеке. Мама не знала, как вытащить ее оттуда.

– Я запрещаю! – зло оборвал Кен.

Всего минуту назад Шейла не видела никакого выхода из беды. И вот теперь решение сложилось в уме ясное, как кристалл. Вот он, выход! Она сделает это ради отца. И в душе ее воцарится мир. Она не сомневалась, что все получится.

– Ты ничего не можешь мне запретить, Кен, – сухо сказала она. – К завтрашнему дню мне будут нужны все бухгалтерские книги за последние несколько лет, все документы. Контракты, счета, платежки, все-все. Это нужно перевезти в контору на лесосеку.

– Я доведу это до сведения Коттона, – пригрозил Кен.

Шейла ткнула в него пальцем и заявила обвиняющим тоном:

– Ты прав, он должен это знать. А я хочу знать, почему «Крэндол Логинг» всего за шесть лет превратился из преуспевающего предприятия не просто в нерентабельное, но и оказался на грани банкротства.

– Я чувствую, ты хочешь взвалить всю вину на меня, доказать, что закат компании начался в тот день, когда я принялся за дело.

– Прошу тебя, Кен, не ерничай, – устало отозвалась Шейла. – Я не собираюсь никого обвинять.

Кен запустил пальцы в волосы в полной растерянности.

– Но у тебя нет ни малейшего представления о том, как управлять предприятием.

– Я уверена, что смогу разобраться.

– Одним словом, ты непременно решила выставить меня дураком, так? Пока Коттон болен, ответственность за фирму несу я! – закричал он.

– Нес, – холодно поправила Шейла, поднимаясь на ноги. – Если ты претендуешь на то, чтобы быть главой семьи, ты должен был стать им реально в тот самый день, когда отца положили в больницу.

Она вышла из комнаты. Кен глядел ей вслед сквозь дым сигареты. Затем повернулся к жене, которая по-прежнему лениво лежала в кресле, потягивая питье. Она презритель-

но пожала плечами в ответ на его вопросительный взгляд и снова взялась за стакан.

Глава 16

– Шейла?

– Да?

– Что ты тут делаешь?

– Думаю.

Неуверенно помявшись, Кен сел рядом с ней на качели.

– Я чувствую, что должен извиниться перед тобой, – сказал Кен, глядя вдаль.

Грудь Шейлы приподнялась в глубоком вздохе.

– Мне не нужны твои извинения, Кен. Мне нужна твоя помощь. – Повернувшись, она взглянула в его лицо. – Я должна сделать это. Не перечь мне, а помоги.

Протянув руку, он накрыл ею ладонь Шейлы.

– Я не отказываюсь. Ты и сама знаешь, что я буду помогать. Как руководитель я не состоялся, вот и все. Поэтому женщине приходится становиться на мое место. Такое не каждый день бывает, и пережить это не просто.

Она улыбнулась, чтобы разрядить обстановку:

– Мне надо чем-то заниматься. Иначе я сойду с ума между визитами в больницу. Он ласково сжал ей руку.

– Я знаю, ты привыкла всегда что-то делать. Но боюсь, на этот раз ты собираешься откусить кусок, который не в силах прожевать.

– Да, уж теперь, если я запутаюсь или как-нибудь еще уда-

рю лицом в грязь, ты всегда можешь сказать, что предупредил меня.

– Это не предмет для шуток, Шейла.

– Я знаю, – мягко сказала она, опуская голову.

– Коттона тоже это вряд ли позабавит.

– Ни в коем случае.

Коттон! Это был ее главный стимул! Он любит Бель-Тэр больше всего на свете. Он пришел сюда как чужак и сделал его своим. Если Шейле удастся спасти Бель-Тэр, возможно, к ней вернуться его любовь и уважение. Может быть, он простит ее за обиду, которую она, сама того не ведая, нанесла ему. Ведь любил же он ее всю жизнь, пока она не уехала в Лондон. Только бы поскорее вручить ему оплаченный вексель и увидеть в его глазах любовь и благодарность. Она хотела этого не только для себя, но и для него.

– Ты волнуешь меня, Шейла.

Услышав столь нежное заявление, она в недоумении взглянула на него. Он сказал почти то же, что совсем недавно Кэш. Только в противоположность последнему Кен ласково улыбался.

– Иногда ты раздражаешь, как гвоздь в стуле, но никогда не оставляешь равнодушным.

– Спасибо. Только не очень понятно. Он придвинулся ближе, так что коснулся ее бедром. Доска под ними тихо качнулась.

– Я хочу сказать, что ты ужасно упрямая. До глупости. Но

в этом, наверное, заключена часть твоего очарования. – Он поднял руку и коснулся ее щеки так легко, словно перышком. – Подумать только, мы так мало времени проводим вместе, а еще и растрчиваем его на словесные перепалки.

– У меня уже мозги не выдерживают, Кен. Мне так нужны твоя твердость и поддержка.

Он слегка сжал пальцами ее шею сзади, его глаза искали ее взгляда.

– Ты вселяешь в меня уверенность. Я вытянул дурной жребий, Шейла. Я женат не на своей женщине.

– Не надо, Кен.

– погоди... – В его голосе послышалось волнение, которое передалось пальцам. Он нагнулся еще ближе. – Я каждый день моей жизни жалею, что не сдержался тогда с Трисией. Она совсем не то, что ты. Она глупа и ограничена. Она вся на поверхности.

– Кен, прекрати.

– погоди, мне надо, чтобы ты выслушала. Она даже отдаленно не напоминает тебя. На нее приятно смотреть, с ней хорошо в постели. Но она эгоистка. В ней нет твоей души, твоего огня, твоей тяги к жизни и любви.

Шейла задрожала в ответ на эти слова и, чтобы хоть как-то отгородиться от него, зажмурила глаза.

– Не говори больше ничего. Пожалуйста. Иначе я уйду.

– Нет, только не уходи. Ты так нужна мне. Сломив последнюю преграду между ними, он обнял ее и поцеловал отча-

янно и страстно. В первый момент она сидела неподвижно, словно неживая, затем расслабилась, приняла в себя его жадно ищущий язык. Его руки скользнули ей на грудь и стали мять ее сквозь одежду.

Он с глубокой нежностью шептал ее имя и покрывал ее лицо легкими быстрыми поцелуями. Шейла не сопротивлялась, пока он вновь не коснулся губ. Тогда она решительно оттолкнула его и встала с качелей.

Обхватив руками угловую колонну, она прислонилась щекой к прохладному дереву.

– Мы можем жалеть о том, что произошло, Кен, но вернуть мы ничего не можем. Никогда не прикасайся ко мне больше, понял?

Цепи качелей звякнули, когда он встал. Он подошел к ней сзади и обнял за талию, снова шепча ее имя и касаясь губами ее волос. Она вырвалась.

– Перестань! Я говорю серьезно, Льющийся из окна свет ясно обозначил окаменевшие черты ее лица и строгие глаза. Разочарование и гнев превратили его губы в тонкую жесткую линию. Он стремительно прошел через веранду и спустился с крыльца. Сел в машину, завел мотор и умчался. Шейла глядела вслед до тех пор, пока красные огоньки не скрылись за поворотом дороги.

Она не сознавала, насколько измучилась, пока не отошла от колонны. Ей пришлось оттолкнуться от нее. Тяжело ступая, она вошла в дом и с трудом забралась по лестнице в

свою комнату.

Уже собираясь лечь, она облокотилась на подушку и поставила на колени телефон. Ее звонок разбудит Марка на час или два раньше, чем его будильник. Но ей совершенно необходимо поговорить с ним прямо сейчас.

Телефонный звонок преодолел Атлантику и раздался в лондонской квартире, где она жила с Марком Хоктоном.

– Шейла? Господи, сколько времени?

– Там или здесь? – Она рассмеялась, вообразив его всклокоченные белокурые волосы и неверные полусонные движения руки в поисках часов.

– Подожди секундочку. Я только зажгу сигарету.

– Ты обещал бросить курить, пока меня нет.

– Значит, наврал.

Через минуту вновь послышался его голос:

– Надеюсь, ничего страшного не произошло?

– С папой нет. Все по-прежнему.

– Прекрасно.

– Но я не смогу быстро вернуться домой.

– Это уже хуже.

– Ему будут делать операцию. – Она описала какую. – Я не смогу уехать, пока он не будет вне опасности.

– Понимаю. Но я очень скучаю – и дома, и в галерее. Некоторые из наших покупателей вообще ни с кем больше не желают иметь дела, кроме тебя. Если ты не появишься в ближайшее время, боюсь, они запрут меня в Тауэр.

Она познакомилась с Марком, когда он взял ее помощницей в свою антикварную галерею. Он стал не только ее работодателем, но и учителем. Она оказалась прилежной ученицей с прирожденным чутьем на произведения искусства и изящно развитым вкусом. Очень скоро она освоила все, что он знал сам об их предприятии. Поэтому его опасения, хотя и выраженные в форме комплимента, были вполне обоснованны.

– Однако я помню, что многие первоклассные покупатели хотели иметь дело совсем не со мной, – парировала она, стараясь собраться с мыслями и вертя пальцами телефонный провод. – Мне придется вести семейный бизнес, пока Коттон не поправится.

Эту фразу она подбросила ему, как крючок с наживкой при ловле рыбы. Он присвистнул:

– Вот так дела! А почему не Кен? Марк знал всю ее историю полностью.

– Сначала он возмутился, что я вмешиваюсь, и вообще возражал. Но я думаю, ему надо просто привыкнуть к этой мысли, и тогда все пойдет как надо.

– Что ж, ты вполне способна держать в руках предприятие и его самого в придачу.

– Разве?

– Ни минуты не сомневаюсь.

– Подожди, это еще не все. Приближается срок расчета по векселям, а касса пуста.

На том конце провода наступило молчание. И затем:

– Сколько тебе нужно?

– Да нет, я ничего не прошу.

– А я предлагаю.

– Нет, Марк, нет!

– Шейла, ты же знаешь, все, что у меня есть, – твое. Умерь свою гордость! Сколько нужно? Утром я все оформлю.

– Нет, Марк!

– Прошу тебя, позволь, я помогу.

– Нет, мне нужно сделать это самой. Это означало: я хочу заработать себе право жить в Бель-Тэр! Понимание пришло к ней только в последний момент.

Бель-Тэр достался ей совершенно случайно. Если бы на несколько часов раньше ее родился другой ребенок, отвечающий требованиям Мэйси и Коттона Крэндол, они взяли бы его. Когда Коттон умрет, она и Трисия унаследуют Бель-Тэр, и Трисия воспринимает это как должное. Но Шейла чувствует иначе. Ни одна капля родственной крови не связывает ее ни с землей, ни с домом. Она должна заслужить их, и это невозможно объяснить никому, даже самой себе. Это необходимость, которая не оставляет выбора, но требует безоговорочного подчинения.

– Можешь ты еще немножечко пожить один, Марк?

Он вздохнул, демонстрируя безграничное терпение:

– Разве у меня есть выбор?

– Боюсь, что нет.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Хочу, чтобы ты обнял меня, – сказала она тоном жалующегося ребенка. – Марк, я же ни черта не смыслю в управлении лесозаготовительной фирмой.

Он засмеялся.

– Ты смыслишь в этом примерно столько же, сколько в античности в то время, когда впервые пришла ко мне. Ты быстро все схватываешь.

– По античности у меня был превосходный учитель.

Голосом, внезапно охрипшим при воспоминании о счастливых временах, проведенных вместе, он сказал:

– Я люблю тебя, малышка.

– Я тоже люблю тебя.

Повесив трубку, она пожалела, что не со всеми ее отношения так просты и ясны, как с Марком. Выключила лампу и легла, уставившись на непрерывно меняющиеся узоры лунного света и тени на потолке.

Первое, что предстоит утром, – дать объявление, что «Крэндол Логинг» возобновляет свою деятельность. Лесорубы, которые хотят вернуться на работу, будут немедленно восстановлены. Частников тоже надо пригласить и сказать, что их древесина будет полностью скупаться.

Затем она проанализирует рынки и заключит контракты. И даст объявления о продаже древесины.

Как же много всего! И так много того, о чем надо подумать... например, о том, что поцелуи Кена, несмотря на всю

их страстность, почти не затронули ее... в то время как Кэш
Будро...

Глава 17

– Это ты сделал?

– Что сделал? – внятно спросил Кэш, хотя остро отточенный ноготок соблазнительно скользил по его губам, мешая говорить.

Рода Гилберт улыбалась ему знакомой плотоядной улыбкой. Для полноты картины не хватало только клыков.

– Я спрашиваю – ты убил бультерьеров Джигера Флина?

– Да какие это бультерьеры! Помесь какая-то.

– Не заговаривай зубы. Отвечай – ты?

– Нет, не я.

Кэш отстранил ее и вошел наконец в комнату. Она буквально атаковала его на пороге черного входа своего дома, стгорая от нетерпения услышать ответ на животрепещущий вопрос. Даже поцеловала его всего один раз.

– Но все говорят, что это ты.

– Что ж поделать, если говорят? Собак я не убивал.

– А если я попрошу, чтобы ты дал честное слово?

– Джигер уже попросил.

В аккуратно подведенных глазах Роды отразилось удивление.

– Ты говорил об этом с Джигером?

– Не более чем час назад. Дай пива.

Достав из холодильника банку с пивом, Рода потащила

Кэша в свою спальню. Усевшись на ее изящный диванчик, он водрузил ноги в башмаках на журнальный столик из матового стекла и стал потягивать холодное пиво. Рода села рядом. Жадное любопытство сочилось из ее глаз, как смола выступает из щелей в коре сосны.

– А где?

– Что где?

– Где вы сцепились с Джигером?

– Мы с ним не сцеплялись. Я был на окраине города. Возле пивной увидел его пикап. Я остановился и вошел.

– И что он сделал, когда увидел тебя? Кэш безразлично пожал плечами:

– Начал обвинять меня. Я сказал, что был бы идиотом, если бы убил собак, на которых всегда выигрывал. – Кэш отпил еще глоток под неотступным взглядом Роды, ловящей каждое слово. – Он признался, что это соображение не приходило ему в голову. Потом спросил, где я получил пулю в пикап.

– А где ты ее получил?

– Один олух из Аллен-Пэриш вообразил, что я спал с его женой.

– Это так и было?

Его ухмылка выражала нечто среднее между отрицанием и подтверждением. Он наслаждался, мучая ее. Это было свинством с его стороны, но она разве лучше? Разве она очень верная жена?

Жен, любящих своих мужей, Кэш никогда не трогал. Но

тех, кто сам лез к нему в постель, он умыкал без зазрения совести.

Рода Гилберт влетела в его объятия как-то вечером в городском клубе. Он редко бывал там, а в тот раз явился по приглашению одной разведенной дамочки. На время прервали игру в покер с грошовыми ставками, и та отлучилась в туалет, а Кэш вышел на улицу покурить. Рода выскочила вслед за ним.

– Как вам нравится покер?

– Скука.

– А как вам понравится вот это? – Она задрала свитер, под которым у нее ничего не было надето.

Затянувшись еще раз сигаретой, он внимательно осмотрел безупречную грудь.

– Можно дать хорошие деньги.

Она отвесила ему пощечину, он ответил ей тем же. Она сердито опустила свитер и, глядя в карие, с золотыми искорками глаза, сказала:

– Завтра приходи в три часа в мотель «Евангелина».

Он поднял к виску два пальца, шутливо отдавая честь, тем самым подтверждая свое согласие. Она вернулась в зал. Он докурил сигарету и только после этого отправился вслед за ней.

А на следующий день после трех часов стекла в комнате два-восемнадцать мотеля «Евангелина» запотели, словно в бане. Рода была взбита, как комок теста, контужена и будто

родилась заново.

С того памятного дня они встречались в самых разнообразных мотелях, но больше всего ему нравилось приходить к ней домой. Ему доставляло удовольствие осквернять супружеское ложе Дейла Гилберта. Он с наслаждением водружал на изящную дорогую мебель грязные ботинки. С Родой он не церемонился – в отличие от нее ему терять было нечего.

Она очень и очень соблазнительна. Когда они расстанутся, Рода без труда найдет себе нового любовника, который будет обожать ее белые, словно тронутые инеем волосы и ледяные голубые глаза, будет упиваться фигурой, усовершенствованной диетами и гимнастикой. И смотреть на нее он будет без презрения.

Ее лицо притягивало как магнит. Но его портила одна черта – расчетливость. Она никогда не исчезала, не ослабевая даже в моменты страсти. Кэш понял это с первого взгляда. Но и тут крылась часть ее очарования. Эту женщину нельзя глубоко ранить. Да Кэш никогда бы и не связался с такой, которая недостаточно закалена, чтобы выносить его характер.

Рода вполне способна выстоять. Он не сомневался в этом с того момента, как заметил ее призывный взгляд за карточным столом. Этот взгляд говорил ему: у меня чешется, и я хочу, чтобы ты почесал. Такие женщины мгновенно превращают своих мужей в импотентов, вселяя в них чувство вины от неспособности угодить жене ни в постели, ни банковским счетом. Они социально опасны. Фанатики своей внешности,

они жадны до денег и сексуально ненасытны. Это вечно голодные, беспокойные, эгоистичные гарпии. Такой была Рода Гилберт, и потому он не испытывал к ней уважения. Она не заслуживала лучшего, чем Кэш Будро.

Покончив с пивом, он поставил освободившуюся жестянку на журнальный столик.

– Если ты не начала любить пиво, то не забудь выбросить, прежде чем вернется муж, – он указал на банку.

Она просунула руку между полами его рубашки, нащупывая пупок.

– Может быть, это даже лучше, если он узнает, что у меня есть любовник.

Кэш скептически приподнял одну бровь.

– Ты думаешь, он не знает?

– Возможно. – На ее губах заиграла поддразнивающая улыбка. – Может быть, я захочу, чтобы он выпытал у меня, кто именно мой любовник. Это будет весьма забавно. Я бы послушала, как ты будешь оправдываться перед Дейлом, так же как сегодня перед Джигером Флином.

– Этого никогда не случится.

– Да? Почему же?

– Потому что Джигер любил своих собак. Ее улыбка опала, как проколотая надувная игрушка. Взгляд стал колючим и холодным.

– Ах ты, сукин сын! Советую тебе быть поосторожнее со мной. Я еще не забыла, как ты бросил меня в прошлый раз

в этом гнусном отеле.

Он заложил руки за спину и откинулся на спинку дивана.

– Человека, которому абсолютно нечего терять, запугать невозможно, Рода. У меня нет даже порядочной репутации.

На какое-то мгновение она не сводила глаз с его красивого профиля, едва сдерживая гнев. Затем положила голову ему на грудь в знак примирения.

– А, пусть все идет к черту. Чем больше ты сволочишься, тем больше я хочу тебя. Я читала твой гороскоп на этот месяц. Там про таких, как ты, написано – завлекут одной левой пяткой.

Он издал лающий смешок.

Она взялась за пуговицы его рубашки, расстегивая одну за другой.

– У тебя тоже есть кое-что, что можно потерять. Если Крэндолы лишатся Бель-Тэр, ты останешься без дома. А я сомневаюсь, что до следующего месяца...

Накрыв ладонью ее нетерпеливую руку, он прижал ее к своему животу в бессознательном стремлении остановить поток болтовни.

– О чем ты говоришь, черт тебя побери! Крэндолы лишатся Бель-Тэр?!

Она вырвала руку и снова принялась расстегивать пуговицы.

– Дейл сказал, что в прошлом году Коттон Крэндол занял крупную сумму в его банке, причем под большие проценты.

Уже приближается срок платежа. Дейл беспокоился об этом, потому что Кен Хоуэл закрыл предприятие. Тогда Дейл вызвал к себе эту девицу, старшую, не знаю, как ее зовут...

– Шейла.

– Ну, как бы то ни было. Так она даже не знала о займе. У нее чуть ли не началась истерика, когда Дейл сказал, что Коттон отдал в залог Бель-Тэр. Такая унылая, как огурец, и страшно обидчивая и раздражительная, сам понимаешь. Дейл сказал, что она побелела как смерть. Похоже на то, что банк сможет лишить их права выкупа.

В этом крылась одна из причин, почему Кэш поддерживал отношения с Родой Гилберт – она постоянно снабжала его ценной информацией. Видимо, Дейл никогда не сомневался в своем праве обсуждать с женой банковские дела, а та в свою очередь без колебаний выбалтывала их своему любовнику.

Кэш уставился в потолок невидящим взглядом, в то время как Рода покрывала его грудь легкими поцелуями, зарываясь лицом в густую поросль волос.

– И что же банк собирается делать со старой усадьбой? – спросил он.

– Хм... Откуда я знаю? – Она провела языком вокруг его соска. – Продадут, наверное.

– Интересно, сколько она может стоить? – не унимался он.

Рода подняла голову, с удивлением взглядываясь в его лицо.

– Тебе это интересно. Кэш?

Намотав на пальцы ее волосы, он с силой притянул ее рот к своим губам, и его поцелуй высосал все хитрые мысли из ее головы, а язык вылизал все злые желания. Кроме одного-единственного.

Он знал, что ее мозг был слишком подходящей почвой для семян подозрения. Самые невероятные идеи могли легко укорениться в этой сумасбродной голове.

– Что же ты не доделала то, что начала? – спросил он, вынимая из кармана джинсов пакетик с презервативами, без которых никогда не являлся к женщинам. Кэшу Будро не нужны дети-ублюдки. Ни от кого.

Не отводя глаз от горящего взгляда Кэша, Рода облизала его губы. Она так наловчилась, что ей не надо было смотреть, как ее пальцы расстегивают пряжку ремня и «молнию» на его джинсах. Она делала все на ощупь. Погладив предмет своего вожеления, поспешно стала стягивать джинсы и наконец погрузилась лицом во все великолепие его мужской силы.

Он снова отклонился на спинку дивана. Отрешенный взгляд устремился сквозь хрустальные подвески вычурной люстры куда-то высоко над головой. Но не ритмические движения жадного рта женщины заморозили его, а название, которое монотонно качалось в мозгу, как колокол, бьющий тревогу, – Бель-Тэр... Бель-Тэр...

– Бель-Тэр, – гордо произнес Коттон Крэндол.

– О! Какое прекрасное имя для такого прекрасного до-

ма! – воскликнула Моника Будро, сияя глазами и улыбаясь ему. Нагнув свою кудлатую голову, Коттон нежно поцеловал ее.

– Теперь понимаешь, почему я захотел жить здесь, почему я женился на Мэйси? – спросил он.

– Теперь понимаю.

Кэш, ковыряя большим пальцем ноги теплую землю, запрокинул голову вверх и заметил, что стоило Коттону отвернуться, как улыбающееся лицо матери стало печальным. Кэш полагал, что, когда они уедут из Нового Орлеана в таинственный город, где живет этот высокий белокурый дядя, папап никогда больше не будет грустить. Он надеялся, что она наконец перестанет плакать и, оцепенев, лежать в кровати до самого вечера, пока не придет время идти в бар и подавать пиво грубым крикливым морякам с торговых судов.

Она всегда говорила Кэшу, что настанет день, и человек, которого она называла Коттоном, возьмет их к себе. И тогда они будут счастливы. Так и случилось – она счастлива, несмотря ни на что. В тот день, когда она получила письмо от Коттона, она сжала сына в объятиях так сильно, что едва не задушила.

– Посмотри, mon cher, ты знаешь, что это такое? Билеты! Билеты на поезд! Ну что, разве папап не говорила тебе! Он хочет, чтобы мы приехали к нему и жили все вместе в чудесном доме под названием Бель-Тэр.

Лепеча восторженные слова, переполненная счастьем, она

осыпала лицо Кэша безудержными самозабвенными поцелуями.

Через два дня, которые ушли на завершение всех дел и сборы в дорогу, принарядившиеся, они сели в поезд. Поездка показалась Кэшу недолгой, он наслаждался ею. И когда они прибыли на встречу со своей судьбой, он отчужденно стоял возле разгоряченного брюха тепловоза, подозрительно разглядывая человека, к которому так стремилась его мать.

Она кинулась в его объятия, и он поднял ее на руки и закружил на месте. Кэш никогда раньше не видел такого высокого и такого сильного мужчины. Запрокинув голову, Моника смеялась мелодичным смехом, какого Кэш в жизни не слышал. Ее летящие кудрявые волосы отливали радугой на солнце.

Они целовались очень долго, и мальчик решил, что она забыла про него. Большие руки чужого мужчины передвигались по всему ее телу, дотрагиваясь даже до таких мест, которые она никому не разрешала трогать, когда работала в баре. Но после всех этих поцелуев мать наконец отстранилась от дяди и, обернувшись к Кэшу, жестом подозвала к себе.

Медленно и неохотно он подошел к возвышающемуся над ним мужчине. Тот, улыбнувшись, взъерошил ему волосы.

– Он вряд ли помнит меня.

– Да, он был совсем крошкой, когда ты уехал, *mon cher*.

В ее глазах стояли слезы, но улыбка была широкой и безоблачной. И сердце ребенка подпрыгнуло от радости – его

мамап стала счастливой!

Он не помнил ее такой. Их жизнь полностью изменилась. Все стало чудесным, как она и говорила. Они не будут больше жить в конце грязного темного коридора в загаженной тараканами квартире. Они будут жить далеко от пыльного города в большом доме, а вокруг будут трава, деревья и чистый воздух. Наконец-то они в Бель-Тэр!

Но дом, в который их привез Коттон, оказался вовсе не таким чудесным, как ожидала Моника, – маленький серый домик на берегу болота, которое Коттон называл Лорентским затоном. Солнечная атмосфера сменилась грозовой. Моника и Коттон провели показательный матч – кто кого перекричит. Кэша выставили за дверь поиграть. Он мрачно подчинился, но дальше крыльца не ушел. Чувство недоверия к чужаку, которое совсем было улеглось, вспыхнуло с новой силой.

– Лачуга! – кричала Моника.

– Да ты посмотри, какой он крепкий. Здесь когда-то жила семья сборщиков моха, но после этого дом много лет пустовал.

– Здесь пахнет болотом! – не сдавалась она.

– Я сделаю все возможное, чтобы не пахло. Кое-что здесь уже изменилось. Посмотри, я пристроил ванную.

– Ты ведь не будешь жить здесь с нами, правда? – Ее голос сорвался.

Помолчав, Коттон вздохнул:

– Нет, не буду. Но это лучшее, что я могу предложить тебе.

Оказалось, что Коттон будет жить в поместье с той леди по имени Мэйси, и Монике это не понравилось. Она визжала и обзывала его такими словами, которые Кэш слышал в баре, но повторять их ему запрещалось. Она перешла на свой родной диалект и кричала с таким самозабвением, что даже сын, привыкший к ее смешанной речи, едва улавливал смысл.

Когда стемнело, он перестал прислушиваться и принялся ловить светлячков. Мать и Коттон поднялись на второй этаж, и на долгое время в доме установилась тишина. Он уснул, свернувшись клубочком на неструганых досках крыльца. Спускались они уже в обнимку. И смеялись. Коттон нагнулся и погладил Кэша по щеке. Затем поцеловал Моника и уехал в своей машине. Они смотрели, как красные огоньки затухают в темном туннеле деревьев. Моника стояла, обняв узкие плечики сына.

– Теперь это наш дом, Кэш.

Если ее голос и не был таким счастливым, как утром, то во всяком случае он звучал умиротворенно.

В руках Моника дом чудесно преобразился. За короткое время полупустое мрачное строение превратилось в уютное жилище, наполненное светом и красками. На подоконниках расцвели цветы, на полу появились коврики, на окнах – занавески. Она скрыла глубоко в сердце свою боль и точно так же замаскировала недостатки старого дома.

Прошло много времени, прежде чем Коттон наконец усту-

пил настойчивым просьбам Моники и повел их через лес показать усадьбу. Этот день навсегда запечатлелся в мозгу мальчика. Он никогда в жизни не видел такого огромного дома. Он был даже больше особняки на Сент-Чарльз-авеню, который Моника когда-то показывала ему из окна такси. Кэш был потрясен чистотой и белизной Бель-Тэр. Такое и вообразить себе было невозможно.

Стоя в тени деревьев под моховой завесой, Моника прислонилась щекой к груди Коттона и глаз не моим оторвать от этого величавого дворца.

– Расскажи мне о нем. Какой он изнутри?

– О, Моника, он великолепен! Полы в холлах отполированы, как зеркало. А стены в столовой покрыты желтым шелком.

– Шелком? – повторила она благоговейным шепотом. – Как бы я хотела взглянуть на все это!

– Нет, Моника, про это забудь. – Коттон отстранил ее от себя и твердо посмотрел в лицо. – Ты это понимаешь? Это дом Мэйси. Ни ты, ни Кэш никогда не должны нарушить мой запрет.

Моника опустила голову, закрыв лицо волосами.

– Понимаю, Коттон. Я просто хотела хоть одним глазком посмотреть на все эти чудеса.

Лицо Коттона смягчилось. Он страстно прижал ее к себе, накрыв подбородком ее голову. Кэш разглядывал дом и удивлялся, кому станет плохо от того, что он и татап при-

дут взглянуть на стены из желтого шелка, и чем эта женщина, Мэйси, может помешать им. Наверное, тем, что она жена Коттона, думал он.

– Она, наверное, всегда переодевается к ужину? – заинтересовалась Моника.

– Да.

– В красивые туалеты?

– Иногда.

Моника еще сильнее прижала к себе Коттона, словно боясь, что он увидит ее простенькое ситцевое платье. Любовно погладив ее непокорные кудри, он приподнял пальцем ее подбородок.

– Уж если речь зашла об ужине, ты, по-моему, говорила, что приготовила мне jambalaya? Она ослепительно улыбнулась:

– Qui!

– Тогда нам надо возвращаться. Я ужасно голоден. Оба повернули назад, так и не расцепив рук, и пошли к затону.

– Кэш, ты идешь, мальчик? – окликнул Коттон, заметив, что он не двинулся с места.

– Иду.

А сам все стоял, зачарованный удивительным дворцом. Бель-Тэр...

Глава 18

Шейла уронила голову на грудь. Закрыв глаза, она вытянула шею, коснулась подбородком сначала одного, затем другого ноющего плеча, стараясь хоть немного снять усталость. Дальнейшие попытки сосредоточиться на тексте контракта оказались безуспешными. Глаза попросту отказывались служить. Поднявшись из-за стола, она прошла в противоположный угол комнаты, где стояла кофеварка.

Не то чтобы ей уж так хотелось выпить кофе. Просто ее гнала необходимость отвлечься и размяться. Шейла наполнила чашку, но, сделав лишь один-два глотка, оставила ее на столике и отошла к окну, беспокожно поглядывая через стекло.

Незадолго до того нанятая ею команда мойщиц с успехом атаковала помещение конторы, прочистив стекла до блеска. Но чистые окна не улучшали вид на лесосклад – он оставался по-прежнему унылым. Шейла глядела на пустынную платформу. Даже рельсы покрылись слоем пыли. Поезда давно не ходили – нечего грузить, нечего отправлять на рынок.

Прошло уже три дня, с тех пор как она дала объявление в газету об открытии «Крэндол Логинг». За эти три дня ни один лесовоз, груженный древесиной, не прибыл на «Крэндол Логинг». Она сама обзвонила прежних рабочих компании. Но никто из них не явился возобновить контракт.

Шейла удрученно потеряла покрасневшие глаза. Она проводила долгие часы в конторе на лесоскладе в надежде на какие-то события. Однако ничего не происходило. Но отступить она уже не могла. Она должна это сделать! Даже если придется взять управляющего, который будет все координировать, разговаривать с рабочими на их языке и сможет заставить их работать изо всех сил.

То есть даже если придется взять на работу Кэша Будро.

Все разговоры замыкались на нем, словно он был грозой округи. За последнее время она столько раз слышала его имя, что оно стало ей даже сниться. Пробуждаясь по утрам, она прежде всего вспоминала о нем. Первый же рабочий в списке, которому она позвонила, ответил:

– Вы хотите, чтобы я вышел на работу? Отлично! Пускай Кэш дает команду – и я сразу выхожу.

– Думаю, что мистер Будро больше не будет работать у нас.

– Чего-чего? Кэш не будет работать? Так ведь на нем все и держится!

– Ну, я так не думаю.

– А-а... Видите ли, у меня сейчас пока есть работа... Примерно такие же ответы она слышала и от других.

Когда она добралась до пятого имени, то уже не сомневалась – система внутреннего сообщения между рабочими уже сработала, и вряд ли она услышит что-либо иное.

– Я скоро начну думать, – в раздражении сказала она Ке-

ну, – что этому Будро стоит только взглянуть на дерево, как оно тут же начинает падать. Нет, правда, что он делал в «Крэндол Логинг»?

– Создавал неприятности. Шейла подавила вспышку гнева.

– А точнее?

– Если точнее, он... – Кен широко развел руки. – Он так или иначе делал все. Коттон как-то сказал, что Будро больше забыл о лесе, чем другие лесники знали о нем.

– Что ж... – задумчиво отозвалась Шейла. – Со стороны Коттона это очень весомый комплимент.

– Но он прирожденный баламут. Он постоянно подбивает лесорубов выступать не по делу. И не было такого дня, чтобы он не сцепился с Коттоном насмерть. Если хочешь моего совета, не связывайся с ним.

В тот момент Шейла и сама так думала. Этот человек действительно обладал разрушительной силой. Она знала это по собственному опыту. И из принципа не подпустила бы его снова к работе на свою семью.

Но теперь, глядя в окно на ржавеющие в бездействии машины, в то время как они должны ломиться под тяжестью груза, она вынуждена была признать, что обойтись без Кэша не удастся. Она должна избавить Бель-Тэр от гибели, и, если ради этого надо унизиться перед Будро, значит, она будет унижаться. Другого выбора нет.

Стараясь не терять присутствия духа, Шейла заперла кон-

тору. Ее лошадь стояла под деревом в дальнем конце двора, выщипывая короткую траву в тени. Шейла вскочила в седло. Они с Марком время от времени ездили верхом, но не часто. Поэтому завтра она наверняка помучается от болей в пояснице. Но сейчас это не важно. Мышечная усталость не шла ни в какое сравнение с восторгом скачки по полям Бель-Тэр, знакомой с тех пор, когда она достаточно подросла, чтобы удержаться в седле и выполнять терпеливые указания Коттона.

Она тронула поводья. Будро скорее всего дома. Если же его нет, можно оставить записку. Ужасно досадно, что у него нет телефона. Это значит, что рано или поздно ей придется взглянуть в его злорадное лицо.

Она мчалась по бездорожью, предпочитая открытые поля и ориентируясь на небольшие рощицы. В одном месте, когда ее кобыла осторожно пробиралась сквозь особенно густые заросли, Шейла вдруг услышала резкий визг бензопилы. Недоумевая, она направила лошадь на этот звук.

Кэш заметил ее между деревьями, но не узнал. Его внимание сосредоточилось на пиле, врезающейся в ветвь поваленного дерева. Возмущенная столь наглым попранием хозяйских прав, Шейла остановила лошадь и молча смотрела на него, оставаясь в седле.

Он был без рубашки. Кожа на его спине и груди загорела почти дочерна. По лицу стекали капли пота, несмотря на повязанный на лбу носовой платок. Бицепсы вздулись и на-

пряглись, удерживая пилу, вгрызающуюся в древесину. Когда отвалилась последняя толстая ветка, он выключил пилу, и режущий уши звук прекратился.

– Мне следовало бы арестовать тебя за кражу бревен из моего леса.

Белозубая ухмылка расколола его мрачное бронзовое лицо.

– Тебе следует благодарить меня, что я очищаю твой лес от валежника.

Он опустил пилу на землю возле ствола, подошел к лошади и положил локоть на переднюю луку седла.

– Или ты предпочитаешь, чтобы в вашем лесу развелись короеды, мисс Шейла?

Стараясь не глядеть на его обнаженную грудь с волнующими завитками пушистых волосков, она уставилась в сторону на лежащее дерево.

– Когда оно упало?

– Два месяца назад была сильная буря. Под корой уже завелись личинки, сам видел.

– И что ты теперь собираешься с ним делать?

– Подгоню завтра тягач и выволоку его отсюда. – Он взглянул ей в лицо. – Я хотел сказать – если мне удастся достать тягач.

Но она не поддавалась на провокацию.

– У меня к тебе разговор.

– Не хотелось бы стоять задравши голову. Сойди с лоша-

ди.

И не успела она возразить, как он уже сбросил кожаные рукавицы наземь и поднял к ней обе руки.

– Ничего, я сама, – ответила она, перекинув правую ногу и опустившись на нее, затем вынула из стремени левую.

Он по-прежнему стоял почти вплотную, не оставляя ей свободного пространства.

– Замечательные бриджи.

На ней были черные саржевые брюки и лаковые коричневые сапожки для верховой езды.

– Хорошо, что я не увезла их с собой в Англию.

– Да, как я слышал, ты собиралась в большой спешке.

Было нестерпимо трудно пропустить это замечание мимо ушей, но она это сделала.

– Я очень рада, что одежда для верховой езды осталась здесь. Теперь она мне пригодилась, как видишь.

Овод зажужжал перед ее носом. Она отмахнулась. Кэш не двинулся с места.

– Правда, в ней немного жарко, – добавила она, не решаясь говорить о главном.

– Раньше ты ездила без седла и босиком. Шейле стало жарко по иной причине. Горячая волна проникла в глубину тела, и кровь понеслась по жилам, словно река раскаленной лавы.

– Мама не разрешала мне так ездить. Она считала, что это не подобает леди.

Его взгляд опустился к развилке между ее бедрами, затем медленно поднялся выше.

– Твоя мама права. Это было ужасно неприлично.

– Откуда ты можешь знать, как это было?

– Я часто видел тебя, – невозмутимо сообщил он.

– Где?

– Везде. Все время. Когда ты думала, что совсем одна.

Шейла отошла подальше от лошади и заодно подальше от этого человека. От обоих исходил резкий животный дух. Воздух наполнился чувственным ожиданием, и она сама не понимала почему. Просто в прошлый раз, когда она стояла с ним рядом, он поцеловал ее.

Он не спускал с нее глаз, и его взгляд тоже говорил об этом. Будро не забыл того поцелуя. И знал, что она тоже не забыла. Она как-то засуетилась, закатала широкие рукава своей белой кружевной рубашки, расстегнула воротник, чтобы хоть немного почувствовать движение воздуха.

Нагнувшись, он поднял рукавицы и заткнул их за ремень.

– Пить хочешь?

– Нет, спасибо. Я к тебе по делу.

Он направился к пикапу, стоявшему тут же под деревьями. Заднее окно было опущено. Достал большой голубой термос, снял пластиковый стаканчик, наполнил до краев ледяной водой. И жадно выпил одним глотком. Струйки потекли по подбородку и влажной шее, повисли блестящими каплями на волосках груди, свивая их в острые прядки.

Шейла вновь стала усиленно глядеть мимо него.

В глубине пикапа она заметила специальную каску с экраном для защиты глаз лесоруба от летящих опилок.

– Твоя каска без толку валяется в машине. Почему ты ее не надеваешь?

– Не вижу надобности.

– Но если ты получишь травму в моем лесу, я буду нести за это судебную ответственность.

– Ответственность за себя я всегда несу сам, мисс Шейла.

– Я просила тебя не называть меня так.

– Верно, просила.

Улыбнувшись, как грешник, у которого нет ни малейшего намерения раскаиваться, он выпил еще стаканчик.

– Ты уверена, что не хочешь пить? Вода казалась восхитительной, как и его холодные влажные губы.

– Ладно, давай.

Снова наполнив стакан, он протянул ей. Она взяла, но, вместо того чтобы выпить, стала подозрительно рассматривать его на свет. Брови Кэша так и вскинулись к переносице.

– Мой язык уже побывал у тебя во рту, – со злостью сказал он. – Ты слишком поздно стала брезговать мною.

Никогда в жизни взрыв ее гнева не был таким внезапным и сокрушительным. Резким движением руки она выплеснула содержимое стаканчика в траву.

– Хам!

– Не вполне точное выражение. Таких, как я, здесь назы-

вают белой швалью.

– А во всем мире вас называют ублюдками. В его лице заметно дрогнул один мускул. И вздулась маленькая жилка на виске. Шейла пожалела, что произнесла это слово.

– Я не это имела в виду. Не воспринимай все так буквально.

Он взял у нее стакан и швырнул в машину.

– Ты приехала сюда в такую жару, чтобы оскорблять меня?

Она покачала головой:

– Я приехала по делу.

– Кого прикажешь убить на сей раз? Что ж, она это заслужила, поэтому постаралась не реагировать на его колкость.

– Я хочу, чтобы ты снова работал для «Крэндол Логинг».

– Зачем?

– Ты мне нужен.

Его глаза опять замерли на ее лице, бесцеремонные, издевательские. И она словно ринулась вниз головой с обрыва.

– Я вновь открываю дело. Беру на себя всю бумажную работу. Это я умею, мне приходилось помогать Коттону.

Она попыталась облизнуть пересохшие губы, но и во рту было сухо до горечи.

– Но как организовать работу лесорубов, я не знаю. Не знаю, какие деревья пилить, в каком месте, сколько. Я не смогу правильно оценить работу – переплатила я или, наоборот, недоплатила. А ты, как мне сказали, занимался именно этим.

– Верно тебе сказали.

– Ну вот, я и предлагаю тебе делать то, что ты делал у Коттона.

– Иными словами, я должен прикрыть твою задницу.

Она выпрямилась.

– Я сожалею, что оскорбила тебя. Я вообще редко говорю грубости. Это слово просто случайно вырвалось у меня. Но если ты намерен встать в позу, если тебе охота ссориться и изображать оскорбленную невинность...

– Я понадобился тебе, чтобы спасти Бель-Тэр от притязаний Гилберта?

Шейла остолбенела. Несколько мгновений оба молча смотрели друг на друга: он – воинственно, она – в полном замешательстве.

– Откуда тебе это известно?

– Известно, и все.

– Это что, Коттон сказал тебе, что занял у Гилберта деньги под заклад?

Он отвернулся и занялся разборкой пилы.

– Твой папочка никогда не посвящал меня в свои дела.

– Кто же сказал тебе?

Хевен – маленький городок. Все все друг о друге знают. Но услышать, что местные обыватели уже расселись вокруг, словно римляне в Колизее, и наблюдают за тем, как твоя семья бьется в когтях хищника, было невыносимо. Она настолько отвыкла от провинциальных сплетен, что возмути-

лась до глубины души. Яростно схватив Кэша за плечо, она развернула его к себе лицом. Тот лишь молча взглянул на впившиеся ему в кожу пальцы. Тонкие волоски завернулись вокруг ногтей, под которыми четко обозначились глубокие следы в форме полумесяцев. Затем он поглядел ей в лицо. Однако опасный огонек в его глазах не произвел на нее никакого впечатления.

– Говори, где ты слышал о закладе?!

– В постели.

Шейла отдернула руку. Он криво ухмыльнулся, затем двинулся к машине, уложил в грузовом отсеке пилу, собрал остальные вещи и тоже отнес в машину. Туда же отправился и голубой термос. Захлопнув дверцу, Кэш снял висевшую на опущенном стекле тенниску и начал одеваться. Расправляя рубашку на спине, спросил:

– Жаждешь узнать подробности? Когда, где, с кем?

– Нет.

Он лениво улыбнулся. Ей захотелось пощечиной сбить с его губ эту паршивую улыбку.

– Могу спорить, что хочешь.

Она молча глядела на него. Он засмеялся:

– Жаль, что ты так нелюбопытна. Это чертовски занятно. Ты получила бы большое удовольствие. – Он прищурил глаза. – Мы оба получили бы.

Нет, это поистине невозможный человек! У него свинские понятия обо всем и сексуальная неистощимость кота. Если

бы он не был ей так отчаянно необходим в создавшемся положении, она бы сегодня же вышвырнула его из Бель-Тэр, невзирая ни на какие его отношения с Коттоном.

К сожалению, ей приходилось мириться и с ним, и с его хамством. Правда, она надеялась, что это временно.

Она приподняла сзади свои тяжелые волнистые волосы, чтобы хоть немного освежить шею.

– Так вы собираетесь работать со мной, мистер Будро, или нет?

– Это зависит от...

– От чего?

– От того, кто будет моим начальником.

– Но ведь бригадиром был ты? Значит, будешь им снова.

– А Хоуэл, он что, опять собирается дышать мне в шею?

– Обязанности Кена останутся прежними.

– То есть опять будет сачковать?

– Между прочим, – покраснев, сказала она, – он очень высоко отозвался о тебе как о специалисте лесного дела.

– Рад, что он не всегда врет. Так, значит, за производство отвечаю я?

Шейла почувствовала, что он загнал ее в угол. Ему надо, чтобы она произнесла это вслух. Зачем? Поколебавшись, она ответила:

– Да. Все производство ты возьмешь на себя.

– Договорились.

Все это время он стоял, привалившись плечом к маши-

не, скрестив ноги и сложив руки на груди. Но произнеся последнее слово, он резко оттолкнулся, словно только этого и ждал, и подошел к ней. Она собрала всю свою волю, чтобы не отступить. Он стоял так близко, что мыски их сапог соприкоснулись.

– Значит, так: с завтрашнего дня ты перестанешь носить блузки, в которых тебя всю насквозь видно.

– Ка-ак?!

– Никакой пользы для работы от этой кружевной штуковины я не вижу. Она годится только на то, чтобы довести мужика до остервенения. Если ты хочешь, чтобы рабочие вкалывали на всю катушку, давай не будем вводить их в раж. Мне нет дела до того, как они вжимают в матрас своих жен и любовниц в выходные дни, но, начиная с утра каждого понедельника и кончая пятницей до обеда, они должны быть в нормальном рабочем состоянии.

Он недовольно оглядел ее всю.

– Волосы зачешешь гладко и завяжешь сзади. От твоей прически «как-хочу-так-и-лежу» у меня вместо сосен вся бригада повалится.

– Даты...

– Да не я, а ты, – оборвал он, с силой сжав ее плечи. – Ты будешь делать так, как я сказал! – Он пристально посмотрел на нее. – Если хочешь, чтобы лошадь везла, не путайся у нее под ногами, мисс Шейла. Если хочешь, чтобы я помогал спасти твою компанию от банкротства, а Бель-Тэр от аукциона,

ты будешь сидеть тише воды, ниже травы. Ясно?!

– Ясно.

Он отпустил ее так же внезапно, как и схватил.

– Хорошо. Завтра начинаем.

Глава 19

– Гилберт слушает.

– Алло! Это Шейла Крэндол. Извините меня за столь поздний звонок.

Банкир откинулся на своем кресле с передвижной спинкой и поднял ноги на угол стола.

– Какие могут быть извинения, мисс Крэндол. Надеюсь, у вас хорошие новости? Вы приготовили деньги для выплаты?

– К сожалению, новости не настолько хорошие. Дейл помолчал, прикидывая ее возможности и чтобы просто потянуть время.

– Что ж, это позор. Для нас обоих.

– Завтра утром, мистер Гилберт, «Крэндол Логинг» начинает работать на полную мощность, – живо парировала она. – Я снова наняла прежних рабочих.

– Мистера Будро, вероятно?

– Да. Мой отец очень доверял ему, рабочие – тоже. Я составила список рынков, с которыми отец имел дело. Как только у нас появится что продавать, я немедленно восстановлю все контракты. Это произойдет всего через несколько дней работы. Все готовы начать как можно скорее.

– Это очень интересно, мисс Крэндол. Вы, конечно, действовали правильно, восстанавливая ваш семейный бизнес. Но я не вижу, какое отношение имеет к этому банк.

– Если я смогу представить контракты на сумму, достаточную для покрытия долга, согласитесь ли вы получить с меня проценты и перенести выплату основной суммы? На полгода максимум?

Да, теперь с банкиром разговаривала уже не слабонервная заморенная красотка с толченой кукурузой вместо мозгов. Шейлу Крэндол нельзя было недооценивать. Она брала быка за рога. Пришло время проявить твердость по отношению к ней.

– Боюсь, это невозможно, мисс Крэндол. Она тяжело вздохнула.

– Вы должны пойти мне навстречу, мистер Гилберт! – довольно требовательно воскликнула она. – Это же абсурд – успеть за столь короткий срок выполнить заказы на такую огромную сумму.

– Это ваши проблемы, мисс Крэндол. – Он старался подавить злорадные нотки в голосе.

Ему казалось, что он слышит, как работает ее мозг – настолько напряженным было последовавшее за этим молчание.

– А если я заплачу проценты и часть суммы?

– Мисс Крэндол, – по-хозяйски ответил он, – прошу вас, не ставьте меня в глупое положение. Вы заставляете меня быть невежливым. А мне этого совсем не хочется. Решение вашего вопроса находится не только в моих руках. Я в ответе перед директорами банка. Они, как и я, уже достаточ-

но повозились с «Крэндол Логинг» и Коттоном. Он был нашим надежным клиентом много лет, согласен. Но теперь это в прошлом. Если мы пойдем на крайние меры и в виде исключения продлим выплату займа, то поставим себя в уязвимое положение перед государственной инспекцией.

– Благодарю вас, мистер Гилберт. Вы ответили на мой вопрос. До свидания.

Она повесила трубку, не дожидаясь ответа. Гилберт самодовольно улыбался – ему льстило, что он стал причиной унижения и падения такой мощи.

Когда он три года назад перебрался в Хевен из Пенсильвании, отношение к нему столпов общества колебалось от легкого пренебрежения до открытого неприятия. И Рода, и он очень скоро почувствовали, что в Хевене ты никто, если у тебя дома на чердаке не лежит съедаемый молью мундир конфедерата. Чтобы с тебя сняли клеймо чужака, на твоём генеалогическом древе должно появиться несколько ветвей, прошедших всю жизнь в Хевене. Если ты не отвечаешь этим критериям, путь вверх тебе закрыт – а это была главная мечта супругов Гилберт. Они хотели стать цветом хевенского общества. Пусть это маленький пруд, но Гилберты должны быть самой крупной рыбой в нём.

А вот если они приобретут Бель-Тэр, люди вынуждены будут относиться к ним совсем по-другому. Конечно, весь город встанет на дыбы, узнав об их приобретении. Но им ничего не останется, как целовать его задницу и делать вид, что

они его обожают.

Разговором с Шейлой Крэндол он закончил свой рабочий день. Покинув здание банка, он прошел мимо двух зданий к автомобильной площадке, где каждый день оставлял машину. Кроме его «Линкольна», на площадке ничего не было. Открыв дверцу, Гилберт сел за руль.

– Господи, ну сколько же можно тебя ждать! – произнес раздраженный голос с заднего сиденья. – Включи кондиционер. Здесь жарче, чем в пекле. Вы мне назначили на пять. Прошло уже пятнадцать минут. Почему так долго?

Хмыкнув, Дейл включил мотор и кондиционер.

– Можешь верить, можешь не верить, но я сейчас разговаривал с Шейлой.

– С Шейлой? В банке?

– Она позвонила мне.

– И о чем же вы разговаривали?

– Она полна решимости удержаться на поверхности. Почуяла, что у нее хотят забрать все ее любимые игрушки.

– Это же так и есть?

– Нам с тобой это было бы кстати.

– А что она хотела от тебя?

– Заключение соглашения. – Он пересказал содержание разговора.

– Надеюсь, ты дал ей от ворот поворот. Дейл хитро ухмыльнулся:

– Ну конечно, причем выразил глубокие соболезнования.

– Вряд ли она им поверила – слишком она для этого умна.

– Шейла берет прежнего бригадира. – Он оглянулся назад. – Она уверена, что заключит выгодные контракты в несколько дней.

– Да, но они должны быть сверхвыгодными, чтобы был какой-то толк.

Дейл радостно кивнул:

– Контракты, конечно, нужны, но больше всего ей сейчас нужно время. Думаю, у нас с тобой нет проблем.

– Появятся, если не следить за ней в оба.

– Безусловно, поэтому я прошу тебя рассказывать мне обо всем, что она делает дома. Даже о том, что тебе покажется невинным. Мне нужно знать все.

– Что мне, шпионить за ней, что ли!

– Именно! И не только. Постарайся по возможности расстраивать какие-то ее планы, но так, чтобы она не заподозрила тебя. Вообще надо чем-то отвлекать ее от работы.

– Чем, например?

– Не знаю, может, ввязать ее в какую-нибудь любовную историю? А самое лучшее, если умрет Коттон. Это надолго выбьет ее из колеи.

Это был ход, который Дейл сделал для проверки реакции своей собеседницы. Его брови вопросительно поднялись.

– Неужели это тебя расстроит? – напористо спросил он.

Молчание. Дейл нахмурился.

– Вижу, что да. В таком случае я сомневаюсь в твоей вер-

ности, – добавил он недовольным тоном.

– Я верна только себе. А почему бы и нет?

– Значит, если дело вдруг покажется тебе неприятным или опасным, ты способна все бросить?

– Нет.

– Не слышу уверенности в голосе.

– Нет!

– Это уже лучше. – Улыбка вновь растянула ему рот.

– Это Шейла стреляла в собак Джигера Флина. Дейл был ошеломлен. Помолчав, спросил:

– Откуда ты знаешь?

– А почему бы мне не знать? Дейл наконец остановил машину и задумался, что можно извлечь из столь ценной информации.

– Джигер будет счастлив узнать об этом.

– Что ты хочешь сказать?

– Ладно, не прикидывайся, наивной. Ты хочешь того же, чего и я. Для этого и сообщаем тебе такие вещи. Если Джигер Флин узнает, что Шейла убила его собак, он сделает все на свете, чтоб отомстить. И это будет нам только на руку. – Дейл ощерился, словно хорек. – Разве нет?

– Хватит, я ухожу, – резко отозвалась женщина, сидевшая сзади, и дверца распахнулась.

– Каковы бы ни были твои чувства к Коттону, они не должны мешать твоим планам, ведь так? – поторопился спросить Дейл.

– Не должны. Я не позволю, чтобы моим планам хоть что-то мешало.

– Вот это то, что я хотел услышать, – довольный, как никогда, исходом разговора, Дейл проводил глазами скрывающуюся в аллее фигуру.

Глава 20

Когда Кен вышел из «Гэтор-Лаунч», в голове его приятно гудело. Он не шатался, но был достаточно пьян, чтобы неловким движением выронить ключи от машины. Они упали на гравий. Он нагнулся, но в этот момент блестящий черный ботинок, возникший ниоткуда, наступил на связку, едва не раздавив его руку. Рука замерла в сантиметре от искомой вещицы.

– Привет, Кенни!

Кен медленно выпрямился. Глянув через плечо, он убедился в верности своей догадки. Владелец дорогих ботинок был не один. Подобные типы всегда ходят парой, как монахини. Только цели у них далеко не святые.

Кен нервно хихикнул, беспомощно пожав плечами и жалко поднимая руки вверх.

– Прежде всего я хочу предупредить, что у меня с собой нетде...

Каменный кулак прервал его жалкие излияния ударом в живот. Он согнулся пополам, прикрываясь руками. Стоявший позади схватил его за волосы и поставил вертикально. Кен взвизгнул от боли, но вокруг никого не было. Площадка для автомашин, озаренная рубиновым светом рекламы, была пустынна. Но если бы кто-то и слышал его вопль, то все равно не стал бы вмешиваться. Эти двое могли убить. Пер-

вый подошел к Хоуэлу очень близко, нос к носу, и сказал:

– Я уже очень зол. Ты три дня обещаешь отдать мне долг, Кенни. – Его голос был мрачен и презрителен. – Я не люблю, когда мне врут. – Он приложил к груди ладонь с бриллиантом на пальце и повторил:

– Меня глубоко ранит, когда мне врут.

– Ничего не могу поделать, – вздохнул Кен. – Денег нет. Мне пришлось платить по больничным счетам за старика.

– Кенни, Кенни, ты разбиваешь мне сердце. – Мрачная физиономия стала зловещей. – Ты только подумай, до чего ты докатился. Ты не только врун, ты – неудачник. Вспомни, как ты проигрался на собачьих боях на прошлой неделе. – Он плюнул в лицо Кену. – Ты вшивый неудачник. Ненавижу неудачников.

Кен покрылся испариной.

– Ладно, парень, дай мне немного времени, и я... Тяжелое колено ударило его в пах. Он издал крик смертельной боли.

– Мне надоели твои паршивые объяснения. Они не годятся для покрытия моих расходов. Мне нужны деньги! Когда я получу их?

– Я достану деньги, – промямлил Кен в паническом страхе. – Только дайте мне еще время.

– Твое время вышло, Кенни. – Он приложил нож к «молнии» на брюках Кена.

– Нет, нет, ради всего святого, нет! Я принесу всю сумму, я достану деньги.

– Всю сумму?

– Всю до последнего цента!

– Когда?

– Через месяц.

Пальцы, державшие его волосы, разжались, и Кен, потеряв равновесие, едва не свалился на нож.

– Две недели, – почти беззвучно произнес он. Медленно, движением, тошнотворно похожим на операцию, которую он только что грозился совершить, вымогатель убрал нож.

– Ладно, я согласен – две недели. Он широко осклабился, но тут же сменил ухмылку на свирепую гримасу.

– Не трудись разыскивать нас, мы будем у тебя на хвосте, как мухи на куче дерьма, Кенни.

И крокодилья улыбка снова ощерила его рот, обнажив такие отвратительные зубы, что Кен отшатнулся. Затем оба вышли из светового пятна и исчезли в тем ноте.

В полном изнеможении Кен рухнул на колени.

Сидя на крыльце на качелях, Шейла случайно оттолкнулась ногой и задремала, поддавшись убаюкивающему движению. Она никогда не знала, что такое постоянная усталость, пока не начала каждый день ездить в контору. Она редко уходила домой до сумерек и первая приезжала по утрам. Огни машины в аллее разбудили Шейлу. Увидев Кена, поднимающегося по ступеням, она заулыбалась:

– Привет! Я вижу, что ты выглядишь не лучше меня.

– А... У меня желудок расстроился.

– Надеюсь, ничего серьезного. Он покачал головой.

– Поэтому ты не пришел к ужину?

– Нет, просто я совершал объезд.

Он прошел через веранду и взялся за ручку двери.

– Подожди, я хочу кое-что спросить у тебя. Он повернулся к ней.

– Я тоже хотел бы кое-что узнать, – с трудом произнес он.

– Тогда стреляй первый.

– Ты спишь с Будро?

Улыбка словно свалилась с ее губ. Она была оскорблена не только тем, что его интересовали ее интимные связи, но и грубой прямотой вопроса.

– Конечно, нет.

Подчеркнуто медленно он подошел к качелям и зло сказал:

– Можешь заниматься этим сколько хочешь, все равно весь город уже знает.

Темнота скрыла ее запылавшее лицо. С удивительным самообладанием она утаила от Кена свое волнение. Беспечно махнув рукой, она заявила:

– Ты прекрасно знаешь, как люди любят сплетни.

– Но у каждой сплетни есть свое основание.

– У этой нет.

– Ты проводишь с ним каждый день.

– Но ведь не ночь! – Она снова погасила вспышку гнева.

Не хватало только затеять перебранку – она и так слишком устала, и ей не в чем оправдываться.

– Я работаю с Будро. Мне приходится проводить с ним каждый день. Там есть еще и другие мужчины, с которыми я провожу каждый день. Но это не значит, что я сплю с ними.

– Я не могу вынести, когда твое имя связывают с ним.

– А что поделаешь? Мы вместе работаем.

– Выгони его.

– Не могу! – возмущенно закричала она. – И не хочу! Он мне слишком нужен.

– Раньше ты говорила совсем другое.

– Я плохо разбиралась в делах. Он отличный лесник. Он делает больше, чем получает.

– Тогда ты уходи, я буду руководить работами вместо тебя.

Эти слова вызвали в ней резкий протест. Она не могла доверить никому, даже Кену, свою самоотверженную борьбу за Бель-Тэр.

Стараясь выразиться поосторожнее, чтобы не обидеть его, она сказала:

– Ты не можешь работать в двух местах одновременно.

– Я перенесу свою работу в контору.

– Все равно ты не справишься с двойным объемом работ.

– Справлюсь, – не уступал он. – Дай мне возможность попробовать.

– Что за необходимость брать на себя столько? Тем более

что я и сама...

Он сильно сжал ей руку.

– Я не могу этого видеть. – Он притянул ее поближе к себе. – Я ведь не забыл, какая ты была нежная и женственная, когда...

– Кен, пожалуйста...

– Позволь, я договорю, Шейла. Я по-прежнему лю...

– Мне слышался твой голос, Кен. Я знаю, ты обычно притаскиваешься в это время.

Кен отскочил от Шейлы и виновато кинулся к жене, заглядывая ей в лицо.

– Ну-ну. – Трисия рассмеялась, распахивая дверь. – И чем вы тут занимаетесь вдвоем?

На какой-то момент возникло неловкое молчание, затем Шейла спокойно сказала:

– Я спросила Кена, почему он не отдал мне все папки и где остальные бумаги.

Всего несколько недель назад Шейла была бы счастлива услышать от Кена признание в любви. А услышать его в присутствии Трисии – это просто бальзам на раны. Теперь все это казалось дешевкой, жалкой, как украденная пластмассовая игрушка. Его любовь не стоила теперь тех неприятностей, которые за ней последуют. Шейле не хотелось даже думать об этом. Его любовь превратилась в ничто.

– Тогда завезешь мне их в контору завтра. Ладно? – спросила она.

– Конечно, непременно завезу.

Она нагнулась и достала из-под качелей сандалии.

– Я ужасно устала. Завтра вставать в шесть. Пойду лягу.

Спокойной ночи.

Она вошла в дом и поднялась к себе наверх.

Трисия, прислонившись к колонне, смотрела на мужа обвиняющими глазами.

– Я тоже устал сегодня, – быстро сказал он, держась за ручку двери, – и собираюсь...

– Стоп, мистер Хоуэл! – сказала Трисия повелительным тоном, которому Кен привык автоматически повиноваться. Второй раз его рука соскользнула вниз, выпустив ручку двери. – От тебя разит, как из кабака.

Он тяжело опустился на качели и стал пальцами массировать глаза.

– Вполне логично. Я там и был.

– Топил печаль в океане бурбона?

– Да. Моя главная печаль в том, что у меня жена – стерва.

– Не надо. Я – одна из последних твоих печалей.

– О чем это ты?

– Ты что, так и будешь молчать, глядя, как она распоряжается здесь?

– Кто? Чем?

– Шейла, идиот! Или ты не видишь, что она вытворяет? Тебя это не волнует?!

– Волнует, Трисия, но она же не слушает меня.

– Значит, говоришь недостаточно громко. – Она отвернулась, обхватив себя руками, словно пытаясь удержать распирающий ее гнев. Затем она небрежно бросила ему через плечо:

– Ты хоть говорил ей о наших планах?

– О продаже Бель-Тэр, что ли? – Он презрительно хмыкнул.

– И Бель-Тэр, и «Крэндол Логинг», всего.

– Она и слушать не захочет.

– Откуда ты знаешь? Ты же не спрашивал.

– Сама спроси, – с вызовом ответил он.

– Меня она вообще никогда не слушала. Если кто-то и может повлиять на нее, так это ты. – Ее глаза сузились, подозрительно вглядываясь в его лицо. – Или ты уступил место Кэшу Будро? Злые языки по всему городу уже обсасывают эту новость. Вообрази, что за нелепая пара – Шейла Крэндол, бывшая первая красавица Лорентского округа, и ублюдок Моники Будро. Кто бы мог подумать!

– Никто! Если только идиот какой-нибудь.

– Ты так уверен?

– Конечно. Сплетни – больше ничего.

– Какая разница, – зло огрызнулась Трисия. – Раз люди так считают, значит, это так и есть. Это как раз в ее стиле – путаться с белой швалью. У нее вообще нет чувства собственного достоинства. – Она слегка прикусила нижнюю губу. – Шейла сведет нашу репутацию до своего уровня. Я не

удивлюсь, если окажется, что она именно для этого и связалась с Кэшем. Вернуться сюда, чтобы отомстить за то, что мы... за всю эту историю с нашей женитьбой.

Он в отчаянии забарабанил кулаками по колонне.

– Но я этого не допущу! С ее приездом у нас появились дополнительные причины для скорейшего отъезда. Если ты не почешешься, Шейла выставит тебя отовсюду, леденцовый петушок. Там, где она появляется, ты становишься ненужным. Ты теперь вроде сухостоя, и Коттон без колебания вырубит тебя, как гнилое дерево в своем лесу.

Она обдуманно била по его больному месту. Он встал и снова направился к двери. И снова Трисия остановила его, поймав за руку. Решив, что пора менять тактику, она обняла его и положила голову ему на грудь, стараясь не замечать неприятного запаха.

– Ну хватит, детка. Нашел, на кого злиться. Я же говорю для твоей пользы. Нашей с тобой пользы. Уговори Шейлу продать Бель-Тэр. Зачем нам такой огромный сарай? Не собираемся же мы наполнять каждую спальню внучатами, как того ожидает Коттон? Нашей доли от продажи имущества нам хватит на прекрасный современный коттедж, какой захочешь. Или будем путешествовать. Ведь мы...

– Трисия, – устало прервал он. – Если даже Шейла согласится, хотя на это надежды нет, ты не забывай про Коттона. Он ни за что не станет продавать дом.

– Коттон может умереть.

Кен пристально поглядел в лицо жены. Оно было настолько холодным и безразличным, что он покрылся мурашками.

– Мы просто вынуждены готовиться к худшему. Это может произойти со дня на день, – сказала она, и в лице у нее появилось некоторое подобие печали. – Так будешь ты говорить с Шейлой о продаже имения?

– У меня и без того забот по горло, – промямлил он. – Но я обещаю подумать.

Освободившись от ее рук, он наконец вошел в дом. Трисия с отвращением смотрела, как он понуро поднимался по лестнице – опустив голову, сгорбившись, бессильно волоча руку по перилам, словно неживой предмет.

Трисия же чувствовала себя как чайник, готовый вот-вот вскипеть. Прислонясь к стене, она сжала кулаки и прикусила нижнюю губу, чтобы не завизжать от отчаяния. Она всегда только хочет, хочет и хочет и никогда не получает удовлетворения. А все люди, с которыми она вынуждена жить, невыносимо бесцветны, лишены всякого честолюбия. Все они застыли, словно стоячее болото. И их нисколько не волнует, что жизнь вихрем проносится мимо. Они готовы довольствоваться ничтожно малым, в то время как вокруг целый мир удовольствий. Они с радостью сгниют в этом проклятом Хевене.

Ее стремление вырваться отсюда и изменить свою жизнь было так нестерпимо, что она чувствовала это кожей.

Глава 21

Сердечная болезнь лишает человека достоинства. Недели, проведенные в реанимации, дали почувствовать Коттону, что значит унижение. Телесная слабость боролась с медицинской мощью с переменным успехом, заставляя его сознание колебаться между жизнью и бесчувствием.

Сколько еще дней пройдет, пока его выпустят отсюда? Когда он сможет вернуться домой в Бель-Тэр? Господи, пошли мне только милость умереть дома! Больше всего на свете он хотел теперь сидеть на веранде Бель-Тэр с тонким стаканом чистого бурбона в одной руке, а другой рукой прижимать к себе Монику.

Тихие равномерные попискивания вдруг сбились с ритма. Он еще не успел почувствовать стеснения в груди, а тревожные пики забегали по экрану.

Он понял, что мысль о Монике лучше выбросить из головы.

Он стал думать о родных, которых оставил в Бель-Тэр. Как обычно, все мысли сконцентрировались на Шейле. Ее имя вызывало горячий поток любви и мгновенный лед неприятия. Эти два чувства были одинаково сильные, взаимоисключающие, они испепеляли душу.

Когда он, придя в сознание впервые, понял, что она вернулась, его сердце наполнилось радостью. Но инфаркт не за-

тронул его памяти. Вспомнив, почему она убежала из дома, он вновь ощутил горечь и боль. Он не мог простить ее.

Правда, ее частые посещения поколебали его уверенность. Даже когда он не осознавал ее присутствия, она неизменно приходила каждый день. И хотя он не признавался себе в этом, но ее посещения были единственным светом в безнадежном мраке больничных дней, где не было ни рассветов, ни закатов. Время измерялось не положением солнца на небе, а сменой медсестер и уборщиц. В больнице можно провести месяцы и не знать, что за ее стенами давно уже сменилось время года.

Возможно, этого он уже не дождется. Но хотя бы увидеть еще один закат с веранды Бель-Тэр. Господи, и он помнит свой первый закат в Бель-Тэр так ясно, словно это было вчера.

Он работал тогда лесорубом у старика Лорента, самого скупого сукина сына на свете. Мэйси Лорент прикатила однажды на вырубку в сияющем алом автомобиле с откидным верхом – поистине запретный плод. С белокурыми волосами, в бананово-желтом платье, она казалась ему созревшим плодом, готовым упасть с ветки. Однако сад, в котором росло это чудо, был огражден колючей проволокой.

Коттон до сих пор уверен, что сама судьба проколола шину алого автомобиля через несколько дней после этого. Он шел на работу из пансиона, в котором жил и который принадлежал компании «Лорент Логинг». Он заметил Мэйси на

дороге у автомобиля. На ней был купальный костюм. Ее ноги могли с успехом соперничать с ногами Бетти Грэйбл, чьим страстным поклонником он в то время был. Он предложил ей заменить колесо, хотя знал, что сильно пострадает в зарплате за опоздание на работу. Игра стоила свеч. Он чувствовал, что делает крупный взнос в основу своего будущего преуспеяния.

И действительно, его вложение окупилось с лихвой. Мэйси не смогла остаться равнодушной к его крупному загорелому телу и светлым, почти белым волосам. Она предложила за работу доллар, но он отказался. Тогда она пригласила его в гости на персиковое мороженое в тот же вечер. Это предложение он принял.

– В любое время после ужина! – крикнула она на прощание и, махнув рукой, умчалась.

Ужин в пансионе был в шесть часов. Он не предполагал, что в богатых домах не принято ужинать раньше половины восьмого, поэтому явился слишком рано. Толстая негритянка неопределенного возраста сурово отправила его ждать мисс Мэйси на веранду. Она поставила перед ним стакан лимонада, дабы он утолил жажду, накопившуюся во время долгого пути из города пешком, да еще по пыльной дороге.

Потягивая прохладный лимонад из высокого стакана, он наблюдал свой первый закат в Бель-Тэр. Краски поразили его. Ему было жаль, что с ним нет Моника. Но она осталась в Новом Орлеане, ждать, когда он заберет ее.

Потом на веранду вышла Мэйси и произнесла его имя тягучим, как мед, и нежным, как пух, голосом. Он тут же позабыл о Монике Будро. Моника, живая и страстная, была алой розой. Мэйси же, невесомая и покорная, была белой орхидеей.

Даже кожа ее казалась прозрачной. При одном взгляде на нее его охватывало желание защищать и владеть. Она была такой хрупкой, такой нереальной, казалось, она проходит сквозь воздух, словно видение, не задевая его. Она подошла к плетеному стулу со спинкой в виде раскрытого веера и жестом пригласила сесть рядом с ней.

Когда он впервые поцеловал ее, а это случилось через неделю, он сказал, что она пахнет жимолостью. Ее смех прозвенел в ответ, как крошечный колокольчик. Она обозвала его липовым поэтом.

Первый раз, когда он дотронулся до ее острых грудок, она сказала, что упадет в обморок, если он не перестанет. А если увидит папочка, то он заставит их пожениться.

Коттон сказал, что это его вполне устраивает.

Весть об их помолвке потрясла город. Чтобы успокоить свою изящную, как фарфор, и упрямую, как мул, дочку, Лоренты согласились на ее свадьбу с Коттоном Крэндролом. Для соблюдения приличий ему придумали породистую родню, которая включала виргинских Крэндролов. История фиктивной семьи Крэндролов изобиловала катаклизмами. Бедный Коттон оказался единственным наследником выродившейся

ветви.

Его совершенно не интересовало, что именно Лоренты рассказывали о нем своим чванливым друзьям. Он целиком отдался любви – к Мэйси и Бель-Тэр.

Легко, словно отлично смазанный поршень, Коттон вошел в дела компании. Когда правление восстало против его нововведений, он упразднил правление. Лесорубам он обещал, что прежде всего будет блюсти их интересы. Они не очень-то поверили сначала, но вскоре убедились, что Коттон Крэндол – человек слова.

Однако навести свои порядки в доме Коттону так и не удалось. Он скоро выяснил, что его прекрасная леди привыкла к полной бездеятельности и изнеженности. Для человека, для которого труд был необходимостью, единственным средством выживания, ее лень была непереносима.

Озадачивало его также глубокое отвращение Мэйси к сексу. В этом отношении она так же отличалась от Моники, как день от ночи. Правда, Моника была уже не девственницей, когда он встретил ее в убогом ночном клубе во Французском квартале в последние дни войны. В жизни он не встречал такой щедрой в любви женщины. Она любила неистово и верно. С той ночи ее постель ждала только его.

Они поселились вместе в захудалых мебелированных и все ночи проводили вместе, пока он не уехал на поиски работы. Это случилось через три года. Вопрос о женитьбе никогда не обсуждался между ними. Казалось, ей для счастья не было в

этом никакой необходимости.

Коттон чувствовал, что у судьбы есть для него в запасе кое-что получше. И вот наконец он нашел обещанное в Лорентском округе. К несчастью, Мэйси не преувеличивала, когда сказала, что от его ласки она может упасть в обморок. Она действительно почти лишилась чувств в их первую ночь, когда он после нескольких часов уговоров и обниманий силой осуществил свои права.

Пока она плакала, он с раскаянием обещал, что худшее уже позади. Однако улучшений не последовало. Ей никогда не нравилось ничего из того, что он делал. День, когда она отказала ему навсегда, он запомнил на всю жизнь.

– Коттон!

– Да... слушаю тебя.

Шел дождь, и он не поехал на вырубку, а с утра сидел за письменным столом в кабинете за лестницей, склонившись над своими папками.

– Я приказала перенести твои вещи.

– Мои вещи?

– Да, из моей комнаты в другую, которая находится через холл.

Он так резко вскочил со стула, что тот отлетел назад и ударился о стенку.

– Какого черта ты добиваешься?

– Папа и мама никогда в жизни не жили в одной комнате. Культурные люди себе этого не позволяют. А это ночное...

распутство, к которому ты привык, просто...

– Удовольствие. – Он подошел к ней, нагнулся к ее лицу. – Большинство людей считают, что это удовольствие.

– Я считаю это отвратительным.

Его гнев вдруг прошел. Одной из ее самых притягательных черт была недоступность. Он думал, что одолел неприступные стены замка и завоевал принцессу, но ошибся. Принцесса не снизошла до него. Для нее он оставался красношеим лесорубом, неуклюжим и низменным. Или, как она выразилась, отвратительным.

Чувство собственного достоинства не позволило ему обнаружить, как глубоко она ранила его.

– А как же дети? – холодно осведомился он. – Как быть с династией, которую мы хотели основать?

– Да, я, конечно, хочу иметь детей. Он нагнулся еще ниже, так что его глаза оказались на уровне ее глаз.

– Чтобы были дети, надо трахаться, Мэйси. Ее лицо, сразу покрывшееся пятнами всех цветов, доставило ему мстительную радость. Она отшатнулась, словно от удара. Однако устояла на том же месте, вызвав у него восхищение своей непоколебимостью. Восхищение, но не удивление – он знал, что кто-то из ее предков был героем Конфедерации.

– Я буду приглашать тебя каждый месяц, в дни, которые благоприятны для зачатия.

Она беззвучно удалилась.

Через несколько месяцев он обнаружил на берегу затона

небольшой дом. И сразу же послал за Моникой. Тот сумасшедший день, когда она приехала с мальчишкой, врезался ему в память. Их встреча отнюдь не была безоблачной. Моника, выхватив нож, грозилась отрезать ему член, когда узнала, что он женат. Но он ясно объяснил причины, и ссора только поддала жару их страсти.

Голые и лоснящиеся, как выдры, они довели себя до изнеможения в душной спальне наверху. Это был последний раз, когда он пришел к ней без презерватива. Потом он тщательно берег свое семя для тех редких инъекций, которые ему было разрешено производить в безучастное, жесткое и сухое тело Мэйси.

Он никогда не входил к ней без приглашения. После того как они взяли на воспитание девочек, приглашения кончились. Он хранил слово, данное Мэйси, даже после ее смерти – так и не позволил Монике нарушать условия, которые поставил с самого первого дня ее появления в Бель-Тэр.

Моника никогда не жаловалась на такое положение вещей. Каждый раз, когда он появлялся в доме на затоне, всегда неожиданно, днем или ночью, она бросала все дела и давала ему все, в чем он нуждался, – пищу, встряску, сочувствие, веселье, разговоры и, конечно, секс. В ней никогда не иссякало любопытство по отношению к Мэйси, но ревности не было. Ревность не могла ничего изменить в ее положении. Это было бессмысленное, бесплодное чувство, разрушающее любовь, а ей хотелось отдать всю себя Коттону.

Боже, как он любил эту женщину!

Уже четыре года ее нет с ним, а боль утраты так же остра, как в тот миг, когда ее улыбающиеся губы прошептали его имя и тонкие пальцы разжались в его руке. И теперь память об этой улыбке больно сжимала слабые стенки его треснувшего сердца.

Глава 22

– Кэш!

Он остановился и обернулся. В дверях конторы стояла Шейла.

– Ты домой?

Он покосился на закатное солнце.

– Время заканчивать, не так ли?

– Да. Но если ты не очень торопишься, я бы хотела поговорить.

Ей показалось, что он не обратил внимания на ее слова, потому что он молча повернулся и проследовал к своему пикапу.

Наклонившись к машине, он открыл холодильник и вытащил упаковку из шести банок пива.

– Давай угощу тебя пивом.

– Где?

Он посмотрел на нее долгим и тяжелым взглядом.

– Это так важно?

Она приняла молчаливый вызов, потому что отступить было не в ее натуре.

Вернувшись в помещение, потушила все, кроме одной, лампочки, закрыла дверь и присоединилась к нему. Он достал две банки: для Шейлы и для себя и поставил коробку в холодильник.

– Куда мы идем?

– За тридевять земель в тридесятое царство.

– В бабушкину избушку? – Она рассмеялась и пошла с ним в ногу.

– У меня никогда не было бабушки.

Ее улыбка пропала, а бравый шаг сбился.

– У меня тоже. Помолчав, она спросила:

– А родные твоей матери?

– Что?

– Откуда они родом?

– Округ Терриборн. Но, насколько я помню, ни один из них не поддерживал с нами связь.

– Почему?

– Они вышвырнули ее вон.

Шейла снова остановилась и посмотрела ему в лицо в тусклом свете сумерек.

– Вышвырнули вон?

– Из-за меня. Когда мой родитель ушел от нас, родственники не захотели нас больше знать.

На его суровом, мужественном лице не мелькнуло даже тени печали. Но Шейла чувствовала, что это у него большое место. Где-то глубоко в душе Кэш Будро чувствовал обиду отверженного.

Они шли по еле видной тропке через лес.

– Видимо, по этой же причине моя настоящая мать отдала меня в чужую семью, – сказала она. – Наверное, ее семья то-

же грозила отказаться от нее, если она не избавится от незаконного младенца. Я думаю, твоя мама очень любила тебя, если не согласилась расстаться с тобой даже из-за гнева родных.

– Любила. Но это сильно осложнило ее жизнь. – Он отвел в сторону низкую толстую ветку перед Шейлой. – Это здесь.

Он указал на узкий неглубокий приток с пологими берегами. Ветви плакучих ив, опущенные в воду, осторожно гладили корявые колени деревьев, возвышающихся над поверхностью.

– Как здесь красиво, – прошептала Шейла. – Полное умиротворение.

– Сядь.

Она присела у самой воды на валун, на который он указал, вскрыла банку с пивом и с удовольствием тронула губами душистую пену. Кэш прислонился к кипарису и не сводил с нее глаз. Она взглянула на него и спросила:

– Тебе нравятся такие места? Он огляделся вокруг.

– Я с детства был диким, как индеец, и больше всего любил лес. Я знаю здесь каждый куст.

Шейла поглядела на него. Удивительный человек Загадка. Сплетение противоположностей. Добросовестный работник, но работает не из-за денег. Видимо, его не пугает, что, возможно, придется жить, едва сводя концы с концами. Он не презирает собственность, но и не гонится за ней. Он совершенно искренне к ней равнодушен.

– А не хотелось бы тебе заняться чем-нибудь другим, Кэш?

Он хлебнул из банки.

– В каком смысле?

– Ну просто в жизни. Я имею в виду – разве у тебя не было желания чего-то добиться, куда-то уехать?

Прежде чем ответить, он долго смотрел на тихую поверхность воды.

– Я думал об этом.

– И почему же не ушел? Он допил пиво.

– Я не мог уйти. – Он нетерпеливо поднялся на ноги.

– Как это – не мог? Кто тебе не давал? Он беспокойно задвигался. Положил руки на бедра Долго смотрел на свои башмаки. Глубоко вздохнул и произнес:

– Мать не давала. Из-за нее не уходил. Ответ оказался даже более полным, чем она ожидала. Но картины он не прояснял. Она поглаживала пальцем алюминиевый ободок банки.

– А после ее смерти? Ты же мог спокойно уйти.

– Я обещал ей, что останусь.

Они смотрели друг на друга так долго, что Шейла смутилась. Интуитивно она почувствовала, что его ответ скрывает что-то очень важное, касающееся и ее тоже, но она поняла, что больше он ничего не скажет. Кэш Будро – тайна, которую она вряд ли сможет раскрыть.

Она подумала, что пора перейти к делу, ради которого она позвала его.

– Кэш, помнишь, ты ведь говорил, что у двух лесовозов были порваны шины, когда ты приехал вчера утром на вырубку?

– Но их быстро заменили. Я сам менял, а старые отдал Отису в гараж, чтобы заклеили.

– Я беспокоюсь не о шинах, – несколько рассеянно пробормотала она. – Я хочу спросить, не показалось тебе, что это странно, необычно?

– Что?

– Что за одно утро полетели шины сразу у двух лесовозов?

– Совпадение.

Но черточка на ее лбу между бровей не расправилась. Похоже, что Шейла не была в этом уверена.

– Ты сомневаешься?

Глубокий вздох приподнял ее грудь, резче обрисовав контур под натянувшейся блузкой. Она не заметила этого, не обратив внимания также и на то, как дрогнули зрачки его глаз при ее бессознательном движении. С того дня, как он стал работать для компании, она неукоснительно соблюдала поставленное им условие о скромной одежде. Ей просто не хотелось обострять эту тему.

– Мне кажется, совпадение просто невероятно. Но я, может быть, тоже не стала бы об этом думать, если бы...

Чувствуя себя довольно глупо, она подняла на него глаза.

– Сегодня утром, когда я приехала в контору, дверь была открыта настежь. Ты ведь не приезжал раньше меня?

Он качнул головой, его брови сошлись, образовав острый угол:

– К чему ты клонишь? Что камеры были порезаны?

– Надеюсь, что нет. – Она потерла шею. Навязчивые подозрения, которые она вынашивала целый день, сказанные вслух, выглядели смехотворно. Она пожалела, что поддалась предчувствию, и решила обсудить это вместе с ним.

– Ничего не пропало?

– Вроде бы нет.

– Что-нибудь сдвинуто со своего места?

– Нет.

– Никаких следов?

Она снова отрицательно покачала головой.

– Только ощущение тревоги.

– Я уверен, что беспокоиться не о чем. Может быть, тебе стоит уезжать домой пораньше. Не сиди подолгу здесь одна.

– Кен тоже так сказал. Он приезжал за мной каждый вечер.

– Хоуэл? – Его брови так и вскинулись. – А позaproшлой ночью он приезжал?

– Да, – ответила она, заинтригованная его волнением. – А что?

– Он заходил в гараж?

Она метнула на него недовольный взгляд:

– Не говори чепухи.

– Это совсем не чепуха. У Хоуэла целых две причины для

недовольства.

– Какие же?

– Ты перехватила управление «Крэндол Логинг» – это раз. А второе – сплетни о нас с тобой.

– О нас? – Она знала, что за этим последует единственное, что заставило ее задать этот вопрос. Он выложит ей все, что знает об этих разговорах. Ей хотелось выяснить, о чем именно ему известно. Она постаралась выслушать его без раздражения.

– О нас. О тебе и обо мне. Они считают, что работа – не единственное, что мы делаем вместе. Они положили нас в одну постель и рассказывают, как нам чертовски хорошо в ней.

Ее попытка сохранить спокойствие не удалась. У нее перехватило дыхание. Она ничего не ответила. Не смогла. Смогла только оторваться от его глаз, которые меняли цвет, подобно хамелеону, в зависимости от цвета окружающих предметов. Иногда они бывали серыми, иногда – мшисто-зелеными, а в какие-то минуты – агатовыми.

– Неужели на месте Хоуэла ты не чувствовала бы себя дерьмом?

– У Кена нет причин для недовольства. Я не претендую на его работу в городе, стало быть, первую мы отмечаем. Что касается второй, хотя это всего лишь глупая сплетня, его это не может касаться. Он женат на моей сестре.

– Это так, – протянул Кэш и отпил пива. – Но он не может

не думать, что я взял то, что раньше было его собственностью. А это что такое? – Он быстро нагнулся и поднял что-то из-под ее ног.

Она застыла от ужаса, увидев змею, свисающую вниз головой с его пальцев. Темная лента длиной добрых полметра, не меньше.

Размахнувшись, Кэш швырнул змею в воду, сделав рукой такое движение, словно забрасывал удочку. Описав круг за кругом, змея шлепнулась в центре вязкого протока.

Глаза Шейлы, оторвавшись от кругов на темно-зеленой воде, снова обратились на Кэша.

– Гадюка, – еле выдохнула она.

– Угу. Хочешь, пойдём назад?

– А ты брал ее в руки!

Он заметил ее явный страх и разозлился:

– Я вырос на этих берегах. И не боюсь змей. Никаких, ясно?!

Он нагнулся и поднял ее на ноги. Теплые шершавые ладони обхватили ее руки ниже локтей.

– А ты, я вижу, боишься. Вся покрылась мурашками. – И, осторожно растирая ее кожу, прошептал:

– В твоём особняке водятся змеи пострашнее этих.

Потом, поддерживая ее под руку, повел назад, к конторе. У нее дрожали колени. Встреча со змеей окончательно лишила ее присутствия духа. Фамильярное обращение Кэша с этой тварью не способствовало спокойствию Шейлы. И уж

совсем растревожили нежное прикосновение к ее локтю, горячий взгляд и каждое его слово, наполненное желанием.

Они подошли к пикапу, и Шейла прислонилась к машине.

– Пока я не забыла, – сказала она, – я хочу сообщить тебе еще кое-что.

– Я слушаю.

– Сегодня я договорилась о встрече с Джо Эндикотом-младшим, у него на бумажной фабрике.

– Это в Восточном Техасе, что ли?

– Да, мы всегда вели с ними дела.

– Я помню. Они всегда давали крупные заказы.

– Но это было давно. Последнее время заказы прекратились. Ты не знаешь почему?

– Нет.

– Я тоже не поняла. Он разговаривал со мной очень холодно. Но я все-таки подбила его на встречу. На двенадцатое.

Она помолчала, чтобы набрать побольше воздуха.

– Кэш, ты поедешь со мной?

Он казался удивленным, но ответил тут же:

– Конечно.

– Я хочу правильно оценить обстановку. Мне понадобится твой совет. У меня создалось впечатление, что им нужна древесина высокого качества, а все прежние поставщики себя исчерпали. Это значит, нам светит крупный заказ. Если мы будем соответствовать их требованиям, я смогу закрыть весь банковский долг одним этим контрактом.

Она больше не колебалась, доверяя Кэшу Будро внутренние проблемы компании. Работая с ним бок о бок, она убедилась, что если кто-нибудь и способен спасти дело, так это только он. Он знал, в какой трясине они вязнут, и не было смысла сохранять перед ним фальшивое воодушевление.

– Буду рад помочь, – сказал он. – Так ты допила пиво или нет?

Она кивнула и протянула ему банку, в которой все-таки оставалось на треть пива.

Он допил до конца и бросил банку в грузовой отсек вместе с двумя другими. Оперся на вытянутые руки, одно колено дрогнуло, потом повернулся к ней:

– Я знаю, ты не любишь пиво. Она удивленно оглянулась на него.

– Думаю, ты возненавидела его раз и навсегда, когда перепила на вечеринке в Тибодо-Понд.

Она подняла глаза на первую вечернюю звезду, серебристую и блестящую на фоне неба цвета индиго.

– Меня изумляет, что ты это помнишь.

– Помню.

Она так низко опустила голову, что коснулась груди подбородком.

– Когда я после думала об этом, мне было страшно при мысли, что могло бы случиться.

– Да, ты бы здорово влипла. А ведь тебе тогда было всего... сколько? Четырнадцать? Пятнадцать?

– Пятнадцать.

Он ослабил руки и повернулся к ней лицом. Шейла не смотрела на него, но постоянно чувствовала его взгляд.

– Всего за несколько месяцев до этого умерла моя мама.

Она сама не знала, зачем стала объяснять ему свое поведение в тот давний вечер. Но что-то толкало ее на это.

– Она... моя мать никогда не была ко мне особо внимательна... В общем, – продолжала Шейла, – когда мама умерла, мы с Трисией стали изучать границы свободы, которые нам предоставлял Коттон. В то время он купил мне машину. Мне страшно хотелось пойти на ту вечеринку у озера и показать ее всем. – Она тяжело вздохнула. – И я поехала.

– И разболталась с Дорелом Хопкинсом. Смущенно засмеявшись, она взглянула на него.

– Как ты все помнишь!

– Я про эту вечеринку многое помню, – сказал он хрипло. – Ты была в белом платье. Огонь от костра просвечивал тебя насквозь. Это такая материя с маленькими дырочками.

– Шитье.

– Может быть. У тебя были длинные волосы, заколотые пряжкой. – Он неопределенно взмахнул рукой.

– Просто с трудом верю, что ты помнишь такие мелочи.

– Да, помню. Потому что я никогда не смогу забыть поганые лапы того сопляка, который гладил твою попку, когда ты танцевала с ним.

Шейла опустила глаза.

– Когда я поняла, что произошло, было уже поздно. Все было очень романтично: танцы под открытым небом, возле воды, со «взрослым мужчиной». А в следующий миг он уже тащил меня куда-то. Я испугалась и стала вырываться. – Она подняла на него глаза. – И тогда появился ты – прямо-таки из ниоткуда. Я потом долго думала, как ты ухитрился так вовремя прийти и что ты там делал. Я вообще тогда о тебе забыла.

– Я был в увольнительной из Форт-полка.

– А, ты был еще коротко острижен, как все солдаты, – вдруг вспомнила она.

Он с улыбкой провел рукой по своим длинным волосам.

– Я шлялся по городу и слышал про попойку на берегу, где будет много пива, и как раз не знал, чем занять остаток дня.

– И занялся тем, что отвез меня домой.

– Но сперва выбил порядочно дерьма из Дорела Хопкинса. Знаешь, не так давно я встретил его в городе. Он перешел на другую сторону улицы, чтобы не встречаться со мной. У него до сих пор нет передних зубов. – Кэш сжал левую руку в кулак. – Нечего было лезть в драку с солдатом, который отправляется на войну в джунгли.

Она перестала улыбаться.

– Ты едва знал меня. Кэш. Почему ты так поступил?

Воздух вдруг стал плотным и напряженным, как перед грозой. Его глаза шарили по ее лицу.

– Наверное, из ревности. Наверное, сам хотел танцевать с тобой и гладить твою попку.

Он нарочно грубил. Шейла чуть не закричала от отчаяния:

– Не верю, Кэш. Ты просто пожалел меня тогда.

– Я уже говорил, что никого не жалею, особенно женщин.

– Но я же была девочкой. Мне кажется, ты поэтому и заступился за меня, не хотел, чтобы с невинной девочкой что-нибудь случилось.

– Может быть, – согласился он с нарочитым равнодушием, но голос его был глубоким и низким, а взгляд – внимательным и неотступным. – Но я думаю иначе.

– Тогда почему?

– Потому что мне нравилось держать на коленях твою голову. Помнишь?

– Нет.

– Не может быть. Когда я вез тебя домой, ты положила голову мне на колени. Я до сих пор вижу, как твои волосы покрыли мне ноги. Они были как шелк. И на вид, и на ощупь. Я просто дурел. Они могли... все на свете.

Его глаза потемнели опустились к ее губам.

– Как я мог тогда упустить шанс? Я чувствовал, что заслужил награду за доброе дело.

– Это какую же?

Его руки появились из темноты, и пальцы охватили ее шею. Он притягивал ее к себе, пока ее грудь не коснулась

его груди.

– Дотронуться до тебя.

– Поэтому ты поцеловал меня в прошлый раз? Чувствовал, что шанс сам идет в руки?

– Я поцеловал тебя по той же причине, по которой делаю все остальное, – потому что дьявольски хотел этого.

– Так ты сказал, что и в ту ночь хотел, когда вез меня домой. Почему же не сделал?

Его лицо снова стало непроницаемым, словно он опустил забрало.

– Были причины.

– Ты имеешь в виду Коттона?

– Да, Коттона.

– Почему он так разорался на тебя? Если бы не ты, меня лишил бы невинности полупьяный уличный мальчишка. Я не так много выпила. Две кружки, наверное, но, чтобы потерять голову и забыть об осторожности, этого было достаточно.

– Так ты не помнишь всего, что тогда произошло?

Ее озадачила осторожность, с какой был задан вопрос.

– Не совсем, – медленно ответила она, напрягая память. – Помню, Дорел лежал без сознания на земле, лицо в крови. Я хотела помочь ему и убедиться, что он жив, но ты силком оттащил меня в машину, в мою машину. Ты привез меня домой на моей машине? Так?

– Да.

– А как ты потом добрался обратно в Тибодо-Понд за своей?

– Я вышел из Бель-Тэр на дорогу и остановил попутку.

Она никогда не пыталась связать в одно целое обрывочные воспоминания той ночи, и теперь ей казалось, что это очень важно. Почему – она не понимала.

Кэш спас ее от позора. А теперь старается изобразить, будто он сделал это для своей же выгоды. Она сидела тогда на переднем сиденье своего новенького «Мустанга», который ей подарил Коттон, положив голову на колени Кэша. И это почему-то показалось Коттону самым дурным, самым недопустимым из всей этой истории, так что он спустил собак на Кэша.

Она снова взглянула на него.

– Коттон страшно рассердился, ведь так?

– Ничего удивительного. Его гордость и утешение привезли домой в непотребном виде.

– Да, но ведь он орал на тебя. При чем здесь ты? Разве это твоя вина?

Ее мысли вертелись вхолостую, не захватывая каких-то очень важных кусочков памяти.

– Когда мы приехали в Бель-Тэр, ты почти внес меня по ступенькам. Я помню свет на веранде. И... – Она замолчала, закрыв глаза и медленно восстанавливая эту сцену. – Коттон стоял на крыльце.

– С таким видом, словно святой Петр, охраняющий от

грешников Райские Врата, – резонно дополнил Кэш. – Ни о чем не спрашивая, он обрушил на меня гром и молнию. Вышла Веда и увела тебя в дом.

– Я помню... – добавила Шейла, засмеявшись. – Она раздела меня и уложила. Причем все время бранила за легкомыслие и проклинала белую шваль, у которой нет никакого уважения к таким порядочным девочкам, как сестры Крэндол.

Она вспомнила, как Веда расчесывала шелковые белокурые волосы, которые только что покрывали ноги ублюдка Моники Будро.

«Господь успокоил Веду», – подумала она, улыбаясь.

В тот вечер она с удовольствием побила бы Кэша, если б могла. Но этим занялся Коттон, устроив тому словесную порку. Пока Веда укачивала ее в спальне, Кэш получил свою порцию несправедливых обвинений.

– Ты тогда очень обиделся, правда? – спросила она в растерянности. – Весь свой гнев Коттон обрушил на тебя.

Глядя перед собой в пространство, она продолжала вспоминать, словно листала страницы книги, некогда закрытой для нее:

– Помню, вы оба долго кричали друг на друга на крыльце. Коттон так и не понял, что это не ты напоил меня.

– Он не захотел этого понять, – с горечью сказал Кэш.

– Вместо того чтобы поблагодарить тебя, он орал, что ты...

Книга внезапно захлопнулась. Страницы перестали пере-
ворачиваться. Ее память уперлась в глухую стену. Тупик. И
как все тупики, он был безвыходным.

– В чем он обвинял тебя в ту ночь?

– В том, что привез тебя домой пьяною.

– Нет, что-то еще... – настаивала она.

– Не помню, – коротко ответил Кэш.

Он быстро нагнулся и коснулся поцелуем ее губ.

– Не все ли равно? Какого черта мы вспоминаем эту дав-
нюю историю?!

Нет, не все равно. Она в этом не сомневалась. Что-то важ-
ное он не хочет сказать ей. Гораздо более важное, чем он
пытается изобразить.

– Почему ты не хочешь, чтобы я вспомнила?

– Я больше ничего не помню, – прошептал он, целуя ее в
шею. – А если ты хочешь что-то вернуть, мы можем снова
сесть в твою машину. Я сяду за руль, а ты положишь голову
мне на колени.

Он сжал руками ее голову и быстро, но крепко поцеловал.

– Может, ты тогда отвлечешься от разговоров о прошлом.

– Прекрати! – крикнула она, разозленная его бесцеремон-
ностью, с которой он пытался отвлечь ее от разговора. – Мне
необходимо поговорить с тобой об этом, Кэш.

– Разговоры между мужчиной и женщиной – напрасная
трата времени.

Он обнял ее за талию и привлек к себе.

– Знаешь, если ты хочешь поговорить о пиве, давай поедем сейчас в Тиборо-Понд и разопьем остаток моей упаковки? – Он легко коснулся губами кончика ее носа. – Можем взять еще пива. Брось это. Будь проще. Повалешься в траве. Я буду обнимать тебя. Буду целовать с ног до головы. Ты еще не знаешь, какой у меня язык.

Он снова припал к ее рту губами – на этот раз властно и бесцеремонно. Одновременно его пальцы нажали на ее соски.

– Кто знает, может быть, я окажусь счастливее Хопкинса. Шейла с силой оттолкнула его и вытерла рот. Ее грудь бурно поднималась и опадала от возмущенного дыхания.

– Жалко, что я не пристрелила тебя, когда было возможно. Он с трудом выдавил из себя улыбку:

– А я – что не изнасиловал тебя в выгодной ситуации. Спокойной ночи, мисс Шейла.

Он повернулся спиной и скрылся в темноте.

Шейла не могла успокоиться даже дома, вспоминая его слова и стараясь уснуть. Кэш Будро способен кого угодно довести до бешенства. Если бы она могла убить его за все преступления против нее! И главное – за то, что каждый раз он ухитрялся распалить в ней желание.

С самой первой их встречи все эти годы он причинял ей одни неприятности. К счастью, ее память не удержала события той ночи, когда он привез ее домой с гулянки. Но сегодня прошлое нахлынуло на нее. И все же самое главное: то, что

Кэш сказал ее отцу, ускользнуло от нее. Это было жизненно важно, хотя Кэш и не хотел, чтобы она вспомнила. Почему? Что это могло быть и почему до сих пор имеет такое значение?

Она продолжала теряться в догадках, но внезапно зазвонил телефон на ночном столике.

– Алло?

– Мисс Крэндол?

– Да.

– говорит ДОКТОР Коллинз.

Рука до боли сжала трубку.

Глава 23

– Отец?! – в тревоге спросила она.

– Необходимо, чтобы вы приехали как можно скорее, – сказал доктор. – У него начался второй приступ. Выбора нет – надо оперировать. Но даже тогда... я не знаю.

– Я еду.

Она позволила себе пять секунд побыть во власти полной отрешенности и всепоглощающего горя. Затем опустила ноги на пол перед кроватью. Босая выбежала в холл. Кен в ночной пижаме стоял у дверей семейной спальни.

– Я слышал звонок и уловил конец разговора, – сказал он. – Мы тоже едем.

– Прекрасно. Через пять минут встречаемся внизу.

Даже в такой поздний час больница была ярко освещена – и тем не менее напоминала склеп. Все трое молча поднялись на второй этаж, где за последние несколько недель они стали завсегдатаями.

Стоило дверям лифта распахнуться, как все трое бросились по коридору, словно стая репортеров, учувших сенсацию. Шейла опередила остальных и первая влетела в кабинет дежурной медсестры.

– Где доктор Коллинз?

– Готовится к операции. Он просил вас подписать эту бумагу.

Едва взглянув на формальный документ, она написала свое имя в указанном месте.

– Скажите, отца уже перевезли в операционную?

– Нет, но санитары уже пошли за ним в палату.

– Можно мне увидеть его?

– Он в тяжелом состоянии, мисс Крэндол.

– Ничего. Мне необходимо его видеть. – Она не добавила роковых слов «еще один раз». Но страх, что это так и будет, терзал ее сердце.

Вероятно, выражение боли на ее лице вызвало у медсестры сочувствие.

– Ну хорошо. Только не задерживайте перевозку.

– Не буду. – Она обернулась к Кену и Трисии. – Вы пойдете?

Трисия, ожесточенно растирая ладонями коченеющие руки, отрицательно покачала головой. Кен взглянул на жену, затем на Шейлу.

– Иди одна. Нам уже приходилось видеть его страдания во время первого приступа. Второй раз вынести такое трудно.

Шейла понеслась по коридору. Дверь в палату Коттона была распахнута настежь. Два санитары перекладывали его с больничной койки на каталку. Весь опутанный трубками и проводами, он представлял собой печальное зрелище. Но это не поколебало Шейлу. Она уверенно вошла. Санитары с недоумением оглянулись.

– Я его дочь.

– Мы готовим пациента к перевозке на операцию.

– Я знаю. Медсестра разрешила мне повидать его. Он в сознании?

– Вряд ли. Ему уже сделали предварительный укол. Шейла подошла сбоку, так чтобы не помешать санитарам, и взяла его за руку. С тыльной стороны черная от иголок, беспрестанно втыкаемых в вены, рука бессильно лежала в ее ладонях. Родная рука, знакомая до мельчайших мозолей, вызывала тысячи воспоминаний. Эта рука гордо гладила ее по голове за отличную отметку по математике. Она утешала ее после падения с резвого жеребенка. Она вытирала ее слезы, когда он объяснял ей, что Мэйси ее любит и только не знает, как это выразить.

Она прижала его руку к своей щеке.

– Почему ты перестал любить меня, папочка? – прошептала она так тихо, что никто вокруг не мог расслышать.

Словно в ответ на ее вопрос, глаза Коттона открылись и прямо взглянули на нее. У нее вырвался тихий радостный вскрик, и улыбка осветила залитое слезами лицо. Он не умрет, не узнав, как сильно она любит его!

– Шейла, – еле прошептал он.

– Нам надо идти, мисс, – сказал один из санитаров, пытаюсь оттеснить ее от каталки.

– Да-да, я понимаю, но... Что, папочка? Что ты хочешь сказать?

Он все еще любит ее! Он старается сказать ей это, зная,

что, может быть, видит ее в последний раз.

– Зачем ты...

– Мисс!

– Прошу вас! – взмолилась она. Санитары отступили.

– Что, папочка? Зачем я – что?

– Зачем... ты... убила моего внука?

– Будро!

Кэш так задумался, что не слышал, как к его дому подъехала машина, не слышал шагов на крыльце. С половины четвертого он пил кофе, ожидая рассвета, чтобы отправиться на работу. Его мысли беспрестанно вертелись вокруг женщины, на которую он работал.

Поэтому он ничего не слышал.

Его имя прозвучало словно само собой. Впрочем, нет, кто-то стучал в дверь, повторяя его имя и производя шум, сравнимый с работающей бетономешалкой. Проклиная столь раннего гостя, он оставил чашку только что налитого кофе на столике и пошел открывать.

На крыльце стоял Джигер Флин. Он подозрительно заглянул внутрь, изо всех сил изображая равнодушие.

– Привет, Джигер, – зло сказал Кэш, – что заставило тебя так рано подняться с постели?

Не отвечая на приветствие, Джигер зарычал:

– Дай мне что-нибудь для моей бабы.

– Какой бабы?

– Ну той черной суки, которая живет у меня, какой же еще?

Кэш посуровел:

– Для Гейлы?

Джигер хрюкнул в знак подтверждения и кивнул.

– Что с ней?

– Кровотечение.

– Кровотечение? – в тревоге повторил Кэш. – Откуда?

– Отовсюду. Открываю глаза – у меня вся постель в крови.

Она сказала, что сделала себе аборт.

– Господи! – Кэш провел рукой по лицу. Джигер уже не в первый раз обращался к нему за лекарствами для своих проституток, которые погибали либо от самодельного аборта, либо от побоев не в меру требовательного клиента. Джигер избегал врачей, потому что такие случаи фиксировались в полиции. И хотя многие офицерские чины округа были у него в кармане, он все же не позволял себе лишнего риска.

– Если она искусственно вызвала выкидыш, необходимо везти ее к врачу, – очень серьезно сказал Кэш. – В больницу. И чем скорее, тем лучше.

– Твоя татап обычно давала мне какое-нибудь снадобье. Шлюхи очухивались от него в один момент.

– Она знала гораздо больше меня. Глаза Джигера потемнели от злости.

– И не стыдно тебе. Хочешь, чтобы Гейла подохла в луже собственной крови?

Кэш не сомневался, что у Джигера нет ни малейшего намерения везти Гейлу в больницу. Тот не признавался в этом прямо, но его ухмылка была вполне откровенна.

Кэш сжал зубы.

– Постой здесь.

Через несколько минут вернулся с бумажным мешочком. Джигер протянул руку, но Кэш не разжал пальцы. Джигер вопросительно посмотрел на него.

– Оставь ее в покое, пока полностью не выздоровеет, – жестко сказал Кэш. – Ты понял, что я сказал?

– Не трахать.

– Верно. Иначе убьешь ее. Джигер заюлил:

– Тебе нравится Гейла? Только скажи, я дам тебе ее на одну ночь. Пойдет, как плата за лекарство.

Лицо Кэша приобрело опасное выражение. Он резко сунул Джигеру мешочек.

– Гони двадцать баксов, – грубо сказал он. Пожав плечами, Джигер достал из штанов деньги и дал Кэшу.

– Так ты отказываешься от Гейлы? Кэш промолчал. Джигер стал сходить с крыльца, но, спустившись на одну ступеньку, снова обернулся.

– Зачем ты работаешь на эту Шейлу Крэндол?

– Работа мне нравится, и платят хорошо. Глаза Джигера сузились в еле видные щелки.

– Правда, что эта леди стреляла в моих собак, как утверждает Гилберт?

Кэш снова промолчал, но был поражен этой информацией.

– Она за это заплатит, – угрожающе прошипел Джигер.

– Оставь Шейлу Крэндол мне.

Джигер снова повернулся и захихикал, направив на Кэша кривой и желтый указательный палец:

– А, я и забыл. У тебя самого счеты с Крэндолами.

– Я и буду сводить их так, как сочту нужным. А ты не лезь!

Джигер подмигнул.

– Мы с тобой одного поля ягоды, Будро, ты сам знаешь.

Одного и того же.

Он грузно спустился со ступеней крыльца и направился к своему пикапу. Обернувшись, снова хмыкнул и махнул Кэшу рукой.

Кэш оделся, опорожнил кофейник и через несколько минут после Джигера вышел из дома. К его удивлению, Шейлы в конторе еще не было. Он вошел внутрь, раздумывая, следует ли рассказать ей о визите Джигера. Решил, что не стоит. Сведения о Гейле только расстроят ее и могут толкнуть на новый опрометчивый поступок. Чем меньше Шейла знает, тем лучше.

Когда лесорубы собрались, Шейлы все еще не было. Кэш позвонил в Бель-Тэр. Домоправительница ответила, что мисс Крэндол дома нет.

– А где она?

– В больнице. У мистера Крэндола случился второй удар,

и он, возможно, не выживет.

Почти ничего не соображая, Кэш повесил трубку. Опустившись в кресло Коттона, уставился невидящим взглядом в пространство. В это время на пороге появился один из рабочих, ожидая указаний на день. Но, взглянув на лицо Кэша, без слов вышел. Что-то случилось с боссом. Если его потревожить в такой момент, бог знает, что можно навлечь на свою голову.

Глава 24

В ее голове звучали слова отца: «Зачем ты убила моего внука?»

Она повторяла их много раз и на все лады, но смысла в них все-таки не видела никакого. Задача была слишком трудна для ее измученного мозга, который не мог удержать одну и ту же мысль дольше нескольких секунд. Все душевные силы необходимо было сконцентрировать на одном: дождаться конца операции.

– Шейла, хочешь кофе?

Кен склонился к ней. Она бессильно опустила руки.

– Нет, спасибо.

Он ободряюще потрепал ее по плечу, затем отошел к другому клеенчатому дивану и сел рядом с Трисией. Он взял руку жены и сжал ее между ладонями. Шейла почувствовала зависть. Ей так нужна была сейчас поддержка близкого человека.

Трисия перехватила тоскливый взгляд сестры. Она придвинулась к Кену ближе и захватила его руку с видом собственности. Шейлу не задел этот демонстративный жест, но она словно впервые увидела лицо сестры. Без косметики Трисия выглядела старше, грубее. Холодная расчетливость в глазах не смягчалась теплым тоном век.

И вдруг Шейла все поняла.

В один какой-то молниеносный момент озарения она поняла. Трисия...

– Это ты... – Голос Шейлы стал неживым и гремящим, словно сухие кукурузные початки на жарком августовском ветру. Во рту у нее так пересохло, что она с трудом производила слова. – Трисия, это ты сказала папе, что я сделала аборт?

Щеки Трисии, и без того бледные, стали еще бледнее. Губы слегка сжались и снова приоткрылись, придавая ей глуповатый вид. Голубые глаза моргнули – раз, другой.

В безмолвном трепете она уставилась на женщину, которая лишь называлась ее сестрой.

– Это ты! Ты!

Эта догадка хлестко ударила Шейлу в солнечное сплетение. От боли она хватала губами воздух, стараясь вдохнуть. Голова запрокинулась навзничь, глаза зажмурились. Слезы градом хлынули по белым как мел щекам.

– Мисс Крэндол.

Она подняла голову и открыла глаза. Доктор Коллинз стоял в дверях, участливо глядя на нее. На руках его все еще были зеленые резиновые перчатки. Маска хирурга опущена вниз, словно нагрудник.

– Врач просил меня сообщить, что операция прошла удачно.

– Мой отец еще жив? Молодой врач улыбнулся:

– Да. К счастью, он пережил эту сложную операцию.

Множество узлов, стягивающих ей грудь изнутри, вдруг развязались, и она впервые смогла глубоко вздохнуть.

– Он выздоровеет?

Доктор нерешительно поскреб щеку.

– Если он поправится, то определенно будет еще лучше, чем был. Но до этого должно пройти еще много времени.

– Я понимаю. Спасибо за откровенность.

– Хотите поговорить с хирургом?

– Если он считает нужным. Ведь особой необходимости нет?

– Нет. – Он внимательно поглядел ей в лицо. – Эта ночь оказалась для вас слишком долгой. Советую вам немедленно отправиться домой и немного... – Он замолчал, заметив ее упрямый отрицательный жест.

– Нет. Когда папа очнется, я должна быть рядом!

– Это может случиться не так скоро...

– Я должна быть рядом с ним, – твердо повторила она.

Она шла, понуро опустив голову, по стерильно чистому, кондиционированному коридору к залу ожидания, который в эти дни стал ее штаб-квартирой. Она не видела Кэша до тех пор, пока он не остановил ее, поймав за руку. Она поглядела невидящими глазами. Его глаза таили в себе страх, и она подумала, что, видимо, очень неприлично выглядит. Эти два дня она не обращала внимания на зеркала, даже когда заходила в туалет. Ей не хотелось, чтобы он смотрел на

нее сейчас.

– Что ты здесь делаешь? – раздраженно спросила она.

Он убрал руку и язвительно скривил рот:

– По-моему, это общественное место. Или акадские ублюдки не имеют права появляться здесь?

– Потрясающе сказано! Это именно то, что мне сейчас просто необходимо, – выслушивать твои подколы.

Она попыталась обойти его, но он преградил дорогу.

– Почему ты мне ничего не сообщила? Вопрос был таким странным, что она даже хмыкнула:

– Да я была как-то занята. Я думала немножечко о другом.

– О'кей, если так. А что ты делаешь сейчас? Или ты полагаешь, мне это безразлично?

– По-моему, ты уже все выяснил.

– Только после того, как позвонил в Бель-Тэр, хотел узнать, почему тебя нет на работе.

– Ну и как?

– Эта сушеная вобла, которая разговаривала со мной, сказала, что у Коттона второй приступ и это, видимо, конец.

– Больше всего я не выношу миссис Грейвс за то, что она всегда все знает лучше всех.

– Я думаю, подобные известия распространяются довольно быстро. Подробности операции я выяснил на заправочной станции, куда мне пришлось завернуть по дороге в больницу.

Дежурная медсестра за столом подняла голову и неодобрительно посмотрела на них поверх старушечьих очков. Кэш

тоже уставился на нее:

– Вы что-то хотели, леди?

– Говорите, пожалуйста, потише, сэр. Он ненавидел всякое подчинение. И его взгляд ясно выразил это. Взяв Шейлу за руку выше локтя, он быстро повел ее по коридору через ряд вращающихся дверей, пока не вышел во двор. Там было множество растений в пластмассовых ведерках и каменных скамеек. Он обошел колючую пальму, которая попалась на его пути, и остановился, не обращая внимания на скамьи.

– Как он?

У Шейлы болел каждый нерв, словно вся кожа ее была в открытых ранах. Ее выводила из себя каждая мелочь. Особенно злило ее сейчас то, что она рада видеть Кэша Будро. Если бы он не был таким ослом, она бы безоблачно радовалась его приходу. Его широкая грудь была просто создана, чтобы на ней отдохнула ее измученная голова. Если бы он обнял ее, она оперлась бы на его руки, потому что ей необходима была сейчас любая поддержка. Она приняла бы утешение от кого угодно. Но он не предлагал утешений. Он был слишком полон своим драгоценным, обиженным «я».

– Я спрашиваю, как он там сейчас?

Он сказал, как выстрелил, – она даже вздрогнула.

– Нормально.

– Чушь!

– Нет, ну, конечно, не совсем нормально! – закричала она, замахав рукой от раздражения. – Они разрезали ему грудь,

разняли в разные стороны ребра и вставили четыре шунта в сердце, которое слишком слабо, чтобы справиться самостоятельно с потоком крови. И ты еще спрашиваешь, как он сейчас? Вы оба в жизни не сказали друг другу доброго слова. Чего ты хочешь от него теперь?

Он приблизил глаза к самому ее лицу. – Я просто должен знать, пойдет ли ко всем чертям работа, из-за которой я рву себе кишки, когда хозяин окочурится.

Шейла отвернулась. Кэш запустил в свои волосы обе пятерни, зачесывая их на несколько секунд к затылку и снова позволяя им упасть на лицо. И при этом беззвучно ругался по-английски, по-французски и на том смешанном языке, который перенял у матери.

– Посмотри, – наконец сказал он, подводя ее к двери, – видишь, лесорубы пришли справиться о нем. Я опять звонил в Бель-Тэр, но не мог добиться ни одного вразумительного слова. У Хоуэла язык примерз, как у мороженой рыбы. Я же должен что-то сказать рабочим.

Несколько успокоенная его деловым тоном, она с каменным лицом повернулась к нему.

– Скажи, что он чувствует себя так, как предполагалось. Доктор обещает, что завтра Коттону должно стать чуточку лучше. – В ее глазах мелькнуло что-то жалкое. – Если вообще станет.

– Спасибо.

– Можешь приходить, узнавать.

– А тебе еще не прописали постельный режим?

– Я что-то тебя не понимаю...

– Койку тебе здесь еще не выделили? Очень уж дерьмово ты выглядишь.

– Как вы изысканны в комплиментах, мистер Будро!

– Да, я действительно немного польстил тебе. На самом деле все гораздо страшнее. Когда ты в последний раз ела горячее? А спала хоть несколько часов подряд? Когда принимала ванну? Почему ты так терзаешь себя из-за его болезни?

– Я не терзаю.

– Неужто?

– Нет. И я не нуждаюсь в том, чтобы ты говорил мне, как плохо я выгляжу. – Она вздернула голову кверху. – Я распорядюсь, чтобы Кен выдал деньги по ведомости в пятницу. Пока ты рвешь кишки ради компании, тебе будут хорошо платить за твои старания.

Она ушла, оставив его ругаться среди искусственных деревьев.

Доктор Коллинз вышел в зал ожидания на следующий день. Было около двух часов. Она сидела, прислонившись головой к стене. Сев рядом, он взял ее за руку, и она приготовилась к самому худшему.

– Мне бы не хотелось показаться безответственным оптимистом, но у вашего отца заметные признаки улучшения, – начал он.

– Слава Богу! – Она облегченно вздохнула. Доктор сжал

ее руку.

– Я считаю необходимым подержать его в послеоперационной палате еще по крайней мере неделю. Но я уверен, что критический момент миновал.

– Можно, я зайду к нему?

– Да, можно.

– Когда?

– Через пять минут, в течение которых я предлагаю вам причесаться и подкрасить губы. Я думаю, вы не хотите насмерть перепугать моего пациента после всего, что он благополучно миновал?

Она улыбнулась в ответ.

Через пять минут она вошла в послеоперационную палату, куда уже заходила к нему, и в первую очередь отметила живой цвет его лица. Кожа утратила серый оттенок. Сиделка вежливо удалилась, дав возможность Шейле побыть наедине с отцом.

Нагнувшись к нему, она дотронулась до его волос.

Он открыл глаза.

– Ты поправишься, – прошептала она, приглаживая пальцем кустистую серую бровь, которая вновь своевольно топорщилась. – Когда тебе станет лучше, я тебе все объясню.

Она облизала губы, совершенно забыв о помаде.

– Но я хочу, чтобы главное ты узнал сейчас, потому что это правда.

Она умолкла, ей хотелось убедиться, что он в сознании и

внимательно слушает ее.

– Я никогда не была беременна. Я никогда не делала абортов и никогда не убивала твоего внука. – Она положила руку ему на щеку. – Папочка, ты слышишь?

Его глаза наполнились слезами. Она получила свой ответ.

– Я никогда не лгала тебе за всю мою жизнь. Ты же знаешь. Я и теперь говорю правду. Клянусь нашим домом, Бель-Тэр, который мне очень дорог. Я никогда не была беременна. Это все... недоразумение.

Выражение его лица изменилось так, как бывает, когда после долгого мрака вдруг засияет яркий луч солнца. Лицо стало спокойным и умиротворенным. Глаза закрылись, и слезы просачивались сквозь трепещущие ресницы. Шейла вытирала их большим пальцем, затем нагнулась и нежно поцеловала его в лоб.

Выжатая как лимон, совершенно обессиленная, но чувствующая себя счастливее, чем когда-либо за все эти шесть лет, она покинула больницу.

Глава 25

Первое, что Шейла сделала, вернувшись в Бель-Тэр, – приняла душ и вновь почувствовала себя человеком.

Затем она отправилась прямо в постель и проспала шестнадцать часов кряду. Проснувшись на следующее утро и почувствовав волчий аппетит, она, накинув первые попавшиеся юбку и кофту, отправилась на кухню. И когда омлет из трех яиц, ветчины и сыра был почти готов, в кухне появилась миссис Грейвс.

– Доброе утро, – радостно поздоровалась Шейла, ловко соскребая со сковороды на тарелку свой импровизированный завтрак. Обнаружив вторжение в свои владения, домоправительница не произнесла ни слова. Повернувшись на каблуках, она вышла. Удивленная, Шейла села за стол и быстро уничтожила все, что было на тарелке, запив свежесжатым апельсиновым соком и двумя чашками кофе.

И только после этого она заметила, что идет дождь. Небо было темным от низких туч. В такой день лучше всего поваляться в постели. Что, видимо, и делают Трисия и Кен.

Не повидавшись с ними, она снова уехала в больницу. В дверях палаты остановилась как вкопанная, увидев невероятную картину. Опираясь на хрупкое плечо медсестры, как на костыль, отец стоял возле кровати! Увидев дочь, заулыбался ей:

– Боль адская, но ощущения – не передать! Уронив сумочку, Шейла бросилась к нему и впервые со дня помолвки Трисии и Кена обняла его.

Неизвестно, чем бы кончилась эта сцена, если бы медсестра не вмешалась, обратясь к Шейле:

– Мне кажется, вас он слушается больше, чем меня, мисс Крэндол. Это самый несговорчивый и своевольный пациент, какой у меня когда-либо был.

– Дьявольская ложь!

Девушки переглянулись за его спиной и совместными усилиями уложили его в постель. Несмотря на браваду, происшедшее измучило его. Едва голова его коснулась подушки, как он начал тихо похрапывать.

Шейла еще немного посидела, затем вышла и спустилась в вестибюль, где располагался небольшой киоск с сувенирами, чтобы заказать для него цветы. Ему еще многое предстоит узнать. Но у них, слава Богу, будет время поговорить.

Она просидела в зале ожидания еще несколько часов, но он так и не проснулся. Врачи заверили ее, что самое лучшее для него сейчас – это сон. И ей пришлось уехать, так и не поговорив с ним. Но счастливая улыбка, которой он одарил ее при встрече, доказывала, что он помнит все, ею сказанное, и что его вера в нее воскресла.

Ей хотелось скорее ехать на работу, но она заставила себя подождать. Накопилось много других неотложных дел. Она слишком долго откладывала их. Почти шесть лет.

Был полдень, когда она вернулась в Бель-Тэр из больницы. Она сразу поднялась наверх. Из спальни Трисии слышалось радио. Шейла без стука отворила дверь и вошла.

Трисия в атласном кимоно поверх комбинации сидела за туалетным столиком и красилась, подпевая Роду Стюарту. Увидев Шейлу в зеркале, Трисия уронила карандаш для век и повернулась на мягкой бархатной подушке табуретки.

– Я не слышала, чтобы ты стучала.

– А я не стучала.

Трисия нервно запахнула полы халата, но ее лицо не выдало ни малейшего волнения.

– Фу, какая невоспитанность. Видимо, частое общение с белой швалью помогло тебе начисто забыть правила хорошего тона.

Шейла не собиралась тратить время на мелочную перебранку. Она подошла к приемнику и так резко выключила музыку, что даже почувствовала боль в запястье. Наступила гнетущая тишина. Шейла смотрела в лицо той, которую до сих пор называла сестрой.

– Ты не заслуживаешь моей вежливости. Будь довольна, что я не воздаю тебе по заслугам!

Она была в таком страшном гневе, что едва сдерживалась, чтобы не накинуться на Трисию и не вцепиться в ее блестящие белокурые волосы. Но сильнее гнева было недоумение.

– Зачем тебе это понадобилось, скажи? Что за цель ты преследовала, когда сказала Коттону, будто я сделала аборт?

– С чего ты взяла, что я ему это говорила?

– Хватит притворяться! – выкрикнула Шейла. – Я знаю! Не знаю только зачем. Скажи мне, ради Бога, зачем ты лгала?

Трисия порывисто вскочила с места, так что кимоно распахнулось.

– Чтобы он не грыз мне холку, вот зачем. Чтобы прекратил проклинать меня, что я увела у тебя Кена. Хотя увести его было не так-то трудно.

– Значит, Коттон проклинал тебя за то, что ты увела Кена?

Трисия коротко рассмеялась и серьезно ответила:

– Проклинал. Смешивал с грязью. Поносил. Называй, как хочешь. Послушать его, так можно было подумать, будто я и впрямь загнала тебе кол в сердце. А потом такое понес!.. Я тебя предала, я соблазнила Кена только затем, чтобы насолить тебе.

– А разве это не так? – презрительно спросила Шейла. – Разве Кен понадобился тебе не потому, что он был моим?

– Нет! – взвизгнула Трисия. – Я влюбилась в него! Ты совсем как папа – всегда готова думать обо мне самое худшее.

– Ты просто не даешь никому возможности думать иначе, Трисия. Ты всю свою жизнь интригуешь. Но это... это... Как ты могла додуматься до такой мерзости?

– О, ради Бога!.. Я сказала первое попавшееся, что пришло в голову, когда он в очередной раз подступил ко мне с вопросами, как я могла так обездолить бедную маленькую Шейлу. – Она шаловливо опустила руку на грудь сестре.

– Не верю. Ты знала, что это навсегда разлучит нас.

– Какая чепуха! – Трисия вернулась к туалетному столику.

Нагнувшись к зеркалу она положила на веко густую тень. – Зачем устраивать из этого событие государственной важности. Аборт – это вполне правдоподобная причина, из-за которой вы с Кеном могли поссориться. Я даже не предполагала, что папа станет носиться с этим столь долгое время.

– А когда выяснилось, что станет, когда он оттолкнул меня, почему ты не сказала ему правду?

– Потому что я не хотела, чтобы он возненавидел меня.

– Но по твоей милости он возненавидел меня!

Трисия повернулась.

– Что же, значит, настало мое время и наши роли переменились.

Шейла даже отступила на шаг, пораженная откровенной ненавистью в глазах сестры. Ее лицо не выражало ничего, кроме ненависти.

– Не понимаю...

– Разве не открывалась мне в то время зеленая улица, чтобы заслужить его одобрение? Привлечь его внимание? Завоевать его любовь?

Ее красивая грудь вздымалась и опускалась под атласом пеньюара. Все, что накапливалось в ней много лет, теперь полилось безудержным потоком.

– Он чуть ли не молился на тебя. Все, что ты делала, было правильным, превосходным. Если ему случалось обернуть-

ся, чтобы увидеть тебя, а это оказывалась я, он бывал недоволен.

– Это не правда, Трисия! Но Трисия не слушала:

– Если он обращался ко мне, то только чтобы сделать замечание. Ты – другое дело. Ты в его глазах всегда была права.

Она сбросила кимоно и направилась в гардеробную, сняв с вешалки платье, стала надевать, вступив в него сначала одной, затем другой ногой. Шейла еще раз убедилась, насколько она прекрасна. Ее фигура была совершенна – тонкая и пропорциональная. Лицо тоже было бы совершенно, если бы его женственную нежность не портило выражение горечи.

Трисия вновь подошла к туалетному столику и взяла губную помаду. Вывернув из золотистой трубочки душистый стержень, она нанесла быстрые, легкие мазки на нижнюю губу.

– Не знаю только, какого черта они удочерили меня. Она потеряла губы одну о другую и со стуком бросила помаду на столик.

– Они хотели, чтобы ты жила у них, – удалось произнести Шейле.

Трисия презрительно фыркнула:

– Твоя наивность просто поражает. Мама была помешана на желании иметь собственных детей.

– Да, она очень хотела родить папе ребенка. Трисия горько рассмеялась.

– Она хотела ребенка для того, чтобы Бель-Тэр перешел в

наследство Лоренту. Неспособность родить сделала ее менее требовательной к наследнику. Ведь кому-то должно перейти имущество. Вот она и взяла нас.

– Не говори так. Мама, может быть, не была особенно счастлива, но...

– К чертям твои оговорки. Она была несчастна. Да! – снова перебила Трисия, заметив, что Шейла пытается возразить. – Она была несчастная, эгоистичная дрянь. И основным ее занятием в жизни было – делать несчастными других. Она не любила нас. Она любила только себя, и то временами. Коттон любил тебя. Еще бы! Ты ведь обожала даже землю, по которой он ступал. А что оставалось мне? Ноль?! Околевать?! И так каждый день моей жизни! И когда появился Кен Хоуэл, аристократ с разбитым сердцем, я как сумасшедшая, тут ты права, захотела его. Почему бы и нет? Это был мой шанс!

Последнее она уже прокричала, прижав руку к груди.

– Ты говоришь, я соблазнила его? Да я сделала бы все на свете, лишь бы получить его.

– Все на свете?! Так, значит, ребенка у тебя не было? Ты тоже не была беременна. Это тоже ложь! И не было выкидыша после свадьбы, правда, ведь не было?

– Какая тебе разница.

– Говори!

– Не было.

Их ненависть стала почти осязаемой. Одно слово, под-

тверждающее давние подозрения Шейлы, ударило в воздухе, словно гонг, возвещающий о конце раунда, когда противники должны разойтись по разным углам. Обе затаили дыхание. Шейла заговорила первая:

– Кен знает, что ты обманула его? Трисия пожала плечами, закуривая.

– Наверное. Он, конечно, не Эйнштейн, но и не дурак. Мы об этом никогда не говорили. – Она выпустила в потолок облачко душистого дыма. – По-моему, он предпочитает верить, что мы потеряли ребенка. Пускай себе, если ему так легче примириться с потерей тебя.

Она внимательно поглядела на Шейлу.

– Откровенно говоря, я гораздо больше подхожу ему в жены, чем ты. Твоя независимость его пугает. Он восхищается ею, но она ему не нравится. Она унизительна для него.

– Не тебе судить о том, какой женой я была бы для Кена. Я очень любила его.

Губы Трисии дрогнули в улыбке.

– Да, – нежно сказала она. – Я знаю.

– И он после всех твоих усилий вернулся ко мне. А этого ты не могла допустить.

Голос Шейлы гремел по комнате. Трисия сердито стряхнула пепел в пепельницу на столике.

– И для этого ты выдумала свою беременность. Ты хотела ударить сразу по обоим. Это был отличный ход, он давал тебе возможность одновременно уничтожить меня и поймать

Кена.

Размышляя обо всем услышанном, Шейла отошла к окну. Дождь стал еще сильнее. В траве уже появились лужи. Даже под дождем Бель-Тэр выглядел очень живописно. Ничто не умаляло его красоту в ее глазах.

– А потом тебе понадобилось оправдаться перед папой. Ты знала, что больше всего на свете он ценит Бель-Тэр. Он постоянно говорил об основании династии. Даже понимая, что они не будут носить его имя, он мечтал, что здесь вырастет несколько поколений. Ты знала, как он хотел этого. Ты знала, какое событие сразит его больше всего, – что кто-то из нас избавился от его внука.

– Боже мой! – воскликнула Трисия и затушила сигарету. – Ты такая же сентиментальная, как он. Наши дети вовсе не были бы его внуками. Весь этот разговор о династиях и поколениях просто смешон. Жалко было слушать, как он носился с этой идеей. Все в округе знают, что он женился на Мэйси Лорент только из-за Бель-Тэр.

– Не правда. Он любил маму.

– Значит, любил? А трахался с Моникой Будро. Шейла обернулась, с недоверием уставившись на сестру. Трисия расхохоталась:

– Боже, какая святость! Ты что, не знала, что ли? Никогда не поверю! – Ее изумлению не было границ. – Неужели ты действительно не знала, что она – любовница Коттона? Анекдот! – Она презрительно фыркнула, качая головой. –

Так ты думала, он монах? Святой Коттон? Ты думала, что ему некуда приткнуться, раз они с мамой не спят вместе?

– Какая же ты вульгарная!

– Правильно, – замурлыкала Трисия. – Поэтому мне и не составило труда переманить Кена из твоей постели в мою.

– Это не совсем так, – раздался голос Кена, и обе разом обернулись.

Кен стоял у двери и обращался к Трисии, но смотрел на Шейлу:

– Дай-ка я освежу твою память, Трисия. Ты явилась ко мне, как сука в течке.

– И это тебе определенно понравилось.

– Ты сказала мне ту же ложь, что и Коттону.

– Она сказала, что я сделала аборт от тебя? – воскликнула

Шейла.

– Да.

– И ты поверил?!

Шейла смотрела на стоящего перед ней мужчину, не понимая, как она могла любить его. Слабохарактерный. Напыщенный. Теперь это было очевидно. Он позволил бессовестной женщине диктовать ему и определять его будущее. Настоящий мужчина никогда не позволил бы так водить себя за нос. Кэш Будро не позволил бы.

Кен беспомощно развел руками.

– Вчера я сказала папе правду. Мы помирились, – сообщила она, обращаясь только к Трисии, словно Кена здесь не

было. – У тебя нет никаких причин считать, что он не любил тебя. Он любит и всегда любил. К тому же у тебя теперь есть Кен. Топор войны с этой минуты можно закопать. Но я никогда не прощу тебе, что ты манипулировала моей жизнью в своих интересах.

Она направилась к выходу, но Трисия преградила ей дорогу:

– Мне глубоко плевать, простишь ты меня или нет. Но я требую, чтобы моя доля в этом доме была свободна от твоих притязаний. Я буду счастлива избавиться раз и навсегда от возможности манипулировать твоей жизнью в своих интересах.

– Твоя доля в этом доме? О чем ты?

– Я собираюсь продать Бель-Тэр.

Несколько мгновений до Шейлы доходил смысл этих слов. Трисия смотрела с откровенной злобой. Шейла обратилась к Кену, ожидая объяснений. На лице его появилось виноватое выражение.

– Вы что, рехнулись оба? – грубо спросила наконец она. – Мы никогда не продадим Бель-Тэр.

– Почему же?

– Потому что он наш. Он принадлежит Коттону и нам.

– Глупости, – усмехнулась Трисия. – Он принадлежит Лорентам. А они все умерли. Шейла гордо выпрямилась.

– Может быть, для Коттона это не было кровным наследством, но он вложил в него всю свою жизнь и никогда не

продаст поместье.

Она снова попыталась обойти Трисию, но та с неожиданной силой удержала ее за руку.

– Коттон может и передумать.

– Никогда! Не советую и предлагать ему это. – Она сбросила ее руку.

– Он старик, Шейла, и смертельно болен. Его бизнес тоже прогорел. Он влез в такие долги, из которых нет выхода.

– И что же ты предлагаешь?

– Мы объявим его недееспособным. Шейла еле сдержалась, чтобы изо всех сил не ударить Трисию, но только крепче сцепила пальцы.

– Запомни, Триси, если что-нибудь случится с Коттоном по твоей вине, тебе придется иметь дело со мной.

Глава 26

Шейла вцепилась в руль с такой силой, что побелели пальцы. Скорость становилась опасной, но она этого не замечала. Кроме того, автомобиль вообще чудом удерживался на дороге, потому что лобовое стекло застилала пелена дождя и «дворники» только суматошно сновали взад и вперед, не в состоянии справиться с потоком.

Стычка с Трисией и Кеном добила ее. Нервы Шейлы были на пределе, и каждую минуту ее состояние грозило перейти в истерику.

Вперед! Только не стоять на месте! Надо что-то делать, чтобы в мозгу не крутилась одна и та же мысль: они хотят продать Бель-Тэр.

Каково ей было слышать это, когда она сконцентрировала все свои силы на достижении как раз обратной цели. И ничто не заставит ее отступить! Она сохранит Бель-Тэр, спасет его ради Коттона. Она будет работать, пока не свалится. И это единственное, что она должна теперь делать!

Необходимость действовать настолько четко впечаталась в мозг, что, когда Шейла въехала на вырубку по мосту через Лорентский затон и нажала тормозную педаль, машина проехала еще несколько метров и только потом остановилась. «Дворники» продолжали свою нескончаемую работу. Дождь сплошным потоком барабанил по крыше кабины.

Тяжело дыша ртом, как после долгой пробежки, она оглянулась.

Но то, что она увидела, настолько не соответствовало ее внутреннему состоянию, что Шейла с трудом верила своим глазам. Невероятно! На вырубке не было абсолютно никого. Тихо и пусто. Дверь конторы заперта наглухо. Темные окна. Тяжелые двери ангара для лесовозов схвачены толстой цепью. Грузовые платформы на рельсах стояли порожняком. И вся территория напоминала призрачный город, заброшенный, пустой, одинокий, мертвый.

Стараясь не поддаваться панике, она в отчаянии стала припоминать, какой сегодня день недели. Но это оказалось ей не под силу. Время, проведенное в больнице, слилось в один сплошной день. Наконец она сообразила, что сегодня точно рабочий день.

Тогда почему работа стоит? Где этот подлец Кэш? Черт бы его подрал!

Этого она уже не могла перенести. Озноб пробрал ее по всему телу. Отпустив тормоз, она так крутанула руль, что машина произвела сумасшедший поворот. Затем включила скорость. Задние колеса бешено завертелись, потеряв опору в размокшей почве и взрывая за собой комья грязи.

– Проклятие! – Она ударила кулаком по рулю и с силой вжала педаль в пол. Наконец колеса нашли точку опоры, и машина устремилась вперед. Задняя часть вихляла то в одну, то в другую сторону, то и дело опасно нависая над бетонной

опорой моста. Шейла снова в ярости круто повернула руль, и машина, словно торпеда, вылетела на шоссе.

Сумерки и завеса дождя снизили видимость до предела. Она проехала поворот, который искала, и, обнаружив свою оплошность, резко затормозила.

Проклиная все на свете, она дала задний ход.

Проселочная дорога превратилась в море грязи, что не помешало ей пулей мчаться по этому месиву. Ее ярость росла, становилась тем сильнее, чем быстрее она ехала.

Снова завизжали тормоза, Шейла рывком распахнула дверцу и выскочила наружу. Не обращая внимания на ливень, она, пылая гневом, быстрым шагом направилась к дому. Он был того же серого цвета, что и небо, и настолько сливался с пространством, что стал почти невидимым.

Кэш сидел на крытом крыльце, в глубине, чтобы брызги не летели на одежду. Водопад струился по жестяной крыше и бил с карнизов, бурля по лужам вокруг.

Для равновесия он опирался босыми ногами о кипарисовый столб, поддерживающий навес.

Кэш был без рубашки. На полу рядом с креслом стояла бутылка и стакан с недопитым виски.

В углу мрачно сжатых губ дымилась сигарета. Глаза следили за дымком, поднимавшимся с ее кончика. Его губы слегка раздвинулись в улыбке, когда Шейла поднялась на крыльцо и пронзительно выкрикнула свой вопрос:

– Чем ты здесь занят, чтоб тебя черт побрал?! Без малей-

шего намека на торопливость он вынул изо рта сигарету и с любопытством поглядел на нее.

– Курю, разве не видно?

Ее затрясло от ярости. Уперев руки в бока, она только сжимала и разжимала кулаки. Казалось, она не замечает ни холодной липнувшей одежды, ни капель, стекающих на плечи с мокрых волос.

Зло пробормотав что-то, она нагнулась и скинула со столба его ноги. Кэш стремительно вскочил с кресла и выпрямился. Затем загасил сигарету о перила.

– Ты играешь с огнем, мисс Шейла. – В его голосе послышался зловещий лязг меча, вынимаемого из ножен.

– Я сию минуту увольняю тебя.

– За что?

– За то, что валял дурака в мое отсутствие. Почему работа стоит? Где рабочие? Лесовозы вообще не выходили сегодня из ангара. Я была на вырубке. Контора на замке, гараж на замке, никто ничего не делает. Почему, черт вас всех подери?!

Кэш всегда заводился с пол-оборота.

Замечаний он не выносил и от драки никогда не уклонялся. Армия выработала и отточила боевые рефлексy, и они стали действовать с быстротой молнии, Со стороны могло показаться, что он отдыхает, наслаждается сигаретой, виски, зрелищем проливного дождя. На самом деле последние дни он был в таком же напряжении, как и Шейла, и вряд ли спал

больше, чем она. Терпение его давно истощилось. К тому же он был не совсем трезв. Чтобы расслабиться, он выпил гораздо больше, чем следовало бы среди дня, и был настроен весьма воинственно еще до того, как Шейла вторглась на его территорию со своими необоснованными обвинениями.

Будь Шейла мужчиной, она бы уже барахталась в грязи под крыльцом, выплевывая зубы. Но женщинам Кэш никогда не причинял физической боли. Его оружием было презрение.

И теперь он весь буквально исходил сарказмом, когда сказал:

– Погода виновата, леди. Ты ждешь от меня, чтобы я заставил людей работать под дождем? – Он сделал широкий размашистый жест, обводя рукой мокрые деревья.

– Я брала тебя работать независимо от погоды.

– Но это тебе не короткий апрельский ливень.

– А по мне хоть бы и потоп! Мне надо, чтобы лесорубы работали.

– Ты в своем уме?! Рубить лес сейчас – это же самоубийство. Да и лесовозы не пройдут в такую грязь...

– Ты собираешься приступить к работе или нет?

– Нет!

Она чуть не задохнулась от ярости и бессилия.

– Жаль, что я не послушала, когда все мне говорили, что ты отвратительный тип.

– Возможно, но люди не могут пилить, валить и грузить

лес в такой дождь. Если бы ты хоть раз сама увидела такую работу, то поняла бы это. Коттон никогда не послал бы людей работать в подобных условиях. И я не стану.

Вспомнив внезапно слова Трисии, Шейла прерывисто вздохнула:

– Твоя мать. И мой отец. Это правда? Они действительно...

– Да.

Она подавила рыдание.

– Но он был женат. У него была семья! – с болью закричала она. – Она потаскушка.

– А он сукин сын! – зарычал Кэш. – Я ненавижу, когда он приходил к ней.

Он угрожающе двинулся вперед, оттесняя ее к самому столбу.

– А мне приходилось жить с этим изо дня в день. Тебе-то что?! Ты была под защитой Бель-Тэр. А я должен был смотреть, как он пользовался моей матерью и мучил ее годами. И ничего не мог поделать.

– Твоя мать была взрослой женщиной. Она сделала свой выбор.

– Ничего себе выбор! Любить такую скотину, как Коттон Крэндол!

Шейла подняла голову:

– Попробовал бы ты сказать это ему в глаза!

– А я и сказал! Можешь у него спросить.

– Чтоб тебя к концу недели на Бель-Тэр не было!

– Да?! А лес к продаже кто будет готовить?

– Я, а что?

– Черта лысого, вот что! Ничегошеньки у тебя без меня не получится. – Он приблизился еще на шаг. – Будто ты не знаешь. Ты же прекрасно все понимала, когда ехала сюда, а? – Он оперся одной рукой о столб рядом с ее головой и прижался к ней всем телом. – А знаешь? По-моему, ты совсем не из-за этого сюда приехала. Тебе ведь не это надо, правда?

– Ты пьян!

– Да нет... пока.

– Я серьезно говорю. Чтобы ноги твоей... Она отошла от столба, он схватил ее за плечи и все ее высокомерие куда-то исчезло.

– Все твои неприятности, мисс Шейла, оттого, что ты не знаешь, когда остановиться. Тебе бы все измываться да измываться, а человек давно уже голову потерял.

Он впился в нее губами. Шейла отчаянно сопротивлялась. Извиваясь всем телом, она обрушила на него лавину ударов.

– Ну, призадумайся... – Он оторвался от ее губ ровно настолько, чтобы можно было говорить. – Ты же за этим сюда пришла?

– Отпусти!

– Ну уж дудки.

– Ненавижу!

– Но ведь хочешь, а?

– Черта с два!

– Хочешь, хочешь. Это ты поэтому злая, как черт.

Он опять прижался к ней губами. На этот раз его язык прорвался между ее зубов. По крыше громко стучал дождь, заглушая стоны возмущения, а потом капитуляции.

Она уступила ему помимо своей воли. Ее осознанное «я», ее воля были отброшены в сторону потоком чувств, который, столько дней не находя выхода, теперь бурно устремился во вновь проделанную брешь.

Но полное подчинение было не в ее упрямой натуре. Шейле удалось оборвать поцелуй. Она почувствовала, как набухают ее истерзанные губы. Пришлось сделать усилие, чтобы провести по ним языком. Она почувствовала вкус виски – его вкус. Вкус Кэша Будро.

Эта мысль показалась ей невыносимой. Она положила ладони на его обнаженные плечи, намереваясь оттолкнуть его. И тут он снова приблизил свои губы к ее губам, и они слились в долгом поцелуе. Ее пальцы напряглись, глубоко впиваясь в гранит его плеч.

Когда поцелуй окончился, она отвернула лицо и просто-напросто:

– Перестань.

И он перестал. По крайней мере, он больше не трогал ее губ. Прижавшись открытым ртом к ее шее, он прохрипел:

– Ты этого хочешь не меньше меня.

– Не правда.

– Правда. – Он лизнул ее ухо. – Когда тебя последний раз как следует пользовали?

Она вновь испустила гортанный стон, который он остановил поцелуем. Слияние изголодавшихся губ превратилось в поцелуй-оргию, по-звериному жестокою.

Его язык полностью овладел ее ртом; казалось, он хотел вымести оттуда последние слова гордости и сопротивления.

Его руки скользнули вниз, накрыли ее груди и до боли сжали их. Он не стал церемониться ни с пуговицами на ее блузке, ни с крючками лифчика. Да и с податливой плотью, открывшейся ему, он был немногим нежнее.

– Господи, – вздохнул он, продолжая тискать ее. Его ладони приняли тяжесть груди, и большие пальцы играли набухшими сосками. – Очень даже ничего, мисс Шейла.

– Иди ты к черту!

– Нет, еще рано. Дай сперва довести дело до конца.

Он присел и подхватил ее на руки. С грохотом распахнув дверь ногой, Кэш нес ее через полуосвещенные душевые комнаты на затянутое мелкой сеткой заднее крыльцо. Постельное белье на железной кровати было не убрано. Белоснежные простыни, их скомканная, влажная из-за дождя нега возбуждали не меньше, чем жар, исходивший от тел. Его колено провалилось в матрас. Пружины затрещали, как рассохшиеся доски в старом доме. Как только мокрые волосы Шейлы коснулись подушки, Кэш навалился на нее всем телом, одержимый предвкушением. Он обвил ее тело руками и ногами,

и их губы вновь жадно соединились.

Поцелуй затянулся, и его рука, проникнув под юбку, поползла вверх по ее гладкому бедру. Наконец он достиг возжеленной цели. Она была теплая, увлажненная. Он осторожно надавил на ее холмик, и Шейла откликнулась тихим стоном, полным желания. Он резко приподнялся. Его пальцы зацепили резинку ее трусиков, и те скользнули по ногам.

Затем он оседлал ее, опершись коленями о кровать. Шейла взглянула на него, и ее сердце затрепетало. Скрытые джинсами бедра Кэша были такими мускулистыми и стройными. Она смотрела на него снизу вверх, и поэтому его плечи казались шире, а руки – сильнее, чем на самом деле; казалось, стоит ему захотеть – и он разорвет ее пополам.

Мышцы живота рельефно бугрились, соски цвета меди выглядывали из поросли темно-каштановых волос на груди. Лицо Кэша ничего не выражало, но обуревавшие его чувства делали черты лица более решительными. Глаза были полны неистовой страсти. Их взгляд обжигал.

Шейла, не отрываясь, следила за его глазами, пока он вошел с ее блузкой. Потеряв наконец терпение, он одним движением выдернул ее из-за пояса юбки и избавился от последнего препятствия – тончайшего кружева чашечек ее лифчика, освободив мягко очерченные груди, увенчанные нежно-розовыми, напряженными от возбуждения сосками, твердыми, словно камешки.

Кэш склонился и дотронулся до одного из них языком.

Шейла выгнула спину, оторвавшись от постели. А он все трудился и трудился острым кончиком языка. Наконец его губы плотно сомкнулись вокруг нежнейшего предмета его страсти.

Ощущение было столь изысканным, испепеляющий ее жар так невыносим, что руки Шейлы сами потянулись к нему, остановившись на бедрах.

– Расстегни, – хрипло приказал он, ни на секунду не прекращая влажных и мягких ласк. Прошло несколько мгновений, пока не стало ясно, что она не собирается выполнять его приказания. Тогда он выпрямился, стоя на коленях, и, морщась, начал расстегивать «молнию». Шейла наблюдала за ним, как громом пораженная, не в силах отвести глаз от ползущей вниз застёжки. Справившись наконец с «молнией», он резко дернул джинсы вниз и стянул их с бедер. У Шейлы перехватило дыхание, то ли от его вопиющей нескромности, то ли от полноты его эрекции.

Он поднял край ее юбки выше бедер. Шейла закрыла глаза.

Ей вдруг отчаянно захотелось, чтобы он исчез.

Но вот он коснулся ее там, внизу. Его пальцы легонько пощипывали кудряшки темно-пепельных волос, задержались на мгновение и проскользнули в складки ее тела, наверх и внутрь, погружаясь во влагу.

– Теперь держись. Как бы тебе не вылететь из седла.

Он взял ее руки и положил их на железные прутья спин-

ки кровати за ее головой. Она ухватилась за прохладный металл.

– Открой глаза. Я хочу, чтобы ты видела, кто я. Она резко открыла глаза, возмущенная оскорбительностью его вызова. Как будто она не знала, кто в нее вторгается? Она поморщилась от кольнувшей боли, а он – от удивления, что она такая тугая внутри, хоть и в меру влажная. Затем он еще раз подался вперед и наконец погрузился в нее полностью, овладев ею без остатка. Выйдя почти целиком, он вновь погрузился в нее.

– Меня зовут Кэш Будро.

– Я знаю.

– Назови мое имя.

Она прикусила нижнюю губу, в то время как на верхней выступили капельки пота. Шейла и рада бы была не двигать бедрами, но они помимо воли поднимались навстречу каждому заходу могучего, гладкого члена.

– Нет, ты все-таки назовешь мое имя, черт бы тебя побрал!

Он распластал ладонь пальцами вверх по ее животу. Из груди Шейлы вырвался хриплый, гортанный звук. По всему телу волнами разливалось тепло, достигнув наконец кончиков пальцев на руках и ногах: она почувствовала, как постукивает в них кровь, и еще сильнее вцепилась в спинку кровати.

– Назови мое имя.

Его лоб покрылся испариной. Стараясь удержаться как можно дольше, он стиснул зубы. Опустив голову к ее грудям, принялся ласкать их кончиком носа. Щетина на подбородке царапала их нежную кожу. Его ягодицы ритмично вздымались и опускались. Его палец нежно, с великой осторожностью коснулся самой чуткой и нежной точки ее тела. Наслаждение пронзило Шейлу, как копьё. Она вскрикнула.

– Скажи мое имя, – прохрипел он.

– К... Кэш.

Она закрыла глаза и выгнула шею. Голова ее металась по подушке. Бедрями она держала его ягодицы в железном объятии. Кэш посмотрел на нее сверху. Поддавшись не испытанному ранее искушению, он опустился на нее всем телом и спрятал лицо между ее плечом и шеей. Он положил свои руки поверх ее на спинке кровати. Их пальцы переплелись; теперь они вместе сжимали железные прутья. Ее груди распластались под тяжестью его торса. Дыхание обоих участилось, стало хриплым. Он вламывался в нее, не сдерживаясь, с частотой парового молота, а ее тело сжимало его изнутри.

Когда наступил конец, они были не в силах произнести что-либо членораздельное, но те звуки звериного удовлетворения, которые они издавали почти синхронно, были слышны еще долго.

С одной стороны, то, что произошло, длилось бесконечно долго, а с другой – все закончилось слишком быстро. Кэш

приподнялся и взглянул Шейле в лицо. Ее глаза были закрыты. Лицо – неподвижно и спокойно. Подавив желание поцеловать ее в губы, он медленно освободился от ее объятий и лег сбоку. Машинально взял пачку сигарет и зажигалку с прикроватного столика.

Как только он закурил, Шейла села и спустила ноги с кровати, отвернувшись от него. Опустила юбку и стала искать в смятых простынях трусики. Встав, чтобы надеть их, она уже больше не села. Надела лифчик, застегнула все пуговики блузки, но заправлять ее не стала.

Затем повернулась к нему с таким видом, словно хотела что-то сказать, но только сглотнула, так что это было видно. Губы ее приоткрылись, но снова сжались, не издав ни звука. Он воткнул в зубы сигарету и лениво заложил руки за голову, всем своим видом демонстрируя нарочитое равнодушие.

Он мог бы держать пари на месячную зарплату, что угадает, как она поведет себя дальше, и выигрыш был бы за ним. Она повернулась к нему спиной и покинула дом. Он слышал ее удаляющиеся шаги. А вскоре зашумел мотор, некоторое время звук удалялся и наконец совсем стих.

Кэш еще долго лежал без движения, пока сигарета не догорела полностью. Он бросил ее на пол. Рывком стащил джинсы, скатал клубком и в ярости швырнул в дальний угол. Долетев до противоположной стены, они упали на пол.

Совершенно голый, он повернулся на бок и уставился невидящим взглядом сквозь сетку от насекомых. Дождь при-

пустил еще сильнее. Сквозь серебристую пелену с трудом можно было разглядеть другой берег затона. Ветви деревьев поникли под тяжестью водяных потоков. Его взгляд дрогнул, заметив на подушке рядом вмятину от ее головы. Он накрыл ее ладонью. Подушка была еще влажной от ее мокрых волос.

«Шейла», – прошептал он про себя.

Глава 27

После свидания с Кэшем Шейла сразу закрылась в своей комнате. Наполнила ванну до краев и сидела в ней до тех пор, пока горячая вода не остыла.

Как она могла позволить себе такую глупость? Почему она все время совершает самые непростительные, с точки зрения окружающих, ошибки? Она не придавала значения ревнивой ненависти Трисии, никогда не предполагая, что та может нанести удар в спину. Она уступила Кена чересчур легко, а цеплялась за эту мертвую любовь чересчур долго. Она позволила Трисии почти разрушить их отношения с отцом. И вот теперь совершена самая страшная ошибка во всей ее жизни – она легла в постель с Кэшем Будро.

Чтобы избавиться от невыносимых дум и уснуть, она приняла снотворное и легла пораньше. И все-таки, пока лекарство не начало действовать, она успела не раз заново пережить всю сладостную муку сегодняшнего дня.

Воображение вновь рисовало его руки, его губы, его тело. Рядом с ней. Внутри. Она видела его обнаженным: сильным, мускулистым, прекрасным. В любви он был таким же, как во всем, – настойчивым, страстным и полностью раскрепощенным. Его репутация племенного жеребца была честно заработана. Одно только воспоминание о пережитом с ним было сильнее всего того, что было у нее в жизни до сих пор. Ни-

когда она не чувствовала такой полноты ощущений во всем теле, то есть пока все это продолжалось. А когда кончилось, предчувствие катастрофы поглотило все ее существо. Она не заплакала, хотя очень хотелось. Слава богу, хватило сил сдержаться. Тогда бы сражение было окончательно проигранным. Его победа стала бы безоговорочной, а ее унижение – абсолютным. Ведь это было самое настоящее сражение. Он хотел доказать, что у него есть способ подчинить ее, и сделал это.

Он боролся за полную победу над ней, это ясно. Если бы он произнес хоть одно ласковое или просто участливое слово, удар по ее гордости не был бы так силен. Этого не было! Если бы он принудил ее, изнасиловал – было бы легче. Нет, когда он нес ее в свою кровать, она хотела этого.

Она ушла из его дома и приехала к себе. Вежливо поговорила по телефону с доктором Коллинзом и даже перекинулась несколькими ласковыми словами с Коттоном. То есть с ней – все в порядке. Она раздражена и обижена, но ее душа создана из твердого материала, и это не позволит ей упасть. Ее не так-то просто сбить с ног и тем более уничтожить.

Появившись на вырубке, она застала там троих рабочих, возившихся с грузовиком. Было ясно, что они заняты серьезным делом. Лица их были мрачны и сосредоточенны. При виде ее они даже не прекратили работу, чтобы поговорить с ней. Наверняка что-то случилось.

– Что здесь у вас такое? – крикнула Шейла, выйдя из ма-

шины.

– Несчастный случай, – ответил один, жуя табачную жвачку. – Прошу прощения, мэм.

Оттеснив ее в сторону, он поднял бухту троса и бросил через голову в грузовик.

– Какой несчастный случай? Где?

– Лесовоз перевернулся.

– Кто-нибудь ранен?

– Да, мэм. Одного придавило.

Больше объяснений не требовалось. Авария. Лесорубы любят рассказывать страшные истории, связанные с их работой. Она достаточно пожила среди них, чтобы знать, что несчастные случаи на вырубках всегда тяжелые, нередко и со смертельным исходом.

– Как он ранен? Почему мне не сообщили?

– Мы звонили вам домой, но вас уже не было.

– «Скорую» вызвали?

– Конечно. Сказали, куда приехать. Это далеко в лесу – чтобы знали, туда на четырех колесах не проехать. Они сказали, что доберутся. Эй, мисс Шейла, мэм, вы что делаете?

– Раз на автомобиле я туда не доберусь, поеду с вами.

Она смело встретила неодобрительные взгляды трех пар глаз.

– Вам нет никакого смысла ехать, мэм.

– Рабочая полянка не место для женщины.

– Не будем терять время, – решительно заявила Шейла.

Она влезла в кабину и сильно захлопнула за собой дверь.

Пожимая плечами и бормоча, что он не отвечает за неразумные поступки женщины, водитель сел за руль. Другие влезли в кузов. Машина тронулась по узкой извилистой лесной дороге. На крутом витке грузовик занесло, и он пошел юзом по глубокой топкой грязи. Они проехали несколько километров среди таких густых зарослей, что туда едва просачивался дневной свет. Водитель то и дело смачно проклинал неповоротливость машины, громыхающей по корням и колдобинам и черепашьим шагом пробирающейся к месту, где валили огромные сосны.

– Это там, – сказал водитель Шейле, кивнув в сторону.

Длинные стволы заполняли очищенное пространство вокруг, словно брошенная гигантской рукой охапка палок. Вся земля была устлана сосновыми ветками и иглами. Воздух буквально весь пропитался влагой. Сосновый запах стоял столь сильный, что невольно вспоминалось Рождество. Позже в разгаре дня все здесь наполнится духотой и пылью. Но в этот ранний час было еще свежо и чисто.

Шейла всегда любила раннее утро в лесу. Но сегодня она даже не заметила лесной свежести. Она видела только перевернувшийся лесовоз в центре делянки, выглядевший словно упавший на спину динозавр. Не дожидаясь остановки грузовика, она толкнула плечом дверь и распахнула ее, выпрыгнув на землю. Туфли ее сразу провалились в жидкую топь. Выдернув их и приподнимая юбку выше колен, она реши-

тельно направилась к молчаливой группе мужчин.

– Извините. Извините, – расталкивая локтями мрачных лесорубов, повторяла она.

Звук ее голоса действовал как жезл Моисея. Мужчины расступались в обе стороны перед ней, словно воды Красного моря. Когда последний человек отошел в сторону и она вступила в центр кольца, ей стало страшно. Огромный сосновый ствол раздробил ногу человека, лежавшего на спине с выражением невыносимой муки в лице. Глубоко вздохнув, она подошла ближе и опустилась на колени.

Его губы были обведены тонкой белой каймой агонии. Лицо стало восковым, как очищенная луковица, контрастируя с черной бородой. Оно было мокрым от пота. Зубы намертво сжаты и оскалены. И руки сцепились так крепко, как будто удерживали уходящую жизнь. Вся надежда несчастного сосредоточилась на Кэше Будро, который доверительным тоном рассказывал ему:

–..самый фантастический публичный дом, какой я только видел в жизни. Прямо там, в центре Сайгона. Ты заходил хоть в один, когда был там, Гли? Эти азиатские девочки умеют такое...

Раненый вскрикнул.

– Где это чертово виски, я же просил! – зарычал Кэш.

В тот же миг сквозь толпу мужчин, бережно передаваемая из рук в руки, проплыла бутылка «Джека Дэниэлса» и ткнулась в руку Шейлы. Она протянула ее Кэшу. Их глаза

замкнулись, как электрическая цепь. Мгновенный ток прошел сквозь ее тело, погрузив душу в полное смятение.

Кэш молча взял бутылку и откупорил ее. Приподняв ладонью голову раненого, он поднес бутылку к его губам.

– Где эти сволочи из больницы? – произнес он одними уголками рта.

– Мне сказали, что их вызвали. Сейчас приедут.

– Кэш. – Раненый чуть отстранился от бутылки. – Ты думаешь, ее отрежут, мою ногу? Посмотри, она совсем плохая?

– Из-за этой царапины? Чушь! Ничего такого они делать не будут.

Кэш отдал Шейле бутылку и вытер пальцами мокрые губы и подбородок лесоруба.

– Не пудри мне мозги. Ее отрежут? Кэш оставил бодрящий тон.

– Не знаю, Гли, – серьезно ответил он.

Губы раненого снова скривились:

– Болит дьявольски, Кэш. Я не вру.

Он беззвучно застонал.

– Вижу, Гли. Крепись.

– Что будет с ребятишками, Кэш? Разве я смогу их кормить с такой ногой? А?

– Об этом не беспокойся. – Он улыбнулся и подмигнул. – Думай о чем-нибудь более важном. Вроде того, что теперь тебе не скоро придется танцевать с Мерибет. Будешь пока что сидеть в сторонке.

– Мерибет опять беременна. Семь месяцев уже. Работать ей нельзя. Кто же будет кормить малышкой?

Он заплакал. Шейла не сводила с него глаз. Отчаяние было реальным, ощутимым, полным. Люди плачут от несчастной любви. Плачут в кинотеатре, глядя на выдуманные неудачи. Она не знала, что можно плакать оттого, что нечем кормить детей.

Господи, где же она жила до сих пор? Вот она – настоящая жизнь. Люди страдают. Им нечего есть. Она-то считала себя несчастной, много пережившей. А между тем она впервые видит истинное крушение. Его слезы обожгли ей душу.

– Это не должно тебя волновать, Гли, – ласково сказал Кэш. – Я позабочусь о том, чтобы они не голодали. Клянусь могилой матери.

Внезапно он поднял голову и прислушался.

– Слава Богу, я слышу, кто-то приехал. Наверное, они. Слышишь, Гли? У тебя начинаются долгие безмятежные каникулы.

– Кэш! – Рука раненого собрала в комок полы его рубашки. – Ты не забудешь своего обещания?

– Нет, Гли, – ответил тот, сжав в ответ руку лесоруба.

Страдающие черты лица на мгновение разгладились, но затем снова исказились болью.

Кэш положил его руку наземь и встал.

– Быстро с дороги! – крикнул он, делая отстраняющий жест рукой. Затем напустился на нерасторопных санитаров:

– Мы уж подумали, не провалились ли вы в чертово пекло?

– У нас был перерыв для завтрака.

– И чем же вы питаетесь? Свежими трупами? А ну, живее что-нибудь обезболивающее, чтобы парень отключился.

– Мы сами знаем, что делать, – запальчиво отозвался один.

– Ну и валяйте, – пробурчал Кэш сквозь сжатые зубы. – Тэни, Чип, черт бы вас побрал!

Перед Кэшем мгновенно выросли двое с дисциплинированностью юных нацистов.

– Налажен автопогрузчик?

– Готов к работе, Кэш.

– Хорошо. Все знают, кому что делать? Все знали. Все, кроме Шейлы. Она стояла с растерянным и беспомощным видом, глядя, как рабочие разошлись по всем направлениям. Кэш повернулся, едва не сбив ее.

– Посторонись. Ты мешаешься, – резко сказал он.

Она хотела возразить, но сейчас было не время сводить счеты. С достоинством, какое только она могла изобразить, она направилась по грязным кочкам к грузовику, доставившему ее сюда. Ей действительно нечего было делать на участке. Никакое равенство полов не могло изменить тот факт, что она здесь так же неуместна, как любой из этих лесорубов в ее гостиной.

Она видела Кэша, сидящего в кабине автопогрузчика и

манипулирующего краном. Он осторожно поднял бревно, которое придавило лесоруба. Санитары подняли его с земли и, положив на носилки, понесли.

Оставшиеся на площадке сумрачно следили за тем, как носилки грузили в санитарную машину. Беззаботный птичий щебет казался чуть ли не богохульством в печальной тишине, которая длилась до тех пор, пока «Скорая» не исчезла среди деревьев.

Затем раздался голос Кэша:

– Что происходит? Каникулы начались? Пошевеливайся! – И чтобы смягчить приказ, добавил:

– Каждому по паре пива, если наверстаем половину вчерашнего.

В ответ раздался одобрителный гул.

– Пошевеливай задницами. Почему лесовоз все еще вверх ногами? Там нужен новый упор сзади. Нагрузку полегче. И чтоб я не видел постных физиономий. Он проследил за неукоснительным выполнением приказов и взглянул на часы. Казалось, его не занимает ничто, кроме работы.

– Я, по-моему, уволила тебя вчера? Ты что, забыл? Он резко поднял голову.

– Ты не уехала?

– Я здесь хозяйка. Ты слышал, что я сказала? Он пристально посмотрел на нее. Это был взгляд самца.

– Слышал. И отвечаю: я не забыл ничего из того, что случилось вчера.

– Я уволила тебя, – повторила она. – Почему ты вышел на работу?

– Потому что от меня не так легко избавиться, мисс Шейла. Ты наняла меня, чтобы я сделал работу, и я делаю ее. Причем не для тебя, не для Коттона. Для себя! – Он ударил себя в грудь. – Противно вспомнить, сколько лет жизни я ухлопал на это предприятие. И если кто-то хочет его прибрать к рукам, то он будет иметь дело со мной.

– Значит, мои слова не имеют никакого значения? Он снисходительно улыбнулся:

– Можешь говорить все, что тебе нравится. От этого не меняется главное – без меня ты не обойдешься. И мы оба знали это с самого начала.

Она обратила внимание на отлаженную работу бригады рабочих, приспособляющих блок к перевернувшейся машине.

– Ты сегодня отлично справился с аварией. Учитывая эту заслугу перед компанией, я пока позволяю тебе остаться. Благодарю за то, что ты сделал для этого человека.

– Его зовут Гли.

– Я знаю, – оборвала она, сразу рассердившись на его упрек. – Гли Уильяме. Я распоряжусь, чтобы ему сохранили полную зарплату, пока он в больнице.

– Он, видимо, останется без ноги. – Это был вызов, который он бросил ей, чтобы посмотреть, далеко ли простирается ее благотворительность.

– Ему будет сохранена зарплата, пока это будет необходимо.

Кэш внимательно смотрел на нее. По какой-то необъяснимой причине она чувствовала себя так, словно должна была доказать свою невиновность некоему беспощадному судье.

– Что еще ты хочешь, чтобы я сделала?! – закричала она.

– Сегодня нельзя было работать. – Он кивнул головой в сторону опрокинутой машины. – Я знал, что это опасно. Земля слишком рыхлая. Если бревно во время погрузки даст смещение хотя бы на полсантиметра, лесовоз может перевернуться, потому что нет твердой почвы для опоры. Именно это и произошло. Моя ошибка в оценке погоды стоила мне хорошего человека. Гли отдал за нее ногу. А все потому, что я не желаю, чтобы ты спускала на меня собак, будто я валяю дурака и транжирю бесценное время. Не желаю, чтобы ты обзывала меня бездарным.

Злым рывком он надел желтые кожаные перчатки.

– И вспоминай об этом каждый раз, когда будешь выписывать зарплату Гли Уильямсу.

Он опустил на лицо сетку от насекомых, прикрепленную к каске, и повернулся к ней спиной.

Глава 28

Джигер явился домой в дурном настроении и к тому же пьяным. Он и трезвый-то был гадок. Но в целом мире нет ничего отвратительнее Джигера Флина, когда он пьян. В такие дни Гейла думала, что это дьявол во плоти, антихрист, о котором она читала в Книге откровений.

В обычное время, в моменты прилива отваги, она могла хоть немного противостоять ему и чего-то добиться. Но не тогда, когда он был пьян. Тогда малейшее слово могло превратить его в сумасшедшего.

Сегодня была именно такая ночь. Сетчатая дверь со стуком захлопнулась. Спотыкаясь, Джигер подошел к кухонному столу и грохнулся на стул. Гейла молча поставила перед ним тарелку с ужином. С проклятием он отодвинул тарелку и потребовал виски. Она налила.

– Ловок этот ублюдок Будро, – ворчал он между огромными глотками. – Ух как ловок, чертов сын!

Гейла долго вслушивалась в полубессмысленные слова и фразы, прежде чем поняла, что он имеет в виду. Нынче вечером Кэш Будро купил пива для всех рабочих, занятых в «Крэндол Логинг». В награду за то, что они сделали двухдневную работу за день.

– Вообразил себя большим начальником. – Его затуманенные глаза остановились на Гейле и осознали ее присут-

ствие. – Говорю тебе, все его старания пойдут к черту, так и будет. Он, видите ли, сегодня празднует. Ну погоди у меня. Вся твоя работа, знаешь, куда пойдет? – Он звучно хлопнул в ладоши.

Затем лицо его помрачнело, глаза зажглись злобой. Он снова осушил стакан виски.

– А эта Шейла Крэндол – сука! Гейла провела вспотевшими ладонями по бедрам, чтобы вытереть их о свое дешевое хлопковое платье.

– Чем она тебе не угодила?

– Эта сука убила моих собак. – Он снова потянулся к виски. – Но я ее достану! Клянусь, я ее достану.

– Что же ты ей сделаешь?

Взглянув на Гейлу, он издал жуткий смешок, так что по спине у нее пошли мурашки.

– Думаешь, раз твоя мать работала в Бель-Тэр, Крэндолам есть до тебя дело? Ха! Эта чванливая сука не захочет даже плюнуть в сторону такой шлюхи, как ты.

Гейла опустила голову от стыда. Конечно, он прав. Она ежедневно молила Бога, чтобы Шейла не узнала о ее судьбе, пока она не умрет. Шейла такая сильная и чистая. Она никогда не простит позора своей бывшей подруге.

– Что ты хочешь сделать Шейле? – снова повторила она, не поднимая головы. Если она узнает его планы заранее, то сможет помешать им. Можно будет анонимно предостеречь Шейлу, спасти от удара. Гейла жила с Джигером достаточ-

но долго и знала, что он всегда выполняет задуманное. Он не побоится даже захватить Бель-Тэр со всеми его обитателями. Особенно теперь, когда Коттон болен, а из мужчин остался только этот жалкий Кен Хоуэл.

– Не твое сучье дело, – прорычал он, вставая, но закачался и схватился за угол стола. – Твое дело – быть готовой к приезду джентльмена, которому ты сегодня нужна.

Гейла испуганно отшатнулась к стене.

– Ты же знаешь, Джигер, я не могу сейчас. Ты знаешь, я еще не поправилась. Он издал утробный звук.

– Так, значит, этот паршивый ублюдок дал мне паршивое лекарство! Он тоже получит свое, я уж позабочусь об этом! – Он ткнул пальцем в Гейлу. – Пойдешь работать сегодня. Даром я тебя кормить не буду.

– Я же больна!

Качнувшись к ней, он с силой ударил ее по груди. По лицу он никогда не бил, чтобы не испортить товар.

– Ты знаешь, сколько он дал? Сто долларов. Поедешь – и точка.

Слезы покатались градом по ее щекам:

– Я правда не могу, Джигер. У меня все еще идет кровь. Прошу тебя, не заставляй меня идти, прошу!

– У меня с этим клиентом крупное дело. Ты входишь в наши расчеты.

Ее слезы не трогали его. При звуке шин, захрустевших по гравию дороги, он схватил ее за руку и потащил по кухонно-

му полу к сетчатой двери, вниз. Она изо всех сил вырывала руку, упираясь пятками в рыхлую влажную землю, цепляясь за каждый выступ. Он шел нетвердой походкой вдоль длинной автомашины с матовыми окнами.

Фары ослепили ее. Ей показалось, что этот огненный свет – возмездие за ее грехи. Она отвернула голову. Джигер открыл дверцу и впихнул ее внутрь. Обивка сиденья была прохладной, как и хорошо кондиционированный воздух, который овеял ее обманчивым покоем.

– Какие проблемы, Джигер? – крикнул мужчина за рулем. Голос оказался знакомым. Он уже пользовался ее услугами раньше.

– Никаких, – ответил Джигер. – Ты ей очень нравишься.

– Прекрасно, – ласково сказал мужчина. – Потому что мне нравится она.

Гейла сидела, опустив голову, и не видела угрожающего взгляда, который Джигер послал ей перед тем, как захлопнуть дверцу. Машина тронулась, и, когда дом скрылся из виду, мужчина вдруг нажал на тормоз.

Протянув руку, он провел пальцами по ее щекам и почувствовал, что они мокры от слез.

– Я не обижу тебя, Гейла.

Она знала, что не обидит. Он не из тех, кого обуревают бешеные страсти. Просто любит делать порнографические снимки. Он не станет принуждать ее. И она устоит против его нежности. Замкнется в себе, как умирающая звезда, спу-

ститися в черную, непроглядную пустоту, откуда нет выхода. Ее нельзя трогать. Иначе смерть.

–..Джо-младший – это очень осторожный сукин сын, – заявил Коттон, возлежа среди подушек больничной койки. – Это он получил в наследство от старика Эндикота. Хитрый и гордый, как черт. Хитрожопый, я бы сказал. Заезаешься – обчистит до последнего доллара.

Шейла улыбалась, радуясь, что отец возвращается к своей обычной манере выражаться. Он каждый день набирает силу. Чем лучше он себя чувствует, тем смачнее его речь.

Сегодня утром его перевели из реанимации в обычную палату. Врачи обещали скорое возвращение домой, но надо быть настороже. Теперь он входил в дела, словно король, бывший при смерти и вновь вернувшийся к власти. Возможность принимать участие в делах была одной из причин его быстрого выздоровления. И Шейла радовалась, что смогла предоставить ему эту возможность. Доктор Коллинз тоже одобрил ее намерение. Коттон не должен чувствовать себя инвалидом.

– Сердечники неминуемо проходят через период депрессии, которая столь же губительна, как и физическое недомогание. Поэтому старайтесь побольше обсуждать с ним проблемы бизнеса. Ничего волнующего, вы сами понимаете, но он должен чувствовать себя полноценным членом семьи. Ни в коем случае нельзя открыто опекать его.

Шейла ввела его в курс проблем «Крэндол Логинг», возникших в его отсутствие.

– Мне страшно жаль, что я так подвел тебя с этим займом, Шейла. Господи, я и не думал, что срок выплаты нагрянет так скоро.

– Разве ты мог согласовать инфаркт с банковскими сроками? – с улыбкой сказала она. – Не беспокойся. Заем мы выплатим. Мы заключили множество контрактов.

Он не стал вникать в детали, поэтому ей удалось умолчать о том, что все эти контракты, которыми она хвалилась, не способны покрыть суммы долга, и что она отчаянно нуждалась в оптовом покупателе, таком, как Эндикот.

Коттон не протестовал против ее распоряжений. Наоборот, радовался, что она взяла дело в свои руки. В разговорах Шейла тщательно избегала произносить имя Кэша, не зная, как Коттон воспримет тот факт, что тот играет важную роль в делах компании.

Да, роль Кэша была жизненно необходимой. Как ни тяжело было ей признать это, но она чувствовала, что без него дело бы остановилось. Он ходил кругами возле каждого лесоруба. Он то и дело появлялся возле конторы на погрузке, но со времени увечья Гли у них не было ни одного нормального разговора. Казалось, что все идет гораздо легче, когда они не пересекаются. Слова Коттона вывели ее из задумчивости:

– Как там дела у Гли Уильямса?

Шейла уже рассказала Коттону об аварии, но не раньше,

чем врачи уверили ее, что ампутации не будет. В результате долгой и мучительной операции раздробленные части были соединены с помощью синтетических материалов. Он, конечно, будет сильно хромать, и, следовательно, прежняя работа ему уже не по силам, но, по крайней мере, он не останется калекой.

То, что Коттон интересовался здоровьем лесоруба, тоже было хорошим признаком. Он давно знал Гли Уильямса и даже помнил по имени его жену.

– Сегодня он выглядит намного лучше, – сказала Шейла. – Сказал, что боли не чувствует. Но ведь они дают ему лошадиные дозы обезболивающего. Он был очень рад цветам, которые ты ему послал. И он, и Мерибет благодарят тебя. Кстати, она довольно молодо выглядит. Не скажешь, что у нее уже трое детей и еще один на подходе.

– А она и не старая, – улыбнулся Коттон. – Гли трахнул ее, когда они учились в восьмом классе.

Трисия страдальчески возвела глаза к небесам. Шейла улыбнулась. Несмотря на строжайшие запреты Мэйси, Коттон никогда не старался смягчать соленых выражений в присутствии дочерей.

– Я думаю, страховая компания увеличит сумму наших взносов, после того как им придется раскошелиться за эту операцию.

Кен сделал кислую физиономию:

– Шейла выписала ортопеда из Нового Орлеана.

– Он просто чудо совершил с этой ногой, – подхватила Шейла, недовольная тем, что Кен ставит ее перед необходимостью защищать перед Коттоном свое решение.

Но Кен не обратил на эти слова никакого внимания, продолжая:

– Она сохранила Уильямсу полную заработную плату на неопределенный срок. Совершенно ясно, что это будет стоить нам целого состояния, причем без надежды иметь что-то взамен.

– Я одобряю оба ее распоряжения, – твердо произнес Коттон, ясно давая понять, что он не желает больше обсуждать эту тему.

– Ну что же, нам пора идти. Тебе надо отдохнуть. – Шейла взяла сумочку и, нагнувшись, поцеловала Коттона в щеку. – Спокойной ночи, папочка. Спи спокойно до самого утра.

– Да уж куда деваться – придется. Лежу как замороженный труп, после того как они каждый вечер вкалывают мне в задницу снотворное.

Его разговорчивость не могла скрыть усталости. Они поспешили уйти.

Как только тяжелая дверь закрылась за ними, Кен тронул Шейлу за локоть.

– Ты уверена, что не хочешь, чтобы я поехал завтра с тобой к Джо Эндикоту? Ты берешь на себя непосильное дело.

Шейла взяла Эндикота на себя только потому, что надеялась на Кэша. Вскоре оказалось, что это было единственно

правильное решение. Но в тот день она еще не была полностью уверена, что Кэш будет ее сопровождать. Если он откажется, можно будет никому ничего не объяснять. А если поедет, Кен узнает об этом постфактум. А обсуждать с Кеном свои проблемы ей не хотелось.

– Нет, Кен, спасибо. Тебе лучше остаться здесь и проследить, чтобы все было в порядке, пока меня нет. Со вздохом он взъерошил волосы.

– Ты все еще сердишься на меня, да?

– Кен, лично к тебе у меня нет претензий.

Он взглянул на нее долгим, тоскующим взглядом.

– Давай помиримся, Шейла. Я не вынесу этой игры в прятки друг с другом.

– Ты и Трисия придерживаетесь одних взглядов, а я – прямо противоположных.

– Не говори мне о Трисии. Давай поговорим о нас с тобой. Я просто не могу быть с тобой в ссоре.

– У нас только одна причина для ссор – Бель-Тэр. Если вы с Трисией будете настаивать на продаже, ни о каком мире со мной не может быть и речи. Если нет, будем друзьями.

– Всего лишь друзьями? – тихо спросил он.

– Да, друзьями, – холодно ответила она. – Лифт подошел.

Оставив его, она присоединилась к Трисии, нетерпеливо ждавшей их в открытых дверях.

«Сука траханая».

Шейла уставилась на идиотскую надпись. Она была сделана краской из пульверизатора на двери конторы. Шейла огляделась. Вокруг никого. Было около девяти. Сначала она колебалась, войти или нет. Затем сообразила, что этот хулиган вряд ли станет предпринимать сегодня что-нибудь еще. Прятаться поблизости он тоже не станет.

Открыв дверь, она вошла. В темноте светилась красная точка горящей сигареты. Еле сдержав вопль, она быстро вскинула руку к выключателю и зажгла свет. За столом сидел Кэш, водрузив на угол башмаки.

– Что, получила послание? – он кивнул на открытую дверь, за которую она все еще держалась.

– От тебя, что ли?

– Нелогично. Зачем я стану изводить хорошую краску на то, что могу сказать тебе в лицо?

Она закрыла дверь, бросила сумку и ключи от машины на стол.

– Выпить бы чего-нибудь. Ты как?

– Я уже выпил, но не откажусь повторить.

Шейла заглянула в стакан, стоявший на столе, и с сожалением покачала головой. На дне еще оставалось немного янтарной жидкости. Достала из нижнего ящика стола бутылку бурбона и налила в два стакана.

– А что еще ты здесь делал, кроме того, что пил украденное у меня спиртное?

– Домашнюю работу. – Он щелкнул пальцем по лежащей

на столе папке.

Шейла опустилась в кресло, с которого он только что встал. Кожаная обивка еще хранила тепло его тела. Оно приятно охватило ее бедра и ягодицы. Захотелось даже поерзать на месте, чтобы полнее ощутить его. Она с трудом подавила это желание.

– Эндикот, – прочитала она на конверте верхнего письма.

Кэш присел на угол стола, глядя ей в лицо.

– Судя по письмам, – сказал он, – дела с Эндикотом-старшим сначала шли у Коттона хорошо. Оба были вполне довольны.

Шейла старалась не смотреть на «молнию» его джинсов, оказавшуюся почти на уровне ее глаз. Взяв стакан, она сделала быстрый глоток.

– Коттон сказал, что Джо-младший – очень осторожный сукин сын. Но говорил о нем с уважением.

– Как он? Коттон, я хочу сказать?

– Гораздо лучше. Его перевели из реанимации в палату.

Он удовлетворенно кивнул и ткнул в кучу писем своим стаканом:

– Я просмотрел тут все письма, но так и не понял, с чего эти Эндикоты взъелись на нас.

– Я думаю, завтра мы это выясним.

– Мы?

– Ты что, не собираешься ехать со мной? – В голосе ее прозвучало беспокойство.

– А ты все еще этого хочешь?

Да, она хотела. Хотя ей пришлось поступиться своей гордостью. Она сделала это ради «Крэндол Логинг» и Коттона. А еще – зачем ей хитрить? – для себя.

– Да, Кэш, хочу.

Глядя на нее поверх стакана, он выпил остаток виски.

– Во сколько?

– Приходи сюда к девяти.

– Ладно. – Он встал. – Уйдем отсюда.

– Нет, я посижу немного, – Она махнула рукой на кучу бумаг. – Хочу еще кое-что посмотреть.

– Я бы не советовал тебе оставаться здесь одной. Пойдем. – Он заткнул за ремень большие пальцы рук, выражая всем своим видом, что спорить бесполезно.

– Да, я очень устала, – призналась она.

– А завтра предстоит много дел. Кроме того, я не уверен, что хулиган, расписавший дверь, не сшивается где-нибудь поблизости.

Уж если говорить о хулиганах, то один из них определенно стоял теперь перед ней. Прежде чем уступить, она допила виски, затем поднялась с кресла. Он с улыбкой наблюдал, прекрасно понимая, что этот последний глоток – не что иное, как знак покорности.

Выйдя вслед за ней за дверь, он сказал:

– Завтра я попрошу кого-нибудь стереть это.

– Спасибо, Кэш.

– Рад стараться.

Его насмешливое подобострастие было противно, но она подавила раздражение. Она подошла к машине, он следовал сзади и, привалившись плечом к дверце, сказал:

– Кто бы он ни был, этот сукин сын, но это чертовски неплохая идея.

Шейла взвилась, как ракета:

– Ты долго еще будешь рассуждать об этом?

– О чем? О том, чтобы трахнуть тебя?

– Да.

Он медленно и широко ухмыльнулся:

– Конечно. Почему бы и нет? Давай порассуждаем об этом.

– Ну давай, – произнесла она с глубоким вздохом, который должен был выразить, как она устала говорить на эту тему. – Я совершила большую ошибку, что согласилась тогда. Очень сожалею. Бывает, что сорвешься. Лучше, если бы этого не случилось вовсе, но время вспять не повернешь. Я полностью ответственна за свои действия, но предпочитаю об этом забыть. Надеюсь, ты тоже забудешь.

– А ты забыла?

– Я – да.

Его дыхание, наполненное запахом виски, повеяло на нее словно порыв ночного пьянящего ветра, когда он рассмеялся, ей в лицо и пододвинулся еще ближе.

– А я – никогда в жизни! Ты ведь понимаешь, что значит

для нищего, белой швали, ублюдка, как я, связь с самой мисс Шейлой Крэндол!

Она оттолкнула его и рывком распахнула дверцу своего автомобиля.

– Не обольщайся. Я просто поддаюсь минутному искушению, вот и все.

Она умчалась, обсыпав ему ботинки гравием и пылью. Он долго следил за красными огоньками, исчезающими в темноте.

Черт бы побрал эту Шейлу Крэндол. Ей нравится рубить его под корень. Она не устает напоминать, что Кэш для нее – только временная замена лондонского любовника, который удовлетворяет ее по новой моде.

Он выругался.

Значит, Шейла желает забыть день, проведенный вместе. И не хочет, чтобы кто-нибудь узнал об этом. Ладно. Он не собирается ставить себя в смешное положение, как Коттон Крэндол. Люди раболепствовали перед ним, потому что он богатый, преуспевающий лесопромышленник, заключающий самые крупные сделки. Однако никто не забыл, как он, красношей лесоруб, с помощью романтической истории пробрался в богатое поместье. «Деньги женятся на деньгах» – таков неписанный закон здешних мест, равносильный одиннадцатой библейской заповеди. Коттон нарушил его и не прощен по сей день.

Кэш Будро не из таких. Он не позволит, чтобы девичья

фамилия его жены затмевала его собственную. Стройные атласные бедра Шейлы Крэндол таили самое сладостное женское естество, какое ему приходилось вкушать за всю жизнь, но он никогда не станет использовать ее как ступеньку в достижении денежных интересов. Всего, что у него есть, он добился сам.

Глава 29

– В чем дело? У меня что, галстук вымазан яйцом?

– Твой галстук в полном порядке.

– Тогда почему ты на него уставилась?

– Потому что ты вообще его надел, – усмехнулась Шейла.

Кэш не оценил ее юмор и нахмурился:

– Я вырос в лесу, с болотной грязью между пальцами. Я всегда был беднее, чем индюк библейского Иова. Но я не невежда. Под настроение могу даже читать и писать и знаю, в каких случаях следует надеть галстук.

– Ты хочешь, чтобы я вела машину?

– Нет.

– Ты не отказываешься вести?

– Я же сказал, нет, – он немного повысил голос.

– Я вижу, ты злишься сегодня по всякому поводу.

– Не больше, чем всегда.

– Ну ладно.

Она устроилась на заднем сиденье и стала смотреть в окно. Ветер гудел за машиной, цветковые пятна сливались в одно. Кэш ездил очень быстро. Она запомнила, как он гнал той ночью, когда увозил ее от Джигера Флина. Кэш вел тогда машину по заброшенным дорогам. Надо отдать ему должное, водитель он отменный, поэтому ее не тревожила огромная скорость. Впрочем, если не принимать во внимание, что у

него сегодня отвратительное настроение.

Когда она спросила, какие задания получили рабочие на сегодня, то он только промямлил что-то в ответ. Ее предложение вести машину встретил с ворчанием. И после этого вряд ли выдавил из себя три слова. На лице застыло угрюмое выражение, вообще у него был какой-то агрессивный вид, словно он каждую секунду готов начать ссору. Кэш не сводил глаз с дороги. По крайней мере, так предполагала Шейла, потому что за стеклами его защитных очков глаз не было видно.

– Наверное, я зря отказалась взять Кена, когда он предлагал, – задумчиво произнесла она. Кэш не отреагировал. Она продолжала в том же духе:

– Он хотел поехать со мной сегодня.

– Наверное, ты зря отказалась, – угрюмо повторил он.

– Он бы не стал нагонять такую тоску.

– О, конечно, он очарователен. Просто сразу сбивает с ног одним своим видом. – Он искоса взглянул на нее. – Обе девушки Крэндол оказались крайне чувствительны к его шарму.

– А тебе больше всего нравится быть вульгарным, да?

– Жаль только, что твой герой не может постоять за себя.

– Что же он мог сделать, когда ты приставил к его горлу нож!

– Ты всегда готова защищать его.

Шейла стиснула зубы, досадуя на себя, что позволила ему развязать перепалку. Было совершенно ясно, что он хочет

поругаться. Он вдруг выпрямил все свои десять пальцев и затем вновь вцепился в руль с такой силой, словно хотел вырвать его из гнезда.

– Что, не привык проигрывать, мистер Будро? Он резко повернул к ней голову:

– Не понял?

– Я вчера отказала тебе. Видимо, другие женщины редко говорят тебе «нет»?

В его позе произошло едва заметное изменение. Все тело расслабилось, приняв естественное положение. Он убрал одну руку с руля и облокотился на спинку сиденья. И у Шейлы исчезло впечатление, что он каждую минуту может начать биться головой в лобовое стекло в приступе гнева.

– Это ты верно заметила, мисс Шейла. Действительно, другая женщина, которой я вчера позвонил, сказала «да».

Теперь Шейла напряглась до предела. Дразнящий смешок словно хлестнул ее по лицу. В солнечное сплетение отдало болью, как от короткого удара в печень. Она быстро взяла себя в руки, надеясь, что он ничего не заметил.

– Поздравляю.

Он добил ее садистской улыбкой.

– Благодарю. Хочешь кофе? – Он кивнул на ресторанчик, к которому они приближались с сумасшедшей скоростью.

– Не откажусь.

Как только он затормозил, Шейла вышла из машины и отправилась в туалет. Затем, моя руки, обратилась к своему

изображению в зеркале:

– Если не хочешь этого знать, не надо провоцировать его.

Теперь, когда она стала легкой добычей Кэша Будро, ей вряд ли можно рассчитывать на его уважение. Ждать от него верности просто нелепо. Его женщины так же доступны, как шершавая туалетная бумага, которой она теперь вытерла руки. И, очевидно, легко взаимозаменяемы.

Стараясь сохранить внешнюю невозмутимость, она оправила льняное платье, подкрасила губы, расчесала волосы. Пусть он видит в ней свою хозяйку, а не любовницу.

– Может, устроимся лучше в машине? – спросил Кэш, держа в руках чашки с кофе, когда она присоединилась к нему на открытой веранде.

– Давай.

– Отлично. Мне что-то не нравится, как здесь пахнет. – Он кивнул в сторону прилавка, где стояла сосисочница с жирными сосисками, томящимися в ожидании посетителей. Подняв темные очки на темя, он пошел к выходу. Шейла заметила, какие измученные у него глаза и землистый оттенок кожи.

– Теперь я поняла, что с тобой, – произнесла она, идя с ним к машине. – У тебя похмелье.

– Вот язва! – Он скривился.

– Ничего, ничего, с каждым может случиться.

– Язва. – На этот раз он улыбнулся.

Усаживаясь на свое место, пока он придерживал дверцу,

Шейла размышляла о том, с какой стати любовные похождения Кэша Будро так остро занимают ее.

– Ну что же, мистер Эндикот, если это ваша последняя цена, мы согласны работать для вас, – сказала Шейла.

– Да, это мое последнее слово. Наши цены полностью соответствуют рыночным. Я не собираюсь полоскать вам мозги.

Ей не понравилось это слишком вольное выражение при обсуждении столь серьезного вопроса. Резко приподнявшаяся бровь выразила ее неудовольствие. Но он не обратил на это внимания. Что еще можно ждать от такого неприветливого человека, который к тому же беспрестанно трещит костяшками пальцев!

Напыщенный, как осел, Джо Эндикот-младший сидел развалясь в кресле, всем своим видом выражая самодовольную уверенность, что все козыри в его руках. К несчастью, это была правда. Слава Богу, он не знал, что от этого контракта зависит дальнейшая судьба «Крэндол Логинг». Шейла была в восторге и изо всех сил старалась скрыть от Джо Эндикота-младшего свое волнение.

– Мы всегда считали, что лес, поставляемый фирмой «Крэндол Логинг», самого высшего качества.

– Рада слышать, – с удовольствием отозвалась Шейла. – Но я хочу уточнить условия контракта. Вы будете платить по мере поступления партии или в конце каждой недели высы-

лать чек?

– Ни то, ни другое.

– Ни то, ни другое?!

Джо-младший звучно хрустнул костяшками.

– У меня нет желания рисковать.

– Не поняла.

– Я не заплачу ни цента, пока не получу весь заказ.

– Вы, видимо, считаете нас за дураков. – Кэш резко сел в кресло напротив Эндикота. До этого он стоял, почти не участвуя в разговоре, только изредка отвечая на вопросы Шейлы и давая кое-какие пояснения.

– Я не сомневаюсь в вашем уме, мистер Будро.

– С чего же вы взяли, что мы станем поставлять вам лес просто так?

– Вы получите ваши деньги, мисс Крэндол. Но не раньше, чем я получу лес. Весь мой лес.

– Но мы не можем работать на таких условиях. Эндикот показал им пустые ладони и, приятно улыбаясь, произнес:

– В таком случае ни о каком контракте не может быть и речи.

Шейла кинула тревожный взгляд на Кэша. Тот смотрел немигающим взглядом поверх растопыренных пальцев Эндикота, словно решая, не растереть ли башмаком этого таракана. Опасаясь, что он так и поступит, Шейла собрала все свое самообладание и сказала:

– Нельзя ли узнать, почему вы налагаете на нас столь жест-

кие требования?

– Конечно. Вы не всегда поставляете товар.

– Прошу прощения, но... Как вы смеете!

– Яне...

– Он не любит рисковать, – мрачно закончил Кэш. Эндикот улыбнулся было в ответ, но тут же скис под его пристальным взглядом.

– «Крэндол Логинг» наказала нас на несколько тысяч долларов. Мой отец заплатил за весь заказ. Последней партии он так и не дождался. Поэтому последние два года мы отказывались иметь дела с вашей фирмой.

Шейла напряглась, выпрямив спину.

– Уверяю вас, мистер Эндикот, это просто недосмотр или бухгалтерская ошибка. Мой отец уже много лет пользуется репутацией честного и обязательного бизнесмена. Если Крэндолу был направлен чек...

– Он был направлен. И вернулся подписанным и оприходованным.

– Моим отцом?

– Да.

– Не понимаю.

Она и впрямь была в недоумении. Да, Коттон считал, что как деловой человек он просто не имеет права упускать возможность увеличивать свои доходы. Но он всегда играл по правилам. Он был честным предпринимателем.

– Почему вы не выяснили, по какой причине...

– Вы думаете, я не пытался? Все наши письма с вопросами и угрозами остались без ответа.

– Почему же вы не разобрались до конца?

– Потому что мой отец чересчур сентиментален. – Джо-младший пожал плечами. – Он всегда говорил, что старина Крэндол – один из самых надежных партнеров во всей юго-западной Луизиане. Они работали вместе много лет. Отец посоветовал мне оставить это дело. И я оставил, но против своей воли.

– А что касается меня, я, безусловно, на этом не остановлюсь, – решительно сказала Шейла, – я раскопаю все до дна, добьюсь полной ясности и предоставлю вам исчерпывающие объяснения. Но если говорить о нашем теперешнем контракте, то ваш отказ от поэтапной оплаты ставит нас в затруднительное положение. Ведь мы должны как-то покрывать текущие расходы.

Заложив руки за голову, он ответил:

– Но ведь это не моя проблема, не так ли?

– То есть мы не получим ничего, пока не выполним весь заказ?

– Вплоть до древесной массы.

– Так дела не ведутся! – воскликнул Кэш, весь подавшись вперед и едва не выскакивая из кресла, словно пес, до предела натянувший свою цепь.

– Я тоже так не веду... обычно. Но кто, кроме меня, позаботится о моей заднице? Я не отказываюсь подписать кон-

тракт с вами, но я не дам ни цента, пока весь заказ не будет выполнен.

Шейла в растерянности оглянулась на Кэша. Он взглянул на нее, затем на Эндикота.

– Я бы хотел покурить. – Он с шумом поднялся и протянул руку Шейле. – Выйдем?

Она приняла его помощь и тоже встала, и они пошли к дверям.

– Эй, вы собираетесь составлять контракт или нет? – воскликнул Эндикот. – Вы тратите мое драгоценное время. Что мне прикажете делать, пока вы там курите?

– Отдыхай, Джо, – отозвался Кэш. – Расслабься и выпей чего-нибудь. Мы сейчас вернемся.

Он хлопнул дверью. Секретарша проводила их укоризненным взглядом.

– Ну как? – спросила Шейла. – Что будем делать?

– Лучше всего как следует размахнуться и дать этому Джо хорошего пинка, чтобы он вылетел на своем вертящемся кресле через свое роскошное окно.

– Принять мне его условия или нет? Только не говори мне, что я, по твоему мнению, хочу услышать. Посоветуй, как быть?

– Между чем ты выбираешь?

– Я могу вернуться домой и продолжать обзванивать рынки. Это, конечно, шаг назад. Чтобы устроить сегодняшнюю встречу, я потратила несколько дней. У меня просто нет вре-

мении начинать все с начала.

– Но ведь существуют и другие заказчики, Шейла.

– Я знаю, но не такого масштаба. Я смогу получать только небольшие заказы. Даже если мы будем работать до упаду, все равно заработаем не больше, чем на зарплату рабочим. А этот заказ покроет банковский долг и даст нам значительный капитал на текущие расходы.

– В таком случае ты сама ответила на свой вопрос.

– Что, если мы поставим всю древесину по контракту, а он не заплатит договорную сумму?

– Не посмеет. К тому же она будет зафиксирована документально. Кроме того, – добавил Кэш и хрустнул пальцами, изображая Джо-младшего, – он не станет рисковать жизнью.

– А сможем ли мы работать при таких условиях?

– Дай подумать.

Он присел на край маленького диванчика и взял журнал с тонконового столика. На задней стороне обложки нашлось чистое место, где он набросал быстрые подсчеты.

– Мы можем поставлять тридцать тысяч погонных метров ежедневно, не считая того, что мы купим у частных предпринимателей.

– Он заказывает почти семьсот тысяч. А у нас осталось меньше месяца.

– Скажем, тридцать дней.

– Гораздо меньше. Кэш.

– Значит, придется работать сверхурочно.

– А погода?

Он проверил свои выкладки.

– Это реально, Шейла.

– Ты уверен?

– Уверен.

– Я бесконечно верю тебе!

Он посмотрел ей в глаза долгим взглядом.

– Я знаю.

Выражение его лица и нежный, почти грустный тон так разволновали ее, что несколько мгновений она не могла собраться с мыслями. Затем спросила:

– Если бы ты приехал сюда один, без меня, и вся ответственность за решение лежала на тебе, как бы ты поступил?

Он встал, подошел к окну и стал смотреть на улицу. Сунул руки в карманы, от чего распахнулись полы его незастегнутой спортивной куртки. Выходные брюки сидели на нем так же ловко, как и его повседневные джинсы. Туфли были совсем новые, словно купленные специально для сегодняшнего визита. Это было так трогательно. Нежность переполнила сердце Шейлы.

Он медленно повернулся.

– Тебе это очень нужно?

– Это очень важно, Кэш, – севшим от волнения голосом произнесла она. – Не только для меня. Для Коттона. Для Бель-Тэр. Его будущее под угрозой. Я сделаю все, что угодно, пожертвую всем на свете, даже своей гордостью, ради

Бель-Тэр. Ты понимаешь меня?

В его лице дернулся какой-то мускул.

– Да, я это хорошо понимаю.

– Тогда вернемся и подпишем контракт с Джо-младшим.

– Я всегда с тобой.

Кэш снисходительно поддерживал Шейлу, нетвердой походкой идущую к машине. Выглядела она очень забавно. Чтобы отметить удачное завершение дела, они решили устроить небольшой праздничный обед и завернули в какое-то кафе. Оказалось, что забегаловка открывается только в четыре. Дожидаясь открытия, они побродили по опушке национального парка. Хотя контракт с фирмой Эндикота ставил их в довольно трудное положение, он давал большие надежды, и оба сильно воспрянули духом.

Еда была превосходной, порции – огромными. Они были единственными посетителями в столь ранний час, и обслуживали их по-королевски. Шейла заказала целых две бутылки шампанского, и Кэш уверял ее, что этим заказом она уничтожила все ресторанные запасы. Редко кто требовал шампанское в заведении, которое посещают лишь случайные посетители и местные завсегдатаи.

Одну бутылку они распили во время их чересчур плотного обеда. А вторую Шейла ревниво прижимала теперь к себе, семена непослушными ногами к машине.

– Давай опустим все окна и поедem быстро-быстро, – с

воодушевлением сказала она.

Кэшу еще не приходилось видеть такой живости в ее глазах. Они вспыхивали янтарными искрами. Шампанское прекрасно подействовало на нее. Высокомерие и сдержанность почти пропали. Теперь в ней не было ничего от хозяйки, леди, правящей королевы Бель-Тэр. Перед ним была просто стопроцентная женщина. И все сто процентов его тела чувствовали это. Каждое ее движение, слово потрясали его от волос на голове до подметок его новых туфель.

– Хорошо. Машину поведу я, – с улыбкой отозвался он и, открыв дверцу, посторонился, пропуская ее в машину. – А почему бы тебе не снять жакет?

– Отличная мысль.

Она поставила бутылку на сиденье рядом с собой и сбросила с плеч полотняный жакет. Подавшись вперед, высвободила из рукавов руки. Ее грудь качнулась под блузкой. К тому времени, как он вырулил на шоссе, Шейла сбросила туфли из крокодиловой кожи на высоких каблуках на покрытый ковром пол и откинула голову на спинку сиденья. Одну ногу она подвернула под себя, широко расставив колени. Юбка свободно свисала, закрывая ноги. В этой позе не было ничего непристойного. Непристойными были мысли Кэша.

– Какой странный человек, – произнесла она сквозь широкий зевок, который сразил бы наповал Мэйси Лорент. Шейла даже не сделала попытки прикрыть рот рукой.

– Кто странный? Я?

Не поднимая головы, она обратила к нему лицо. Легкая улыбка тронула ее губы, с которых давно исчезли последние следы помады. Без помады она нравилась ему гораздо больше.

– Да нет. При чем здесь ты? Джо Эндикот-младший.

– Он мудак. Она хихикнула:

– Грубо, но верно.

Несколько мгновений она испытующе смотрела в его лицо.

– Ты всегда говоришь непристойности, но мне почему-то это не противно.

– Не противно?

– Нет, – озадаченно сказала она. – Совсем как с Коттоном. Он ужасно ругался. Всегда. Первые слова, которые я научилась произносить, были ругательные, те, что я слышала от него. Мама беспрестанно требовала, чтобы он перестал. – Шейла снова зевнула. – А я считала, что плохие слова переставали быть плохими, когда их произносил Коттон.

– Тебе не дуется?

Ее грудь приподнялась в глубоком разнеженном вздохе, блуза, успевшая утратить свой свежий, накрахмаленный вид, натянулась. Это ее движение больно отдалось в его жаждущем теле. Он не мог понять, почему до сих пор его руки не преодолели короткое пространство, чтобы ощутить под ладонями эти нежные полукружия, сжать пальцами хотя бы один из этих острых сосков. Раньше он никогда не церемо-

нился с женщинами. Все, что видел и хотел, он брал. И неизменно имел успех.

– Нет, чудесный вечер! – отозвалась она, закрывая глаза. – Разбуди меня, когда будем в Хевене.

Она снова хихикнула и широко раскрыла глаза.

– Я очень пьяная?

У нее было такое встревоженное выражение лица, что он не удержался от смеха.

– Если у тебя хватает здравого смысла задуматься об этом, значит, ты еще в порядке.

– Прекрасно, прекрасно. – Она снова закрыла глаза. – А шампанское было ничего, да? – Она несколько раз провела кончиком языка по нижней губе.

Кэш переменял положение ног, чтобы хоть как-то успокоить разбушевавшуюся плоть.

– Что, приехали? – Шейла подняла голову, пьяная и совершенно сбитая с толку.

– Не совсем. Я хочу тебе кое-что показать. Машину со всех сторон окружал густой лес. Кэш толкнул дверь и вышел, прихватив бутылку шампанского.

– Пошли. Только надень туфли.

Шейла надела туфли и выбралась из машины, нетвердо прислонившись к капоту и поддерживая рукой голову.

– Ну что, все в порядке? – спросил Кэш, обходя машину сзади.

– У меня голова кружится и глаза колет, как иголками.

Он расхохотался, спугнув птиц, сидевших на дереве. Те немедленно раскричались в знак протеста, что кто-то вторгся в их владения.

– Тебе надо еще немного выпить. – И он помахал перед ее носом бутылкой.

Она застонала. Взяв ее за руку, он повел ее в лес, под высокий купол древесных крон.

– Эти туфли не годятся для прогулок по лесу, Кэш, – пожаловалась она.

Высокие каблуки увязали в мягкой земле. Хрупкие стебли травы ломались возле ее колен, оставляя на чулках белые капли сока. Он крепче взял ее за руку, помогая ступать тверже.

– Здесь недалеко.

– Что именно?

– То место, куда мы идем.

– Я даже не знаю, где мы.

– На земле Бель-Тэр.

– Бель-Тэр? Я здесь никогда не была. Они осторожно пробирались к вершине пологого холма. Землю устилал пурпурный ковер вербены. Побег дикой розы сплетались с низкими кустами, их нежные цветы благоухали в душной жаре угасающего дня. Они поднялись на холм.

– Подожди, – сказал Кэш. – Дальше идет крутой склон.

У подножия холма Лорентский затон делал плавную из-

лучину. Склон порос деревьями твердых пород и соснами, а на топких берегах стояли кипарисы. Последние лучи солнца полосовали землю длинными золотыми линиями. Место было диким, первозданным, оно наводило на мысль о языческих культах и колдунах.

– Кэш! – испуганно воскликнула Шейла, заметив крылатое существо, перелетевшее с дерева на дерево. – Что это, летучая мышь?!

– Нет, это белка-летяга. Они обычно появляются, когда начинается смеркаться, не раньше.

Шейла следила за акробатическими движениями зверька, пока он не скрылся среди ветвей и листьев. Вокруг стояла глубокая тишина. Ухо улавливало даже шорох лапок насекомых, перебирающих тычинки цветов. Пчелы жужжали вокруг цветущих растений. Радужные жучки сновали по медной поверхности воды. Сквозь деревья пронесся стрелой кардинал.

Шейлу охватило глубокое благоговение перед лицом этого храма, не оскверненного человеком. Природа предстала перед ней в своей первозданной гармонии. Не тронутая никем, она творила здесь это волшебство век за веком, частица за частицей, оставаясь девственно прекрасной.

Он протянул ей руку.

– Пошли.

Они стали спускаться по крутому склону. Туфли утопали в перине из сосновых игл. Наконец он вывел ее к затону.

Издали вода казалась абсолютно неподвижной. Но теперь стало заметно легкое течение, почти незримое, лишенное всякой энергии.

– Я думала, ты не любишь оставлять в лесу засохшие и поваленные деревья.

Он стал обрывать фольгу с горлышка бутылки, аккуратно складывая серебристые обрывки в карман. Туда же отправил и проволочную сетку.

– Обычно не люблю. А здесь – пускай. – Он снова огляделся вокруг с торжественным и благоговейным выражением лица, словно в соборе. – Все здесь живет само собой. Природа решает свои проблемы без нашей помощи. Никто не вмешивается в естественный ход вещей.

– Ты рассуждаешь так, словно ты здесь хозяин. Он взглянул на нее и долго молчал.

– Здесь наверху могила моей матери. – Он взглянул на вершину холма, откуда они только что спустились.

Шейла проследила направление его взгляда.

– Я не знала.

– Пастор запретил хоронить ее в освященной земле. Потому что она... – Кэш хлебнул шампанского прямо из горлышка бутылки. – В общем, запретил.

– Из-за того, что она была любовницей моего отца.

– Наверное.

– Видимо, она его очень любила. Он коротко, шумно вздохнул, что означало горький смешок.

– Вот уж точно! Сильно любила. – Он снова отпил из бутылки. – Больше всего на свете. Даже больше меня.

– Этого не может быть, Кэш, – быстро сказала Шейла. – Ни одна мать не поставит мужчину, который ей даже не муж, выше ребенка.

– А она ставила. – Он поднял ногу на бревно, чуть не коснувшись ее бедра, и нагнулся к ней, облокотясь на поднятое колено. – Ты спрашивала, почему я живу в этих местах? Почему я торчу там, где все называют меня ублюдком?

– Да, мне это непонятно. Он заглянул ей в глаза.

– Перед смертью мать взяла с меня обещание не покидать Бель-Тэр, покада жив Коттон Крэндол. Заставила меня поклясться в этом.

Шейла взволнованно сглотнула:

– Но почему? Почему она так настаивала? Он пожал плечами:

– Кто знает. Наверное, ждала, что я стану его ангелом-хранителем.

– От чего же его охранять?

– От самого себя, наверное. Хочешь шампанского? Она взяла из его рук бутылку и отпила глоток. Пена таяла на губах и в горле.

– Теплое.

Она протянула бутылку назад и замерла, захваченная внезапной силой его взгляда. Лес, еще минуту назад полный какого-то неуловимого движения, тоже замер в ожидании че-

го-то неизбежного. Все как будто остановилось. Она ощутила горячие волны, поднимающиеся от земли, пронизывающие бревно, на котором она сидела, проходящие сквозь одежду и проникающие в тело. В ушах тонко зазвенело от этой абсолютной тишины. Глоток шампанского не увлажнил, а сразу как-то иссушил ее губы и горло.

– Пора идти.

Она встала. Кэш опустил ногу на землю, продолжая все так же смотреть на нее. Нервничая, она забормотала, чтобы как-то нарушить эту обволакивающую тишину:

– Спасибо, что ты помог мне в сегодняшнем деле с Эндикотом. И за то, что показал мне такое красивое место. Я и понятия не имела о его существовании. Здесь так чудесно. Ну просто...

Она не смогла больше выговорить ни слова – его руки сжали ее в объятиях, горячие влажные губы припечатали ее рот поцелуем. Руки Шейлы обвилились вокруг него, пальцы впились в мышцы спины. Оба тела неумолимо сливались в вожделенной близости, пока рты не приникли друг к другу в обжигающе страстном поцелуе, стараясь захватить как можно больше и как можно быстрее. Оба тяжело дышали, пристально глядя глаза в глаза.

– Я с тобой нарушил все мои правила, – произнес он, следя за своей рукой, медленно спускавшейся к ее груди. – Я никогда не пользовался презервативами. Никогда в жизни, – продолжал он, удивляясь собственной небрежной лжи. – У

меня был девиз – трахать и бросать.

Его глаза снова смотрели на нее.

– Я никогда не смогу забыть тебя. Я пробовал. Его рука медленно опускалась по ее животу и замерла внизу на бедре.

– Проклятие, я снова хочу... – простонал он.

– Я тоже.

Их губы снова слились в неистовом поцелуе. Его язык проник в манящую глубину ее рта, разжигая огонь желания.

Не разжимая губ, слившись воедино, они опустили на колени. Обхватив руками ее плечи, он уложил Шейлу на ложе из опавших листьев и сосновых игл, которые оказались ей более желанными, чем атласные простыни. Повинуясь извечному мужскому инстинкту обладания и господства, Кэш накрыл ее своим телом.

Шейлу охватило такое же страстное желание. Колени ее раздвинулись, и он стал пробираться, твердый и настойчивый, к теплой, трепетной глубине женского существа. Они не смогли сдержать долгий стон, похожий на вздох, который обычно срывается с губ человека в момент наивысшего блаженства.

Шейла приподнялась, стараясь повыше задрать юбку. Он с силой терся лицом о ее груди, открыв рот, горячий и влажный. Его руки попытались расстегнуть пряжку ремня, но мучительное нетерпение сделало его движения неловкими и суетливыми. Он выругался от бессилия, тяжело хватая ртом воздух. Шейла оттолкнула его руки и сама атаковала непо-

корную пряжку. Но она не оказалась удачливее. Их руки снова столкнулись над пряжкой, мешая друг другу.

И вдруг оба одновременно осознали, что их тяжелое дыхание совсем не единственный звук, который нарушает тишину леса.

Кэш резко отстранился и сел.

– Кэш! Ты слышал...

– Шш! – Он поднял руку, призывая к молчанию. Оба прислушались. И он раздался снова – тихий, непонятный звук.

Кэш встал. Чуткий, как зверь, и бесшумный, как тень, он оставил Шейлу и двинулся на звук сквозь стволы деревьев. Сработала давняя выучка десантника – ни один листик не потревожили его вкрадчивые, профессиональные движения. Рука сжимала нож, вынутый из заднего кармана. Он пробрался по топкому берегу, обогнул липкий ствол кипариса.

– Боже!

Оставив мягкое гнездо, которое образовалось под их телами в податливом лесном ковре, Шейла пошла за ним.

– Что это? – прошептала она, выглядывая из-за его спины. – Гейла!

Глава 30

Юная темнокожая женщина в ужасе глядела на них с земли. Покрасневшие глаза, распухшие, кровоточащие ссадины превратили ее лицо в одну сплошную рану. Порванная одежда. Содранная кожа. Порезы и кровоподтеки по всему телу. Одну туфлю она, видимо, потеряла. Кэш внимательным взглядом окинул берега затона и склоны холма. Взгляд его был острым, словно луч. Шейла опустилась на колени.

– Гейла, господи боже, Гейла! – ласково повторяла она, осторожно касаясь плеча своей подруги детства. Гейла вздрогнула.

– Не бойся, дорогая. Это я, Шейла. – Она подняла на Кэша обезумевшие от испуга глаза. – Она не узнает меня.

– Узнаю, Шейла. – Гейла провела языком по глубокому страшному порезу на нижней губе. Кровь из этой раны запеклась у нее на груди. – Не смотрите на меня. Уйдите. Пожалуйста.

Слезы хлынули из ее глаз. Она подтянула колени к груди и сжалась в комок, чтобы спрятаться, исчезнуть. Шейла осторожно подняла ее голову к себе на колени, положив ладонь на гладкую темную щеку – единственное живое место на изуродованном лице Гейлы. Но, приглядевшись, Шейла поняла, что раны неглубокие и могут зажить бесследно.

– О нет, дорогая, я как раз собираюсь внимательно осмот-

реть тебя, – зашептала Шейла, – я так скучала по тебе. Нам надо поговорить о многом. Когда тебе станет лучше, мы вспомним все, что было раньше, будем хихикать, как девочки.

Слезы текли по царапинам, как по бороздкам.

– Я больше не девочка, Шейла. Я стала...

– Ты моя подруга, – выразительно сказала Шейла. Гейла закрыла глаза, и ее плач перешел в тяжелые рыдания.

– Я не заслужила честь быть твоей подругой.

– Слава богу, никто из нас не получает того, чего заслуживает.

Продолжая поддерживать ее голову и осторожно глядя ей волосы, Шейла обратила взгляд к Кэшу, который вернулся, осмотрев все вокруг.

– Ты никого не встретил?

– Нет.

Он тоже опустился на колени, глядя оценивающим взглядом на дело рук безумца, искалечившего молодую женщину. Затем тронул Гейлу за плечо:

– Это Джигер так тебя отделал? Гейла кивнула.

– Гнусный сукин сын, – пробормотал он. – Похоже, что он избил ее, а затем сбросил сверху, с этого холма.

В тугих завитках волос девушки застрял мелкий лесной сор, листья, сухие стебельки трав облепили одежду, обнаженные руки и ноги были выпачканы грязью.

– Нет, мистер Будро, – произнесла Гейла своим краси-

вым глубоким контральто, которое казалось совсем низким от слез. – Я действительно упала с холма, но Джигер меня не сталкивал. Я убежала от него.

– Так ты пришла сюда пешком?

– Да.

– Он сейчас ищет тебя?

– Нет. Не знаю. Оставьте меня, забудьте, что видели. Позвольте мне умереть здесь, и больше мне ничего не надо. Я не могу вернуться к нему. Он убьет меня. Я не хочу жить, но я не доставлю ему удовольствия, позволив убить меня.

– Он не убьет тебя. И вообще ничего тебе не сделает, потому что ты под моей защитой. И я ни в коем случае не позволю тебе умереть здесь, – твердо сказала Шейла. Затем она обратилась к Кэшу:

– Ты мог бы донести ее до машины? Если нет, я останусь с ней здесь, а ты вызовешь «Скорую».

– Нет! – воскликнула Гейла, дернувшись всем телом. – Нет, ради бога, нет! Он сразу узнает, где я, и уж тогда точно убьет.

– В больнице тебя никто не убьет, Гейла. Но с девушкой началась истерика. Отчаянно протестуя, она вся тряслась, несмотря на боль, которую причиняли ей эти движения.

– Джигер избил меня, запер в сарае. Но я убежала. Когда он увидит, что меня нет, он взбесится.

– Он уже давно бешеный.

– Куда бы я ни пошла, он найдет и убьет за то, что я сбе-

жала, Шейла. Клянусь богом, убьет. Он всегда говорил, что убьет, если уйду от него. – Она вцепилась в блузку Шейлы обеими руками:

– А если ты поможешь мне, он не пощадит и тебя. Уходи-те, прошу вас обоих. Пожалуйста, не трогайте меня. Зачем вам мараться о такую шлюху, как я?

– Перестань, – возмутилась Шейла. – Я не боюсь Джигера Флина. Пусть только посмеет приблизиться ко мне, я пристрелю его, как бешеную собаку.

Но Гейла плакала не переставая.

Голос Шейлы стал нежным:

– Если ты боишься ехать в больницу, я отвезу тебя в Бель-Тэр. Уж туда он никогда не доберется. Кэш отстранил Шейлу и нагнулся к девушке:

– Пойдем, Гейла. Постарайся ухватиться за мою шею. Ты же можешь, – уговаривал он, но она снова отрицательно за-трясла головой. – Ну попробуй. Вот так. А теперь сцепи руки. Умница.

Он подsunул руки под ее спину и колени и поднял ее.

– Кэш, она вся в крови, – ахнула Шейла.

Подол платья девушки весь промок от свежей крови.

– Гейла, что он сделал с тобой?

– Она в обмороке, – ответил Кэш. Голова Гейлы присло-нилась к его плечу.

– Это к лучшему. Перевозка была бы для нее слишком мучительна.

Он стал подниматься на холм. Шейла взяла бутылку с шампанским, которую он оставил в лесу, и с трудом пошла вслед за ним, ковыляя на высоких каблуках, залепленных грязью. Ветки деревьев цепляли дорогую ткань ее нарядной юбки. Она не замечала ничего. Она думала только об одном – останется ли Гейла в живых после всего того, что с ней случилось.

Совершив восхождение, по трудности напоминавшее покорение Эвереста, они добрались до машины. Шейла пошла вперед, распахнула заднюю дверцу и села внутрь.

– Клади ее голову мне на колени. Вези в больницу как можно быстрее. Она не хочет в больницу, но я считаю, ее надо обязательно доставить в травматологию.

Кэш положил девушку, как велела Шейла, и продолжал стоять перед машиной, сунув внутрь голову и плечи и глядя на Шейлу.

– Ну что еще? Поехали, – коротко распорядилась она.

– В больнице ей, конечно, помогут. Но ведь они должны будут сообщить шерифу. Шериф, конечно, проведет формальное дознание. Но против Джигера он не пойдет. Пройдет время, и Гейлу выпишут. Джигер будет ждать ее. Продолжение может оказаться куда более страшным, чем сейчас.

Шейла смотрела на изуродованное лицо девушки и знала, что он прав.

– Хорошо, вези ее в Бель-Тэр. Не знаю, удастся ли найти врача, который...

– Врач будет.

Кэш закрыл дверцу и вокруг машины пошел к водительскому месту. Через несколько секунд они уже мчались сквозь наступающие сумерки в поместье Бель-Тэр.

– Еще налить, Трисия?

– Спасибо, дорогой. Миссис Грейвс вот-вот должна позвать к ужину, – ответила Трисия, просматривая очередной номер «Хевен трампет». Там был дан полный отчет о щедрых пожертвованиях, собранных в пользу семьи Гли Уильямса. Статья и радовала, и злила Трисию. Радовала, потому что она сама представала в образе необыкновенно отзывчивой и щедрой натуры, а злила, потому что автором этой благотворительной деятельности была Шейла. Она сделала для Уильямса все, включая заботы о продуктах и предметах первой необходимости. – До чего же надоело каждый день ждать Шейлу к ужину, – с раздражением сказала она. – Она всегда опаздывает.

– Она же не могла знать, когда закончит дела с Эндикотом. – Кен пососал пропитанный бурбоном ледяной кубик, который извлек со дна пустого стакана. – Путь неблизкий.

– Могла бы по крайней мере позвонить.

– Успокойся. Она едет. – Кен поставил пустой стакан на плетеный столик и направился к крыльцу. – Несется, словно за ней черти гонятся. Это на нее не похоже.

– Может быть, ей наконец стало стыдно вечно опаздывать.

Трисия положила газету и встала, намереваясь идти в дом.

– Нет, правда, какого лешего... – задумчиво повторил Кен, наблюдая за автомобилем Шейлы.

Кэш со скрежетом затормозил у ступенек крыльца. Он выскочил из машины на дорожку и поспешил к задней двери. Нагнувшись к сиденью, он вытащил Гейлу.

– Что за чертовщина? – вскричал Кен и загородил Кэшу проход, заметив, что тот занес ногу на ступеньку. – Шейла, объясни, пожалуйста, что происходит?

– Сойди с дороги, Кен. Трисия, в какой комнате нам будет удобнее разместиться?

Супруги Хоуэл устали на Кэша и Гейлу, словно на пришельцев с того света.

– Ну, говори скорее! – нетерпеливо требовала Шейла. – У нас же есть комната для гостей? Глаза сестер встретились.

– Что случилось с этой девицей? – надменно спросила Трисия.

– Ее избили до полусмерти. В какую комнату ее положить?

– Ты ведь не собираешься нести ее в дом, не правда ли?

Шейла произвольно резко выдохнула, еще не веря в услышанное и в то же время вздрагивая от отвращения. Она взглянула на Кена, ища поддержки. Тот еще стоял на пути Кэша, и оба они уничтожали друг друга немигающими взглядами.

– Что происходит с вами обоими? – воскликнула Шейла. – Вы не узнаете ее? Это же Гейла.

– Прекрасно узнаю, – отрезала Трисия.

– Она серьезно больна.

– Значит, ее надо отправить в больницу.

– Она будет лежать здесь.

Шейла обошла Кена и сделала знак Кэшу следовать за ней.

В душе она порадовалась, что у Кэша заняты руки, иначе дело могло бы кончиться серьезной потасовкой.

Стоило только взглянуть в его остановившиеся глаза, чтобы не сомневаться, с каким огромным удовольствием он спустил бы Кена со ступенек.

Шейла пересекла веранду и взялась за ручку двери. Но Трисия опередила ее и прижала дверь спиной.

– Мама в гробу бы перевернулась, если бы узнала, кого ты приводишь в дом.

– Гейла бывала в нашем доме. Много раз. Мы играли с ней, помнишь? Ее мать гладила твою одежду, мыла за тобой посуду, готовила еду, которую ты ела. А Веда была черней, чем Гейла.

– Дело не в расе.

– А в чем?

– Ты вынуждаешь меня говорить грубости. Она – содержанка Джигера Флина! – истерично закричала Трисия.

Шейлу бросило в жар от ярости:

– А кто виноват в этом?

Трисия смутилась, но тут же нашлась:

– Ты, видимо, хочешь приписать это мне?

– А разве это не так?

– Ты готова обвинить меня во всех несчастьях, которые происходят вокруг.

– У меня сейчас нет времени препираться с тобой, – сказала Шейла, теряя последнее терпение. – Это жилой дом, а не святая обитель для праведников. Ни Гейла, ни Кэш не угрожают нашей с тобой нравственности.

Шейла оттолкнула сестру и распахнула дверь перед Кэшем.

У входа стояла миссис Грейвс как последний оплот рухнувшей твердыни.

– В какую комнату лучше поместить больную? – спросила Шейла.

– Такую, как она, – ни в какую.

Домоправительница скрестила руки на своей каменной груди, словно слагая с себя всякую ответственность за происходящее.

– Хорошо. Значит, она займет мою комнату, – спокойно распорядилась Шейла. – А мне, пожалуйста, приготовьте комнату для гостей.

Она побежала вверх по лестнице, но остановилась, обернувшись к миссис Грейвс:

– Это будет последнее поручение, которое я прошу вас исполнить. А затем, будьте любезны, освободите дом от своих личных вещей и своего присутствия. Я выпишу чек, и через час он будет ждать вас на столе в холле.

Она взбежала наверх, опередив Кэша, который тоже поднимался через две ступеньки. Трисия и Кен просто окаменели, провожая Шейлу потрясенными взглядами. Но она даже не оглянулась и, подойдя к своей комнате, распахнула дверь перед Кэшем. Он вошел и положил Гейлу на кровать.

– Я здесь черт знает что натворил, – пробормотал он, отходя в сторону. Вся грудь его была в крови.

– Не беда. Я тоже порядочно натворила в холле, – отозвалась Шейла и склонилась к больной. – Пока я буду ее раздевать, позвони доктору.

– Не надо доктора.

– Что?! – Шейла резко выпрямилась и недоуменно оглянулась на него.

– Ты раздень ее, а я сейчас вернусь. – И он шагнул к двери.

– Постой! – Шейла вскочила, пытаясь удержать его.

Ее пальцы соскользнули с окровавленного рукава его рубашки, но он все равно остановился.

– Ты, по-моему, обещал разыскать доктора. Куда ты идешь?

– Я доктор. Но я должен взять свои медикаменты. Она побледнела.

– Ты с ума сошел. Ей нужна профессиональная помощь. Она может умереть. Это не укусы москитов, Кэш. У нее кровотечение, и я не знаю даже...

– Это маточное кровотечение. У нее был выкидыш. Шейла вздрогнула, чувствуя, что пресеклось дыхание, и оставила

лась на него, словно лишилась дара речи.

– Мне известны эти симптомы. У моей матери было то же самое. Рядом не было никого, чтобы помочь ей. Все пришлось делать мне. Она говорила, что именно. Я знаю, как лечить такие недуги.

Шейла резко повернулась и кинулась к телефону, Но Кэш, подскочив, отнял у нее трубку.

– Ты обещала Гейле.

– Я не имела понятия, что это так серьезно. Она может умереть.

Они уже кричали друг на друга. Он схватил ее за плечи и, сдерживаясь, внушительно сказал:

– Я в силах помочь ей. Доверься мне. – Тряхнул ее и повторил снова:

– Доверься мне.

Несколько мгновений Шейла смотрела ему в глаза. Затем перевела взгляд на Гейлу. Когда она снова поглядела на Кэша, ее взгляд уже не был таким жестким.

Едва шевеля губами, она сказала:

– Если кто-нибудь попытается помешать тебе...

– Это моя забота. Ничто не доставит мне большего удовольствия.

Шейла глядела ему вслед и молила Бога, чтобы ее решение оказалось верным. Затем вернулась к постели больной, над которой нависла смертельная опасность.

Глава 31

До возвращения Кэша Шейла успела обтереть тело Гейлы влажной губкой, а то грязь и засохшая кровь скрывали истинную картину. И с каждым движением губки сочувствие Шейлы к несчастной девушке возрастало, а вместе с этим росло чувство ненависти к Джиге ру Флину. Когда Кэш вошел в комнату, Шейла едва сдерживала слезы.

– У нее все тело в шрамах и синяках, – сказала она.

– Не думаю, что Джигер способен быть нежным любовником.

– Это зверь, которого надо держать под замком.

– Дыши спокойнее. – Он сел на край постели и взглянул в лицо Гейлы. – Как она?

– Кровотечения нет.

– Прекрасно. Каких-нибудь признаков возвращения сознания не подавала?

– Она в сознании. Когда я обтирала ее, она стонала.

Положив ладонь на лоб измученной девушки, Кэш ласково позвал ее:

– Гейла! Очнись, поговори со мной. Мне надо кое о чем спросить тебя.

Она открыла глаза. Взглянула на него, затем – через него – на Шейлу.

– Ты в Бель-Тэр. Ты в безопасности, – тихо прошептала та.

Они увидели, как дрогнули ее порезанные и распухшие губы, затем глаза тихо закрылись.

– Подожди, подожди, не спи, – заторопился Кэш, тормоша ее за плечо. – Я буду лечить тебя, но сначала ответь на мои вопросы.

Она с трудом открыла глаза:

– Да?

Он достал из кармана баночку с целебной мазью. Отогнув простыню, стал наносить какое-то похожее на воск вещество на исцарапанную кожу рук и плеч.

– Какой был срок твоей беременности? Слезы снова полились из ее глаз, и лицо опять исказилось страхом и страданием.

– Я не смогла носить ребенка от него. Это дьявол, а не человек. Такому грех иметь детей.

– Ребенка больше нет. – Он сжал ее руку. – Как долго ты была беременна? Прежде чем началось кровотечение?

– Шесть или восемь недель. Я принимала лекарство, которое вы мне послали.

– Лекарство! – изумленно вскрикнула Шейла, обернувшись к нему. – Ты знал об этом раньше?

Он подал ей знак, чтобы она замолчала. Гейла продолжала говорить слабым, отсутствующим голосом:

– Джигер сказал, что это снадобье живо подымет меня на ноги.

Но Шейла не могла молчать:

– Ты дал этому негодяю лекарство для нее? Он помолчал немного.

– Ты общаешься с ним? – в изумлении спросила Шейла. Кэш повернул к ней голову:

– Да. Он пришел ко мне, сказал, что у Гейлы кровотечение, что у нее был выкидыш. Что я должен был делать? Выгнать его?

– Ты должен был сказать мне.

– И что бы ты стала делать? Вмешиваться в чужие, непонятные тебе дела? Или снова обстреляла бы его дом, чтобы он мочился в штаны каждый раз, когда услышит твое имя?

Она промолчала, чтобы не устраивать ссору.

– Кроме того, все это случилось, когда Коттон был очень плох. Почти не было надежды, что он выкарабкается. У тебя и так крыша в то время поехала, не хватало только новых забот.

Он вернулся к своей работе. На груди Гейлы сбоку был круглый алый след.

– Сигаретный ожог, – тихо сказал Кэш, смазывая его мазью.

Гейла поморщилась, вспоминая пережитое. Кэш снова обратился к ней:

– Почему произошел выкидыш?

– Я сделала это сама. А потом стала сильно течь кровь.

– Господи, – простонал Кэш.

Шейла зажала себе рот обеими руками так сильно, что гу-

бы занемели.

– Я не хотела от него ребенка. – Голос Гейлы осип от слез и боли. – Теперь я проклята навеки, я убила его. Бог отправит меня в ад.

Она впала в истерику. Нагнувшись к ней, Кэш с силой прижал ее плечи к подушке.

– Нет, Гейла. Ты не будешь в аду. Ты не грешница, а жертва чужого греха. Скажи, мое лекарство помогло тебе?

– Да. Благодарю вас, мистер Будро. Я думала, что умру, пока Джигер не принес его. Я делала все, как вы велели, и использовала все, что было. Мне стало лучше, но потом...

Она в тревоге огляделась по сторонам, словно свидетельствовала на суде против человека, который поклялся убить ее на месте, если она скажет правду.

– Что было потом, Гейла? – ласково торопил ее Кэш, протирая ваткой с перекисью водорода рану на плече.

Девушка взглянула на Шейлу. Темные глаза туманились слезами раскаяния.

– Он велел мне ехать к одному джентльмену, – почти беззвучно произнесла она. – Я отказывалась. Говорила, что мне нельзя, я еще не поправилась, но... – Она снова спрятала лицо в подушку. – Этот мужчина заплатил за меня сто долларов. Джигер заставил меня ехать.

Кэш взглянул на Шейлу. Она только качала головой, отказываясь верить. От рассказа Гейлы веяло средневековым рабством. Трудно поверить, что это происходило во второй

половине двадцатого века. Но это было именно так.

– И что же, в тот вечер этот человек взял тебя? – спросил Кэш.

Девушка кивнула. Кэш тихо выругался.

– Почему Джигер избил тебя сегодня?

– Он снова заставлял меня идти, а я отказалась. Сказала, что мне плохо, у меня опять пошла кровь. Но он не хотел отдавать назад деньги.

– Это был тот же самый?

– Наверное. Я видела его машину.

– Скажи поточнее, что случилось сегодня?

– Я все не шла и не шла. Джентльмену надоело ждать, и он уехал. И тогда Джигер выпорол меня проводом от электробритвы. А это он сделал кулаком. – Она тронула пальцем рассеченную губу. – Вернее, цепью, он всегда носит ее на руке.

Кэш обозвал Джигера грязным словом, и Шейла подумала, что иначе его не назовешь.

– Он запер меня в сарае, пока я не передумаю. – У нее задрожали губы. – Так он меня еще ни разу не бил. В следующий раз – убьет, я уверена. Мне пришлось убежать, пока еще была возможность. Когда он найдет меня, сразу убьет.

Ее лицо снова исказилось ужасом. Шейла уверенно положила руку ей на плечо:

– Он не сможет и пальцем тебя тронуть, пока ты здесь. Тебе совершенно нечего бояться. Но Гейла не была столь уве-

рена в этом.

– А ты не будешь презирать меня, Шейла, зато, что я так жила?

– Конечно, нет. Ты стала жертвой негодяев.

– Мама не могла работать. Она заболела. Надо было кормить ее, покупать лекарства. Я не смогла найти работу. Меня взяли только в пивной бар, буфетчицей. Мама убила бы меня, если бы узнала, где и кем работаю. Я сказала, что устроилась уборщицей.

Она облизнула губы и натянула на себя край простыни, который Кэш откинул, чтобы осмотреть ее.

– Первый мужчина дал мне пятьдесят долларов, поэтому я согласилась. А потом я очень плакала. Из-за Джимми Дона. Я знала, что он возненавидит меня, когда узнает. Я поклялась, что больше не стану.

– Я знаю, знаю. Ты вовсе не должна никому об этом рассказывать.

– Но те пятьдесят долларов быстро кончились. Нужно было на что-то жить. – Ее плечи затряслись от беззвучных рыданий. – Я встретила с другим мужчиной. А потом еще... Джигер знакомил меня с ними.

– Гейла, ты не на исповеди, успокойся, никто не заставляет тебя вспоминать это, – прервал Кэш. Подсунув руки ей под плечи, он слегка покачивал ее, словно ребенка. Затем обратился к Шейле:

– Мне надо осмотреть ее. Принеси ей попить. Чаю или

чего-нибудь еще.

Кэш снова накрыл спящую Гейлу простыней. Шейла вопросительно взглянула на него.

– Опасности для жизни нет. Хотя один Бог знает, как ей удалось так легко отделаться.

Он взъерошил свои и без того взлохмаченные волосы.

– Я не хочу вдаваться в подробности, но можешь мне поверить, она чудом не умерла от потери крови. Пусть полежит несколько дней. Все будет нормально.

– А что с лицом?

– Кости целы. Когда опухоль и синяки пройдут, она будет такая же хорошенькая, как и прежде. Все заживет бесследно.

– После того, что ей пришлось пережить? Я сомневаюсь, что она когда-нибудь станет совсем здоровой. – Шейла указала на поднос. – Я принесла чаю.

Кэш снова открыл свой саквояж и вынул небольшой флакон. Отвинтив пробку, капнул несколько капель в чай.

– Это что? – спросила Шейла.

– Снотворное. Это древний рецепт, передаваемый из поколения в поколение акадских знахарей. Гейла проспит после него несколько часов.

Он подложил под голову Гейлы ладонь, приподнял подушки и поднес к жирным от мази губам чашку из китайского фарфора.

– Гейла, выпей это. Ты будешь чувствовать себя так, словно летишь в нирвану.

Гейла глотнула крепкий, приправленный чудесным сладобъем чай. Затем взглянула на Шейлу:

– Почему вы все это делаете для меня?

– Дурацкий вопрос, Гейла. Я любила твою маму. И люблю тебя.

– Я не достойна ничьей любви, – убежденно сказала девушка. – Даже господней.

Кэш поставил пустую чашку на полочку.

– Знаешь, Гейла, я уверен, что бог никогда не бьет человека так больно, как это делают люди.

Гейлу, видимо, успокоила эта мысль, хотя и далекая от привычной религиозной морали. Ее глаза закрылись, а через мгновение все тело обмякло.

– Уснула, – вставая, сказал Кэш. Шейла внимательно посмотрела на него, впервые заметив, какой у него усталый вид.

– Кэш, я не знаю, как благодарить тебя.

– Брось. Я делал это вовсе не ради тебя.

– Да, но...

Внезапный стук в дверь прервал ее. Шейла молчала, не зная, как быть. Кэш почувал неладное.

– Кто там? – спросил он.

– Помощник шерифа Уолкер.

Кэш невнятно пробормотал ругательство.

– Секунду! – крикнул он.

Он поймал Шейлу за шею и привлек к себе, звучно поцеловал, облизав ее губы, так что они стали красными, влаж-

ными и блестящими. Потерся щетинистым подбородком о ее шею, расстегнул две верхние пуговицы ее блузки и, засунув руку ей за пазуху, спустил с плеча бретельку лифчика.

– Делай вид, что мы лежали в постели, – прошептал он.

– Какого дьявола тебе здесь надо, Уолкер?! Что за дела, черт тебя побери?!

Помощник шерифа Уолкер отскочил в сторону, кляня свою собачью должность, когда Кэш в раздражении толчком открыл дверь.

Шериф Пэтаут устроил бы ему разгон, если бы он не отреагировал на вызов из Бель-Тэр. Но, черт возьми, у него совершенно нет желания связываться с Будро. Тем более что тот, видимо, порядочно зол. От него вообще лучше держаться подальше в любой день недели. А уж если попадешься в понедельник, рискуешь получить нож между ребер. Но все-таки его должность требует разобрать поступившую жалобу.

Кэш оперся о притолоку, загораживая узкий проход. Помощник шерифа оглядел его, стараясь сохранять твердый, официальный тон, а это не так просто для человека, который бреется еще не каждый день.

– Привет, Кэш. Мисс Шейла. – Он дотронулся рукой до шляпы в знак приветствия, заметив ее за спиной Будро. Она ошеломленно смотрела на него, и яркий румянец горел на ее щеках. Дьявол Будро! Его способность раздвигать самые неприступные женские ножки стала притчей во языцех. –

Ко мне поступила жалоба, что имеет место насильственное вторжение в частный дом. Так ли это?

– Вторжение? – Кэш выпучил глаза и выругался. – Что он несет, этот олух? Может, это про Гейлу? У нее небольшая неприятность. Споткнулась и упала. Поцарапалась. Ерунда, я пострадал гораздо больше.

– Каким образом? Что здесь происходит, Кэш?

– Ну... – размеренно произнес Кэш и оглянулся на Шейлу. – Так вам все и расскажи.

Помощник шерифа откашлялся и с важностью сказал:

– Именно так. Расскажи все как есть. Взглянув на него с высоты своего роста, Кэш снова со злостью выругался.

– Хорошо. У нас с Шейлой был небольшой пикник в лесу.

Он кивнул, указывая подбородком на полбутылки шампанского, стоящей на столике за его спиной.

– Не успел я запустить зубы в жареного цыпленка... Ты понимаешь, о чем я говорю?

Уолкер с трудом проглотил слюну и кивнул.

– Так вот, я как раз за него принялся, когда с холма свалилась одна из девочек Джигера. Уолкер хихикнул.

– Ну вот. Я понятия не имел ни о чем таком. Я хотел продолжать наш пикник. – Он нахмурился. – Я забыл, что Шейла была в детстве знакома с Гейлой. Она испугалась за ее здоровье и попросила меня помочь перевезти Гейлу сюда. Я так и сделал. Она спит, но если ты хочешь взглянуть... – Он отошел в сторону и махнул рукой, приглашая войти.

Помощник шерифа взглянул на постель, где действительно спала мирным сном девчонка Джигера. Он взглянул на Шейлу и покраснел до мочек ушей. Она выглядела так, словно была главным лакомством на пикнике Кэша Будро. Ее одежда и волосы были в беспорядке. Глаза были смущенные и виноватые оттого, что ее застали в компании Будро. Переминаясь с ноги на ногу, подняв руки к расстегнутому вороту блузки, она нервно теребила пуговицы, тщетно пытаясь застегнуть их. Глазу открывалась волнующая ложбинка.

Ему хотелось рассмотреть поближе, но этот черт Будро, как видно, был здорово недоволен, что кто-то глазеет на его очередную пассию. К таким вещам он очень чувствителен.

– Все в порядке, Кэш. Нет нужды заходить. – Уолкер направился было к лестнице, но остановился. – Только... мистер Хоуэл сказал, что это касается Джигера Флина.

– Джигера? Ты видела где-нибудь поблизости Джигера, Шейла? – спросил он, полуобернувшись.

– Нет. – Она смущенно пригладила ладонью растрепанные волосы. – Я его не видела. Кэш пожал плечами:

– Все, что мы видели, это Гейла, скатившаяся с холма, словно бочонок.

– Что она делала в лесу одна?

– Я что, должен и это знать?

– Ну...

– Ну, а если это все, завязывай с этим делом. У нас много других, более интересных занятий. – Он нагнулся к Уолкеру

и прошептал:

– Будь человеком, Уолкер! Мне сегодня все мешают. Я уже начинаю бояться, что день так и пройдет впустую.

Уолкер хохотнул и ткнул Кэша в ребро.

– Понимаю, старик.

– Тогда уйди отсюда. Нарочито громко Уолкер сказал:

– Я вижу, мне нет необходимости вмешиваться в ваши дела. Прошу прощения за беспокойство. Он по-свойски подмигнул Кэшу.

– Мисс Шейла, мэ, – притронувшись к шляпе, он направился к лестнице.

Внезапно Шейла воскликнула, удивив его:

– Позвольте, я провожу вас, мистер Уолкер.

Она пошла рядом с ним вниз по ступеням. Уолкер подумал, что это и есть истинный аристократизм. Леди остается леди, даже если ее застанут без панталон. Он с интересом осматривался, идя рядом с ней. Кажется, сегодня он неплохо справился со своими обязанностями. С Будро они расстались в самых дружеских отношениях. К тому же удалось побывать в таинственном замке Бель-Тэр. Надо все хорошо разглядеть – жена будет приставать с вопросами. Как выглядит то, да с какой стороны это? Черт! Он забыл, какого цвета комната мисс Шейлы Крэндол! А, ладно, что-нибудь придумает. Все равно жена никогда не узнает, как там на самом деле.

Когда они проходили через гостиную, возникла некоторая напряженность – Кен и Трисия вопросительно смотрели на них, расположившись под аркой.

– Ну как? – спросил Кен, выходя в холл.

– Мы с Кэшем все объяснили помощнику шерифа Уолкеру. Он согласился, что Гейлу лучше оставить здесь, – вежливо объяснила Шейла, открывая дверь для Уолкера. – Спасибо, что провели.

Дверь захлопнулась за Уолкером раньше, чем он сообразил, что же все-таки произошло. Шейла подошла к Хоуэлам. У обоих был такой вид, словно они готовы как следует отдубасить ее. Но она не успела что-либо сказать, ее внимание привлек Кэш. Он быстро спустился, изредка касаясь рукою перил. Лица Хоуэлов выразили единодушную ненависть, которая разгоралась по мере его приближения.

– Я не потерплю, чтобы эта черная потаскушка спала под крышей моего дома, – начала Трисия.

– У тебя нет иного выхода, – спокойно ответила Шейла. – Гейла будет находиться здесь столько, сколько захочет. Когда у меня будет возможность обсудить этот вопрос с Коттоном, он одобрит мое решение, в этом я не сомневаюсь!

Чувствуя, как ей все это надоело, она заставила себя твердо взглянуть на каждого из них.

Кен сдался:

– А что ты думаешь делать с ним? Тоже пригласишь его ночевать у нас?

– Благодарю. Но у меня иные планы, – вежливо сказал Кэш, однако язвительная улыбка ясно говорила о его чувствах.

– Извините, – снисходительно сказала ему Трисия и двинулась вверх по лестнице, бросив на него высокомерный взгляд.

Кен направился вслед за женой. Но его последние слова были далеко не такими вежливыми:

– Ты об этом еще пожалеешь, Будро.

– Не думаю.

Через минуту звук захлопнувшейся двери их спальни разнесся по всему дому. Шейла облегченно вздохнула:

– Скоро я стану настолько непопулярна в этом доме, что все мои поступки будут приниматься в штыки.

– Тебе это важно?

– Нет, пока мне это не мешает поступать по-своему.

Она смущенно стояла перед ним, не зная, куда девать руки. Не так трудно было противостоять единому фронту Хоуэлов, как выдержать пристальный взгляд Кэша, особенно после того, что он наговорил Уолкеру. Ей казалось, что ее губы горят огнем. Она не смотрелась в зеркало, но не сомневалась, что выглядит нормально. Самое большее, можно заподозрить, что ее крепко целовали. Хотя от этого она, конечно, сильно проигрывала в глазах Трисии и Кена.

– Я не хочу быть в долгу у тебя, – искренне сказала она.

– Чем же ты отплатишь мне?

– А чего бы ты хотел?

– Ты прекрасно знаешь, чего я хочу, – прорычал он. – Но в настоящий момент один стакан виски покрывает все твои долги.

– Тогда пойдем.

Она направилась в гостиную. Он остановился на пороге комнаты со стенами, обтянутыми желтым шелком. Обернувшись, Шейла с удивлением наблюдала за ним.

– Кэш! Мы идем?

– Qui, – рассеянно ответил он и, вздохнув, прошептал:

– Для тебя, тапан.

Шейла подошла к буфету, который служил баром, достала графин бурбона и два стакана.

– Лед? Содовая?

Он не отвечал, и, обернувшись снова, она заметила напряженное внимание, с каким он осматривал каждый предмет в комнате.

– Ты впервые в Бель-Тэр, да?

– Да, – выразительно сказал он. – Красиво.

– Большая часть обстановки и отделки заменена. Союзная армия не особенно церемонилась с этим домом. Когда они уходили, то сожгли все, что не смогли унести. Из старинных вещей здесь только ковер и часы на каминной полке. Предприимчивый Лорент в свое время припрятал их.

– А это кто?

Он взглянул на масляный портрет над мраморной камин-

ной доской.

– Прабабушка Мэйси.

Кэш долго вглядывался в хрупкую, бледную женщину, изображенную на портрете.

– Недурна. Не сказать, чтобы красавица, но недурна.

– Ты всегда судишь только с одной точки зрения – секса.

Он перевел взгляд на Шейлу, на ее волосы, лицо, фигуру.

– И твой портрет будет когда-нибудь здесь висеть? А пара потомков будут обсуждать твои достоинства и недостатки?

– Сомневаюсь, что когда-нибудь будет написан мой портрет маслом. А если даже и будет, то у меня нет права вешать его здесь.

– Почему?

– Я не Лорент. Я живу в Бель-Тэр по счастливой случайности.

Он напряженно всматривался ей в лицо. Затем резко убрал руку.

– Я пошел. Гейла поправится через несколько дней. Я оставил немножко мази на столике у кровати. Будешь мазать царапины и порезы дважды в день.

– Ты думаешь, Джигер явится за ней?

– Не исключено, будь осторожна.

Он уже подошел к выходной двери, когда Шейла догнала его. Она не могла понять, почему он так внезапно прервал разговор и уходит. Сама того не сознавая, она была разочарована.

– Ты утром зайдешь в контору? Он покачал головой:

– Я сразу поеду на участок, помечу деревья. Пора за работу, ты не забыла?

– Ты знаешь, забыла. Столько всего произошло с тех пор, как мы были у Джо-младшего.

Она вышла вслед за ним на веранду, безотчетно отказываясь отпустить его.

– Кэш...

Он обернулся.

– А все, что ты наврал помощнику шерифа...

– Но это не совсем вранье, правда?

– Не понимаю, почему ты не сказал Уолкеру что-нибудь другое?

– Нужно было, чтобы он переключил все свое внимание на нас и забыл про Гейлу.

– Ты врал только по этой причине?

– Qui.

Она облизала губы. Они все еще хранили его вкус.

– Ты всегда врешь с такой легкостью? Он шагнул во мрак и растворился в нем.

– Всегда, – раздалось из темноты.

Глава 32

– Ты, видимо, ждешь, что я начну бегать по ее поручениям.

– Наоборот, Трисия. Я бы хотела, чтобы ты забыла про нее.

– Отлично. Именно так я и собираюсь поступить. Сестры разговаривали в холле. Шейла уже оделась и готовилась к отъезду на работу. Она только что поговорила по телефону с Коттоном, пообещала заехать ближе к вечеру с полным отчетом о визите к Эндикоту.

– Гейла только попила чаю и снова уснула, – сказала Шейла. – Я думаю, она проспит почти весь день. Я оставила ей записку с моим телефоном, если ей что-нибудь понадобится.

– Сегодня утром миссис Грейвс ушла.

– Очень рада. Хоть одной проблемой меньше.

– Не жди, что я стану заниматься хозяйством. Этот дом скорее сгниет и рухнет, чем я стану следить за ним.

– Я сегодня же поищу другую домоправительницу.

– А я тем временем должна умереть от грязи и голода?

– А ты тем временем позаботься о себе сама, – потеряв терпение, отрезала Шейла. Трисия сузила глаза.

– Я не позволю отдавать мне приказания, как ты поступаешь здесь со всеми, не исключая моего мужа. Прекрати это раз и навсегда! Шейла! Слышишь, что я тебе говорю?!

– Ради Бога, Трисия, сбавь на полтона. Думаю, что не только здесь, но и в соседнем округе тебя слышат.

– Я имею полное право кричать. Ты привела в мой дом ублюдка, белую шваль и черномазую шлюху.

Шейла шагнула к ней, вскинув руку для удара. Может быть, Трисия получила бы пощечину, если бы не зазвонил телефон. Шейла отвлеклась от сестры и подняла трубку.

– Просят Кена.

Положив трубку на столик, она взяла сумочку и, чтобы не поддаваться искушению придушить сестру, поспешно вышла.

Кен поднял трубку у себя в спальне.

– Алло?

– Привет, Кении!

Пот градом покатился по его лицу.

– Трисия, я взял трубку.

Он помолчал, чтобы убедиться, что жена положила трубку на аппарат в холле, и только после этого ответил:

– Какого дьявола ты звонишь сюда? Я, по-моему, просил не звонить мне домой.

– Ты, дерьмо! Если бы твои слова хоть чего-нибудь стоили, я бы уже получил мои деньги, ведь так? Меня блевать тянет, когда меня обманывают.

– Я просил немного подождать. Кен плюхнулся на неприбранную постель, потирая заломивший лоб.

– И я, как идиот, согласился. А где теперь мои деньги? Их

нет.

– Я отдам.

– Завтра.

– Но...

– Завтра!

В трубке раздались гудки. Прежде чем опустить ее, Кен долго слушал прерывистые звуки, пребывая в полной прострации.

– Можно?

Прижимая трубку щекой к плечу, Шейла кивнула Кену, чтобы он входил и располагался. Он прикрыл за собой дверь конторы, которая была недавно выкрашена снаружи. Но он этого, видимо, не заметил.

– Это будет прекрасно, миссис Дан, – сказала в трубку Шейла и улыбнулась Кену. – Да, это просто судьба. И я буду спокойна за завтрашний день... Тогда сегодня после обеда, хорошо? Да-да, до свидания. Она повесила трубку и радостно заговорила:

– Такая удача! Миссис Дан была поваром в школьной столовой, и у нее хорошие рекомендации. Несколько лет назад ей пришлось оставить работу из-за болезни мужа. Когда он умер, она подала заявку в агентство в Новом Орлеане, которое учитывает желающих найти работу по ведению домашнего хозяйства. Я позвонила туда, и мне дали ее телефон. Удивительное совпадение, правда? Ей даже не надо менять

место жительства. А мне можно больше об этом не думать. Она даже согласилась ухаживать за папой. – Шейла замолчала, улыбаясь во весь рот. – Ну, что ты об этом думаешь?

– Не будет ли ее стряпня иметь привкус школьной столовой?

– Хуже, чем готовила миссис Грейвс, ничего быть не может. – Шейла передернула плечами. – Где только Трисия нашла такую мумию?

– Откуда я знаю? Это ее забота, – ответил он, устраиваясь поудобнее.

– Почему ты не вмешался, когда она выгнала Веду, Кен?

– Это тоже не моя забота, – сразу окрысился он. – В отличие от тебя, мое детство прошло не у нее на коленях. Для меня она была просто кухарка, каких тысячи.

– А для меня она была членом семьи, – с болью произнесла Шейла. И чтобы отвлечься от тяжелых воспоминаний, она спросила:

– А ты зачем пришел?

Она только теперь заметила, что он избегает ее взгляда и нервничает, словно школьник перед экзаменом.

– На самом деле я пришел сюда по личному делу. Шейла вздохнула и встала с кресла:

– Если насчет Гейлы, то свое слово я уже сказала.

– Нет, я хотел поговорить совсем о другом. Она присела на край стола, скрестив ноги.

– Тогда о чем?

– О деньгах. – Он наконец отважился взглянуть ей в лицо. – Мне нужны деньги.

– По-моему, сейчас это наша общая нужда, – слегка улыбнулась она.

Он тоже попытался улыбнуться, но как-то неопределенно и мимолетно.

– Я имею в виду – сейчас, немедленно. Его лицо стало очень серьезным, не оставляющим повода для шуток. Шейла спросила в тон ему:

– Сколько, Кен?

Он приподнялся на стуле и прочистил горло:

– Десять кусков.

– Десять тысяч долларов? – Она даже не пыталась скрыть свой ужас. – Кругленькая сумма.

И снова его улыбка увяла, не успев появиться.

– Не подумай чего-нибудь дурного, но это страшно важно, Шейла! Иначе я не ползал бы тут, выклянчивая подачку, как нищий. Поверь, тебе лучше не знать, для чего мне нужны деньги. Притом я же прошу займы. Я обещаю вернуть.

– Мне ни к чему твои обещания и объяснения. Раз тебе нужны деньги, значит, они тебе нужны.

– Так ты дашь мне займы?

– Я бы рада, но не могу.

– Не можешь?

– У меня их нет.

– У тебя... нет?

Он повторял каждую ее фразу бесцветным голосом, и это безмерно раздражало. Но она старалась не терять выдержки.

– Я буду едва сводить концы с концами, прежде чем получу мой следующий чек.

В каком-то оцепенении Кен провел рукой по волосам.

– Какой еще следующий чек?

– Деньги, полученные мной от мамы, я передала доверенному лицу. Первого числа каждого месяца мой лондонский адвокат перечисляет мне проценты. Я ни разу не трогала основной капитал и сделаю это только в случае крайней необходимости.

– То есть ты не можешь пользоваться своими деньгами, даже если захочешь?

– Я могу, но, если я возьму крупную сумму, мне придется платить штраф и потом возместить ее. Кроме того, если «Крэндол Логинг» не выберется из прорыва и не сможет выплатить заем, мне придется взять часть наследства в качестве залога для нового кредита. Поэтому я не хочу сейчас трогать капитал.

Кен начал бесцельно ходить из угла в угол. Он выглядел как человек, зашедший в тупик. Шейла с сочувствием следила за ним.

– Я думаю, ты можешь оформить себе ссуду в банке.

– Мой босс не хочет давать мне под залог моего наследства, потому что я не имею права трогать его, пока мне не исполнится сорок лет. А больше мне нечего представить в

залог.

– А Трисия? Он махнул рукой.

– Она потратила деньги матери несколько лет назад, с тех пор перебивается тем, что выпросит у Коттона или у меня из моей жалкой зарплаты.

– Когда дело снова встанет на твердые рельсы, я позабочусь о том, чтобы ты получил достойное повышение.

– Тогда это не будет иметь для меня никакого значения, Шейла! – закричал он.

Но, заметив ошеломленное выражение ее лица, подошел к ней и сжал ее плечи.

– Прости меня. Я не хотел кричать на тебя.

– Кен, ты меня пугаешь. Неужели у тебя такое отчаянное положение?

Ее сочувствие насторожило его. Он не хотел, чтобы она узнала слишком много. Заставив себя улыбнуться, он сказал:

– Ну не настолько отчаянное, чтобы еще и ты начинала волноваться. – Он провел пальцем по ее лбу, разглаживая морщину беспокойства. – Как-нибудь обойдется. Что-нибудь придумаю.

Его палец не остановился, спускаясь все ниже, глядя щеку, канавку под нижней губой, округлый подбородок.

– Ты такая красивая. И такая сильная. – Из его груди вырвался вздох обожания. – Господи, Шейла, если бы ты только знала, какое очарование от тебя исходит. По-моему, даже воздух потрескивает, когда тыходишь в комнату.

Шейла отвернулась.

– Не надо, Кен. Я уже много раз просила, чтобы ты не дотрагивался до меня.

– Ты знаешь, что я все еще хочу тебя. И я знаю, что ты все еще хочешь меня.

Шагнув к ней, он сильно обнял ее. Она попыталась оттолкнуть его, но он только крепче сжал руки.

– Нет, Кен.

– Почему нет, Шейла? Мы совсем одни.

– Не совсем.

Насмешливый посторонний голос заставил их мгновенно разойтись в разные стороны.

Прислонясь к дверному косяку, на пороге стоял Кэш Будро.

– Мне жаль нарушать столь нежную сцену, но мне необходимо поговорить с тобой, мисс Шейла.

Стараясь выглядеть спокойной, хотя и сомневаясь, что ей это удастся, она сказала:

– Заходи, Кэш. Кен как раз собирался уходить. У Кена отвисла челюсть:

– Ты отсылаешь меня, чтобы поговорить с ним? Она решила, что потом извинится перед Кеном.

– У меня с Кэшем деловой разговор. А наши с тобой проблемы вполне можно решить в другое время. Его взгляд загорелся бешеной ненавистью.

– Конечно, можно, – коротко сказал он и, выходя, задел Кэша плечом.

Кэш подождал, пока автомобиль Кена не скрылся за мостом и пыль не улеглась. Затем повернулся к Шейле:

– Так это и есть та работа, за которую он в последнее время получает жалованье, – поддерживает гормональное равновесие хозяйки?

– То, чем мы с Кеном занимались здесь, останется между ним и мной.

– Осталось бы, кабы не было так очевидно.

– Но это совершенно не касается мистера Будро. Атмосфера в комнате стала взрывоопасной. Казалось, стоит зажечь спичку – и старый сарай взлетит в воздух. Кэш попросту сдирал с нее кожу своим взглядом. Она отвечала ему тем же. Шейла скорее бы согласилась быть проклятой навеки, чем унизиться до оправданий. Пусть думает, что хочет.

– Не могу понять тебя, леди, – наконец произнес он. – Не знаю, зачем тебе это нужно.

– Но чего именно ты не понимаешь?

– Ты заботишься о женщине с таким прошлым, как Гейла, в то время как другие аристократические леди не удостоили бы ее и плевка, будь она хоть в огне. И в то же время у тебя хватает совести путаться с мужем твоей сестры.

Шейла едва удержалась, чтобы не кинуться на него и не разодрать ногтями его физиономию. Но она понимала, что именно этого он сейчас добивается. Он хочет опустить ее до

своего уровня. Но она никогда не позволит себе этого. Если бы он не был так нужен ей для спасения «Крэндол Логинг», она бы сию секунду вышвырнула его вон. К несчастью, он ей необходим. Если ей предстоит терпеть оскорбления ради Бель-Тэр, она готова их вытерпеть.

– Ты слишком много берешь на себя, – высокомерно сказала она. – Если ты явился сюда по делу, говори о деле. Если нет, нам нечего обсуждать.

Его глаза не изменили выражения, так же как не исчезла язвительная ухмылка. Но он вытащил руки из карманов и спросил:

– Как Гейла?

– Она хорошо спала всю ночь. Утром попила чаю. Помылась. И снова легла спать.

– Кровотечение остановилось?

– Да.

– Хорошо. Если ей станет хуже, скажи мне.

– Непременно.

Он подошел к ней почти вплотную. От него пахло так же, как в лесу на рассвете. Она прижалась ягодицами к краю стола. Ей вдруг захотелось, чтобы он опрокинул ее на стол, и эта мысль рассердила ее.

– Это все?

– Нет.

– Что еще? – У нее вдруг замерло сердце при мысли, что он, может быть, поцелует ее.

– Хочешь моего совета? Бросай все это дело к чертям собачьим и возвращайся назад в Англию.

А тем временем в доме Гилбертов происходил следующий разговор.

– Она заключила контракт с бумажной фабрикой Эндикота.

Дейл Гилберт прошипел ругательство.

– На какую сумму?

– Прежде всего я хочу знать, остается ли наш договор в силе?

– Я уже говорил, – ответил банкир, – я получаю дом. Остальная часть Бель-Тэр остается на ваше усмотрение.

– То есть банк получает дом? Он махнул рукой:

– Ну, это все равно что я.

– Как это?

– Здание будет продаваться с аукциона. Начальная цена будет объявлена конфиденциально.

– А вы будете распорядителем?

– Совершенно верно. – Он ухмыльнулся зловещей улыбкой.

– И вы, безусловно, позаботитесь о том, чтобы ваша цена оказалась самой высокой?

Дейл кивнул.

– А если цены будут контролироваться?

– Я их подделаю.

– Даже в этом случае придется выложить весьма значительную сумму за дом. У вас есть деньги?

– Приобретение Бель-Тэр всегда было одним из моих сокровенных желаний. У меня найдется даже больше, чем нужно.

– Вы очень умны, мистер Гилберт, да?

– Очень, – не без самодовольства подтвердил Дейл.

Гилберт оценивающе взглянул на сообщницу. Причины, побудившие его предпринять все это, вполне объяснимы. Он стремился захватить Бель-Тэр, потому что вместе с домом сразу обретал власть и положение в обществе. А чего добивается она? Знает ли она, чего хочет, или все это сплошные эмоции и воспоминания о прошлом? Его, конечно, это не касается. Но любопытства ради – должны же быть какие-то причины? Неужели никаких? Обыкновенная зависть? Впрочем, какая ему разница! Ведь благодаря этому она способствует падению Крэндалов и переходу Бель-Тэр в его руки.

– На какую сумму контракт с Эндикотом? – повторил он.

– Достаточно большую, чтобы вернуть банку долг, и даже больше.

– Дьявол!

– Но там есть одна ловушка. Прежде чем Эндикот выплатит хоть один цент, «Крэндол Логинг» обязан поставить ему весь заказ полностью.

– Откуда вы знаете?

– Знаю.

Дейл внимательно взгляделся в ее лицо и пришел к выводу, что это не догадка, а факт. Он облегченно вздохнул.

– Значит, единственное, о чем следует заботиться, – чтобы последняя партия не попала к Эндикоту.

– Совершенно верно. Они отправляют поезда каждый или почти каждый день. И пускай себе. Нужно только остановить последний.

– Когда они предполагают его подготовить? – спросил Дейл.

– Заказ огромный. Она едва надеется успеть к последнему дню. А это значит – сверхурочная работа, да еще при условии хорошей погоды. Вряд ли ей это удастся.

– А чтобы ей это точно не удалось, вы будете держать меня в курсе, да?

– Она в последнее время не доверяет мне. Но я сделаю все, что в моих силах.

Гилберт улыбался, предвкушая победу, ждать которой осталось всего несколько недель.

– Я снова поговорю с Джигером. Когда я предложил ему принять участие, он согласился.

– Да, пусть узнает еще вот что. Гейла Френсис находится в Бель-Тэр и спит в постели Шейлы.

– Вот это да! Флин будет рад такому известию.

– Вряд ли он будет рад.

– А что случилось с девушкой?

– Что же вы побледнели? Вы ведь не были постоянным

клиентом, насколько я знаю?

– Что случилось с девушкой? – В его голосе послышалась нарастающая тревога.

– Джигер избил ее. Она убежала от него. Шейла приютила ее. Таким образом, у него к ней двойной счет, и, значит, он вдвойне будет готов помогать нам.

– А если что-нибудь сорвется или его поймают...

– Значит, все обвинение можно будет повесить на него.

– Не думаю, что он на это согласится. Он выдаст нас.

– А мы скажем, что это ложь. И это тоже будет свидетельствовать против него. Никто же не станет принимать за чистую монету показания какого-то Джигера. Гилберт снова улыбнулся:

– В общем, держите меня в курсе.

– Не сомневайтесь ни секунды. Как бы Шейла Крэндол ни лезла вон из кожи, ее дело обречено.

Глава 33

– Вот черт!

Это емкое восклицание Шейла выразила по поводу банковских выкладок, которые уже в течение часа не могла сбалансировать. Либо у нее с головой не в порядке, либо калькулятор врет, но так или иначе несколько тысяч долларов бесследно исчезли со счета «Крэндол Логинг».

Видимо, без помощи Кена ей не обойтись. Он хорошо разбирается в бухгалтерии. В его обязанности входило следить за потерями. Она пододвинула к себе телефон, но не успела взять трубку, как он зазвонил.

– Алло?

– Шейла? Это Джеф Коллинз. Со времени операции Коттона они с доктором Коллинзом перешли на обращение просто по имени.

– Надеюсь, все в порядке? – встревожилась Шейла.

– Почему люди всегда пугаются, если им звонит врач?

Она засмеялась:

– Прошу прощения. У вас, видимо, хорошие новости?

– Думаю, вам понравятся. Завтра можете забирать своего отца домой.

– Неужели! – воскликнула она. – Слава Богу!

– Прежде чем радоваться, поговорите с нашими медсестрами, – усмехнулся доктор. – Как бы вам через неделю не

раскаяться и не отправить его обратно. Мы, конечно, не откажемся, но он поистине невыносим.

– Капризный старый ворчун, да?

– Самый капризный из всех, кого я знал.

– Я просто не дождусь, когда он вернется.

– Если хотите, можете подъехать сегодня после обеда. Я подготовлю вам документы на подпись. Таким образом, вам не придется возиться с этим завтра утром, когда мы будем выписывать других пациентов.

– Спасибо за предложение, Джеф. Я обязательно подъеду.

– Мы еще не говорили ему. Будет лучше, если вы сами принесете добрую весть.

– Спасибо еще раз, Джеф. До встречи. С гримасой отворачивания она бросила все погашенные чеки обратно в папку, вместе со своими подсчетами. Проклятие, которым она недавно удостоила свою работу, осталось неснятым, но сейчас это уже не занимало ее. Ведь Коттон Крэндол возвращается домой.

– Я думаю приспособить под твою спальню кабинет на первом этаже. Может быть, мы не успеем закончить сегодня, но по крайней мере постель для тебя будет готова и ты сможешь любоваться видом на заднюю лужайку Бель-Тэр.

– Я хочу остаться в моей прежней спальне. Коттон разговаривал ворчливо, но Шейла знала, что он очень рад вернуться домой. Она старалась скрыть свою снисходительную

улыбку.

– Доктор Коллинз сказал, что тебе нельзя карабкаться по лестнице.

Он обвиняюще затряс перед ее лицом указательным пальцем:

– Я не потерплю, чтобы из меня делали младенца. Ни ты, ни кто-либо еще. Хватит с меня больницы. Я не инвалид.

Вот именно – инвалид. И он сам знал это. Но Шейла понимала, как следует относиться к его словам.

– Какой еще инвалид?! Тебе придется изо всех сил работать вместе со мной, только сначала отлежись после больницы. Мне тебя баловать некогда.

– У тебя, как я слышал, и без меня помощники нашлись, даже чересчур усердные.

Он хитро поглядел ей в лицо из-под кустистых седых бровей.

Шейла постаралась сохранить на лице улыбку. О ком он говорит? О Кэше? Неужели Трисия все-таки проболталась, несмотря на их разговор?

– Дочь Веды, – проворчал он. – Как я слышал, она теперь квартирует в Бель-Тэр. Шейла облегченно вздохнула.

– Да, она живет у меня, по моему приглашению. Я считаю, что наша семья до некоторой степени ответственна за ее несчастье.

– Я слышал, она шлюха из последних.

– Не сомневаюсь, что именно так тебе и рассказали, –

сказала Шейла, думая о злом языке Трисии. – Но у нее есть смягчающие обстоятельства. Джигер Флин несколько лет распорядился ею как рабыней. А в последний раз едва не убил. К счастью, ей удалось бежать. Пока она не оправится, я хочу, чтобы она пожила у нас.

– Удивительное благородство!

Она сделала вид, что не заметила сарказма:

– Спасибо.

Нельзя сказать, что Шейлой руководило только чувство долга перед семьей Веды. Главным оказалось то, что она очень нуждалась в дружбе. В последнее время список ее друзей изрядно поуменьшился.

Кен стал избегать ее, после того как Шейла попросила оставить ее наедине с Кэшем. Это явно уязвило его гордость. Мало того, что перед этим он просил денег и любви, получив двойной отказ, так она еще усугубила оскорбление.

Кэш перестал приходить к ней в контору по утрам, чтобы выпить по чашке кофе. А если он возвращался вечером до того, как она уходила домой, то не заходил к ней в контору, а находил себе работу во дворе, занимаясь переучетом заготовленной древесины. Если ему случалось улыбнуться, создавалось впечатление, что на каменном лице его появлялась трещина. Карие глаза всегда смотрели мимо нее. Он был таким же отчужденным и готовым на грубость, как и в первые их встречи. Но вся эта враждебность где-то подспудно питалась неутоленным желанием. Она знала это, чувствува-

ла всем телом, потому что мучилась теми же ощущениями.

Шейла ненавидела себя за то, что так отчаянно страдает по этому мужчине. Ей легче было видеть его раздраженным и язвительным, чем не видеть совсем. А воспоминания о том дождливом дне в его доме терзали ее постоянной неудовлетворенностью.

Некоторое утешение давали ей тихие беседы с Гейлой. Она рассказывала подруге о Марке, о своей жизни в Лондоне. В свою очередь Гейла, едва удерживаясь от слез, поведала ей о своей страшной жизни у Джигера Флина. Шейла хотела возбудить против него уголовное дело, но девушка и слышать об этом не желала.

– Прежде чем явиться на суд, он убьет меня, Шейла. Даже если будет в тюрьме, он найдет возможность. Кроме того, кто мне поверит?

Действительно, кто? Ее рассказы были на грани невероятного.

Как-то Гейла рассказала про девушку, которая забеременела от одного из своих клиентов:

– Он не был для нее таким же, как все. Она полюбила его и хотела ребенка. Но Джигер на этом терял очень много денег. Поэтому, когда он узнал о беременности, он бил ее кулаками в живот, пока не произошел выкидыш...

День ото дня Гейле становилось лучше. Сказывалось действие и мази Кэша, и обильной стряпни миссис Дан. Ссадины и порезы почти пропали. Кровотечение прекратилось.

Опухоль спала, и лицо стало столь же прекрасным, как и прежде, но душа болела по-прежнему. Девушка вскакивала от любого внезапного звука. Шейла поняла, что потребуются многие месяцы, прежде чем Гейла освободится от своих страхов и выздоровеет душой после тех адских мук, которые ей пришлось пережить.

Между тем она оказалась болезненно гордой.

– Я же не могу жить у тебя бесконечно, Шейла, – повторяла она по всякому поводу. Но Шейла не уступала:

– Ты очень нужна мне, Гейла. У меня совсем нет друзей.

– Но я же никогда в жизни не смогу отплатить тебе за все.

– Ты ровным счетом ничего мне не должна. – Подумав минуту, она добавила:

– Я бы попросила тебя помогать мне по дому и на кухне, но у меня сейчас нет возможности платить тебе жалованье.

– Я? Помогать? Но ведь ты наняла миссис Дан.

– Для тебя тоже найдется дело.

– Какое? – недоверчиво спросила девушка.

– Например, нужно составить каталог книг в библиотеке.

Там годами никто не разбирался. Вот и займись этим.

Гейла прекрасно понимала, что за дело нашла ей Шейла. Ясно, что оно просто надумано и совсем не является чем-то необходимым.

– Хорошо. Я перепишу все книги. Многие комнатные растения тоже нуждаются в уходе, – добавила она, все так же гордо держа подбородок. – Мама просто упала бы в обморок,

если бы увидела, в каком они запущенном состоянии. Кстати, кое-что неплохо бы починить. Я заметила, что постельное белье кое-где порвалось.

Гейла уже давно перебралась из спальни Шейлы в маленькую комнатку возле кухни. Обедать за одним столом с семьей, как настаивала Шейла, она наотрез отказалась и упрямо села за стол с миссис Дан в кухне. Благодаря открытой, доброй натуре кухарки между ними быстро завязались теплые отношения.

– Гейла отлично прижилась в нашем доме, – говорила Шейла отцу. – Я просто не знаю, как бы я обходилась без нее. Я думаю, ты обрадуешься, когда увидишь, как уютно стало в Бель-Тэр. Он нахмурился:

– Если мне что не понравится, я молчать не стану.

– Уж не сомневаюсь. – Она присела на край его постели. – Я приеду за тобой завтра утром. Не слишком рано, чтобы ты успел здесь позавтракать, помыться, побриться. А около десяти я приеду, хорошо?

Нагнувшись, она поцеловала его на прощание. Он поймал ее руку:

– Я горжусь этим контрактом с Эндикотом. Ты отлично справились с делом, Шейла.

Она не сказала ему, почему Эндикот перестал доверять им. Она хотела сначала выяснить сама, чтобы не заставлять его раздумывать над этим.

– Спасибо, папочка. Я рада, что ты доволен. И впервые за

все время после возвращения из Лондона ее шаг был упругим и легким, когда она шла через приемный покой к выходу. Она уже почти подошла к блестящим стеклянным дверям, когда они открылись, пропустив высокого мужчину. Взглянув в его лицо, она остолбенела.

– Марк!

Кэш зажег последнюю сигарету. Вдыхая едкий дым, он неотрывно смотрел на блестящий стеклянный вход больницы святого Джона, каждую минуту ожидая, что распахнется дверь и выйдет кто-нибудь с похоронным венком, обвитым черным крепом. Уже более получаса он сидел в луже собственного пота в кабине пикапа, куря и стараясь набраться храбрости, чтобы перейти через дорогу и спросить в больнице, умер или нет Кот-тон Крэндол.

Он боялся это узнать. Хотя почти не сомневался, что именно по этой причине Шейла так рано ушла из конторы. Она никогда не делала этого, только крайний случай мог заставить ее уехать. Конечно, ее последние сообщения о здоровье Коттона были полны оптимизма.

Ему стало лучше, но все равно он был очень слаб. Он выздоравливал, но опасность еще не миновала. Операция прошла успешно, но не все можно исправить с помощью операций.

Кэш знал, что жизнь Коттона по-прежнему висит на волоске. Любой пустяк мог нарушить равновесие. Видимо, так

и случилось.

В горле першило от бесконечного курения. Он раздраженно выбросил последнюю сигарету, которую только что зажег, в окно пикапа. Поглядев на вход, он увидел мужчину, бодро подходившего к дверям.

Мужчина был настолько не похож на местных жителей, что сразу приковывал к себе внимание. Он был также невероятен в провинциях Южной Луизианы, как эскимос на Таити. Белый пиджак и белые брюки казались чем-то невиданным. Черт возьми, еще и белые туфли! С ума можно сойти! Пижонский красный носовой платок торчал из нагрудного кармана. Волосы тоже были почти белые и такие прямые, словно их только что хорошенько отутюжили. Глаз не было видно за темными очками, но можно было не сомневаться, что они голубые, как небо.

Он взбежал по ступенькам с самоуверенностью человека, знающего, что всякий, кто встретится ему на пути, будет страшно доволен. Он был настолько безукоризнен и настолько выглядел гражданином вселенной, что определенно чувствовал себя как дома где угодно. Он был так отполирован, словно только что сошел с обложки иллюстрированного журнала.

Где-то в глубине желудка Кэш ощутил сильную тошноту, и его худшие подозрения сразу же оправдались: незнакомец столкнулся нос к носу с Шейлой, и она ахнула. Кэш услышал, как она в изумлении произнесла его имя. И в ту же се-

кунду улыбка восторга озарила ее лицо, и Шейла припала к его груди, совершенно счастливая. Они обнялись, и затем он крепко поцеловал ее в губы.

Даже с другой стороны улицы было видно, как она вся сияет, глядя на своего белокурого бога.

Что ж, хотя бы одну чертову проблему он прояснил – девица явно не была в трауре.

Кэш едва не сломал ключ зажигания, когда поворачивал его, чтобы завести мотор. А потом едва не снес дорожный знак, разворачиваясь на третьей скорости. Ему хотелось, чтобы Шейла заметила его. Хотелось, чтобы она поняла, насколько ему безразличен ее великолепный, вылощенный, насквозь фальшивый дружок.

Но, взглянув после своих виражей в зеркальце, он понял, что она его и не заметила. Она была слишком занята своим любовником.

Глава 34

– Бог мой, это же Тара!

Шейла просияла от такого сравнения:

– Нет, это еще лучше, чем Тара! Марк Хоктон, уютно расположившись на пассажирском сиденье машины, взглянул на нее:

– И ты еще лучше, чем Скарлетт.

– Ты очень любезен. Хотя я знаю, что это только комплимент. На самом деле я совершенно измотана, и это видно невооруженным глазом.

Он покачал головой:

– Ты ослепительна. Я даже забыл, что можно быть до такой степени великолепной.

Шейла, оказывается, тоже запомнила, насколько приятно получать комплименты. Она просияла от удовольствия:

– Если я хорошо выгляжу, то это только потому, что снова вижу тебя.

Они только выехали на приусадебный газон, а Шейла уже принялась сигналить в рожок. К тому времени, как машина затормозила около крыльца, миссис Дан и Гейла уже нетерпеливо ждали на веранде, не понимая, что за переполох.

– Хорошие новости! – крикнула Шейла, выпрыгнув из машины. – Марк приехал. А папу завтра выписывают из больницы.

Марк положил руку ей на талию. Не только от полноты чувства, но и с целью удержать ее рядом – она уже готова была вприпрыжку взбежать по ступеням и болтала без умолку, словно ребенок, впервые побывавший в цирке.

– Вы, видимо, и есть миссис Дан? – сказал Марк, приветствуя экономку. – И это, значит, с вами я беседовал по телефону. Вы сказали, что Шейла поехала в больницу. Там я ее и застал.

– Прибавьте к ужину еще одного цыпленка, миссис Дан. У нас сегодня гость.

– Удивительное совпадение! Я как раз поставила в печь корнуэльских кур с рисовой начинкой. И, как чувствовала, на экстренный случай приготовила одну лишнюю, – улыбнулась миссис Дан, с удовольствием рассматривая очаровательную белокурую пару.

– Прекрасно! Приготовьте, пожалуйста, комнату для нашего гостя.

– Я как раз постелила свежее белье.

– Ну что ж, тогда можете идти к экстра-курам. Мы сами донесем саквояж Марка наверх. Он всегда путешествует на легке.

Миссис Дан скрылась в доме.

– Марк, – сказала Шейла, – это моя любимая подруга Гейла Френсис. Гейла, это Марк Хоктон.

– Я очень рад познакомиться с вами, мисс Френсис. – Марк поднял к губам ее руку и поцеловал.

– Я тоже очень-очень рада, мистер Хоктон, – смущенно сказала Гейла. – Шейла много рассказывала мне о вас.

– Надеюсь, только хорошее? – шутливо спросил Марк, обезоруживающе улыбаясь.

В это время на веранде появилась Трисия.

– Что за идиотский шум? – Она осеклась, уставившись на Марка.

Глаза ее широко раскрылись от неожиданности, но тут же сузились, выражая полное одобрение столь совершенной мужской красоте.

– Привет всем, – сладко картавя, произнесла она и умильно улыбнулась.

– Здравствуйте, – приветливо отозвался Марк. Он привык к тому, что людей ошеломляла его внешность, и никогда не забывал, что выглядит очень эффектно.

Шейла представила их друг другу. Трисия жеманно приложила руку к груди и воскликнула:

– Ты бы хоть предупредила меня, Шейла!

– Я сама не ожидала. Приезд Марка – потрясающий сюрприз.

– Надеюсь, это не причинит вам особого беспокойства? – вежливо спросил Марк.

– О, нет-нет! Это просто в качестве извинения, что я не одета.

– Я нахожу вас совершенно очаровательной, миссис Хоуэл.

– Прошу вас, зовите меня Трисия.

Она с неудовольствием окинула взглядом свое платье.

– Я как раз собралась в город, у нас назначена небольшая встреча на сегодня. Я немедленно позвоню и скажу, что не приеду.

– Только, пожалуйста, не меняйте из-за меня своих планов.

– О нет, даже слышать не хочу о том, чтобы пропустить ужин в вашем обществе. Шейла столько рассказывала о вас, – на одном дыхании протараторила Трисия. – Извините, я вас оставлю на некоторое время. Дорогая, будь добра, принеси мне то платье, которое я просила приготовить. – Последнюю просьбу она адресовала Гейле, прежде чем скрыться за сетчатой дверью.

– Трисия! – недовольно вмешалась Шейла. Но Гейла положила ей руку на ладонь и сказала:

– Ничего-ничего, Шейла. Я все равно пойду наверх, чтобы посмотреть комнату для гостя. А ты побудь с мистером Хоктоном.

– Но ты же не горничная Трисии! В следующий раз, если она будет приставать с поручениями, пошли ее к черту.

– Сначала надо купить ей туда билет, – сказала Гейла, ласково улыбаясь, и ушла в дом.

– Прелестная девушка, – сказал Марк, когда дверь за Гейлой закрылась. – Эта не та самая, которую...

– Да, – кивнула Шейла.

Во время их долгих трансатлантических телефонных разговоров она рассказала ему о Гейле.

– Трудно поверить. – Он покачал головой. – Но ты поистине спасла ее.

– Мы подруги. Она бы тоже сделала это для меня. Марк провел рукой по ее волосам. Его глаза светились любовью и обожанием.

– Это, значит, твое жизненное кредо?

– Ты о чем?

– Спасать людей, которым до смерти необходима дружба? Мне вспомнился один лондонский бродяга, когда-то бежавший из Америки, который был отчаянно одинок. Ты пригрела и его.

– Память подводит тебя. Это именно то, что он сделал для меня.

Она приподнялась на цыпочки и нежно поцеловала его в губы.

– Я никогда не смогу отплатить тебе за все. Благодарю тебя за приезд. Я даже не представляла, как ты нужен мне, пока не увидела тебя сегодня воочию.

И как всегда, когда не было посторонних, улыбка ее приобрела оттенок горечи и насмешки над собой.

– До того, как вокруг нас снова станет чересчур многолюдно, покажи мне Бель-Тэр.

– С чего начнем?

– Ты говорила, у вас есть лошади?

Когда Шейла спустилась к столу в легком ситцевом платье с оборками из муслина, Трисия уже вела Марка в гостиную. Шейла сразу заметила превращение, произошедшее с сестрой. На ней было выходное платье, гораздо более нарядное, чем приличествовало случаю. Но то, что Трисия выбрала именно это платье, было неудивительно: оно как нельзя более обтягивало ее стройную фигуру и выставляло напоказ тронутую загаром грудь.

При виде Шейлы глаза Марка вспыхнули радостью. Он подошел к ней и, взяв ее руки в свои, поцеловал в щеку.

– Какая ты красивая. Этот удушающий климат действует на тебя, как теплица на орхидею. Налить тебе?

– Да, пожалуйста.

Зардевшись от удовольствия, она устроилась на своем любимом месте, а Марк, уже успев освоиться с буфетом, готовил ей джин с тоником. Его сосредоточенность не ускользнула от Трисии, чье возбуждение дошло до точки кипения с момента появления Шейлы.

Марк поднес Шейле бокал и хотел сесть рядом, но Трисия похлопала по дивану рядом с собой, и он вежливо принял ее приглашение.

В этот момент вошел Кен и окинул всех мрачным взглядом.

– Здравствуй, Кен, – приветливо сказала Шейла.

– Я звонил тебе в контору. Болван, взявший трубку, ска-

зал, что в больнице что-то произошло. Я звонил в больницу. Никто не мог мне ничего толком объяснить.

– Ничего страшного не произошло. Просто папу завтра выписывают из больницы.

Но эта новость не смогла согнать морщины с хмурого лица Кена.

– А ко мне неожиданно приехал Марк, – заторопилась Шейла. – Все произошло так внезапно, что сразу у меня просто не было возможности позвонить тебе.

Она представила его Марку. Марк встал, и рука Трисии соскользнула с его колена. Мужчины пожали друг другу руки, причем мрачное выражение лица Кена не изменилось. Шейла заранее была уверена, что Кен возненавидит Марка с первого взгляда. Видимо, так и случилось.

– Может, кому-нибудь налить еще стаканчик? – спросил он, приближаясь к буфету.

Он бросил взгляд на жену, которая полностью завладела Марком и рассказывала ему о своих победах в качестве королевы Лорентского округа.

Шейла была вне себя. Почти час она наблюдала, как Трисия гладит бедро Марка. Она терпела, сколько могла, и жеманство, и наглый флирт, и отвратительные сахарные воспоминания, пока не почувствовала, что дошла до предела.

Чего она добивается? Чтобы Шейла ревновала? Или это делается назло Кену? А может, просто Трисия так развлекается? Она узурпировала право на Марка, а тот слишком веж-

лив, чтобы выразить неудовольствие. Так или иначе, все это гадко до тошноты.

– Обед готов, мисс Крэндол, – провозгласила миссис Дан, появившись под аркой.

– Благодарю вас. – Шейла была настолько рассержена, что с трудом говорила. – Мы идем.

Трисия бросила на кухарку ненавидящий взгляд за то, что та обратилась со своим приглашением к Шейле, а не к ней. Затем захватила в свою собственность локоть Марка и встала вместе с ним, исподволь прижимаясь к нему грудью.

– Марк, вы проводите меня в столовую? Кен, пригласи Шейлу.

Кен торопливо проглотил крепкий двойной бурбон и понес с собой кувшин. Другой рукой он взял локоть Шейлы, и все четверо вышли в холл и направились в столовую. Марк отодвинул стул для Трисии. Усевшись, она призывно улыбнулась через плечо.

– Сядьте со мной рядом, Марк. Кен и Шейла сядут напротив. Папа всегда сидел во главе стола. Было бы отлично, если бы он мог быть сейчас с нами, правда?

Обстановка понемногу накалялась. А когда Трисия с присущей ей резкостью стала выговаривать мужу, что он слишком много пьет, в воздухе запахло скандалом.

Затем она снова вернулась к задушевной беседе с Марком, который внимал ей с благородным терпением.

С появлением каждого нового блюда напряжение за сто-

лом росло. Шейла была возмущена и раздосадована. Кен озлобился на весь мир. Марк беспокоился, видя, что в глазах Шейлы потух огонек радости. И только Трисия была в восторге.

Когда подали десерт, скандал все-таки разразился. Трисия выдала какое-то остроумное, на ее взгляд, замечание и, хихикая, навалилась грудью на руку Марка. Он тоже засмеялся, но это был странный смех. Вытащив руку из-под Трисии, он взял льняную салфетку и промокнул губы.

– Прошу вас, Трисия, не тратьте напрасно ваши усилия.

Она резко прекратила смеяться и уставилась на него пустым взглядом.

– Что вы имеете в виду?

– Я не рассержусь на вас, если вы оставите в покое мою ногу под столом и перестанете демонстрировать совершенство вашей обнаженной груди. Уверяю вас, меня это несколько не интересует.

Трисия звучно уронила вилку и повернула к нему свое мгновенно скисшее лицо.

– Видите ли, я «голубой».

– Это было чересчур жестоко.

Шейла прислонилась к угловой колонне на веранде, сцепив руки за спиной. Легкий теплый ветерок дул ей в лицо, играя подолом юбки и белокурыми завитками волос на щеке.

Ночь была почти такой же волнующей, как прекрасная

женщина. На небе сверкали бриллиантовые россыпи звезд. Луна проглядывала сквозь ветви старых дубов серебряным блеском. Оркестр ночных обитателей настроил инструменты и звенел во всю мощь. Аромат цветов наполнял влажный воздух.

– А как она поступает с тобой? Разве не отвратительно?

Марк привалился к веерообразной спинке плетеного кресла. Он уже полчаса потягивал бренди и теперь поставил пустой стакан на маленький столик возле своего локтя.

– Ты же знаешь, что я не люблю грубости. Но она довела меня. Я терпел, сколько мог. Ее просто необходимо было заткнуть за ее преступную деятельность, так, чтобы она не открывала рта.

– А что она такого сделала?

– Пыталась украсть меня у тебя. Он был прав, но Шейле было больно признать это. Она отвернулась, глядя вдаль.

– Ты ее не просто заткнул. Ты напрочь ее сбил с ног.

Марк поднял руки над головой, одновременно вытягивая вперед ноги.

– Видимо, поэтому она летела вверх по лестнице, не чуя ног. Она обдала меня таким испепеляющим взглядом, что я удивляюсь, как не сгорел. У тебя сестра – настоящая фурия!

– Кен тоже хорош! Должен был броситься на ее защиту, как всякий мужчина. А он только смеялся.

– Точно, – покривился Марк и подтянул под кресло свои стройные ноги. – Твой зять был крайне рад моему заявле-

нию. Теперь он уверен, что я не представляю опасности.

– Какой еще опасности? – Шейла придвинулась к нему. – Для кого?

– Для него. Разве ты не видела, какой он сидел мрачный от ревности?

– Из-за Трисии?

– Из-за тебя. Он все еще любит тебя, Шейла.

– Не думаю. – Она махнула рукой, выражая уверенность в обратном. – Может быть, он воображает, что любит, но это не значит, что он это и вправду чувствует. Просто во мне он видит якорь, за который можно уцепиться, чтобы не сносило течением.

– Ну вот! Он же не щепка, – пошутил Марк. Но Шейла ответила серьезно:

– Боюсь, что именно щепка. По крайней мере, он сам себя таким считает. С Кеном происходит что-то ужасное. Или нет, это чересчур сильно сказано. С ним что-то неладно. Не знаю только что.

– А я знаю.

Она вопросительно взглянула на него.

– Он понимает, что совершил страшную ошибку – женился не на той женщине. Он позволил Трисии и твоему отцу управлять своей судьбой. Его жизнь теперь – сущее дерьмо. Мужчине трудно примириться с этим.

– Наверное, ты прав, – грустно сказала она. – Ведь он делал множество попыток вернуть наши отношения в прежнее

русло.

– А ты как отнеслась к этому?

– Пресекла, конечно. Как же еще?

– Значит, ты больше не любишь его?

– Нет, – грустно сказала она. – Не люблю. Если бы я не приехала, я бы этого никогда в жизни не поняла.

– А знаешь, в чем секрет? – И, не дожидаясь ответа, он сказал:

– Ты разлюбила его много лет назад. Если вообще когда-нибудь любила.

– Что же ты мне этого сразу не сказал?

– Мне страшно хотелось. Но я знал, что ты все равно не согласишься. Тебе надо было все прочувствовать самой.

– Я потеряла столько времени, – с сожалением констатировала она.

– Время, ушедшее на то, чтобы вылечиться, вовсе не потеря, а приобретение. Тебе нужно было от очень многого выздороветь. Давай еще по стаканчику бренди? – Он кивнул на серебряный поднос с графином и двумя рюмками.

– Наливай себе, пожалуйста.

– А ты?

– Нет, спасибо.

Он налил себе еще бренди, сделав глоток, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, чтобы полнее ощутить букет крепкого напитка, – Марк.

Он открыл глаза.

– Я согласна с тем, что ты говорил о Кене. Но когда ты сказал, что его жизнь – дерьмо, ты ведь не имел в виду еще и другого человека, которого я хорошо знаю?

Он печально улыбнулся:

– Я грущу совсем не поэтому.

– Неужели?

– Я грущу оттого, что потерял единственного друга.

Шейла печально улыбнулась и опустила голову.

– С чего ты это взял?

Марк встал и подошел к ней. Приложил ладони к ее щекам.

– Помнишь, я сравнил тебя с орхидеей в теплице? Это был поэтический образ, но он очень точно передает твоё состояние. Ты ожила здесь, Шейла. – Он окинул взглядом окружающее пространство, едва угадывающееся во мраке ночи. – Ты принадлежишь этому месту.

Она тяжело вздохнула:

– Я знаю, я люблю Бель-Тэр со всеми его достоинствами и недостатками. – Слезы затуманили ее взгляд. – Затхлый маленький городишко, с его недалекими обитателями. И леса, и затоны, и запах земли, и жару, и влажность, Бель-Тэр! Я обожаю это слово.

Он крепко обнял ее, положив ее голову себе на плечо.

– Боже мой, не надо извинений. Оставайся здесь, Шейла, и будь счастлива.

– Я буду скучать по тебе.

Он приподнял ее голову и вытер слезы большим пальцем руки.

– Когда мы встретились, мы оба были душевными калеками. Независимо от того, съездила бы ты домой или нет, я не думаю, что мы могли бы бесконечно продолжать наши отношения. Нам обоим был на пользу этот союз. Ты избавлялась от притязаний мужчин, которые были тогда тебе в тягость. А я скрывал за твоей юбкой свою несчастную склонность к гомосексуализму. Большинство супружеских пар не так дружны, как мы.

Он улыбнулся, явно тоскуя от того, что снова оставался один.

– Но не может же это продолжаться вечно. Тебе нужно совсем другое. Тебе мало того, что я могу дать. – Он взгляделся во мрак и прошептал:

– Да, тебе необходим Бель-Тэр.

– Я тоже нужна ему.

– А когда ты собираешься сообщить мне, что останешься здесь навсегда?

– Не знаю. Я даже не знала, что остаюсь, пока ты не сказал, что потерял друга. Наверное, мне так трудно это осознать, что подсознательно я ждала, чтобы кто-то другой прояснил мне мое собственное решение.

Он задумчиво кивнул.

– Имеет ли твое подсознательное решение остаться какую-нибудь связь с огоньком сигареты?

– Какой сигареты?

Он кивнул в сторону леса напротив веранды:

– Она горит столько же времени, сколько мы здесь сидим.

Шейла стремительно обернулась.

– Кэш, – прошептали ее губы.

– Его имя все время мелькает в твоей речи. Интересно, замечаешь ли ты это сама?

– Это совсем не то, что ты думаешь. Все гораздо сложнее.

– Любовь – это всегда сложно.

– Нет, Марк, это совсем не обычная игра между мужчиной и женщиной. Он...

– Твоя вечная головная боль.

– Не то слово!

– С весьма сомнительной репутацией по отношению к женщинам.

– Куда там «сомнительной»! Вполне определенной. Донельзя ясной и понятной. Хватает все, что движется.

– Это что, цитата?

– Приблизительная.

– Я так и думал. Ты бы никогда так не выразилась.

– К тому же он...

– Живет на болоте. То есть его общественное положение далеко не на высоте.

– Я же не из тех, кто обращает на это внимание, – с вызовом сказала она.

Марк рассмеялся. Его смех приятно отозвался в ее душе.

– Ты не ответила на мой вопрос. По поводу Кэша Будро.

– Я не знаю. Он... – Она зажмурилась и стиснула зубы. –

Я ему не доверяю и в то же время...

– Ты хочешь его.

Она взглянула ему в глаза. Солгать Марку было бы невозможно. И даже слегка извратить правду тоже. Его абсолютная честность к самому себе требовала того же и от других.

– Да, – тихо призналась она. – Я хочу его. Марк обнял ее.

– Я понял. И очень рад. Приступ здоровой страсти – это то, что теперь необходимо для твоего полного возвращения к жизни. – Усмехнувшись, он добавил:

– Посмотреть бы на вас хоть одним глазком, хотя бы издали.

Он поцеловал ее в висок, затем в губы.

– Будь счастлива, Шейла.

Он выпустил ее и пошел через веранду к сетчатой двери.

– Не беспокойся, я сам найду свою комнату. Прости, что оставляю тебя.

Послав ей воздушный поцелуй, он скрылся за дверью.

Шейла застыла, не сводя глаз с закрывшейся за ним двери. Через некоторое время она обернулась и, держась за колонну, стала смотреть на опушку леса за ручьем. Красный огонек сигареты мигнул ей. Она уже спустилась по ступеням крыльца и пошла через влажный прохладный луг, прежде чем осознала, что резное дерево колонны больше не поддерживает ее. Она знала, что стоит дойти до леса – и произойдет

непоправимое. Но не успела подготовиться к этому, и когда отвела в сторону завесу из миртовых ветвей, лицом к лицу перед ней стоял Кэш. Он отбросил сигарету и вдавил ее ботинком в землю.

– Для чего ты прячешься здесь в темноте? – сердито сказала Шейла. – Если ты шпионишь за мной, то зачем...

– Замолчи.

Глава 35

Он сжал ее подбородок своими твердыми пальцами, прижал ее спиной к сосновому стволу, и губы ее раскрылись под его поцелуем. Его язык с силой прошел по ее небу, а губы властно срывали поцелуй за поцелуем с ее губ. Руки Шейлы сами собой поднялись ему на плечи, пальцы сплелись с его кудрями, крепко притягивая книзу его голову. Он обнял обеими руками ее тело, беспрестанно двигая ладонями вверх и вниз, чтобы ощутить ее как можно полнее. Оторвавшись от ее рта, он погрузил алчный взор в ее глаза. В застывшей тишине их двойное желание слилось в единый бьющий звук.

– Проклятие! Скажи, что ты хочешь меня. Шейла облизала вспухшие истерзанные губы:

– Я хочу тебя. Видишь, я здесь.

Он схватил ее запястье в клещи своих пальцев и потащил глубже в лес. Она спотыкалась о корни, полусмеясь-полуплача. Нет, она не испугалась. Сердце стучало от возбуждения, не от страха. Он не уводил ее от родного и безопасного, все это оставалось с ней, но он вел ее к неведомому и волшебному.

Он привел ее к тому месту в затоне, где всего несколько недель назад лечил от собачьих укусов. Там стояла та же пирага и тот же фонарь лежал в ней.

– Садись.

Она вошла в маленькую лодку и с размаху опустилась на скамью. Кэш оттолкнул лодку от берега и шагнул в нее плавным, точным движением. Взяв длинный шест, он повел пирогу по мелкой стоячей воде, отталкиваясь от дна.

Стоя на корме, он ни на миг не отводил взгляд от Шейлы. Его силуэт выглядел огромным и опасно нависающим над ней, как скала на фоне залитого лунным светом неба. Луна мелькала среди деревьев, обступивших берега, отчего лес постоянно менял очертания. Вода ласково журчала под пирогой. лягушки квакали, сидя на мелких островках, и перекликались ночные птицы.

– Почему ты оставила его и пришла ко мне? Ты что, порвала с ним?

– Нам нечего было рвать.

– Не делай из меня дурака, Шейла. Это опасно. Шейла никогда не сомневалась в этом.

– Марк – «голубой». Наша дружба была чисто платонической.

Он не рассмеялся. И не обвинил ее во лжи. И ни словом не выразил своего недоверия. Хотя она ожидала чего-то подобного. Он молчал, продолжая отталкиваться шестом от илистого дна затона, помогая слабому течению.

Иногда расстояние между берегами было настолько небольшим, что ветви деревьев сплетались над ними, словно туннель. Бесконечные изгибы и повороты заставили Шейлу потерять всякое представление о том, в какую сторону они

плывут. Даже луна, казалось, сбилась со своего пути.

Наконец пирога остановилась, уткнувшись носом в берег. Кэш ступил на землю и вытащил пирогу из воды.

Отбросив шест, он протянул Шейле руку и помог ей вылезти. В другой руке он держал фонарь и, освещая тропу, повел ее к дому.

Поднявшись на веранду, он поставил фонарь на стол, стоящий у кровати, и повернулся лицом к Шейле. В течение нескольких секунд, которые казались ей вечностью, они молчали – просто стояли, глядя друг на друга, уже понимая, что сейчас произойдет.

Они бросились друг на друга одновременно, словно изголодавшиеся звери. Пальцы Кэша зарылись в ее волосы и встретились, обхватив затылок. Запрокинув ей голову, он поцеловал ее в губы, потом – в шею, снова впился в губы. Он целовал ее, не скрывая, чего хочет, а между поцелуями шептал весьма откровенные слова. Иногда он что-то бормотал по-французски, и, хотя слова эти были ей незнакомы, интонацию понять было нетрудно. Внимая этой чувственной лексике, Шейла тоже не скрывала своего желания, податливо изгибаясь, прижимаясь к нему.

От тела Кэша – жесткого, налитого какой-то настырной твердостью, ее отделяла лишь ткань платья, тонкая и легкая, и Шейле хотелось, сорвав эту раздражавшую преграду, раствориться в нем.

Его поцелуи стали нежны и намеренно неторопливы. Он

то погружал, то вынимал язык, наслаждаясь каждым мгновением их любовной игры.

– Тогда... ты и понять не успела, что с тобой случилось, – хрипло проговорил он. – Сейчас я хочу, чтобы ты разгорелась как следует.

– Уже вполне достаточно.

Она охнула, когда его руки скользнули вниз по ее телу. Ладони у него были такие горячие, что казалось, платье сейчас растает.

Он посмотрел на нее сверху вниз и улыбнулся:

– Хорошо. Очень хорошо.

Кэш склонился к ней и опять поцеловал ее в губы. Затем нащупал пуговицы на платье. Оторвавшись от ее рта, он тщательно освобождал каждую пуговицу из петли, и когда все они были расстегнуты, он распахнул ей лиф. Кружевной бюстгальтер нежно-телесного цвета скрывал грудь. Он просто испарился в его ловких пальцах.

Кэш принял в ладони ее груди и большими пальцами стал гладить соски.

– Кэш, – почти беззвучно произнесла она и, положив руки ему на талию, откинулась назад.

Он негромко застонал от удовольствия и возбуждения, когда под его настойчивыми пальцами ее соски затвердели и порозовели, став похожими на розовые жемчужины. Он наклонился к ее груди и быстро лизнул их языком. Затем взял один из них в рот.

Слившись в объятии, они рухнули на кровать. Он потянул вниз ее платье, стащил его через ноги и отшвырнул куда-то в сторону.

Кэш на секунду замер, любуясь ее бельем, одновременно изящным и откровенным, а потом помог ей освободиться и от него.

Теперь она лежала перед ним совершенно нагая. Он положил руку ей на живот и погладил огрубелой ладонью нежную кожу. Затем добрался до треугольника светлых волос и зарылся кончиками пальцев в жесткие колечки.

Глядя ему в глаза, Шейла потянула за его рубашку и вытащила ее из брюк, она провела согнутыми пальцами по его груди, заросшей выющимися волосами. В приливе страсти он сузил глаза и шумно вздохнул через плотно сжатые губы.

Быстрыми, резкими движениями он расстегнул пуговицы и, яростно извиваясь, скинул с себя рубашку. С пряжкой ремня пришлось повозиться. Чертыхаясь, он расстегнул его, потом джинсы.

Обнаженный, он наконец опустил свое горячее, жаждущее тело на Шейлу и, схватив ее руки за запястья, прижал их у нее за головой к кровати. Целуя ее, он как бы совершал над ней насилие, правда, она отвечала ему с не меньшим пылом.

– Я тебя убью, если ты про него врешь.

– Я не вру! Я тебе клянусь, не вру!

– Значит, меня хочешь? Меня? Не его?

– Тебя! – выкрикнула она, шалея от неумемного желания.

Он целовал ей шею, потом грудь, медленно пробираясь все ниже и ниже. Шейла крепко вцепилась руками ему в плечи, а он, стараясь разжечь ее сильнее, ласкал губами и языком соски, пока те не стали твердыми, как горошины. Он продолжил свой путь вниз, целуя ее и изредка нежно покусывая.

У нее совсем перехватило дыхание, когда она почувствовала его горячие влажные губы в самом низу.

Его поцелуй был таким сильным, что на ее нежной коже остался след от его зубов. Невольно, словно от удара током, она согнула колени, упершись пятками в матрас, и, вскинув бедра, вся подалась навстречу ему.

Руки Кэша скользнули вниз, вдоль тела Шейлы, и он осторожно сжал пальцами ее нежную сокровенную плоть, а потом прильнул к ней открытым ртом и стал жадно и нежно пить из этого источника. Она почувствовала, что он получает не меньше удовольствия, чем дарит ей. Забыв обо всем на свете, утопая в океане ощущений, Шейла все-таки догадалась, что овладеть ею Кэш хочет самым деликатным, самым сокровенным способом.

Он наслаждался, глубоко проникая ритмично двигающимся языком сквозь податливые складки ее плоти.

Когда его язык наконец выскользнул наружу, он стал жалить им самую трепетную часть ее тела.

Она вцепилась ему в волосы.

– Хватит, не надо! Не надо. Кэш, хватит. Мышцы на ее

животе напряглись, шея и грудь покраснели. Она чувствовала, что стоит на краю скалы, с трудом удерживая равновесие, и заглядывает в пропасть.

– Кончи! – хрипло приказал он. – Я хочу, чтобы ты кончила.

Но она уже и сама не смогла бы удержаться, даже если бы захотела.

Когда последняя теплая волна оргазма откатилась, она открыла глаза и увидела, что он, склонившись, смотрит на нее. Она увидела свое отражение в каре-зелено-золотом калейдоскопе его глаз.

Она несмело улыбнулась.

Он ткнул ей в живот гладким, бархатистым концом своего твердого как сталь пениса, продолжая любовную игру.

– Я, наверное, совсем развратная, да?

– Еще какая, – усмехнулся он.

Он понемногу остывал, скользя взглядом по ее размякшемуся лицу, покрытому капельками пота. Ее полные и влажные губы еще сохранили следы его и ее собственных зубов.

– Ты красивая, – проговорил он.

Вообще-то он был скуп на комплименты. Шейла чувствовала, что он никогда еще не говорил таких слов ни одной женщине, и особенно после того, как ему удавалось затащить ее в постель.

Глаза Шейлы затуманились, она задумалась. Проведя

пальцами по его груди, она сказала:

– Ты тоже красивый.

Она поцеловала Кэша в губы, почувствовав оставшийся на них вкус своего сока. Страстно повторяя слова близости, Кэш просунул руку вниз, прокладывая себе дорогу во влажное лоно.

– У тебя там туго, как в кулаке. Влажно, как во рту. Она касалась его своим телом, ритмично сжимая и отпуская мышцы.

– Черт тебя побери, – выдохнул он и стал ласкать ее с еще большей страстью, – черт тебя побери.

Снова и снова он погружался в ее тело. И каждый раз он почти выходил из нее, раскачивая качели наслаждения до предела; забираясь все выше и выше, чтобы нырнуть в нее поглубже. Выгнув тело дугой, Шейла стремилась к нему, пытаясь встретить его как можно раньше, и вскоре она дышала так же прерывисто, как и он. Дойдя до края пропасти, они слились в единое целое и, обессилев, сдались на милость друг другу, полностью подчинившись яростному желанию.

Они лежали лицом к лицу, и Шейла любовно рассматривала его.

– Откуда у тебя шрам? – она коснулась белого рубца на груди.

– Ударили ножом во Вьетнаме.

– А почему ты пошел на войну? Мне сказали даже, что ты

согласился на второй срок. Он пожал плечами.

– В то время это казалось неплохим занятием. Я ничего больше не знал.

– А почему ты не пошел в колледж?

– Я поступил, но в специальности я разбирался в сто раз лучше своих профессоров.

– В какой специальности?

– Лесном хозяйстве.

– Тебе совсем не следовало ездить во Вьетнам. Если ты не хотел учиться в колледже, ты мог бы вернуться и работать здесь.

Он стал качать головой до того, как она закончила фразу.

– Я поссорился с Коттоном.

– Так, значит, Коттон был причиной того, что ты пошел воевать? Как же это произошло? Почему? Взгляд его стал тверже. Затем он сказал:

– Смерть твоей матери.

– Смерть моей матери? Какое это имело отношение к тебе?

Он перевернулся на спину и уставился в потолок. Опершись на локоть, Шейла требовательно взглянула в его лицо. Он отвел глаза.

– После того как Мэйси умерла, я думал, что Коттон женится на моей матери. Он этого не сделал. Не захотел.

Она положила ладонь ему на грудь, раздвигая и сдвигая пальцы, словно веер, каждый раз захватывая курчавые за-

ВИТКИ ВОЛОС.

– Не знаю, что и сказать тебе, Кэш. Я об этом никогда ничего не знала.

– А я знал, черт побери! И все это высказал ему. И мы подрались, как скоты. И, наверное, прибили бы друг друга, если бы моя мать не вмешалась.

Шейла вообразила, как должна была чувствовать себя Моника, глядя, как двое мужчин, которых она любила, готовы перегрызть друг другу глотку.

– Что же она сделала?

– Что?! Защищала Коттона, естественно. Она всегда брала его сторону. У нее всегда находились оправдания для любого его поступка. Она в упор не видела, что это за сукин сын.

Он назвал ее отца сукиным сыном. А она даже не попыталась защитить Коттона! Но, в конце концов, нет ничего удивительного, что Кэш возмутился. Коттон отказался жениться на его матери. Она бы в подобных обстоятельствах чувствовала то же самое.

– Помнишь, в тот вечер, когда мы привезли Гейлу в Бель-Тэр, ты упоминал, что у твоей матери тоже был выкидыш.

– Qui.

– Это был ребенок моего отца? В его глазах появилась ненависть.

– Qui. Моя мать была незамужняя. Но проституткой она не была. Он был ее единственным мужчиной.

– Я и не думала об этом.

– Я хочу есть. А ты?

Он спустил ноги на пол и натянул джинсы. Шейла смущенно взяла его рубашку, которую он бросил ей, и сунула руки в рукава.

– Да, я тоже хочу. А что у тебя есть?

– Красные бобы с рисом.

– Звучит аппетитно.

– Остались с обеда, но я подогрею.

Они направились через весь дом, зажигая свет на своем пути. Шейла устроилась в кресле возле стола, наблюдая, как Кэш ловко передвигается по маленькой кухне, подогревая в сковородке душистое экзотическое блюдо. Он поставил перед ней полную тарелку бобов с рисом, прибавив толстый ломоть пряной колбасы.

– Как раз то, что я люблю, – сказала она, подцепляя полную ложку. – Хм-м! Чудесно. Это кто готовил?

– Я.

Она перестала жевать. Он засмеялся, глядя на ее недоверчивое лицо.

– А ты думала, что моя мать оставила мне только рецепты против бородавок и поноса?

Шейла ела с неподобающим леди аппетитом. И съела все до последнего кусочка. Кэш понес ее тарелку в раковину, а она неотрывно смотрела на строгую линию его спины, легкую развалочку походки, на длинные стройные ноги.

Обернувшись, он поймал ее мечтательный, туманный

взгляд и усмехнулся:

– Что, нравится?

– Ты страшно самоуверен! Но глупо скрывать – ты мне очень нравишься.

– Ты говоришь так, словно не рада. Почему?

– А что будет завтра?

– Завтра? – недоуменно повторил он. Внезапно залившись краской, Шейла взглянула на свои нервно сжимающиеся и разжимающиеся пальцы. Рубашка едва прикрывала ей бедра. Она подавила порыв одернуть ее пониже.

– Я спрашиваю, что теперь будет с нами? Папа возвращается домой.

– Я знаю.

Она удивленно взглянула на него.

– Я звонил в больницу, – объяснил он. – Когда ты в такой спешке умчалась из конторы, я решил, что произошло несчастье.

– Наоборот, ему гораздо лучше. Но он еще очень слаб. Ему нельзя волноваться. – Она облизнула губы. – Не представляю, как он воспримет то, что произошло между нами.

– Он сразу начнет вонять.

Такой ответ, конечно, не обнадеживал. Но она все же продолжала:

– Ты ведь знаешь, сколько работы нас ждет в ближайшие несколько недель. Заказ Эндикота огромный, а срок для выполнения отведен очень маленький. Я не хочу, чтобы

хоть что-нибудь мешало этому делу и особенно моя личная жизнь. У нас не будет времени для... для...

Привалившись головой к старинному чугунному водостоку, скрестив голые лодыжки и сложив руки на волосатой груди. Кэш молча глядел на нее. Это вынудило ее продолжать.

– Боюсь, что мне будет не до эмоций. Мои отношения с Марком были особенные, хотя бы потому, что в них отсутствовал секс. Я буду скучать без него. А у тебя, я знаю, есть другие женщины.

Последнюю фразу она произнесла в надежде, что он скажет ей, сколько и кто именно. А главное, уверит ее, что теперь порвал с ними. Но он продолжал молчать, словно деревянный индейский идол. Было ясно, что ничего объяснять он не собирается.

– Да скажи же что-нибудь, черт бы тебя побрал!

– Хорошо.

Он подался вперед, протянув руку, собрал в кулак полы рубашки, вынуждая ее встать.

– Пойдем в постель.

Несколькими минутами позже они лежали под простыней, крепко отдающей запахом мужского пота, и ее запахом, и запахом секса. Она лежала, повернувшись на бок, лицом к нему. Он уткнулся между ее грудями, ласково проводя языком по ее соску.

– Я так давно мечтал об этом, – пробормотал он. Шейла тоже решила оставить на время свои опасения. Кэш прав.

Какое ей дело до завтра? Пусть все катится к черту! Живем один раз. Возможно, завтра ей придется заплатить за это втридорога, но теперь, когда его губы так нежно касаются ее груди, теперь ей все равно.

– Может быть, ты еще скажешь – с тех пор как встретил меня?

– Нет, я мечтал об этом еще до того, как мы встретились.

– До того, как мы встретились? – озадаченно повторила она.

Он перевернул ее на спину и, опершись на локоть, положил вторую руку ей на живот.

– Я впервые заметил, что ты больше не маленькая девочка, когда случайно увидел тебя в «Магнолия-драг». Мне было лет восемнадцать-девятнадцать. Ты вошла со своими подругами. Вы все вели себя ужасно глупо, хихикали. Кажется, ты была еще в начальной школе. Ты заказала шоколадный напиток.

– Не помню.

– С чего бы тебе это помнить? Для тебя это был самый обычный день.

– Ты что-нибудь сказал мне? Он горько усмехнулся:

– Конечно, нет. Ты бы убежала, как ошпаренная, если бы гроза Хевена вдруг заговорил с тобой.

– Это в то время, когда у тебя был мотоцикл?

Он кивнул, и она засмеялась:

– Ты прав. Я здорово скомпрометировала бы себя, если

бы даже просто сказала: «Привет!»

– А Коттон меня бы кастрировал, если бы только заподозрил, какие мысли бродят в моей голове. Я к тому времени уже шарил под каждой юбкой, которую можно было задрать кверху. Я даже в «Магнолию» пришел из-за этого – надо было купить резинки. Я как раз вынул деньги, когда ты вошла, и мне сразу захотелось побыть еще. Я взял стакан виски в автомате.

– Чтобы еще немного поглазеть на меня? Он кивнул.

– На тебе был розовый свитер, пушистый-пушистый розовый свитер. И твои груди сводили меня с ума, они были маленькие, остренькие. И так четко вырисовывались под тонким свитером.

Шейла слушала его историю как зачарованная. Кэш долго глядел в ее широко раскрытые глаза, затем нагнулся и припал ртом к ее твердому соску. И каждое ласковое движение его языка было непомерно желанным, зревшим многие годы.

– Не думай, что я был восторженным юнцом. У меня было уже больше чем достаточно девчонок, – продолжал он. – Но все они добивались меня. Я никогда не обижал их. Ты была чересчур юной для такого опытного человека, как я. – Он несколько раз подвигал головой, глядя лицом ложбинку между ее грудями. – Ты думаешь, я был развратник?

– Жуткий.

Он поднял голову и усмехнулся, глядя на нее:

– Но тебе это приятно?

– Да, – призналась она и смущенно засмеялась. – Мне кажется, любой женщине приятно знать, что она хоть раз была предметом мечты.

– Ты была, мисс Шейла, была. Меня называли белой шваблью, ублюдком и подонком. Ты была правящей королевой Бель-Тэр. Я был взрослым. Ты была еще подростком. Ты была настолько далека от меня, что это даже не смешно. Но я ничего не мог с собой поделать. Я хотел дотронуться до тебя.

– Потому что это было невозможно?

– Наверное.

– Запретный плод сладок.

– Я знаю только одно: меня это здорово задело, – прошептал он, целуя ее. – После того как ты с подругами ушла, я сел на мотоцикл и понесся за город в лес.

– Мне стоило только набрать номер – и подо мной через пять минут уже лежала бы девчонка. Но я никого не хотел. Мне оставалось только одно – покончить с мыслями о Шейле Крэндол.

И снова поцеловал ее, теперь еще сильнее.

Глава 36

Коттон капризничал даже тогда, когда чувствовал себя хорошо. Уже через неделю после его возвращения домой почти каждый из обитателей Бель-Тэр хоть раз испытал соблазн придушить его во сне.

Терпение Трисии, и без того очень ограниченное, истощилось в первый же день, проведенный у его постели. Окликнув Шейлу в холле, она сказала приглушенным тоном, чтобы он не услышал из кабинета:

– Он и всегда был страшный зануда, но теперь это какое-то исчадие ада.

– Старайся угадывать его настроение, – ответила Шейла. – Не делай и не говори ничего такого, что его раздражает.

Она очень боялась, что сестра с мужем, желая поскорее решить вопрос с продажей Бель-Тэр, заведут об этом речь с Коттоном. А доктор Коллинз предупреждал, когда она забирала отца домой, что у него все еще очень слабое сердце и обращаться с ним надо предельно осторожно, даже если он будет казаться вполне здоровым.

Трисия приняла совет Шейлы с недоброй улыбкой:

– Тебя это так беспокоит? Наверное, поэтому ты не спишь ночами.

– О чем ты?

– Ладно-ладно, не строй из себя воплощенную невин-

ность. Всей твоей хитрости не хватит, чтобы скрыть от нас свои ночные похождения. – Она встряхнула головой и язвительно расхохоталась. – Ну скажи по совести, Шейла, разве у тебя не извращенный вкус? «Голубой» продавец античности и похотливый распутник из белой швали?

– А также – твой собственный муж, – невозмутимо парировала Шейла. – Оскорбляя мой вкус, ты оскорбляешь и свой. Не забывай, что я нашла Кена раньше тебя.

– Уж об этом я никогда не забуду, – самодовольно согласилась Трисия, – видимо, так же, как и ты.

Шейла промолчала, надеясь предотвратить ссору. Пикироваться с Трисией было бессмысленно. А когда она отказалась ухаживать за Коттоном, Шейле и вовсе стало безразлично, чем она занята и что думает о ней и ее друзьях.

Кен, с тех пор как нанес свой единственный визит Коттону по приезду, считал, что его миссия по отношению к тестю выполнена. Почти все время он теперь проводил у себя, сидя взаперти. Настроение его не улучшалось. Он непомерно много пил и вел нескончаемые телефонные разговоры пониженным тоном. При виде Шейлы он скисал еще больше. Она считала, что это из-за ее отказа дать ему денег. Телефонные звонки были, очевидно, от нетерпеливых кредиторов. Ей было искренне жаль его. Но ведь он не мальчик! Пусть наконец-то научится сам решать свои проблемы.

Гейла сначала так стеснялась Коттона, что ее едва могли уговорить переступить порог его комнаты. Но скоро она

вполне освоилась. Коттон, казалось, начисто забыл, что она много лет прожила с Джигером. Он часто поддразнивал ее, припоминая разные детские истории, происходившие, когда она жила в Бель-Тэр под суровым присмотром Веды. Постепенно скованность девушки прошла, и между ними возникло молчаливое согласие, которое, впрочем, было вполне понятно – оба выздоравливали после тяжелой болезни. Если никому не удавалось заставить Коттона есть то, что ему не нравилось, или принять лекарство, или выполнить предписанные физические упражнения, это удавалось Гейле.

Но лучше всех с непокорным больным справлялась Шейла. Она всегда знала, как его утихомирить, когда он входил в особенный раж, и как поднять его настроение, если он становился жертвой депрессии. В зависимости от ситуации она то успокаивала его, то, наоборот, наполняла энергией.

Ему позволялось смотреть новости по телевизору, который перенесли в его комнату. Гейла вменила себе в обязанность приносить ему газету, как только ее получали. Но на все его вопросы о «Крэндол Логинг» Шейла отвечала очень уклончиво.

- Все идет как по маслу, – рапортовала она каждый вечер.
- Есть ли трудности в связи с заказом Эндикота?
- Никаких. Как ты себя чувствуешь?
- Поезда идут по расписанию?
- Да. Миссис Дан сказала, что ты сегодня все съел за завтраком.

– А как качество древесины?

– Самое высокое. Как ты отдыхал сегодня после обеда?

– Так удастся или нет погасить ссуду в срок?

– Конечно! Я в этом уверена А теперь тебе надо отдохнуть.

– Боже мой, Шейла, как же мне тошно, что я заставил тебя расплачиваться с моими долгами!

– Не беспокойся об этом. Ты меня ни к чему не принуждал. Мне сейчас просто необходимо чем-то заниматься. А этой работой я по-настоящему довольна – Но это слишком тяжело для женщины.

– Ишь ты какой! Дискриминация женщин? С чего это мне должно быть слишком тяжело?

– Наверное, я чересчур старомоден. Не успеваю за временем. – Он блеснул на нее глазами из-под кустистых бровей. – В дни моей молодости все было иначе. Гомиков боялись как чумы. Порядочные женщины вообще о них не знали. Наверное, поэтому ты спрятала от меня Марка Хоктона, чтоб я не смог поговорить с ним.

– Что ты выдумал? – ровным голосом произнесла Шейла.

Но внутри у нее все закипело. Трисия или Кен разболтали ему! Скорее всего Трисия. В отместку за выволочку, которую Марк ей устроил.

– Просто Марку необходимо было уехать. А ты тогда еще был в больнице. Вот и все.

В то утро, вернувшись со свидания с Кэшем, она нашла

записку, приколотую к своей подушке. Марк выразил надежду, что она чудесно провела ночь. Сообщал, что его внезапно одолела тоска по дому. Собрав саквояж, он вызвал такси, посулив огромную плату, если водитель доставит его в Лафайет к утреннему рейсу. Шейла легко прочла все, что подразумевалось под этими простыми строчками. Марк не хотел прощаться с ней. Она принадлежала Бель-Тэр. Он – нет. Их полное сладкой горечи расставание произошло чуть раньше, на веранде, хотя обоим не хотелось признавать это. Расстроившись из-за его отъезда, Шейла в то же время была рада, что Марк нашел этот выход. Печаль и облегчение.

– Как ты могла жить с таким парнем?

– С каким? Ты не знаешь, что это за человек, папочка. Ты никогда его не видел.

– Так он гомик!

– Ну и что?! Он очень образованный, чуткий, остроумный и верный друг.

Несколько мгновений он смотрел на нее в упор.

– Ты ведь знаешь, как я переживал, когда расстроился твой брак с Кеном. Но теперь я этому чертовски рад. На кой тебе сдался этот слюнтяй. Пьяница, игрок. Пускай Трисия валандается с ним. Ее устраивает такое положение. А ты бы этого не вынесла и очень скоро возненавидела бы его. Ты слишком сильна для Кена Хоуэла. – Он раздраженно хмыкнул. – Ну хорошо, тебе удалось избавиться от него. И куда ж ты направилась? Ты связалась с человеком еще более жал-

ким.

– Ты ошибаешься. Марк очень мужественный. Это одна из самых сильных натур, какую я когда-либо встречала. Чтобы вытерпеть то, что ему пришлось пережить в Бостоне, нужно немало сил. Я дружила с ним, потому что нам было хорошо вместе, исключительно хорошо. Потому что мы оба были очень одиноки. И как ты это воспримешь, мне было неважно.

Коттон скептически нахмурился:

– Твоя проблема в том, что ты всегда любишь тех, кого не следует.

– Разве?

– С самого детства. Ты всегда на стороне побежденных. Таких, как Гейла, как Гли Уильяме.

Радуюсь возможности переменить тему разговора, Шейла сказала:

– Кстати, о Гли. Он очень хорошо поправляется. Я звонила сегодня. Врачи уже собираются выписывать его. Ему придется только приезжать раз в неделю на физиотерапию. Мы подыщем ему работу в конторе.

Глаза Коттона глядели на нее с особенной остротой, пытаясь проникнуть в ее мысль. Шейла как ни в чем не бывало продолжила:

– Гли не соглашается получать зарплату, не работая.

Он заворчал, показывая, что не удовлетворен ее бойким ответом.

– Ты совсем не в меня с этой твоей неумной щедростью.

Ясно, что и не в Мэйси. У нее сердце было потверже каминной кочерги. Откуда только взялось твое мягкосердечие!

– Наверное, от моей настоящей матери. А впрочем – кто знает.

Беседа снова вернулась к теме, которая была ей неприятна. Она взглянула на часы.

– Ба, тебе давно пора спать. Ты нарочно затягиваешь разговор, чтобы оттянуть время. Совсем как маленький ребенок, который готов на все, лишь бы не идти спать вовремя.

Нагнувшись к нему, она поправила подушку, поцеловала в лоб и выключила лампу. Но не успела сделать и шагу, как он поймал ее за руку.

– Будь осторожна, Шейла, чтобы твоя доброта не принесла тебе вреда, – предостерег он.

– Не понимаю?

– Жизненный опыт научил меня, что люди очень любят кусать руку, которая их кормит. Это дает им возможность не чувствовать себя обязанными, уж такова человеческая натура. И тебе не изменить ее. – Он погрозил ей пальцем. – Будь начеку, как бы кто не принял твою доброту и щедрость за слабохарактерность. Люди любят повторять, что их восхищает чувствительность. На самом деле они ее презирают. – Я учту это.

Котгон жил по волчьим законам и так же рассуждал. Шейле хотелось, снисходительно улыбнувшись, ответить «да, сэр» и тут же забыть его совет как брюзжание старика. Но

неожиданно ее мысли приняли иной оборот. И, выйдя на веранду через заднюю дверь, она уже почти не сомневалась: все рассуждения Коттона сводились к одному – к Кэшу Будро. Он упорно хотел вывести разговор на эту тему.

Она все еще ни разу не упомянула ни об участии Кэша в делах компании, ни о том, насколько она зависит от него. Такой оборот дела пришелся бы не по нраву Коттону. А то, что его может раздражать, она не должна сообщать ему. Осторожность, с которой она избегала малейшего упоминания о Будро в разговоре, не могла не броситься ему в глаза, он слишком умен для этого. Он всегда умел из разрозненных сведений составить целостную картину. Конечно, он знает, что Кэш руководит работой лесорубов. Он, без сомнения, не одобрял этого, но понимал, что опыт и знания Кэша необходимы для успеха предприятия.

И скорее всего он подозревал, но, видимо, боялся узнать о личных отношениях Шейлы с Кэшем. Он слишком хорошо изучил Будро, чтобы не испытывать глубокой тревоги.

Что же касается Шейлы, то ее тревога перешла уже всякие границы. Она была сбита с толку, испугана своими чувствами к Кэшу. Ее терзало ненасытное желание быть рядом с ним. Она только и думала, что о будущих поцелуях и их неутолимой страсти. Только рядом с ним она чувствовала себя живой. Без него она умирала.

Кэш услышал, как старая доска крыльца скрипнула под

чьими-то шагами. Отложив журнал, он на всякий случай вытащил нож из специального кожаного кармашка сзади. Прижимаясь к стене, он стал бесшумно пробираться в переднюю часть дома. Входная дверь была приоткрыта. Насекомые с гудением кидались на сетку. Больше не было слышно ни звука. Но это ничего не значило. Безошибочное чутье десантника говорило ему, что на крыльце кто-то есть.

Бросившись вперед, он распахнул дверь и очутился на крыльце. К стене прижимался человек. Плечо Кэша ударило его в солнечное сплетение. Тот согнулся, а Кэш мгновенно приставил к его пупку кончик ножа.

– Господи, Кэш, – в страхе произнес пришедший. – Это же я.

Адреналин перестал выделяться в кровь Кэша, мозг отдал команду руке не вонзать ножа. Он выпрямился в полный рост и убрал нож.

– Черт бы тебя побрал, я же едва не выпустил тебе кишки! Какого дьявола ты тут подкрадываешься и вынюхиваешь?

– Мне казалось, что именно для этого ты меня и нанял – подкрадываться и вынюхивать.

Кэш улыбнулся и хлопнул приятеля по плечу.

– Верно. Но со мной будь осторожнее. Выпить хочешь, mon ami?

– Не откажусь, черт бы тебя побрал!

Они вошли в дом. Кэш налил два крепких бурбона.

– Как дела?

– Все, как ты говорил. – Он поставил пустой стакан и широко улыбнулся, обнажая белые зубы. – Никто не догадается, что я там был.

Глава 37

– Что это тебя так забавляет? – спросила Рода Гилберт мужа, сидевшего у противоположного конца стола. Она положила вилку на тарелку и потянулась за бокалом с вином.

– Извини, дорогая. Я как раз хотел поделиться с тобой забавной шуткой. – Он запил последний, довольно безвкусный кусок хорошим глотком тепловатого белого вина. Вино тоже, разумеется, было малокалорийным и некрепким. – Не слышала последней городской новости?

– Ну выкладывай. Жду, затаив дыхание.

– Джигер Флин обзавелся новым домашним животным. На этот раз змеей.

– Ну молодец!

Дейл откинулся на спинку стула.

– Понимаешь, это не просто змея. Гремучая! Такая жуткая тварь.

– И ты что, ходил смотреть змею Джигера Флина?

– Не хотелось быть единственным в городе человеком, который не видел ее. – Он хохотнул. – Эту новость ведь теперь все обсуждают.

– Что ж, достойный показатель интеллектуального уровня нашего общества.

– Ладно уж тебе ехидничать. Змея в самом деле замечательная. Но все это довольно таинственная история. Ее кто-

то ему подбросил.

– И он не знает, кто ее мог подбросить?

– Говорит, что понятия не имеет. Ну, Джигер соврет и глазом не моргнет, сама знаешь. И все-таки, – сказал Дейл, вспомнив неподдельный страх Джигера, когда тот показывал ему свое ценное приобретение, – все-таки... я не думаю, что это его очередная затея ради денег.

– Почему ты так решил?

– Я сам не уверен, но похоже, что эта змея каким-то образом задела его за живое.

– В каком смысле?

– В психологическом. – Дейл наклонился к ней и сказал тихо:

– Мне кажется, что кто-то это сделал умышленно.

– Не иначе как привидения. У-у-у-у-у! – завывала она страшным голосом, Дейл проигнорировал сарказм своей жены. На лице его появилось выражение раздумья, словно он решал сложную задачу.

– Кто бы ни подбросил эту погремушку Джигеру, его явно хотели деморализовать. О господи, эта гадина способна любому сдвинуть мозги. Ее слышно за двести метров, представляешь? В жизни не слышал такого жуткого звука. Бр-р-р!

Пальцы Роды, униженные перстнями, машинально скользили вдоль ножки бокала. Глаза холодно посмотрели на мужа.

– Короче, ты понятия не имеешь, что за этим кроется?

– Я? – удивленно переспросил Дейл. – Нет. Откуда я могу знать? – Он усмехнулся, глядя на ее скептическую гримасу. – У меня нет абсолютно никаких соображений насчет Джигера.

Рода отпила глоток вина.

– А если бы что-то и было, ты не стал бы со мною делиться.

– Почему ты так думаешь?

– Ты ужасно нудный, вот почему. Дейл нахмурился, посмотрев на нее. Выпивка не поднимала ей настроения, скорее наоборот.

– Послушай, какая муха тебя укусила? Что тебе неймется в последнюю неделю? С тобой стало невозможно общаться.

– У меня много чего на уме.

– Ну разумеется, и особенно вопрос о том, кто станет... очередным любовником.

Он отодвинулся от стола, поднялся и решительно вышел вон, раньше чем Рода успела опомниться. Она ловко выбралась из-за стола и поспешила следом за ним. Дейл спокойно раскуривал трубку в своем кабинете. Прежде чем он успел это сделать, она схватила его за руку.

– Это о каком любовнике ты тут говорил? Дейл освободил руку, прикурил от спички, помахал ею, аккуратно положил в пепельницу и только после этого ответил:

– Да об этом весь город болтает. Твой самый последний жеребец сошелся с этой Крэндол. Видишь, как тебе не повезло, Рода?

– Что это значит?

– Сошелся? Это когда...

Она стукнула его кулаком по груди.

– Прекрати! Ты знаешь, что я имею в виду! Что это значит для нас? Для твоих планов перехватить Бель-Тэр?

На ее удар кулаком он ответил гневным взглядом. Однако взял себя в руки и хладнокровно затянулся трубкой.

– Их любовная интрижка мне как раз на руку. Он может ее трахать, но там есть и кое-какие скрытые мотивы. Между ним и Крэндолами – подспудная ненависть. Я так думаю, что связана она с его мамашей.

У Роды моментально поднялось настроение. Уж у нее-то были все основания желать, чтобы Кэш и Шейла влипли в историю. Дейл прав, что весь город знает об их романе. Рода сама об этом слышала на встрече друзей книги. А разболтала все собственная сестрица Шейлы. Трисия Хоуэл буквально приковала к себе всеобщее внимание – уж так изваляла свою сестрицу в грязи!

Да, спектакль она разыграла неплохой. Выдавала скандальную информацию по крохам, добиваясь, чтобы любопытные кумушки вытягивали из нее подробности. Как только слухи и сплетни стали достоянием всех, она же и заявила:

– В Бель-Тэр все возмущены. До чего же грязный тип этот Кэш. Впрочем, достаточно вспомнить, кем была его мамаша.

Рода была достаточно искусенной женщиной, она понимала, что Трисия завидовала своей старшей сестре, возмож-

но, ревновала Кэша. Эта мерзавка принялась рассказывать о том, как Шейла в Лондоне жила с каким-то гомосексуалистом. А Рода внимательно слушала и тщательно все обдумывала. Именно из-за Шейлы Кэш совершенно изменился. Он бросил ее ради Шейлы Крэндол. Ну ничего, ей за это воздастся сторицей.

– Что ж, милый, у тебя теперь есть кое-что в прикупе, – сказала она Дейлу.

Тот не без восхищения потрепал жену по щеке.

– Ну и стерва же ты, дорогая моя, умная стерва.

– Чем я могу тебе помочь?

– Спасибо, но у меня теперь все под контролем. За ситуацией слежу плотно. Меня держат в курсе дела знающие люди.

– Надеюсь, надежные?

– Да. Кое-кто заинтересован в выигрыше не меньше нас.

Рода взяла его за лацканы пиджака и тесно прижалась к нему всем телом.

– Дай мне знать, милый, если понадобится моя помощь.

Дейл отложил трубку и начал расстегивать брюки.

– Вообще-то тут сейчас твоя помощь понадобится. Заодно и настроение тебе поднимет.

Он потянул ее вниз, и она охотно опустилась на колени.

Шейлу разбудил автомобильный гудок. Она сбросила простыню и выбежала в гостиную. Выглянув в окно, увидела пикап Кэша. Сам он стоял у полуоткрытой дверцы.

– Одевайся! – закричал он. – У нас неприятность!

– Какая?

– По дороге расскажу.

Спустя несколько минут Шейла сбежала по лестнице. Кинув туфли в кабину, она прыгнула на сиденье.

– Ты наверняка весь дом переполошил. Полагаю, действительно что-то серьезное.

– Цепь разорвало у самого крепления. Обе опоры не выдержали тяжести. Уйма бревен завалила Девятое шоссе. Я уже вызвал бригаду. Сейчас освобождают дорогу.

– Кто-нибудь пострадал?

– Нет.

– Слава богу! – Если бы авария произошла не в такой ранний час, когда на шоссе еще умеренное движение, были бы жертвы. Шейла содрогнулась, представив себе последствия. – Это ты так рано трейлер нагрузил?

– Да у меня, понимаешь, сейчас все свехурочно работают. Чуть светает – бригада приступает к работе. Осталась-то всего неделя, чтобы выполнить заказ Эндикота, помнишь?

– Ну да! Если мы не очистим шоссе, целая бригада будет отсутствовать сегодня?

– То-то и оно. Сейчас каждый час важен. – Кэш вел пикап, не думая ни о каких правилах движения или ограничениях скорости.

– Сколько, по-твоему, времени нам понадобится?

– Не знаю. – Он бросил на нее быстрый взгляд. – Забыл

предупредить. Тебе надо было джинсы надеть. Может, сегодня придется закончить день на лесоповале.

– С удовольствием. Юбка не помеха. Нам во что бы то ни стало надо закончить работы, пока погода позволяет. – Она прикусила нижнюю губу и пробормотала:

– И почему именно сейчас эту цепь угораздило порваться?

– Она не просто порвалась, – сказал он. Шейла удивленно посмотрела на него. – Подпилена была, причем основательно. Это совершенно ясно видно. Как только лесовоз вышел на шоссе, бревна и посыпались.

– Ты уверен, Кэш?

– Конечно.

– Считаешь, что это провокация?

– А ты так не думаешь?

– Джигер?! – спросила она. Оба посмотрели друг другу в глаза, зная ответ.

Это были последние минуты их относительного спокойствия в этот сумасшедший день. Полицейский уже находился на месте происшествия, когда подъехали Кэш и Шейла, и о чем-то шумно спорил с бригадой. Кэш протиснулся в середину.

– Что здесь происходит?

– Вы тут за главного? – Полицейский обернулся к нему.

– Так точно.

– Я вынужден вас оштрафовать. Платформа была перегружена.

– Ха! Найдите мне такую, которая не была бы перегружена.

– Нет уж, тут вы попались, дорогой мой, – притворно-ласково сказал полицейский.

– Цепь лопнула – вот в чем дело.

– Естественно, потому что перегрузка. Кроме того, нарушения при загрузке со стороны других вас от ответственности не освобождают. – Он извлек книжечку квитанций из кармана. – Пока я тут оформлю, скажите вашему водителю, чтобы убрал трейлер с дороги.

Платформа трейлера и в самом деле перекрыла обе стороны шоссе.

– Послушайте, – сказал Кэш, начиная терять терпение, – мы не можем мгновенно откатить все эти бревна на обочину. Их придется грузить на другую машину.

– Но и шоссе закрыть мы не можем. Вам ночью придется всем этим заниматься.

– Боюсь, об этом и речи быть не может. Я не стану рисковать моими людьми, заставляя их работать ночью, в темноте! – вмешалась Шейла.

При звуке женского голоса полицейский обернулся, окинул ее взглядом, который подразумевал некоторое презрение.

– А вы кто?

– Я – Шейла Крэндол.

Имя подействовало, как ушат холодной воды. Тон пере-

менился, как по волшебству.

– О! Мисс Крэндол, прошу прощения, – смущенно произнес полицейский, приложив пальцы к козырьку. – Я, видите ли, говорил вашему человеку здесь...

– Я все слышала. Этот вариант не принимается. – Полицейский разинул было рот, чтобы возразить, но Шейла не дала ему вымолвить ни слова. – Я предлагаю компромисс: закройте на время ту половину шоссе, которая ведет на запад. Пусть машины расходятся на восточном пути. Я думаю, мы сможем разместить нашу технику с одной стороны шоссе и все сделать. Работа будет выполнена быстрее – это же всем выгодно, верно? Я права?

Спустя некоторое время Кэш передразнивал ее:

«Верно? Я права?» – и при этом часто моргал глазами.

– Ты сам видел: с этим остолопом договориться невозможно. Мнит себя гигантом, суперменом. Мексиканский чурбан. Ну что я могла поделаться?

– Да уж, управились быстрее быстрого. Все правильно – то, что ты сделала, сработало нормально.

Она бросила на него сердитый взгляд, но он этого не заметил. Он уже уходил, отдавая распоряжения направо и налево. Иногда казалось, что работа двигается еле-еле и царит полная сумятица, однако огромные бревна одно за другим поднимались погрузчиками с шоссе и укладывались на платформу трейлера. Кэш сам сидел в кабине и управлял погрузчиком, выбирал бревна тщательно и укладывал так, чтобы

лежали надежно.

Авария приостановила-таки движение на шоссе, но не она была тому виной, а любопытство водителей. Часам к одиннадцати полицейский буквально кормился из рук Шейлы, поскольку она угостила пончиками и его, когда принесла рабочим перекусить.

– Спасибо, – коротко сказал Кэш, открывая банку содовой, которую дала ему Шейла.

– Сейчас бы пива холодного. – Он вручил Шейле пустую жестянку.

– Если справишься до темноты, я тебе целый ящик куплю.

Посмотрев на нее сверху вниз, он мрачно натянул свои ободранные кожаные перчатки и надел на голову каску. Отвернувшись от нее, закричал:

– Все, парни! Поднимайте задницы! Пикник закончился! Работаем!

Лесорубы с ворчанием подчинились. Шейла знала еще только одного человека, который умел заставить их подчиниться и уважать себя, – Коттона.

Между тем день продолжался, жара становилась невыносимой, жидкое марево плавилось вдали на шоссе. Да еще и влажность такая, что дышать трудно. Рабочие стянули с себя мокрые от пота, прилипшие к спинам рубахи, утирали платками струи, бежавшие из-под касок. Шейла продолжала суетиться возле пикапа Кэша, раздавая всем ледяную воду.

Он сам не позволял себе ни минуты передышки. Шейла

поднесла ему напиток воды со льдом. Лед он сунул в рот, а воду вылил себе на голову. Струйки потекли с головы по плечам, по груди, застряв там в волосах. Рубаха его была сброшена и заткнута за пояс, болталась у бедер вроде юбки.

– Слушай, тебе не стоило бы больше находиться здесь, – сказал он, критически посмотрев на нее. – У тебя нос обгорел.

– Я остаюсь, – ответила Шейла решительно. Своего мужчину она не бросит.

Подойдя к пикапу, она высвободила блузку из-под пояса юбки и выпустила наружу. Пот стекал между грудями, струился по животу. Волосы жарко и тяжело лежали на затылке, вызывая скверное ощущение чужого присутствия. Она повернула голову в сторону леса.

Наполовину спрятавшись за стволом орехового дерева пекан, стоял Джигер Флин и смотрел на нее, явно насмехаясь.

Она быстро прикинула: подбежать к полицейскому, показать на него как на виновника аварии? Шейла тут же отбросила эту мысль. Джигер врать умел. Отбросит всякие обвинения да еще и мощное алиби представит. Нужно доказательство.

Сказать Кэшу? Он и так понял, что Джигер виновник, однако даже и не подумал взыскивать с него. И вряд ли станет.

Джигер будто понял ее мысль и широко улыбнулся. Оскал самого сатаны не мог бы выглядеть более зловещим, чем эта улыбка. Ее даже бросило в дрожь, словно все зло, которое он

воплощал, проникло в ее плоть. Да, она ощутила эту агрессию и отреагировала вполне адекватно.

В панике Шейла отвернулась, раскрыла было рот, чтобы окликнуть Кэша, но он, оказалось, грузил последнее бревно на платформу. Полицейский что-то говорил в портативный передатчик. Она была в одиночестве. Самой избавиться от этого страха перед Джигером Флином? Да. Лицом к лицу.

Вдохнула и повернулась к нему. Под пеканом никого не было. Поникшие от жары листья, тени и солнечные пятна. Без единого звука Джигер Флин растворился. Будто сама преисподняя поглотила его.

Шейла пришла в себя от дружного радостного вопля, когда работники погрузили последний ствол и окончательно закрепили весь груз.

– Разгрузите там на площадке и сразу назад! – крикнул Кэш водителю. Он бежал к своему пикапу, на ходу скомадовав другому работнику:

– Попросись ехать на погрузчике! Я отвезу Шейлу, потом встретимся на участке! Смотрите, ребята! Когда я вернусь, чтоб деревья падали, как трусики у шлюх!

Он влез в кабину.

– Садись! – рявкнул он Шейле, которая все еще стояла, дрожа от страха. Она села рядом с ним, и Кэш, включив первую передачу, вывел машину на шоссе.

Когда проезжали мимо полицейского, она благодарно помахала ему рукой.

– Ну что? Договорились о свидании? Для ее и без того взвинченного состояния это было уже слишком – если он тоже заметил Джигера и был совершенно спокоен.

– А тебе разве не все равно? – огрызнулась она.

– Нет, конечно. – Его рука быстро проскользнула у нее между ногами. – Это мое, пока я не покончу со всей историей, поняла?

Шейла яростно отбросила прочь его руку.

– Убери от меня свои лапы! И вообще катись к черту!

– Да? А что ты будешь без меня делать, если я и вправду исчезну?

Она отвернулась и больше в его сторону не смотрела. Как только пикап остановился по другую сторону моста через Лорентский затон, она тотчас выскочила из машины. Кэш бросился вдогонку, поймал ее обеими руками за плечи и развернул к себе. Прижав к своей мокрой от пота груди, впечатал крепкий поцелуй, от которого она чуть не задохнулась.

Его язык раздвинул ее губы. Соппротивление Шейлы пошло на убыль, и она подчинилась. Ощувив во рту соленый пот этого неотесанного и бесстрашного мужчины и чувствуя отчаянную нужду в могучем воине-защитнике, она страстно ответила на его поцелуй.

Так же внезапно он отпустил ее.

– Я предупреждал тебя, что никогда не был добреньким с женщинами. Не надейся, что с тобой я буду другим.

Он стремительно уехал прочь, оставив ее в облаке пыли.

Глава 38

Шейла проследила за огнями поезда, уходящего в туннель из деревьев, что стояли вдоль колеи, устало откинула прядь волос, выбившуюся из-под повязки, обернулась и замерла.

Кэш стоял, прислонившись к стене конторы. Она никак не ожидала увидеть его здесь, хотя чувствовала запах его сигареты. Рубашка Кэша была расстегнута, большие пальцы картинно засунуты за пояс джинсов.

– Ну что, все в порядке? – спросила Шейла. – Наверстали даже время, потерянное сегодня утром.

– Qui.

– Честно говоря, порой я сомневалась, что выдюжим.

Он сделал последнюю затяжку и стрельнул окурком на гравий между рельсами.

– А я ни капли не сомневался.

– Поблагодари от меня рабочих.

– Тут один парень – водитель – привез на хвосте новость, что ты вроде бы собиралась премию выдать.

– Да, я обещала.

– Они ждут.

– Получат, не волнуйся. Как только заберу чек от Эндикота и уведомление банка будет полностью оплачено. Можешь объявить об этом.

– А мне ты должна ящик пива.

– Завтра можно?

– Годится.

Она прошла в контору через заднюю дверь, садиться за стол не стала: боялась, что уронит голову на руки и тут же заснет. Шейла выключила лампу, взяла свою сумочку и направилась к дверям.

– Все еще злишься на меня? – спросил Кэш, следуя за ней по пятам. Когда вышли, он проверил, хорошо ли защелкнулся замок.

– А с чего мне на тебя злиться?

– Потому что не ухаживаю за тобой с цветочками и подарочками.

Она повернулась к нему лицом.

– Ты считаешь меня такой мелочной? Такой глупой? Если бы ты преподнес мне цветы, я бы восприняла это как насмешку. Независимо ни от чего, я не хотела бы, чтобы ты за мной ухаживал подобным образом.

– Ну тогда чего ты разозлилась?

– Была нужда!

Шейла направилась к своей машине и тут же вспомнила, что оставила ее в Бель-Тэр, и пошла обратно. Кэш поймал ее за руку.

– Ты куда?

– Позвонить Кену, чтобы заехал за мной.

– Залезай в грузовик. Я тебя подвезу.

– Я...

– Да садись же в кабину!

Шейла понимала, что глупо торчать здесь и спорить с ним, тем более когда так устала и была не в духе. До чего же непорядочно со стороны мужчины затевать выяснение отношений с женщиной после такого изматывающего дня, когда она выглядела кошмарно, а он – как огурчик. Будь у нее с собой губная помада и расческа, чтобы хоть как-то привести себя в порядок, тогда еще можно было задержаться и поспорить с ним. Увы, не та ситуация. Она слишком устала, чтобы думать, тем более спорить. Не говоря ни слова, она села в пикап.

– Может, хочешь заглянуть по пути к Джигеру – посмотреть на его гремучую змею?

Меньше всего ей хотелось слышать о Джигере. До сих пор в дрожь бросало, когда вспоминала его сегодняшней злобный оскал. Однако то, что сказал Кэш, было настолько необычно, что она невольно переспросила:

– Что ты сказал?

– Джигер завел себе новое домашнее животное – гремучую змею. Говорят, жуткая тварь. Он уже чуть ли не деньги стал брать за просмотр. Хочешь – заглянем по пути?

– Да ну, ты шутишь. Если это юмор, то довольно неудачный. С ним я никаких дел иметь не желаю. Разве что в суд подать за нападение на Гейлу... К тому же скорей всего в сегодняшнем происшествии он тоже замешан.

– Я так и подумал.

Он остановил грузовичок на некотором расстоянии от виллы.

– Все. Не хочу доводить Коттона до инфаркта своим появлением, – сказал он не без горечи.

– А сегодня утром подкатил к самым воротам.

– Сегодня – особый случай. Это даже Коттон понял бы и простил.

– Простил и проявил больше понимания, чем тогда, когда ты подвез его любимое невинное дитя до дома?

Он коротко засмеялся:

– Вот это я готов отрицать хоть до второго пришествия. Он всегда будет считать, что именно я напоил тебя в тот вечер у озера. Наверное, он думает, что я тогда позволил себе и сексуальные вольности.

– Но ты этого и не оспаривал. Его улыбка мгновенно исчезла. Глаза уставились на нее, как лазер в мишень:

– Что ты сказала?

Видно, та ночь крепко задела его за живое. Ей захотелось оставить эту тему немедленно, но, с другой стороны, охота была раз и навсегда поставить точки над «i», разгадать наконец загадку.

– Я говорю, что не по этому ли поводу у вас с папой вышел скандал в тот вечер.

– Откуда тебе известно, по какому поводу мы с ним поругались?

– Слышала, как вы кричали друг на друга.

Он долго молча смотрел ей в глаза, потом сказал:

– Вот как? Тогда скажи мне, по поводу чего мы с ним сцепились?

– Не помню. – У нее между бровями появились две морщинки: напрягла память. – Слишком пьяной была. Но помню, как вы друг на друга набросились. Видимо, спор был о чем-то важном. Не по поводу Моники?

– Но это же было, дай бог памяти, лет десять назад. – Он обмяк за рулем и прикрыл рот ладонью, глядя в темноту. – Забыл, насчет чего мы там перегрызлись.

– Ты врешь, – тихо сказала Шейла. Он обернулся к ней. – Все ты помнишь. И ваш спор с отцом до сих пор остается неразрешенным. Верно?

Кэш не ответил и отвернулся.

– Ладно, черт с ним, – пробормотала Шейла. Какие-то их личные дела. Ну и пусть так и остается.

Слишком она устала, чтобы беречь сейчас старые раны. – Спасибо тебе за все, что ты сегодня сделал. Пока.

Шейла нажала на дверцу плечом: сомневалась, хватит ли сил открыть ее рукой. Опустив ноги наружу, она сбросила туфли. Прохладная чистая трава так приятно охладила ноги, сразу действуя успокаивающе.

Держась в тени деревьев, Шейла направилась к дому. Малиновый закат освещал белые стены Бель-Тэр, придавая им таинственный вид. Окна светились расплавленным золотом.

Бугенвиллея, карабкавшаяся под крышу на углу дома вдоль крайней колонны, отяжелела от цветов.

Внезапно у Шейлы защемило сердце от любви к родному дому. Даже дыхание перехватило. Физическое и умственное переутомление вылилось в эмоции. Она обняла ветвь дуба, росшую на уровне груди, и смотрела на дом, который так любила и который почему-то казался таким недостижимым.

Она знала, что Кэш находится рядом, еще до того, как он прикоснулся к ней. Подошел сзади и обнял за шею.

– Что тебя нынче тревожит, мисс Шейла?

– Ты ублюдок.

– Всегда им был.

– Нет, это не имеет отношения к обстоятельствам твоего рождения. Я имею в виду лично тебя, твое поведение, то, как ты обращаешься с другими людьми.

– А именно – с тобой?

– Согласись, то, что ты мне наговорил сегодня утром, было грубостью, совершенно ничем не спровоцированной и просто бессовестной.

– Я думал, что мы уже помирились. Она нетерпеливо пожала плечами:

– Мне от тебя не нужно цветочков и объяснений в любви, Кэш, но хоть чуточку доброты.

– Это вряд ли.

Она опустила голову, словно признавая собственное поражение.

– Ни сантиметра не уступишь, верно? Никогда!

Никогда ничего не отдаешь.

– Верно, никогда.

Ей бы следовало тотчас уйти от него, но она не могла заставить свои ноги двигаться, тем более когда он стоял рядом, словно колонна, о которую можно было опереться. Ей нужно было плечо, на котором она могла бы поплакаться. И он был рядом с ней – единственный человек, который, кроме отца, понял бы ее чувства.

– Я боюсь, Кэш.

– Чего?

– Потерять Бель-Тэр.

Его большие пальцы начали массировать ей затылок, снимая напряжение.

– Ты делаешь все, чтобы этого не произошло.

– И тем не менее все может быть, невзирая на усилия с моей стороны. – Она склонила голову набок. Он принялся массировать ключицы. – Предпринимаю один шаг, а меня пинком отбрасывают на два назад.

– Но ты же вот-вот завершишь сделку, которая вычеркнет «Крэндол Логинг» из черного списка, и угроза для Бель-Тэр исчезнет. Чего же ты боишься?

– Неудачи. Если мы действительно не доставим весь лес в срок, тогда то, что мы уже отправили, не зачтется. Эта последняя неделя – решающая. Мой враг это отлично понимает. – Она глубоко вздохнула и стиснула кулак. – Кто он? И

что у него еще припасено против меня?

– Может быть, и ничего. Может, он хочет напакостить только Коттону.

– Это одно и то же.

– Навредить Коттону – значит навредить тебе?

– Да. Я люблю его. Если бы он был моим настоящим отцом, я не смогла бы любить его больше. Возможно, я понимаю, почему ему так дорого это место. Ведь он тоже прибыл сюда чужаком. Он должен был доказать, что достоин Бель-Тэр.

Кэш промолчал, но его сильные пальцы продолжали снимать ее напряжение и уныние. Массаж развязал ей и язык.

– Мэйси никогда не была для меня матерью. Она была милой и ужасно несчастной женщиной, которая проживала в том же доме и устанавливала правила поведения. Коттон был мне родителем. Моим якорем. – Она опять глубоко вздохнула. – Но потом мы поменялись ролями, верно? Я чувствую себя как мать, которой приходится защищать свое чадо, но защитница слишком неумелая.

Кэш прижался к ней сзади. Его губы отыскивали сокровенное место на шее под самыми волосами. Он поднял обе ее руки на ветвь дерева.

– Кэш, что ты делаешь?

– Даю тебе иную пищу для размышлений. – Теперь, когда ее руки не мешали ему, перед ним открылось поле действий. Руки Кэша заскользили по телу Шейлы, лаская ее спину, жи-

вот, груди.

– А я не хочу думать ни о чем другом. И все равно я на тебя сердита.

– А для меня злость сделала секс самой потрясающей вещью в моей жизни.

– Я не считаю это возбуждающим средством. – Она шумно вдохнула, когда он обнял ее и крепко прижал к себе. – Не надо. – Однако протест ее был слабым. Он расстегнул кофту, снял с нее лифчик и взял в ладони обнаженные груди. – Послушай... нет. Не здесь. Не сейчас, Кэш.

Он был глух к ее возражениям, нежно ласкал губами ее шею, чуть-чуть покусывал, а пальцы осторожно дотрагивались до сосков.

– Ты хочешь меня, – бормотал он. – Сама знаешь, что хочешь. Я знаю, что это так.

Его рука проникла к ней под юбку, спустила трусики, потом ладонь коснулась желанного места, слегка надавливая. Она выдохнула его имя. Попытка сопротивляться уже была смешана с желанием, которое всегда мгновенно возникало в ней при его прикосновениях.

– Нет, – простонала она, испытывая стыд за эту странную смесь эмоций, которая сделала ее совсем слабой и податливой.

– Да, – прошептал он в темноте, в то время как его пальцы почувствовали вожаделенную влагу, означавшую, что она лжет себе и ему. Кэш поднял ее юбку и крепче прижался к

ней. Грубая ткань его джинсов, коснувшись ее тела, показалась мягкой, удивительно приятной.

Потом его большие пальцы начали ласкать ее клитор, опускаться ниже, раздвигать ее припухшие губы. Она прижалась лбом к ветви и вцепилась пальцами в шершавую кору дуба.

– Кэш! – Его имя в ее устах прозвучало как стон желания.

Он расстегнул «молнию» на джинсах. Вторгся в нее медленно, с расчетом, сдерживая собственную страсть, пока она не захлестнула его неодолимо. И тогда он полностью глубоко погрузился во влажное шелковистое лоно. Он терся о ее тело, и волосы Кэша щекотали гладкую кожу Шейлы.

Она откинула голову назад, ища его губы. Их полуоткрытые рты слились в поцелуе, языки ласкали друг друга. Его рука гладила ее бедро, другая рука щекотала сосок груди, потом опустилась вниз, средний палец снова начал массировать ее клитор, доводя ее до взрывной кульминации.

Его оргазм был долгим, яростным, жгучим. Когда все кончилось, его повело вперед и она едва удержала его. Оба свалились бы на мягкую траву, если бы Шейла не вцепилась в ветку дуба.

Потом он одел ее и привел в порядок себя. Шейла позволила ему одеть себя, потому что слишком была истощена физически и эмоционально, чтобы двигаться и говорить.

Боже мой, то, что она сейчас сделала, было невыносимо. Тем не менее это произошло. Нет, она ни о чем не сожалела.

ла, но ее встревожило то, что, когда он обнимал ее, она буквально таяла от желания. Забыла все свои проблемы. Забыла все, включая Бель-Тэр.

Шейла обернулась, когда услышала шум мотора пикапа, только теперь осознав, что он незаметно ушел. «Ну и ладно», – подумала она, проследив за удаляющимися в переулке огнями машины. Все равно она не знала, что ему еще сказать.

Глава 39

В то утро Шейла спала долго. Когда будильник зазвонил в положенное время, она выключила его и снова уснула. Проснулась через несколько часов. Посмотрела на часы и обнаружила, что время близилось скорей к обеду, нежели к завтраку. Ей бы устыдиться, но после кошмара вчерашнего дня она решила, что заслужила выходной, хотя бы на одно утро. Приняла душ, быстро оделась и вскоре была на кухне, расправляясь с запотевшим арбузом из холодильника.

– Вы можете на обед поесть салат с курятиной, если подождете часик, пока он охладится, – сказала миссис Дан.

– Спасибо, но мне уже пора в контору. Где-то среди ночи чуть ли не во сне возникла мысль о последнем грузе, отправленном Эндикоту. К счастью, она вспомнила об этом утром и захотела обсудить вопрос с Кэшем.

Проходя мимо кабинета, увидела Гейлу, которая вытирала пыль с книжных полок.

– Гейла, я просила тебя не пыль снимать, а сделать опись книг. За уборку я плачу миссис Дан.

– Ничего, ничего. Я просто по работе соскучилась. Чувствую себя виноватой... сижу тут, как лентяйка.

– Ты не лентяйка. – Шейла улыбнулась Гейле, сидевшей на стремянке. В ответ – едва заметная улыбка Гейлы. – Может, что-нибудь не так?

– Нет, – ответила Гейла, рассеянно уставившись в окно. За широкой рамой была видна обширная лужайка, залитая солнечным светом. Безмятежная картина. – Просто я... я... Впрочем, ничего.

Шейла присела на подлокотник кресла.

– Расскажи мне, что тебя беспокоит.

Гейла спустилась со стремянки и бросила тряпку в корзину со щетками. Ее узкие плечи поднялись и опустились в глубоком вздохе.

– Я сама не знаю, как это выразить, Шейла.

– Попытайся.

– У вас дел по горло, а тут еще мое нытье выслушивать.

– Ничего, время есть. Давай выкладывай, что там у тебя на уме.

Какой-то момент девушка собиралась с мыслями, потом сказала:

– Просто я размышляла, как мне дальше жить. Образования не хватает, чтобы получить приличную работу, к тому же я вышла из того возраста, чтобы возвращаться в школу. Да даже если бы и была моложе, не смогла бы оплатить учебу. – Она подняла взгляд на Шейлу, в глазах тревога. – Что же меня ждет дальше? Куда мне деваться? Как жить?

Шейла поднялась и дружески обняла ее.

– Ты только не торопись принимать какие-нибудь решения. Со временем все образуется. Непременно что-нибудь подвернется. А пока – здесь твой дом.

– Не могу я быть вашей иждивенкой, Шейла.

– Знаешь, меня злит, когда ты такое говоришь. Она подняла голову Гейлы за подбородок. Смотреть в глаза Гейлы – все равно что смотреть в две чашечки кофе – такие же большие, темные. Таким глазам бы да смеяться, а вместо этого они были полны отчаяния.

Шейла была разочарована тем, что Джимми Дон Дэвисон не ответил на письмо, которое она отправила ему в тюрьму. Шейла надеялась, что, узнав об уходе Гейлы от Джигера, он свяжется с ней. Она делала ставку на то, что Джимми Дону будет небезынтересно об этом узнать, и явно ошиблась. Такое письмо было бы тонизирующим средством для Гейлы, наполнило бы ее оптимизмом по поводу будущего. Шейле было неизвестно, что чувствовал Джимми Дон по отношению к своей бывшей возлюбленной, но скорее всего, узнав обо всех обстоятельствах, он не станет винить Гейлу за недавнее прошлое.

– Слишком хороший сегодня денек, чтобы беспокоиться о будущем, – тихо сказала Шейла. – Я не хочу думать о том, что ты покинешь Бель-Тэр. Мне сразу становится грустно. Не знаю, что бы я стала делать без твоей дружбы в эти последние несколько недель.

В глазах Гейлы тоска сменилась гневом.

– Трисия вас так ненавидит. Как вы только терпите?

– Пытаюсь игнорировать ее подкалывания.

– Не представляю, как это вам удается. А ее муж стоит как

ни в чем не бывало и все ей позволяет. – Гейла покачала головой. С мудростью, не свойственной ее возрасту, возможно, унаследованной от Веды, она добавила:

– Там что-то не так.

– Где?

– Я имею в виду, между ними.

– А в чем дело?

– Не знаю точно. Оба постоянно суют нос в чужие дела, ведут шепотом какие-то телефонные разговоры. Вы знаете об этом? Когда я прохожу мимо них, они либо сразу замолкают, либо громко начинают нести какую-то чушь, будто я уж такая дура, что ничего не способна сообразить в этой их игре. – Она с беспокойством посмотрела на Шейлу. – Я бы на вашем месте им не доверяла.

Эти секретные телефонные разговоры, по всей видимости, велись с торговцами недвижимостью. Гейла не знала о планах Хоуэла выставить Бель-Тэр на продажу. Шейла смехом отмела ее тревоги:

– Сомневаюсь, что они планируют заговор с целью убить меня в собственной постели.

– У мистера Хоуэла шариков не хватает. А она-то сообщает. Как она ненавидит вас, Шейла. Просто не понимаю, как это две девочки, которых воспитывали как сестер, могли стать такими разными.

– Мы с ней из разного теста.

– Трисия, во всяком случае, – от дурного семени. Помя-

ните мое слово.

– Просто сверх меры закомплексована, сама не знает, чего она стоит. – Интуиция Гейлы обеспокоила Шейлу больше, нежели она хотела это признавать. Тем не менее, к раздражению Гейлы, она взялась защищать Трисию. – Матери было наплевать на нас обеих, а отец не скрывал, что я у него любимица. За годы такой жизни Трисию и скисла.

– Уважаю вас за то, что вы так ее выгораживаете, только не поворачивайтесь к ней спиной.

С этим предостережением в ушах Шейла вышла из комнаты и направилась к задней части дома. Заглянула в комнату Коттона, но его там не оказалось. Она нашла его снаружи. Он сидел в садовом кресле и кормил орешками пекан белок, которые ели прямо из его рук. Когда появилась Шейла, белочки вмиг разбежались и скрылись на ближайших деревьях.

– Всех распугала, – сказал Коттон, нахмурившись.

– И тебе доброе утро, – ответила Шейла. Она наклонилась, чмокнула его в щеку и села в кресло рядом с ним. – Как ты себя чувствуешь сегодня? Я, например, – отлично! – Она вытянула ноги, положила ладони на затылок и потянулась.

– Еще бы. Полдня проспала.

– Решила, что после вчерашнего я заслужила такой отдых.

– Пожалуй, верно. Черт-те что было, да?

– А ты откуда знаешь? – Он уже спал, когда она вернулась ночью.

Шейла проследила за его взглядом, брошенным на газету, лежавшую на столике между ними. Даже читая вверх ногами, она увидела, что первая полоса газеты почти целиком посвящена происшествию на лесозаготовках Крэндола. На снимке был изображен Кэш, сидевший верхом на толстом бревне и наблюдавший за расчисткой шоссе.

Одна из белочек решила, что Шейла не представляет собой опасности, и подкралась обратно к орешкам. Коттон перегнулся из кресла и подбросил ей половинку пекана.

– А миссис Дан знает о том, что ты так расходуешь орешки, предназначенные для торта?

– Не уклоняйся от темы, – строго сказал Коттон.

– Я не знаю, какая тема тебя интересует.

– Почему ты мне не сказала о происшествии?

– Просто я еще тебя не видела.

– Почему ты не посоветовалась со мной, когда Будро поднял тут шум вчера утром?

– Прости. Он тебя побеспокоил?

– Он всегда меня беспокоит. Шейла проигнорировала его реплику и сдержанно ответила на первоначальный вопрос:

– Я не сказала тебе об этом и не спросила твоего совета, потому что, честно говоря, не подумала об этом.

– Ну что ж, барышня! – воскликнул он. – Придется тебе напомнить, что я все еще возглавляю эту проклятую компанию.

– Но ты пока что временно в подвешенном состоянии.

– Ага! И ты тут же поспешила передать все дело этому акадскому мерзавцу!

– Папа, подожди. Верно, что приходится зависеть от Кэша, но решения все-таки принимаю я. По серьезным проблемам я всегда советовалась с тобой. Вчера была иная ситуация – исключение. Пришлось действовать мгновенно. Не было времени взвешивать варианты. Выбора не было вообще.

– Могла бы позвонить. Я бы подъехал на место.

– Возможно. Но после твоей операции я пыталась избавиться тебя от повседневных деловых проблем.

– Больше мне таких услуг не оказывай. Не желаю быть отстраненным. Когда в ящик положат, тогда надолго буду изолирован. Только не надо раньше времени меня хоронить.

Шейла с большим трудом заставила себя промолчать и воздержаться от комментариев. Словно катехизис, мысленно перечислила все доводы, опровергающие его несправедливые выпады. Нельзя было выводить его из себя или огорчать. Любой взрыв эмоций был опасен, если не смертелен. Когда задевали его чувство гордости, он впадал в депрессию, начинал сам себе противоречить.

Стараясь говорить спокойно, она сказала:

– Ну, раз ты чувствуешь себя более окрепшим, я буду с тобой консультироваться по деловым вопросам. Я этого не делала, только чтобы побереечь твое здоровье.

– Ерунда все это. – Он ткнул в ее сторону указательным пальцем. – Ты со мной не советовалась потому, что предпо-

чла иметь дело с Кэшем. – На виске у него запульсировала жилка. Оба этого не замечали. – Что, и в койке с ним обсуждаете дела лесопилки?

Шейла виновато съежилась, на мгновение задержала дыхание. Потом естественная защитная реакция взяла верх. Она подняла голову и смело встретила взгляд отца.

– Я взрослая женщина и обсуждать с тобой свою личную жизнь не собираюсь.

Он стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

– Мы не о твоей личной жизни толкуем. Ты стала вроде своей сестрицы. Та нам голову морочила насчет Хоуэла. Ты целых шесть лет сожительствовала с «голубым». С какой стати мне теперь беспокоиться, с кем ты там трахаешься? Мне на это плевать!

– Ну тогда чего ты на меня кричишь? Он приблизил к ней лицо:

– А потому, что теперь ты делишь койку с Кэшем Будро.

– Ну и какая разница?

– Большая. Он слишком близок к моему бизнесу, к моему дому. Твой роман с ним влияет на все, ради чего я надрылся всю жизнь.

– Каким образом?

– А таким. Этот акадский ублюдок... Шейла вскочила с кресла и, наклонившись над ним, закричала:

– Не смей его так называть! Он не виноват, что незаконнорожденный Коттон откинулся в кресле и поднял на нее

взгляд.

– Боже милостивый! – воскликнул он с удивлением. – Да ты влюбилась в него!

Лицо ее стало бесстрастным. Она еще несколько мгновений смотрела на отца, потом повернулась к нему спиной, опершись обеими руками о спинку своего кресла.

Коттон еще не закончил выяснения отношений с ней. Он выпрямился и подвинулся к краю кресла.

– И ты осмеливаешься выгораживать этого человека передо мной. Передо мной! – Он стукнул себя кулаком в грудь. Удар отразился болью в еще не долеченном сердце, но он был слишком разгневан, чтобы замечать это. – Надо ж, как тебя угораздило. Влюбиться в такого бабника, как Кэш Будро!

Она снова резко обернулась к нему:

– А почему бы и нет? Ты-то его мать тоже любил. Оба с такой яростью смотрели друг другу в глаза, что долго это не могло продолжаться. Одновременно опустили взгляд.

– Значит, ты в курсе, – сказал Коттон после долгой паузы.

– Да.

– И давно?

– Недавно.

– Он сказал?

– Нет. Трисия. Он вздохнул.

– А какого черта, собственно? Я даже удивляюсь, что ты об этом не знала. Весь приход знал. – Коттон расколлот еще один пекан, взял кусочек мякоти и подсунул любопытной бе-

лочке. – Я много лет сожительствовал с Моникой.

– Да.

– И сделал бы это снова. – Отец и дочь посмотрели друг другу в глаза. – Даже если бы мне пришлось вечно гореть в аду, я бы все равно любил Моника. – Снова откинувшись в кресле, он положил затылок на спинку и посмотрел вверх. – Мэйси не была... не была горячей женщиной, Шейла. Для нее страсть означала всего лишь потерю самообладания. Не способна она была на сильные чувства.

– А Моника Будро была способна?

На его бледных губах появилась тень улыбки.

– О да. – Он вздохнул. – Еще как! Она все делала со страстью – смеялась, презирала, любила. – Взгляд его стал отрешенным, словно он всматривался в глубь своих воспоминаний, видя там более счастливые времена. – Она была очень красивой женщиной.

Шейлу удивило непривычное выражение его лица. Оно никогда еще не было таким мягким. Эта уязвимость до глубины души тронула Шейлу.

– Вот! А я думаю, что Кэш очень красивый мужчина.

Лицо Коттона мгновенно изменилось, стало злым и безобразным, улыбка исчезла, уголки губ опустились в презрительной гримасе.

– Я смотрю, крепко он тебя обработал, верно? Но ведь ты ему не доверяешь?

– Он для меня был находкой. Да, приходится зависеть от

него. Он самый опытный и толковый знаток леса. Все так говорят.

– Да знаю я, черт его дери! – прорычал Коттон. – Мне тоже приходится зависеть от его профессиональных оценок, но я к нему в постель не лезу. Я к нему спиной не поворачиваюсь, чтобы он нож не всадил мне под лопатку.

– Кэш вовсе не такой, – сказала она, желая в глубине души, чтобы это было правдой.

– Не такой? А когда он тебе рассказывал про Монику и меня, о своих угрозах не упоминал?

– Угрозах?

– А! Вижу, не упоминал.

– Я знаю, что у вас с ним было несколько яростных стычек. Одна произошла в ту ночь, когда он привез меня домой с пруда Тибодо. Помнишь? Сразу вскоре после того, как умерла мама.

– Помню, – настороженно признал он.

– Кэш мне тогда помог. Он был единственным, кто не накачивал меня пивом в тот вечер. А ты несправедливо обвинил его во всем.

– Кэш никогда ничего не делает по доброте сердечной. Может, он и не спаивал тебя, но не заблуждайся относительно того, что он заботился о твоём состоянии.

– А из-за чего вы в ту ночь сцепились с ним?

– Не помню.

Он лгал так же, как и Кэш.

– Из-за Моники?

– Не помню. Может быть. Когда Мэйси умерла, Кэш требовал, чтобы я женился на его матери.

Шейла внимательно смотрела на него, пытаясь снова уловить то мягкое выражение любви, которое только недавно осветило его лицо.

– А почему ты отказался, папа? Если так ее любил, почему не женился на ней, когда мама умерла? – С чувством вины добавила:

– Из-за Трисии и меня?

– Нет. Потому что дал слово Мэйси.

– Но она же умерла.

– Это не имеет значения. Я дал слово и не мог жениться на Монике. Она меня поняла и смирилась с этим. А Кэш – нет.

– Ну и за что его винить? Ты испортил жизнь его матери. У нее был выкидыш, знаешь? Глаза Коттона затуманились слезами:

– Проклятие ему за то, что сказал тебе об этом.

– Значит, это правда?

– Да. Но я не знал, что она была беременна. Узнал только потом. Клянусь Богом, не знал.

Она поверила. Он мог косвенно солгать, не сказав всей правды, но никогда не говорил ей вещи, намеренно искажающие истину.

– Моника жила в некоей сумеречной зоне, изгоем общества. Не могла даже выполнять религиозные предписания

из-за романа с тобой.

– Ну, это уж был ее выбор, равно как и мой, – жить так, а не иначе.

– И все же, когда умерла мама, у тебя была возможность все это уладить нормально, а ты не стал.

– Да не мог я! – повторил он в сердцах. – Кэшу так и сказал. Теперь вот и тебе говорю. Не мог, понимаешь?! – Он выкрикнул все на последнем выдохе. – Тогда Кэш и поклялся на четках своей матери, что отомстит мне. Обвинял меня, что я, мол, делаю из нее шлюху, обещал, что не успокоится, пока не разорит меня и Бель-Тэр в придачу. – Он судорожно вдохнул. – Как ты думаешь, почему человек с его опытом все эти годы сшивается здесь, живет, как белая шваль, в задрипанной хижине у затона?

– Я его об этом спрашивала.

– Ну и что он сказал?

– Сказал, что поклялся умирающей матери, что не покинет Бель-Тэр, пока ты жив. Она просила его присматривать за тобой.

Котгон некоторое время молчал, невидящим взглядом смотрел на Шейлу, наконец упрямо покачал головой:

– Не верю я этому, просто время выигрывал. Подстерегал случай, как пантера перед прыжком. Ты вернулась из Англии после полного сексуального воздержания, и тут – бах – он увидел свой шанс отомстить. Поскольку я слег, ты оказалась к его услугам безо всяких препятствий, вот и воспользовался

на всю катушку, разве не так?

– Нет.

– Не воспользовался?

– Нет!

Глаза Коттона прищурились в узкие щелки.

– Разве это не золотая возможность отплатить мне за то, что я спал с его матерью? Всем известно, как я к тебе отношусь, Шейла. Парень отнюдь не глуп. Если он захотел со мной расквитаться по-настоящему, лучшего способа, чем совратить мою любимую дочку, ему не найти.

Шейла прикусила пальцы, сложенные в кулак, и качала головой. Слезы сомнения застилали ей глаза.

– Он хитрый и коварный, как лиса, поверь мне, Шейла. – Коттон коротко вздохнул. – Моника была гордой женщиной. Она никогда от меня не принимала денег. А жили они буквально на жалкие крохи. Конечно, такая обстановка... на Кэша, безусловно, повлияла. Он постоянно чувствовал себя обделенным. И за это теперь ненавидит нас. Да, возможно, у него есть обаяние Моника, но ни капли доброты и преданности. – Коттон предостерегающе покачал пальцем. – Ты не можешь ему доверять. Если доверишься, тебе крышка, конец. Он все сделает, чтобы нас разорить, будет заливать тебе все, что угодно. Ни минуты не сомневайся в этом.

Шейла, не в силах больше слышать подобное, повернулась и убежала.

Глава 40

Все это не правда, убеждала она себя.

К тому времени, как Шейла доехала до конторы, сомнения, которые посеял в ней Коттон, подорвали ее уверенность. Как будто туча заволокла солнце.

Она затормозила, распахнула дверцу автомобиля. Пикап Кэша был припаркован возле весов. Значит, он здесь, а не в лесу. Шейла была довольна тем, что не придется его разыскивать бог знает где. Откладывать объяснение больше нельзя. Надо немедленно убедиться в том, что Коттон был не прав, ошибался. Нужно быть уверенной в том, что именно она была права.

Шейла решительно вошла в контору и захлопнула за собой дверь с громким треском. Кэш сидел за письменным столом, делая подсчеты на калькуляторе. Он бросил на нее взгляд: брови нахмурены, губы сжаты в тонкую полоску.

– Ты не поверишь, Шейла. Кен Хоуэл тебя крепко надувал.

– Как и ты.

Голос ее был тихим, но холодным и твердым. Такого он явно не ожидал: посмотрел на нее внимательно. Она стояла в напряженной позе возле двери и часто моргала от негодования. Он спокойно окинул взглядом ее фигуру с головы до пят и обратно. Потом бросил ручку на заваленный бумагами

стол и закинул ладони за голову.

– Верно. Как и я. И пока что жалоб от тебя не слышал.

Ее грудь дрожала от неровного дыхания.

– Но почему? Зачем все это?

– Почему? – Он неожиданно рассмеялся. Заметив, что она все-таки настроена воинственно, коротко ответил:

– Потому что это приятно.

– И это единственная причина? Приятно, и все? – Голос ее прозвучал грубо. – То есть любая женщина сойдет. Но почему все же я?

Он опустил руки и поднялся. Вышел из-за стола и присел на его краешек, не сводя с нее глаз.

– С чего это ты вдруг затеяла такой разговор? Живот прихватило?

– Объясни мне, Кэш, – сказала она резко и нетерпеливо, – если любая женщина вызывает у тебя эрекцию и ты всегда испытываешь удовлетворение, то зачем тебе именно я?

Он прикусил нижнюю губу у уголка рта.

– Хочешь все напрямик?

– Да, напрямик.

– Ну хорошо, – сказал он нагло. – Пожалуй, с тобой оказалось все гораздо восхитительнее, чем с другими. Я тебя захотел с того дня, когда увидел, как ты спишь под деревом. После того стоило мне тебя увидеть, как желание возрастало, пока я наконец тебя не поимел.

– Для тебя это было захватывающе. Моя капитуляция.

– Да, – ответил он с грубой откровенностью. – Для тебя это тоже было захватывающим, не правда ли? Она прикусила губу, чтобы не расплакаться.

– Почему ты ничего мне не сказал?

– Когда?

– После первого раза.

– Потому что ты смотрела на меня свысока, словно ожидая, что я буду извиняться. А я перед женщиной никогда не извиняюсь. Ни за что. И уж тем более за то, что трахнул ее.

– Ты получил, что хотел. Я сдалась, даже сама пришла к тебе. Почему ты тогда не оставил все это? Он посмотрел на нее странно:

– Хм... Потому что не насытился. Я и сейчас еще не удовлетворен. Мне нравятся твои груди, твои ноги, твоя попка, твои губы, звуки, которые ты издаешь, когда кончаешь. Продолжать или хватит?

Шейла испытала борьбу эмоций. Леди, которую воспитывала Мэйси, хотелось влечь ему пощечину и выйти вон. Женщина в ней хотела прижаться к нему, целовать его и любить. Хотелось сделать ему больно, чтобы он испытал те же страдания, которые заставлял переносить ее своим холодно-циничным тоном.

– Почему... Почему ты это сделал прошлой ночью в Бель-Тэр?

– Слушай, только не делай вид, что тебе не понравилось. Тебя аж трясло.

– Я не говорю, что мне не понравилось! – крикнула она. – Я спрашиваю – почему именно тогда и там?

– Потому что ощущение было...

– Хорошее?

– Qui! – крикнул он в ответ. – Отличное! Класс! Меня понесло по течению, понятно? Мне было не до раздумий. Мой член думал вместо меня.

– Судя по тому, что я о тебе слышала, именно так обычно и бывает.

– Не дури, – прошипел он. – Мы сделали, что хотели, и это было в тот момент классно для нас обоих. – Он выпрямился и приблизился к ней. Прядь волос, нависая над его бровью, трепетала от негодования. – Какого черта ты шумишь?! С чего вдруг этот допрос? Может, оставим эту тему и поговорим о чем-нибудь более важном? Например, о том, как твой зятек годами подделывал деловые бумаги? – Глаза его потемнели. – Или еще лучше: почему бы тебе не залезть мне на колени и как-нибудь решить мои проблемы, которые жутко возросли в результате нашей беседы?

– Не смешно.

– Ты совершенно права. Не смешно. Все еще негодуя, Шейла сказала:

– Расскажи мне о Кене.

– Все элементарно просто. Он жулик. Именно он является причиной того, что компания теряет деньги, несмотря на стабильный бизнес. Не знаю, в курсе ли этого Коттон. Может

быть, он смотрел сквозь пальцы, потому что Хоуэл – родня, или не замечал по старческой рассеянности. Именно Хоуэл облапошил Эндикота. Совершенно ясно, он подделал подпись Коттона на чеке, получил по нему баксы и прикарманил. Только не стал никому говорить о заказе и предоплате. – Он махнул рукой в сторону стола. – Вон там, в документах, полно дыр, которые появились по его милости.

– Откуда тебе все это известно?

– Гли проверил счета Хоуэла и обнаружил его натяжки и приписки, чтобы сумма сходилась.

– Гли?

– Ты сказала, чтобы я дал ему какое-нибудь дело. Я и отдал ему копии документов. Он их проверил и сказал, что они...

– Кто тебя просил это делать? – спросила Шейла, не скрывая ярости.

– Что?

– Ты слышал.

Он движением головы откинул назад прядь волос.

– Опять-таки давай начистоту. – Он расставил ноги чуть пошире, поза выражала упрямство. – Ты расстроена, потому что Гли накопал материалы, способные отправить твоего бывшего любовника в тюрьму?

– Нет, – сквозь зубы ответила она. – Я расстроена тем, что ты присвоил себе полномочия, которых я тебе не давала.

– Ах вот как, – холодно ответил он. – Так сказать, вышел

за рамки.

– Вот именно.

– Это имеет отношение к нашей предыдущей дискуссии? Я переступаю границы дозволенного каждый раз, когда укладываю мисс Шейлу Крэндол в постель?

– А разве это не твой бзик? Переступить границы. Присваивать власть? Выходить за рамки? Не потому ли ты и любовью занимаешься со мной?

– Я не занимаюсь любовью.

Шейла постаралась сдержаться.

– Понятно. Любовью не занимаешься. Просто сексуальный маньяк.

Он пожал плечами.

– Пожалуй, можно и так определить. – Он увидел, как на ее бледном лице появилось выражение уныния. Тихо выругался. – Понимаешь, я называю лопату лопатой. В слово «любовь» не верю и потому не употребляю его. Оно ничего не значит. Все, что я знаю, когда люди действуют во имя любви, они делают друг другу больно. Твой отец заявлял, что любил мою мать.

– Да. Он и сегодня утром сказал мне об этом.

– Так вот, объясни мне, почему он остался с женщиной, которую не любил, которая ему даже не нравилась? Да потому, что великая любовь к моей матери, о которой он трепался, была не так сильна, как его амбиции и алчность. Моя мать заявляла, что любит меня. – Он решительно замахал

ладонью, заметив готовность Шейлы протестовать. – Но когда она умирала, ты знаешь, по ком она плакала? По Коттону! Да, по Коттону, который обращался с ней как с дерьмом. Плакала, потому что не хотела расставаться с ним. – Он покачал головой почти с отвращением. Потом горько усмехнулся. – В этой хреновине с любовью процентов нет. Ее изобретатель был распят. Вот и объясни, в чем ее привлекательность. Конечно, байки можно рассказывать, если это помогает сделать все покрасивее, чем на самом деле. Если это оправдывает действия людей, пожалуйста, говори. Но твои слова ни черта не значат.

– Мне даже жалко тебя, – сухо ответила Шейла.

– Прибереги свою жалость. Я не хочу иметь никакого отношения к любви, во всяком случае, если это означает превращение меня в половую тряпку. Меня будут использовать, а я буду просить повторить еще раз. Да провались оно, это непротивление злу. Кэш Будро привык давать сдачи.

– Око за око.

– Точно. И даже больше.

– Значит, поскольку Коттон пользовался твоей матерью, ты счел оправданным таким же образом использовать меня. – Ее глаза встретили его взгляд. В них не было ни симпатии, ни тепла – одно лишь разочарование. – Верно я говорю?

– Ты так считаешь?

Она медленно кивнула.

– Да, я так и думаю. – Ее сердце желало, чтобы он опро-

верг это. Он этого не сделал.

– Я так понимаю, Коттон тебе раскрыл на меня глаза? – спросил он невозмутимо.

– Он сказал, что ты угрожал разорить его. Это так? – Кэш промолчал. – Ты поклялся на четках матери уничтожить его и Бель-Тэр. Сюда входит и запугивание меня? А также разрушение оборудования, умышленные проволочки, или, скажем, твои усилия направлены на то, чтобы престижный для компании контракт не был заключен?

Его глаза заблестели.

– Вы очень умны, леди. Вот сами и догадайтесь.

– И как же грандиозно получится, если при этом ты еще будешь и спать со мной, верно?

– Я просто сияю от счастья при одной мысли о подобном.

Однако лицо его сохраняло отчужденное, холодное выражение. Шейла была на грани срыва, но заставила себя держаться с достоинством.

– Я хочу, чтобы ты немедленно убрался вон. И не возвращайся! Больше не смей сшиваться вокруг лесозаготовок.

– Ты думаешь, что сможешь меня остановить?

– Не знаю. У тебя огромное влияние на них всех. Возможно, ты сделаешь так, что они все разом покинут свою работу сегодня же. – Она слегка склонила голову набок. – Однако мне интересно знать: пойдут ли они на отказ от работы, если это лишит их обещанной премии? Интересно также, что они подумают о тебе, если заподозрят Кэша Будро в саботаже по-

грузок и в том, что именно из-за тебя они лишатся денег?

– Я вижу, ты все успела продумать.

– Я хочу, чтобы ты в течение недели покинул Бель-Тэр. Освободи дом. Можешь даже сжечь его дотла, только не возвращайся. Если увижу тебя еще раз на моей территории, пристрелю.

Он пытался сломить Шейлу взглядом, но она не поддавалась. Он пожал плечами, подошел к двери, распахнул ее.

– Без меня ты в срок не уложишься. Поняла?

– Все силы на это брошу!

Он пристально посмотрел ей в глаза.

– Что ж, может быть.

Щелчок стопора двери, когда он закрыл ее за собой, прозвучал для Шейлы как зловещий выстрел.

Глава 41

Шейла вошла в гостиную Бель-Тэр. Не говоря ни слова, бросила на стол перед Кеном конверт.

– Что это? – спросил он.

– Некоторые материалы, способные упрятать тебя за решетку.

У сидевшей за столом Трисии вилка замерла между тарелкой и ртом... Кен попытался разыграть непонимание, но улыбка вышла фальшивой.

– Да о чем ты, Шейла?

– Я не хочу ничего говорить здесь, где нас могут услышать миссис Дан или Гейла. Встретимся в кабинете.

Несколько минут спустя она сидела в кресле. Дыхание ее было ровным, но она чувствовала себя как одуванчик на ветру – вот-вот рассыплется.

Когда Кен и Трисия вошли, она бросила им:

– Закройте дверь как следует.

– Ото! Какие мы сегодня воинственные. – Трисия криво усмехнулась. Она села в кресло боком, перекинув ноги через подлокотник, оторвала несколько виноградин от кисти, которую прихватила с собой, сунула их в рот. – Обожаю подобные интриги. Но так ли уж они необходимы сейчас?

– Пусть Кен тебе все расскажет. – Шейла проигнорировала нагловатый тон Трисии и уставилась на своего бывшего

жениха.

Кен постукивал ребром продолговатого конверта о ладонь.

– Послушай, Шейла, я не знаю, что это досье тут доказывает, но...

– Оно доказывает, что ты занимался денежными махинациями на лесозаготовках Крэндола, с тех пор, как отец взял тебя в штат.

Трисия выпрямилась, перебросила ноги на пол.

– Что?!

– Я не понимаю, о чем ты... – пробормотал Кен.

– Цифры там, Кен. Черным по белому, – ровным голосом ответила Шейла. – Я сама видела поддельные подписи отца на аннулированных чеках.

Кен нервно облизнулся.

– Я... я просто не знаю, кто тебе заморочил голову подобными несусветными идеями, но... Будро, видимо? Так?! Эта сволочь?! – Он плюнул. – Этот гад ни перед чем не остановится, чтобы все развалить. Сама, что ли, не видишь?! Он же пытается натравить тебя на нас.

Шейла наклонила голову и потерла пульсирующие виски.

– Хватит, Кен. Не надо. Пожалуйста. Я и без него уже много недель все знала. С тех пор, как побывала у Эндикота. Сама увидела неувязки в бухгалтерии, просто не понимала, почему папа игнорировал все это, пока компания не оказалась на грани краха.

– Я объясню.

Все головы обернулись на звук голоса Коттона. Он стоял на пороге раздвижных дверей, которые отделяли кабинет от холла. Он заметно похудел. Тем не менее, выпрямившись во весь свой рост, он выглядел в этот момент величественным и неуязвимым.

Вступив в комнату, он сказал:

– Я игнорировал все, потому что не желал признавать, что под моей собственной крышей живет вор.

– Да нет, я...

– Молчать! – приказал Коттон зятю. – Ты мерзавец и вор! И лжец. Игрок? Я мог бы это простить, если бы ты выигрывал. Но ты и играешь так же бездарно, как и все, что делаешь. Мне известно абсолютно все о тех, кому ты задолжал.

Кена прошиб пот. Пальцы рук машинально сжимались в кулаки и разжимались.

– Кен, о чем речь? – спросила Трисия. Ответил ей опять-таки Коттон:

– Он по самую задницу в долгах у акул, у вымогателей долгов с процентами.

– Потому ты и просил у меня денег? – поинтересовалась Шейла.

Кен лихорадочно искал ответа и молчал. Коттон с отвращением наблюдал за ним. Потом сказал:

– Ну что ж, я, откровенно говоря, надеялся на то, что эти подонки запугают тебя так, что ты наконец образумишься.

Но ты оказался слишком глуп, чтобы всерьез принять их угрозы. Тогда я стал надеяться, что они прихлопнут тебя к чертовой матери. Семья могла бы позволить себе избавиться от тебя. Все списали бы на убийство при ограблении.

– Эй, старина, вы уж на этом хотя бы остановитесь, – предостерег Кен.

Коттон пропустил его реплику мимо ушей.

– Я тебя всегда не переваривал, Хоуэл. Ты смог обвести вокруг пальца моих дочек, но я тебя вычислил в тот день, когда ты позволил этой сучке, – он указал пальцем на Трисию, – пульнуть заведомую ложь, что она от тебя забеременела. Ты – ничтожество, не мужик. Видеть тебя тошно. От тебя так и смердит неудачами.

Шейла поднялась с кресла:

– Пап, ты сядь.

Лицо Коттона покраснело, он тяжело дышал. Она взяла его под руку и подвела к ближайшему креслу, помогла сесть.

Он принял ее услуги с раздражением.

– Я вижу, вы тут думаете, что, когда у меня забарахлило сердце, мозги тоже отказали? Шушукались тут по дому, не хотели, чтобы старик был в курсе дел. Но мне все известно. Все, будьте уверены! Прямо скажем, удовольствие маленькое знать подобное.

– Между прочим, все неприятности начались, когда Шейла вернулась домой, – сварливо заметила Трисия. – До того дела шли вполне нормально. А она прибрала все к своим ру-

кам.

– Что же твоего она прибрала? – спросил Коттон.

– Мужа, – ядовито парировала Трисия. Коттон мрачно посмотрел на Шейлу:

– Ты все еще хочешь его?

– Нет.

Он перевел взгляд на Трисию:

– Она не хочет его. И думаю, была бы не в своем уме, если бы захотела. Какие еще претензии?

– Да она вообще тут весь дом перевернула. Экономку уволила.

– Да, уволила, слава Иисусу, Деве Марии и Иосифу, – сказал Коттон. – Эта Грейвс – злобная, никчемная баба, даже готовить не умела. Хорошо, что избавились от нее.

– А что это за черная личность, которая тут поселилась?

– Это ты насчет Гейлы, что ли? А что с ней?

– Да нет, ничего. Просто благодаря Шейле она теперь тут всем заправляет. Уж это одному господу ведомо, какие болезни мы тут от нее подцепим.

– Что за мерзости ты говоришь?! – яростно воскликнула Шейла.

Трисия с ненавистью посмотрела на нее:

– Да ты весь дом готова превратить в ночлежку для всякого цветного сброда – дай тебе волю. Мама в гробу бы перевернулась.

– Твоя мама никогда ни о ком по-доброму не думала, –

сказал Коттон Трисии. – И ты туда же. Уж по крайней мере, Шейла лишена твоих предрассудков.

Грудь Трисии вздымалась от возмущения.

– Ну, конечно! Разумеется. Всегда за Шейлу, что бы она ни вытворяла – все хорошо, верно? – Ее голубые глаза сверкали злостью. – А известно тебе, что она спит с Кэшем Будро?! Представь себе: Кэш Будро! По-моему, дальше ехать просто некуда. Вот. Что ты скажешь на сей раз по поводу своей драгоценной Шейлы? А? Папочка дорогой!

– Я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать личную жизнь Шейлы.

– Ну безусловно! А как же иначе! – закричала Трисия. – Шейла у нас просто идеал, даже если трахается со всяким сбродом.

– А ну прекрати!!!

– Успокойся, папочка.

– Трисия, замолчи! – крикнул Кен.

– Нет, не буду молчать! – продолжала орать Трисия, обернувшись к своему мужу. – Папа прав! Ты действительно слабак! Ничтожество! Даже не пытаешься за себя постоять! Хотя бы меня защитил! – Она ткнула пальцем себя в грудь. Ее трясло от ярости, в уголках губ показалась пена. – Я торчала тут, в этом задрипанном старом доме, годами, пока Шейла роскошествовала в Лондоне. Да, да! Жила тут и заботилась о тебе! – Она посмотрела на Коттона. – А Шейла бросила тебя ко всем чертям. И вот она, благодарность за все! Тычешь

мне в лицо образцом примерной дочери!

Взгляд Коттона словно пронзил ее насквозь.

– Ты оставалась со мной, лишь бы Шейла не возвращалась. Вот в чем причина, уж никак не в любви ко мне.

Она позволила себе отдышаться и уже поспокойнее сказала:

– Это не правда, папа. Коттон кивнул седой головой:

– Увы, правда. И Кен тебе был не нужен. Просто узнала, что Шейла им интересуется. А в Бель-Тэр тебе и впрямь жить не хотелось. Ты знала, что покинуть этот дом было убийственно для Шейлы. – Он с грустью покачал головой, глядя в глаза Трисии. – У тебя в голове никогда ничего не было, кроме твоего драгоценного «я». Если даже и была в твоей крови капля благородства, Мэйси и ее развратила своей философией властности. Ты эгоистичная, озлобленная и лживая дрянь, Трисия, как это ни печально для меня.

Трисия содрогнулась от столь откровенных признаний со стороны отца.

– Какая ни есть, это твоя вина. Сам знал, что мать нас не любит. Для тебя Шейла стала любимицей. Сквозь ее золотую ауру ты меня просто не замечал.

– Да нет. Я пытался полюбить тебя. Но ты никому этого не позволяла. Вечно была зациклена лишь на одном: что ты не родная дочь Мэйси. Мне на это было абсолютно начхать, а для тебя – прямо проблема номер один.

Трисия медленно поднялась из кресла. В глазах ее пылала

неистовая, почти дьявольская злоба.

– Что ж, очень рада, что я и не твоя дочь, – прошипела она. – Ты просто неотесанный чурбан. Правильно мать тебя так называла. Неудивительно, что она тебя не пускала на порог своей спальни. Ходил тут, понимаешь, павлином, Господь Бог этакий. Да ты просто дерьмо! И остался бы белой швалью, если бы не женился на Мэйси Лорент.

Она резко повернулась к Шейле:

– И еще очень рада, что мы с тобой не родные сестры. Тебе мало того, что, вернувшись, ты развалила то самое хозяйство, которое я так тщательно создавала, хотя и презирала этот дом. Ты сделала из моего мужа дурака на том основании, что он, дескать, не сумел включиться в дело. Теперь вдобавок обвиняешь его в воровстве.

– Он вор! – рявкнул Коттон.

Для Шейлы мстительные тирады Трисии были пустяком, она тревожилась за Коттона. Такие эмоциональные нагрузки для него были еще слишком опасны.

– Послушай-ка, папа, мы можем потом все это обсудить.

– Нет, сейчас! – крикнул он, хлопнув ладонью по подлокотнику. Чтобы не расстраивать его больше, Шейла замолчала. Коттон снова вперил свой взгляд в Кена. – Ты обескровливал мое дело годами. Мне бы следовало остановить тебя, когда я впервые узнал об этом. Наверное, надеялся, что у тебя шарики заработают в конце-то концов, до тех пор пока тебя не застукают.

– А я, может, и не стал бы влезать в это дело, если бы вы мне платили по-божески.

– По-божески?! – Коттон повысил голос. – Черт бы тебя подрал! Я тебе плачу втрое больше, чем среднему лесопилыцику. А он вкалывает до седьмого пота, надрывается, жизнью рискует за каждый вшивый доллар. – Коттон наклонился в его сторону. – Что ты вообще сделал, чтобы заслужить свою приличную зарплату? Я скажу тебе что. Три дня в неделю играл в гольф и протирал задницей стул у стойки бара в клубе.

– Я шесть лет отдал лесопилкам Крэндола!

– И какие результаты?! – крикнул Коттон. – Никаких, кроме уголовного дела.

– Если бы вы со мной обращались как с человеком...

– А ты вел себя не как человек.

– Если бы дали мне больше полномочий, как тому же Будро, я бы...

– То ты бы еще больше навредил, – заключил Коттон.

Воцарилась тишина. Потом Шейла сказала:

– Мы все слишком устали и взвинчены сегодня вечером. Может, и хорошо, что отношения как-то выяснились. – Она посмотрела на отца. Для Коттона, пожалуй, это было плохо. Откинувшись в своем кресле, он выглядел совершенно измотанным. – Давайте сегодня больше не говорить на эти темы. Я думаю, как только выполним заказ Эндикота, нам всем станет легче.

– Это все, о чем ты думаешь? – спросила Трисия.

– Пока что все, – коротко ответила Шейла. – Если вовремя не отправим грузы, нам не заплатят. А если не заплатят...

–..то Бель-Тэр придет конец, – закончила за нее Трисия. – Меня это вполне устроит. – Коттон насторожился, поднял голову и пристально посмотрел на дочь, словно сомневаясь, не ослышался ли. – Я даже надеюсь, что так оно и произойдет.

– Замолчи, Трисия.

– Ничего, Шейла. Пусть папа узнает, как мы с Кеном настроены.

– Ну сейчас-то не надо.

– Почему бы и нет? Может, другой такой возможности обсудить семейные дела не подвернется. – Она посмотрела на Коттона. – Мы с Кеном вообще хотели бы продать Бель-Тэр. Было бы неплохо получить свою долю денег и уехать отсюда навсегда.

Шейла опустила на колени возле кресла отца и взяла его за руки.

– Не волнуйся, папа. Этого никогда не случится. Клянусь тебе!

– Поосторожнее, Шейла, – сказала Трисия. – При всех неприятностях, которые произошли, не думаю, что тебе удастся выполнить заказ в срок.

Шейла поднялась и повернулась лицом к Трисии:

– Удастся! Я выполню заказ. У нас еще есть несколько дней до банковского уведомления.

– Маловато, маловато.

– Достаточно.

– Не думаю. Тем более если случится что-нибудь еще и отсрочит дело.

– Я позабочусь, чтобы не случилось, более того, тянуть до последней минуты не собираюсь. Сегодня произведена инвентаризация на площадке. Я думаю, уже к среде мы сможем погрузить заказ, ждать до следующей недели нет нужды.

Именно этот план она собиралась обсудить с Кэшем. Теперь без его помощи и совета решила делать все на свой страх и риск. И пусть кто-нибудь попробует помешать или заподозрить, что она терпит неудачу.

– Завтра утром я намерена ускорить работы. Начинать будем на час раньше и заканчивать на час позже. С хорошими премиальными, я думаю, люди не будут возражать против сверхурочной работы.

– Оставь организацию работ Кэшшу, – сказал Кот-тон, рассеянно потирая ладонью грудь.

Она быстро прикинула: говорить или нет, что уволила Кэша. Решила, что Коттон будет доволен ее разрывом с ним.

– Кэш бригадиром больше не будет. Я его уволила сегодня.

Ее заявление поразило всех троих, особенно Коттона.

– Ты уволила Кэша?!

– Да. Велела ему убираться из Бель-Тэр. Он уедет в течение недели.

– Кэш покидает Бель-Тэр?! – переспросил Коттон.

– Разве ты сам этого не хотел?

– Разумеется, разумеется, – ответил он. – Просто я поражен тем, что он на это согласился.

Ее заявление не вызвало, однако, той реакции, на которую она рассчитывала. Хотелось продолжить эту тему с Коттоном, но Трисия отвлекла ее:

– То есть ты все намерена делать сама?

– Именно так.

Трисия криво усмехнулась:

– Во всяком случае, забавно будет наблюдать за взлетом и падением Шейлы Крэндол. А что касается продажи Бель-Тэр, папа, я не думаю, что у нас остался иной выбор. И у тебя, разумеется. Пойдем, Кен? – Она покинула комнату.

Шейла тоже вышла и позвала миссис Дан.

– Помогите папе подняться в его спальню. Ему пора спать. Он расстроен, так что дайте ему лекарства, пусть на час раньше. Ему надо заснуть.

– Не шуми, Шейла, – сказал он сварливым тоном, поднимаясь из кресла. – Я еще крепко держусь на ногах. Заговорщических планов Трисии и Кена, связанных с Бель-Тэр, недостаточно, чтобы прикончить меня.

– И ты знал об их планах?

Он улыбнулся ей и постучал себя пальцем по виску, подмигнув:

– Я хитрый сукин сын. Научился защищать себя в доках

Нового Орлеана. Я все вижу.

– Бель-Тэр – твоя собственность, и никто у тебя ее не отберет.

Он покачал головой в раздумье:

– Пожалуй, Шейла, никто не может владеть Бель-Тэр. Это он владеет нами.

Он позволил миссис Дан увести себя, Шейла смотрела ему вслед. Он выглядел совсем хрупким, шаркая домашними туфлями по холлу. Не хотелось верить в то, что он так ослабел и состарился. Ее отец был сильным. Ничто его не сломит.

Теперь, как никогда, стало ей жаль тех лет разлуки и недоразумения, вызванного ложью Трисии. Вспомнила фразу сестры и почувствовала радость оттого, что в их жилах течет разная кровь.

Глава 42

Со своего места на веранде Гейла слышала телефонный звонок у Шейлы. Через окно она увидела, как Шейла пересекла холл и направилась к спальне отца.

Увидела Кена, который одной рукой развязывал галстук, а другой наливал порционную порцию бурбона. Слышала, как он бормочет проклятия в адрес Шейлы, Коттона, своей жены.

Гейла считала Кена опасным человеком. Он напоминал ей раненого хищника, способного наброситься на всех и вся, в том числе на тех, кто собирался ему помочь. Такие люди живут ощущением угрозы. Они вечно стараются что-то кому-то доказать.

Гейла подслушала нечаянно. На кухне они с миссис Дан пили кофе, когда слышались гневные крики из дальнего кабинета. Они лишь переглянулись и продолжили начатый разговор, пытаясь игнорировать повышенные тона, не вслушиваясь в их смысл. После того как миссис Дан позвали, чтобы помочь уложить мистера Крэндола в постель, Гейла вышла через заднюю дверь.

Прогулки перед сном по большой веранде стали для нее ритуалом. Чисто мазохистское упражнение. Ничего страшного не случилось. Во время этих ночных прогулок ничего настораживающего не происходило.

И все-таки она знала, что там, во мраке, таился кто-, то или что-то, некое враждебное Бель-Тэр присутствие. Зло выжидало своего часа.

Шейла отмахнулась от ее тревог, считая их пережитками суеверий в лучшем случае, а в худшем – преследующими ее страхами перед Джигером. С последним Гейла готова была согласиться. Ее ужасала мысль, что однажды он совершит возмездие за то, что она его покинула.

Страхи, разумеется, страхи. Но одного взгляда на ее израненное тело было достаточно, чтобы напомнить ей: они были небеспочвенны. Самые жуткие шрамы были невидимы: они находились в ее душе, в ее сердце. Джигер отравил ей сознание, подсознание, память – все, что только можно. Каждую ночь она молилась, чтобы он умер. За это гореть ей вечно в геенне огненной и за то, что стала шлюхой, за то, что предала чистую, светлую любовь Дона.

Единственным утешением было сознание того, что Джигеру тоже гореть вечно в аду. Надежду вселяло то, что в аду были разные круги. Тех, кто согрешил в безвыходной ситуации, ждала лучшая судьба, чем тех, кто совершал грехи из злобности натуры.

Она только очень хотела, чтобы, прежде чем ей придется отправиться в преисподнюю, Джимми Дон вышел из тюрьмы и она узнала бы об этом. Она чувствовала себя виновной в том, что он оказался там.

Гейла почти завершила ночную прогулку, завернула за

угол веранды и тотчас отшатнулась назад, закрыв ладонью рот, чтобы не вскрикнуть от страха. Высокая тень шевельнулась среди рододендронов, едва она выглянула из-за угла.

Инстинкт подсказывал ей бежать как можно быстрее к ближайшей двери, однако она заставила себя остаться на месте. Спустя несколько секунд осторожно выглянула снова. Листья теперь были совершенно неподвижны. Не было видно никакой тени, никакого свидетельства чьего-то присутствия на веранде.

Может быть, привиделось? Она медленно прокралась за угол. В окно увидела, как Кен ходит взад и вперед по комнате, попивая виски и бормоча бранные слова по поводу своего невезения.

Незамеченной Гейла проскользнула мимо окна. Изнутри ее вряд ли можно было заметить – слишком ярко горел свет в комнате. Зато ей снаружи было отлично видно комнату, да и хорошо слышно все, что говорится. Словно кино смотришь.

Никого больше не было. Может, птица потревожила рододендроны, а ей померещилась тень? Расшалившиеся нервы заставили видеть то, чего не существует.

Гейла почти убедила себя в этом, когда, повернув назад, отчетливо уловила запах табачного дыма.

В девять часов две минуты на следующее утро в кабинете Дейла Гилберта зазвонил телефон.

– Что ты имеешь в виду? То есть как это она закончит

погрузку раньше срока? – Он выпрямился в кресле.

– В среду отправит лес.

– Почему?

– Сам подумай почему, – отозвался голос в трубке. – Умная стерва, ничего не скажешь. Пытается избежать именно того, что мы планировали сделать с этой последней партией груза.

Дейл быстро обдумал информацию.

– Не думаю, что возникнут проблемы. Флин на нашу цену согласился и хочет это сделать. Более чем хочет, поскольку эта девчонка Френсис находится в Бель-Тэр.

– Ты уверен, что он умеет пользоваться материалами?

– Уверен. Ты только позаботься, чтобы они у него были. Я его извещу об изменении даты. А во сколько в среду?

– Если по расписанию, то поезд в среду прибывает в пять пятнадцать.

– Только, знаешь, – сказал Дейл в раздумье, – если кто-то на этом поезде погибнет, это будет убийство.

– Да. Жаль только, что Шейлы на нем не будет.

Наступила та самая среда. На рассвете день обещал быть знойным. Воздух был неподвижен, небо – в сероватом мареве. В заводях вода лежала как зеркало, будто не в силах течь. Только случайные букашки изредка касались водной глади. На горизонте в стороне залива зрели тучи. Однако в пять часов десять минут пополудни солнце пекло вовсю.

Взрыв произошел в четверти мили от платформы лесозаготовок Крэндола. В окнах конторы вылетели стекла и засыпали осколками кожаную обивку кресла Коттона.

Большой столб черного дыма поднялся над искореженными грудями металла. Его было видно за несколько миль. Грохот стоял такой, что казался сигналом конца света. В кафе Реда Бруссара задрожали и зазвенели бутылки за стойкой бара.

Один из завсегдатаев кафе, сидевший за отдельным столиком, довольно улыбнулся. Отлично сработано.

Глава 43

– Папа, ну не смотри ты на меня так. Со мной все в порядке.

Щеки Коттона горели. Он лежал, приподнятый на подушках, в своей постели. Шейла была довольна, что он лежит, а не бродит по дому.

– Плохо выглядишь, – сказал он. – Что с твоим коленом?

Она посмотрела вниз и впервые заметила, что ноги были в ссадинах и кровоточили, так же как и руки. В кожу впилась кое-где мелкие крошки щебня. Она их стряхнула, стерла, стараясь не морщиться от боли.

– Я стояла на платформе, ожидая поезда. Взрывом меня сбilo с ног. Упала на четвереньки возле железнодорожного полотна, вот и поцарапалась малость.

– Ты могла погибнуть.

Подумав немного, она решила не говорить ему, что скорее всего так бы и случилось, будь она в конторе за столом.

– Слава богу, никого не убило.

– Ив поезде никого? Она взялась объяснять.

– Локомотив толкал пустые платформы, они и приняли удар на себя. Там машинисты даже царапины не получили. Ну испугались, конечно. Авария нам дорого обойдется, но, к счастью, не ценой жизнью или увечий.

– Авария, ни хрена себе! Как это случилось, Шейла? – Он

нахмурился. – Только не подслащивай пилюлю для сердечника. Что там на самом деле произошло?

– Специально подстроено, – признала она со вздохом. – Они использовали...

– Они?

– Ну, кто бы там ни был... пластиковую взрывчатку. Как только все улеглось и мы убедились, что пострадавших нет, шериф провел предварительное расследование.

– Расследование, – презрительно бросил Кот-тон. – Да этот Пэтаут хрен от пальца не отличит. Он улики не заметит, даже если она его в задницу клюнет.

– Ох, боюсь, что ты прав. Потому я и находилась там с ним. Оттого и вид у меня такой. – Она расправила ладонью платье. – Там тысяча и один вопрос возникают. Поскольку поезд курсирует между разными штатами, несколько правительственных агентов прибудут на место события и прочешут все частым гребнем. На это потребуются недели, если не месяцы. Все обломки рассортируют.

– А пока дорога в непригодном состоянии?

– Да. Рельсы разорваны, погнуты, скручены. – Она присела у подножия постели. – Чего я не могу понять, так это почему взрывчатку подложили на расстоянии от платформы. Если кто-то хотел сорвать отправку, то почему не взорвали поезд после того, как лес погружен?

– Кто-то захотел нас совсем вывести из игры и добился этого.

– Ну и черт с ним! – сказала Шейла в приступе решимости. – Я поклялась тебе и себе, что управлюсь в срок, и я управлюсь!

– Пожалуй, лучше оставить все это, Шейла. – Лицо Коттона обмякло и постарело от предчувствия поражения. Знакомая целеустремленность покинула его взгляд. Безнадежную покорность судьбе выражала его поза. Не отдохновение, а самоотречение выражал весь его облик.

– А я этого так не оставлю, – упрямо сказала она. – Бросить все – значит бросить и Бель-Тэр. Не могу такого допустить. Не допущу.

– Но одной тебе уже не управиться.

Он попал в болевую точку ее страхов и тревог. Шейла была совершенно одна. Коттон мог давать советы как бы с обочины, но не по своей вине он оказался слабым и ненадежным союзником. Так хотелось, чтобы рядом был преданный помощник, четко претворяющий в жизнь ее идеи.

Вот когда она пожалела, что рядом нет Кэша. Как она нуждалась сейчас в его совете. Но ведь именно он и мог взорвать путь. Она тщетно пыталась выбросить из головы сказанную им однажды фразу о том, что во Вьетнаме он был экспертом по взрывчатке. Он-то достаточно умен, чтобы без человеческих жертв вывести из строя лесозаготовки Крэндола. Но способен ли он был на подобную акцию? И зачем ему разрушать то, что сам же и создавал?

Шейла вспомнила его лицо, когда они виделись в послед-

ний раз: жесткое, холодное, излучающее неприязнь, ни единой искорки человеческих чувств в глазах, которые сверлили ее взглядом. Да, он был способен на все! Если бы дело было всего лишь в гордости, она бы начхала на нее, поползла бы к нему хоть на коленях просить совета. Но в нынешней ситуации всякое обращение к нему было исключено. Он оказался подозреваемым.

Подумала было позвонить Гилберту и смиренно воззвать к его человеческим эмоциям, но сомневалась в том, есть ли у него они. Если уж он не продлил срок выплаты долга, учитывая инфаркт Коттона, то с чего бы стал это делать в свете нынешней катастрофы? К тому же, несмотря на его безукоризненные манеры, она подозревала, что он празднует любую неудачу, которая постигает ее и лесозаготовки Крэндолла.

Но больше всего ее тревожило то, что лишь несколько человек знали, что она изменила дату отправки леса. Самые близкие к ней люди, которым она вроде бы могла доверять, Кен. Здесь враждебности хватает. Разоблачение его махинаций только подогрело его озлобленность. Но, несмотря на его грубые оскорбления, Шейла не верила, что он способен на насильственные действия. Поболтать – другое дело, но действовать – нет. Диверсия просто не вязалась с его характером. Кроме того, ему бы не хватило ни амбиций, ни знаний, чтобы осуществить подобное дело.

Трисия. Особа достаточно мстительная. Для нее крах компании был бы в радость, поскольку означал бы продажу Бель-

Тэр. С другой стороны, чтобы совершить нечто подобное, ей не хватало опыта.

Джигер Флин. Мотивы имеются, но нет возможностей. Он не мог знать о том, что она тайком переменяла планы.

Кэш тоже не был среди тех, кто знал, но мог об этом разузнать. Лесорубы могли что-то разнюхать, докумекать по тому, как она подгоняла их в последние дни. Вечерами они обычно вместе выпивали в местном баре. Кэш мог подслушать их пьяные откровения.

Кто бы ни был виновник, он находился где-то поблизости, совсем рядом.

– Боюсь я за тебя. – Голос Коттона отвлек ее от мрачных раздумий.

Шейла заставила себя улыбнуться достаточно бодро. Сквозь носки она помассировала его ступни.

– Я больше боюсь за Бель-Тэр. Если нас вынудят покинуть его, придется менять образ жизни. Представляешь, что это будет означать?

Он не ответил улыбкой на ее слабый юмор.

– Кэш это все нам устроил, что ли? – На лице старика застыло выражение крайнего разочарования.

– Не знаю, папа.

– Неужто он до такой степени меня ненавидит? – Коттон повернул голову и посмотрел в окно. – Наверное, я был несправедлив к мальчику.

– Он не мальчик. Мужчина.

– Как мужчина он мог бы быть и получше. Моника была такой гордой, что не позволяла мне купить ему одежонку, за что-либо платить. В школе потом над ним смеялись. – Он прикрыл глаза. – На ребенка это очень влияет, знаешь. Либо делает из него маменькиного сыночка, либо озлобленного зверька. Кэш научился давать сдачи. Это было хорошо. Я понимал, что ему следует стать жестким парнем, чтобы выжить в этом мире.

Но, к сожалению, в итоге он превратился в законченного мерзавца.

– Что бы между вами ни было, оправданий тому, чтостряслось, нет, – заметила Шейла. – Если будет доказано, что он виновен, я позабочусь о том, чтобы он ответил по всей строгости закона.

Грудь Коттона тяжело поднялась и опустилась.

– Моника ни за что не согласилась бы увидеть его за решеткой в какой-нибудь паршивой тюрьме. Кэш – человек леса. Темная вода Лорентского затона течет в его жилах вместо крови. Так, бывало, она говорила. – Он заскрипел зубами. – Господи Иисусе.

Шейла наклонилась и погладила его седые волосы. Он страдал, и ей было жалко его.

– Пусть Кэш тебя не волнует. Скажи мне лучше, что я должна сделать. Мне необходим твой совет.

– А что ты можешь сделать? Она немного подумала.

– Ну, вообще-то говоря, лес в целости и сохранности на

платформе. Они как раз последнюю...

Она прервалась, замерла. В памяти быстро перебрала последние полчаса перед взрывом, когда на погрузочной площадке царила суматоха энергичной работы.

– Слушай-ка, пап! А вот когда ты в самом начале возглавил компанию, как ты перевозил лес?

– А, это? Ну, тогда еще я не построил платформы и железной дороги.

– Точно! И как же ты развозил древесину по рынкам?

Его голубые глаза замигали.

– Как и большинство независимых делают по сей день. Лесовозами.

– Вот оно что! – Шейла наклонилась и запечатлела громкий поцелуй на его губах. – Мы отвезем лес к Эндикоту. К самой его двери.

– Почему все сделали не правильно? – прошипел голос в трубке.

Гилберт, сторбившись над письменным столом, задавал себе тот же самый вопрос.

– Не знаю сам. Может, Джигер был пьян и не понял наших инструкций. Или еще что-то. Не знаю. По какой-то причине он не сообразил, что ему следовало взорвать линию после погрузки, а не до нее.

– Глупость мы сделали, что положились на него.

– А на кого еще?

– И моя глупость: не стоило рассчитывать и на тебя. Все

можно было самостоятельно проверить, а тебя вообще вычеркнуть.

– Только не надо угроз, – холодно отпарировал Дейл. – Еще не все потеряно. Конечно, все пошло не так, как нам было нужно, но у нее нет никакой возможности в срок отправить груз.

– Хочешь пари? Завтра вечером.

– На что? Что вечером?

– Да, завтра вечером – лесовозами.

– У Крэндола их столько нет.

– Шейла сегодня весь день занималась поисками. Всех собрала, кто имеет хоть какие-то связи с лесовозами. Платила как следует. Ей это удастся, клянусь, если ее не остановить.

От волнения у Гилберта вспотели ладони.

– Нам придется опять обращаться к Джигеру.

– Думаю, что так. Займись этим делом вплотную. Но только удостоверься в том, что он соображает, что нужно сделать на сей раз.

– Позабочусь, не беспокойся.

– Как это ни смешно, а я все же беспокоюсь. Гилберт решил проигнорировать ехидное замечание и спросил:

– Во сколько завтра?

– Пока не знаю. Позвоню тебе, как только выясню.

– Это значит, что Джигеру понадобится часовой механизм.

– Возможно.

– Но ставки на сей раз посерьезнее. Там ведь водители будут.

– Я смогу прожить с угрызениями совести.

– О! Я тоже, – сказал Гилберт, хихикнув. – Просто хотел убедиться в том, что тебя это не смущает.

– Не сомневайся.

– После твоего завтрашнего звонка я не думаю, что нам надо друг с другом разговаривать. И после того, как все будет закончено, тоже.

– Да, это верно. Жаль, что нам с тобой не удастся выпить по этому поводу.

– Когда мы с Родой переселимся в Бель-Тэр, пригласим тебя на коктейль.

Послышался смех:

– Смотри! Договорились.

Глава 44

– Ладно, я завтра же буду дома. – Шейла дружески стиснула руку Коттона. – Я вижу, ты беспокоишься. Не бойся. Эндикот уже ждет нас. Я объяснила, почему мы прибудем спозаранку. Он решил, что я рехнулась, а я решила, что он дрянь. В расчете. – Она засмеялась.

Коттону смешно не было. Лицо его было мрачным.

– Я успокоюсь, только когда ты вернешься целой и невредимой.

– Я тоже. Но до того предстоит горы своротить.

– Почему ты должна ехать туда сама?

– Я не должна, а хочу. Ведь это же кульминация всего, ради чего я столько билась. Хочу лично получить тот прелестный чек. Обещаю ехать с самым лучшим водителем. Кого бы ты рекомендовал?

– Кэша.

– Кэша? – спросила она удивленно. – Но он-то не поедет.

– Знаю. Но, если бы мог выбирать, выбрал бы его для тебя шофером.

И она бы его выбрала, конечно. Ему бы следовало находиться с ней, когда Джо-младший вручит ей чек. Нынешний вечер станет вершиной и его тяжелых трудов. Или все его старания были лишь ширмой, вроде любовной практики с ней?

Впрочем, слово «любовной» тут ни при чем. Кэш с грубой

прямотой заявил, что любовью не занимается.

Шейла кашлянула, чтобы избавиться от спазма, подкравшегося к горлу, и изобразила беззаботную улыбку:

– А кого бы ты выбрал после него?

Коттон назвал одного из независимых работников.

– Ну тогда я с ним и поеду. Прямо сейчас, – сказала она, положив руки на плечи Коттона. – А ты хорошенько выспись за ночь. Не успеешь ты утром проснуться, как я уже буду дома. – Она поцеловала его на прощание. – Спокойной ночи, папа. Я люблю тебя.

На пороге она обернулась, подняв большой палец, но его глаза были закрыты.

– Прекрасная идея, – промурлыкала Рода, нежась в ванне из пены, которую муж приготовил для нее. Она взяла бокал ледяного шампанского, сделала глоток и облизнула губы картинно-соблазняющим движением языка. – А нам тут и двойм места хватит, если поладим.

– Нет. Я лучше понаблюдаю.

– И пофотографируешь?

– Да. Потом.

– Мы что-то празднуем?

Дейл опустился на колени возле ванны и раздвинул горы пены так, что подтянутая пластической операцией грудь показалась из воды, соски торчали на самой поверхности. Он обмакнул палец в бокал с шампанским и потер кончики ее

грудей холодным напитком, пока они не отвердели.

– Празднуем.

– И что же мы празднуем?

Дейл забрал шампанское из ее руки и дал взамен кусок ароматного мыла.

– Мойся.

Она опустила глаза и стала намыливать обе руки, пока они не покрылись шапкой белоснежной пены. Потом мыльными пальцами начала массировать соски.

Дейл наблюдал за ее действиями остановившимся взглядом. Дыхание его участилось.

– Мы сегодня празднуем наш успех.

– Хм-м? И наш успех имеет какое-нибудь отношение к взрыву у платформы Крэндола?

– Нет, там как раз все пошло не так.

– О?

– Это ее только задержало, но не остановило. Мы ее остановим нынче ночью. На этот раз все пройдет как надо. Время точно рассчитано.

– Хорошо. – Она разогнала пену в стороны, чтобы Дейл имел возможность все видеть. Хотелось получить дополнительное удовольствие, глядя на выражение его лица, но мешали собственные мысли, вопросы.

– Что-то на Кэша это не похоже. Допустить такой промах.

– Будро? При чем тут он?

– При всем, я думала. Разве не он подложил взрывчатку?

– Не он, конечно. Джигер Флин подложил.

Вода начала выплескиваться через край ванны, когда Рода внезапно выпрямилась.

– Но ведь Кэш все спланировал, показал ему, как действовать, – верно?

– Нет.

– А я думала, что вы использовали Кэша. Сам же говорил, что у вас на него есть виды.

– Было такое. Потом я передумал. Слишком тесно он связан с Бель-Тэр. Не было уверенности, насколько он откровенен с Шейлой.

– Он спит с ней.

– Он со всеми спит, – отпарировал Дейл. Тон Роды ему не понравился. Словно дурака из него делает.

Тут же он сбавил обороты. – Пока что Кэш весьма неразборчив.

– Ну и балда же ты! – Рода вышла из ванны, окатив Дейла водой, и схватила полотенце. – Нанял этого типа – Флина!

– Ему можно доверять, потому что он хочет разорить Шейлу Крэндол.

– И Кэш тоже? – сердито спросила Рода мужа. – Где он сегодня ночью?

– Он вне игры. Она его уволила.

– Идиот! – воскликнула Рода. – Его могли выкинуть вон, но просто наблюдать, как Бель-Тэр переходит в наши руки, он не станет. Он сам мечтает о нем. Так он мне говорил. Кто

сегодня следит за ним?

Дейл, поняв, какую серьезную промашку допустил, бросился из ванной бегом. Торопясь набрать номер телефона в спальне, он уронил его на пол.

– Это еще что такое?!

Кен вошел в свою спальню и обнаружил там настоящий кавардак. На кровати лежали два раскрытых чемодана. Платья из гардероба Трисии были разбросаны по всей комнате. Ящики комода выдвинуты и опустошены. Трисия деловито сортировала имущество.

– А что, по-твоему, я делаю? Упаковываю вещи.

– Куда?

– Новый Орлеан. Даллас. Атланта. – Трисия пожала плечами и мило улыбнулась. – Еще сама не решила. Может, в Лафайет подамся, оттуда выйду на магистраль, а дальше – что в голову придет.

– Что ты несешь такое?

Когда она стремительно проходила мимо, он поймал ее за руку. Она тут же решительно освободилась.

– Все! Свобода. Я хочу сказать, что убираюсь вон отсюда без оглядки.

– Но ты не можешь просто так взять и уехать.

– Увидишь.

Чтобы подчеркнуть свою решимость, она бросила пару туфель в пустой чемодан. Они упали внутрь со звуком, кото-

рый словно поставил жирную точку в конце их совместной жизни.

– Послушай, я твой муж, в конце концов! Какое я занимаю место в подобных планах?

– Никакого. Наш брак закончился.

– Что значит закончился?!

Трисия вздохнула с досадой. Не хотелось терять времени, объясняя ему то, что казалось очевидным.

– Послушай, Кен, наш брак начался со лжи. Давай хотя бы закончим его правдой. Мы с тобой друг друга не любим и никогда не любили. Я тебя заманила обманом. Единственная причина этого состояла в том, что вы с Шейлой хотели друг друга. Ну что ж, она тебя больше не хочет. Я тоже.

– Какая же ты стерва!

– О, пожалуйста, избавь меня от театральных сцен и не делай вид, что ты ранен до глубины души. Последние шесть лет ты неплохо жил, не обременяя себя работой. Бель-Тэр по общепринятым стандартам считается прекрасным особняком. Ты получил привилегию жить здесь, не платя ни копейки. Карьеру тебе было делать не обязательно. Денег из семейной казны ты высосал бог знает сколько, и при этом безнаказанно. Оба мы прекрасно понимали, что получим, когда поженились. Тебе было ведомо, что я хитра и эгоистична. Я знала, что ты слаб и лишен амбиций. Секс у нас был нормальным. Насколько помню, я никогда тебе не отказывала, даже когда ты посещал бардаки, я отворачивалась, не заме-

чая. Такой порядок вещей срабатывал до поры до времени. Вот и пришло время разойтись. – Она на цыпочках подошла к нему и легко поцеловала его в губы. – Тебе без меня будет хорошо. Только отложи в сторону бурбон хотя бы на месяц и сбрось живот. Ты все еще привлекателен. Найдешь себе богатую женщину, которая будет счастлива позаботиться о тебе.

– Я не собираюсь быть на содержании у женщины.

– Собираешься, милый, еще как! Ты всегда именно этого и желал, чтобы кто-то принимал за тебя важные решения.

На ночном столике зазвонил телефон. Трисия улыбнулась улыбкой бывшей королевы красоты, потрепала Кена по щеке еще раз и направилась к телефону. Улыбка ее исчезла, едва она успела сказать «алло». Потом она некоторое время напряженно вслушивалась.

Джигер проснулся с дикой головной болью и пересохшим горлом. Перевернулся и уткнулся лицом в подушку. От давно не стиранной наволочки несло кислятиной из-за пота и перегара. В голове звенело. Когда спустя несколько минут он понял, что уже не удастся заснуть, то уселся на краю койки, ухватившись за матрас для равновесия.

Сознание было замутненным. Не следовало выдувать всю бутылку виски разом, говорил он себе, поднимаясь и тяжело ступая по комнате.

Домой после своего мерзкого дела он вернулся на закате,

а теперь стояла глубокая ночь. Свет включать не стал, чтобы не раздражать глаза и голову, стукнулся несколько раз о мебель, пока добрался до кухни. Там он открыл кран – нужно было как-то избавиться от этой помойки во рту.

Какого дьявола он согласился выдуть всю бутылку? Ему, конечно, причиталось: как-никак рискованная штука – подкладывать взрывчатку, когда на платформе вовсю шли работы.

Со злобной ухмылкой он налил и поднес к губам стакан воды. И только в этот момент до него дошло, что его разбудило. Не шум в голове, а, наоборот, – тишина.

Гремучая змея больше не трещала.

Стакан вывалился из трясущейся руки Джигера, вода облила ноги. Он этого не заметил и торопливо направился к задней двери. Чуть не упал с бетонной лестники, но вовремя восстановил равновесие.

Стояла полная тишина. Бочка из-под горячего серебрилась под луной. Крышка была на месте и по-прежнему прижата камнем. Он оглянулся по сторонам. Как и в то утро, когда змея появилась, все выглядело вроде бы нормально. И сука вела себя спокойно, только уши подняла, кормя свой выводок.

За весь вечер она ни разу не гавкнула. Спал он глубоко, но не настолько, чтобы собачий лай не разбудил его. Джигер мог поклясться, что, когда он возвращался домой, его змея была в бочке и с жутким грохотом била хвостом по стенкам.

Отчего же теперь молчит? Что там с ней случилось? Переваривает мышь, что он бросил ей? Нет, это было несколько дней назад. Что же она, тварь ползучая, не трещит больше?

Подохла, что ли? Вот дьявол! Ну за что он ни возьмется в последнее время, все дерьмо. Он планировал показывать змею за деньги, чтобы тем временем заняться тренировкой собак для собачьих боев. Подумывал даже проехаться со змеей, показывая ее на разных празднествах, или придумать какое-нибудь действие с одной из своих шлюх. Если гремучка подохла, все его планы катились к чертовой матери.

А может, ее там вообще нет? Может, какой-нибудь паскудник пронюхал о его планах и спер ее, пока он там дрых, надравшись дешевого виски! Если так, он найдет его, падлу! Обязательно!

Грязно бранясь, он заторопился к бочке, сбросил булыжники. Камни упали наземь с глухим стуком, подняв облачко пыли. Джигер ухватился за крышку и чуть было не рванул на себя, но вовремя спохватился. Змея, конечно, что надо, но нельзя забывать – гремучая.

Так какого хрена она молчит?

Нет ее, что ли, там?

Бормоча себе под нос, он направился к поленнице и выбрал подходящую корягу. Ради клиентов, дающих деньги, он демонстрировал смелость и не осторожничал. Но теперь чувствовал себя спокойней, хоть что-то держа в руке. Он снова подошел к бочке. Вроде бы та выглядела как обычно, а что-

то не по себе стало от ее вида.

Он попробовал открыть крышку палкой. Она не поддавалась. Заклинило. Выругавшись, Джигер уперся в землю ногами и нажал со всей силы.

Крышка сорвалась и загремела по земле.

Джигера качнуло вперед, и он упал животом на край бочки, перегнувшись через нее. Вскрикнул от страха.

Восстановив равновесие, он хихикнул. Нервы ни к черту! Джигер с облегчением увидел, что змея на месте, лежит, свернувшись кольцами на дне бочки. А чего не трещит? Подохла?

Снова заглянул внутрь.

В этот момент чья-то рука железной хваткой вцепилась ему в загривок.

Джигер взвизгнул.

– Там она, там, дрянь ты паршивая. – Голос громко шептал, в нем слышалась лютая ненависть. – Спит в бензиновых парах. Когда проснется, взбесится. Вот тогда она тебе даст жару.

Джигер закричал, в панике дернулся и замахал руками. Соппротивление ничего не дало. Чья-то сильная рука пригнула его голову к бочке.

– А пока она проснется, у тебя будет время подумать обо всех гадостях, которые ты творил, сволочь. Это твой судный день, Джигер Флин. Твоя дорога в ад будет долгой и страшной.

Железная цепь опустилась на спину Джигера. Он застонал от боли. Страх обессилил его. Попытки вывернуться оказались бесполезными. На концах цепи оказались два наручника. С ужасом Джигер смотрел, как эти наручники сомкнулись на его запястьях. Он, как мост, простерся над бочкой, обняв ее. Цепь была закреплена на бочке, и Джигер оказался прикованным к ней.

Джигер попытался закрыть глаза, но не мог оторвать взгляда от змеи, свернувшейся в кольцо на дне бочки. И вдруг змея зашевелилась. Он заорал и намочил прямо в штаны.

– Пустите. Господи боже, пожалуйста. Отпустите. Боже милостивый, Дева Мария, Богородица Дева, радуйся...

– Вот-вот, Джигер, молись.

– Господи Иисусе, чего я вам сделал? Да кто же ты, сука?!

– Ангел Господень. Дьявол из преисподней. Какая тебе разница – кто я? – Пальцы неизвестного растопырились и начали давить сильнее, заталкивая его голову внутрь. А голос все шептал и шептал над ним:

– Ты сдохнешь. Сдохнешь от жуткой боли.

– Боже мой, – захрипел Джигер. – Я все сделаю. Прошу. Умоляю. Ну, ради Господа. Все отдам. Деньги. Все мои баксы – твои. До последнего цента. Господи Иисусе, помоги, спаси.

Мучителю надоели его причитания и вопли. Он сорвал платок с шеи Джигера и забил ему в рот. Тот попытался вытолкнуть его языком, но единственно, чего добился, – чуть

не задохнулся от поднимавшейся изнутри дурноты от виски, переполнявшего желудок. Джигер задергался отчаянно.

– Твое одиночество долго не продлится, Джигер, – зашипел голос. – Тебя ждет хорошая компашка. Знаешь, как твоя башка к утру раздуется? Морда станет как тыква на святки, только дырки будут маленькие и попарно, знаешь? Прощай, Джигер. Встретимся в аду.

Палач Джигера подошел к конуре и начал кормить с рук изголодавшихся собачек, которых готовили для смертельных схваток. Они с жадностью набросились на его гостинцы, облизывали руки доверчиво и благодарно. Потом он скрылся во мраке леса, растворившись в нем.

Джигер судорожно забился, насколько позволяла цепь, обвитая вокруг бочки. Замычал от ужаса, и эхо загремело в его воспаленном мозгу. Сердце бешено колотилось в груди, словно стучаясь о ребра. Глаза остекленели. Он зажмурился, а когда открыл их, увидел леденящий взгляд своей прекрасной змеи.

Она яростно забила хвостом.

...Гейла ждала, когда же наступит рассвет. Господи, что за ночь! Сначала Шейла уехала на полустанок. Гейла решила, что она просто с ума спятила – ехать туда опять после взрыва. Какое будет счастье, когда она вернется. Какая гора с плеч, когда она закончит все это дело и приедет домой.

С одной Шейлой хватало беспокойств, а тут Трисия отко-

лола номер. Выскочила из дома, словно черти за ней гнались. И тут же вернулась.

– Где, черт побери, моя машина?!

Как назло, никто ей не подвернулся, кроме Гейлы.

– Миссис Дан уехала на ней в город.

– Что?! – заорала Трисия.

– Ее машина испортилась. А у нее сегодня свободный вечер. Шейла сказала ей, что она может взять вашу машину, поскольку вы никуда нынче не собирались.

– Так вот, я собираюсь!

– Может, возьмете машину мистера Хоуэла?

– Нет, – процедила Трисия сквозь зубы, – у него не педаль сцепления, а только рычаг. Я не привыкла... – В смятении она взъерошила пальцами волосы. – Господи, да с какой стати я тут стою и объясняю это тебе?

Она повернулась на каблуках, зашагала к главному выходу и громко захлопнула за собой дверь. Гейла проследила, как она бегом пересекла двор и скрылась в конюшне. Спустя несколько минут Трисия выехала на неоседланном коне. Было совершенно очевидно, что она крайне торопилась.

Потом сверху спустился Кен, прошел в комнату, и Гейла услышала, как он открывает и закрывает шкафы и ящики, что-то разыскивая. Она не осмеливалась показаться ему на глаза. Он выглядел таким же расстроенным, как и Трисия. Гейла проследила, как он покинул дом. Выглядел Кен весьма целеустремленным, сел в свой спортивный автомобиль и

уехал.

Ей бы почувствовать облегчение от того, что все они покинули дом. Но она фактически осталась совсем одна, если не считать мистера Крэндола, который мирно спал, когда она заглянула к нему. Шейла просила время от времени посматривать за ним и немедленно вызвать доктора Коллинза, если у него появятся боли или признаки недомогания.

Она ничего не имела против. Ей даже нравилось заботиться о старике. Похоже, она обладала инстинктом угадывать, что ему нужно, когда он из гордости стеснялся обратиться с просьбой. Он редко благодарил ее за непрошенные, но весьма кстати предложенные услуги, лишь ласково смотрел на нее.

Когда стемнело, нервозность Гейлы усилилась. Она обошла весь дом, проверяя, чтобы все двери и окна были как следует заперты. На этот раз она воздержалась и от своих еженощных прогулок по веранде. Просто не смогла заставить себя выйти наружу.

Попыталась было посмотреть телевизор, но программы оказались неинтересными. Взялась за книгу, но не смогла долго усидеть с ней. Гейла испытала некоторое облегчение, когда пробило очередной час. Значит, пора заглянуть к мистеру Крэндолу.

Подойдя к его спальне, она приоткрыла дверь и просунула в щель голову. В темноте смутно виднелись очертания фигуры на постели под светлыми покрывалами. Лекарства хорошо действовали, спал он крепко. Гейла прислушалась как

следует, пока не услышала его дыхания, после этого осторожно прикрыла дверь.

Нападение оказалось столь внезапным, что она не успела крикнуть. Рука зажала ей рот. Другая, обхватившая ее за талию, была гибкой, как у спрута, и сильной, как тиски.

Некто потащил ее задом наперед вниз, в холл. Когда она заскребла каблуками по полу, пытаясь затормозить движение, ее подняли на руки и понесли. Она пыталась оторвать пальцы, зажимавшие ей рот, брыкалась и наносила ногами удары по противнику, но недостаточно сильные, чтобы суметь освободиться.

Она оказалась в кабинете, была развернута и прижата к стене.

Плохо соображая от страха, задыхаясь, Гейла подняла голову. Глаза ее округлились от изумления. Губы зашевелились, пытаясь произнести имя.

– Джимми Дон! – наконец прошептала она.

Глава 45

Наверное, он был пьян. Некоторым пьяницам мерещатся розовые слоны. А ему померещилась женщина на коне, блондинка верхом на коне. Чем-то она напомнила ему Шейлу. В чреслах зашевелилась похоть, неодолимое желание. Как бы хотелось избавиться от этого наваждения. Так случалось каждый раз, когда он думал о ней.

Он сделал большой глоток. Не то третья, не то четвертая приличная доза с тех пор, как он возвратился домой. Стояла душная и влажная ночь, а ему пришлось столько пройти – через болота, густые заросли. Часами длился этот путь, и все это время его не покидало чувство, что не подо все камни он заглянул, как говорится. Что-то еще осталось, что-то незамеченное. Мысль была неприятной, навязчивой, не давала покоя.

Что же он проглядел?

Теперь, беспокояно блуждая взад и вперед, глотая время от времени виски, он тщетно пытался отбросить это гнетущее беспокойство. Да и не его это проблема, в конце-то концов! Какого черта так изводить себя? И все равно расслабиться не удавалось. Даже выпивка не помогала. Только мерещиться начало из-за нее черт-те что. Блондинка верхом на коне без седла! О Господи!

Он подошел и снова заглянул в окно. На этот раз рука со

стаканом медленно опустилась. Ну точно же! Баба верхом на лошади скачет к его дому. Вот прыгнула, подбежала к двери. Он поставил стакан, когда в дверь постучали, и открыл ее.

– Привет, Кэш, – сказала она, задыхаясь и держась рукой за грудь.

– Заблудилась, что ли? – только слепой не заметил бы, что под рубашкой с короткими рукавами она не носила лифчика.

Ей не хватало воздуха, словно не верхом ехала, а бежала всю дорогу. Разведя руки в стороны, пожалала плечами, отчего ее грудь предстала в весьма выгодном свете.

– Представляешь? Да! – Она хихикнула, так и не отдышавшись. – Не подскажешь, как отсюда добраться до Бель-Тэр?

Кэш не впустил ее в дом, а вышел сам, заставив ее попятиться.

– Не знаю, – высокомерно ответил он. – Не подскажу.

Когда он прижал ее к столбу возле дома, она заговорила торопливо:

– А я слышала о тебе, Кэш Будро, что уж ты-то можешь провести женщину куда угодно, даже в такие места, куда она не хочет идти.

– Вот как?

Ее взгляд опустился на его мощную грудь, выглядывавшую из-под расстегнутой рубахи.

– М-м-м? Н-ну, я такое слышала. – Она медленно подняла

ресницы и посмотрела ему в глаза. – Конечно, наверняка не могу сказать...

– А ты спроси у своей сестры. Туманная улыбка дрогнула:

– У Шейлы? А ты знаешь, она мне и не сестра вовсе.

Кэш прислонился к столбу и склонился к ней. Костяшкой указательного пальца провел по ее ключице.

– Все равно можешь спросить у нее. М-м? Трисия податливо приняла его скупую ласку и с похотливой полуулыбкой снова взглянула ему в глаза:

– Есть такие вещи, которые я хотела бы узнать сама.

Кэш смотрел на нее неподвижно и холодно, хотя на губах его появилась усмешка. Вдруг он расслабился и предложил:

– Выпить хочешь?

– Спасибо. Пожалуй, глоточек. Жажда мучит. Он открыл для нее дверь.

– После вас, мадам.

Она прошла мимо него, по дороге слегка прижавшись к нему всем телом и бросив искоса многообещающий взгляд.

– О! Да тут просто очаровательно! Какая прелесть! Какой стульчик! Ручная работа?

– Qui. Бурбон годится?

– С водой. И со льдом, пожалуйста. – Она медленно прошла по комнате, оценивая акадский колорит. – Значит, здесь мой папаша провел столько страстных часов с твоей мамочкой.

– Как я это понимаю, – сказал Кэш, неторопливо укла-

дывая два кусочка льда в стакан, потом заливая их виски и водой, – если Шейла тебе не сестра, то и Кот-тон не твой папаша. – Он обернулся и успел заметить ее ненавидящий взгляд, который мгновенно превратился в очередную манящую улыбку.

Она взяла стакан из его рук, мимолетно проведя своими пальцами по его.

– Может, ты и прав. – Трисия сразу же отпила глоток, словно он ей срочно понадобился. Глаза забегали по сторонам, то и дело задерживаясь на окне. – Честно говоря, меня здесь больше ничего не удерживает.

– О?

– Я покидаю Хевен.

– Одна?

– Да. У нас с Кеном все кончено.

– Ну и когда ты уезжаешь?

– Может, завтра.

– Послушай, странное ты время нашла для прогулки верхом.

– Да я, понимаешь... – Она запнулась. – Надоело упаковываться. И вообще как-то вдруг захотелось проститься с Бель-Тэр.

– Хмм...

– И заблудилась, видишь ли. Она отпила глоток, глядя на него поверх стакана. Голос ее слегка охрип, когда она наконец произнесла:

– Сам знаешь, Кэш, почему меня занесло сюда.

– Хочешь трахнутьяся.

Его способность видеть насквозь вызывала замешательство. А откровенность была недоброй, агрессивной. Трисия сделала вид, что ей лестны его слова. Приложив руку к сердцу, она сказала:

– Боже, какой ты прямолинейный. Как тебе не стыдно, Кэш Будро. Ты же понимаешь, как я нервничаю, а ты мне не даешь передохнуть.

Кэш стал расстегивать пояс, подходя к ней.

– Понимаешь, Трисия, я-то тебя знаю еще с тех лет, когда Коттон и Мэйси тебя удочерили. Каждый раз, когда мы проходили мимо друг друга по улице, ты специально воротила свой нос от меня. Если у тебя так по мне чесалось, чего ж ты так долго ждала?

Трисия наблюдала за его нарочито медленными движениями, когда он расстегивал джинсы. Облизнула губы.

– Я просто наслушалась, что о тебе говорят другие женщины.

– И что же они говорили?

– Что ты самый лучший. Мне хотелось самой узнать.

– Можно было и раньше это сделать. Чего ты выжидала?

– Ах... набиралась храбрости.

Кэш стоял прямо перед ней, глаза полузакрыты, взгляд сверху вниз. Нагнулся, взялся за края ее рубашки и поднял вверх.

– Чего я не могу понять, – сказал он, – это вот почему ты именно нынешней ночью явилась, когда нужно было собираться и все прочее. – Он стянул ее рубашку через голову и бросил на пол.

Трисия обняла его за плечи, изогнулась всем телом и прижалась к нему.

– Мы теряем время из-за этих нелепых вопросов. Кэш погрузил пальцы в ее шевелюру и откинул голову назад. Его дыхание было жарким, полным запаха виски, когда его рот приблизился к ее губам.

– Одну вещь вы должны помнить обо мне, мисс Трисия. Я никогда не теряю времени.

Ее могло бы насторожить, что все шло уж слишком гладко. Непременно какая-то гадость должна была произойти. Шейла подумала: каковы будут первые признаки беды? За полчаса до отъезда она об этом узнала. На этот раз беда пришла не извне. Неприятность пришла от бригады, которой она доверяла.

Водители наотрез отказались везти лес, если Кэш не возглавит колонну.

– Мистер Будро больше у нас не работает, – сообщила она мрачно настроенной группе шоферов. Это их не обескуражило. С десятков из них стояли насупившись, отнюдь не убежденные в правильности ее доводов. – Он больше с нами работать не желает.

– Будро не бросит работу не доделавши, – сказал кто-то

позади всей группы. Остальные одобрительно забормотали в знак согласия.

Пока не грянула забастовка, Шейла поспешила напомнить им о премии:

– Вы подумайте! Никто ни копейки не получит, если сделка с Эндикотом провалится! Ни пильщики, ни рубщики, ни грузчики, ни водители. Вы же знаете условия контракта.

– Мы можем говорить от имени всех. Не будем работать, пока Кэш не поедет с нами. – Ультиматум был подкреплен плевками табачной жвачки. Шумели они вполне согласно и дружно.

Шейла поникла, осознав свое поражение. Ей было не под силу провести весь караван до Восточного Техаса. Не было времени нанять других водителей со стороны, а все местные проявили верность Кэшу. Между тем шел одиннадцатый час вечера.

Иного выбора не было.

– Ну хорошо. Подождите меня. Я вернусь. К тому времени, как прибуду, подготовьте все к отъезду. Все поняли? Проверьте как следует цепи, крепеж. И время от времени повторяйте проверки, пока меня не будет. Следите, чтобы никто посторонний тут не сшивался.

Их отъезд был тщательно рассчитан по времени Она позаботилась вместе с шерифом Пэтаутом о том, чтобы им был обеспечен полицейский эскорт до границы штата. В десять часов вечера две полицейские машины из его отделения

должны были встретить их на другой стороне моста через Лорентский затон. Подбегая к своей машине, она посмотрела на часы. Было уже без двенадцати десять.

Машина рванулась с места, она до отказа выжала акселератор и по грунтовой дороге помчалась к дому Кэша. Она была готова к различным неприятным моментам, когда придет к нему. Он может насмеяться над ней, захлопнуть дверь перед ее носом. А может быть, он уже уехал насовсем или был болен, пьян, спал – все, что угодно.

Лучи фар описали световую дугу по стене его дома. В окнах было темно. Боже, хоть бы он был на месте.

Она не стала выключать мотор, оставила открытой дверцу автомобиля. Побежала к его домику, на ходу выкрикивая его имя. Постучала в дверь.

– Кэш! – Спустя несколько секунд он материализовался за сетчатой дверью. – Слава Богу, Кэш, ты здесь! Послушай меня, пожалуйста. Я понимаю, что не имею права ни о чем тебя просить. Я и не хочу просить. Но ты должен помочь мне. Ты должен...

Она смолкла в тот момент, когда из-за плеча Кэша показалась Трисия. Она надевала рубашку через голову. Увидеть ее здесь было такой неожиданностью для Шейлы, что она только молча смотрела, остолбенев от изумления.

Потом она перевела взгляд на Кэша, заметила его расстегнутые рубашку и джинсы, всклокоченные волосы, наглава-тое выражение лица. Трисия – та просто излучала самодо-

ВОЛЬСТВО.

Шейла отшатнулась, сделала шаг назад.

– О боже...

Ей стало трудно дышать, она невольно ухватилась за блузку на груди у сердца, которое дало сбой, закрыла глаза и мысленно пожелала не опозориться, упав в обморок. Такого удовольствия она ни за что не хотела им доставлять.

Внезапно ожил в памяти тот момент во время ее обручения, когда Трисия заявила, что беременна от Кена. Теперь этот кошмар вновь тянул ее в бездну отчаяния. На физиономии женщины, которую она называла своей сестрой, блуждала та же самая злорадная улыбка. И как и в тот раз, другая виноватая сторона ничего не говорила, не признавалась и не отрицала. Кэш вообще никогда не испытывал потребности в чем-то оправдываться. Ему и в голову не приходило перед кем-то извиняться. Он будет просто наблюдать, как она погружается в пропасть, и пальцем не шевельнет, чтобы помочь ей.

Первым побуждением Шейлы было немедленное бегство. Прочь отсюда – бежать, пока не свалится где-нибудь замертво. Вместо этого неожиданно для себя она взяла себя в руки, вздохнула и сказала:

– Извините, что помешала. Я не знала, что у тебя... гостья.

– В чем проблема?

, Она сплела вместе пальцы и сказала самые трудные слова:

– Я в тебе нуждаюсь. – После этого остальное оказалось совсем легко. – Водители отказываются вести трейлеры, пока ты не будешь с ними. Я ничего не могу поделать. Их не проймешь ни угрозами, ни посулами. А у меня и времени уже нет на переговоры. Шериф даст нам эскорт до границы штата, но выезжать нужно сейчас же. Ты мне только скажи: да или нет. На раздумья тоже нет времени. Мне нужно знать сразу. Поможешь ты мне в последний раз?

Он ничего не ответил. Распахнув сетчатую дверь, он вышел, прошел мимо нее, на ходу поправляя одежду. Шейла заторопилась за ним следом.

– А как же я? – Трисия тоже поспешила за ними. – Кэш, вернись! Ты не можешь так просто бросить меня.

– Отправляйся домой тем же способом, что и прибыла сюда, – бросил он ей, усаживаясь за руль автомобиля Шейлы.

– Кэш! Ну почему ты уезжаешь с ней? – завопила Трисия. – Какое тебе дело до того, что произойдет с этой чертовой древесиной? Шейла уволила тебя. Неужели у тебя совсем нет гордости? Не смей оставлять меня здесь одну!

– Если не хочешь оставаться одна, залезай в машину.

Пыхтя от злости, Трисия влезла в пикап, тот резко тронулся с места, едва успела захлопнуться дверца.

Шейла кусала костяшки пальцев на протяжении всего пути. Хотелось от души врезать им обоим. Но она не имела права, если не считать оставшегося тайного чувства к этому мужчине. Боль нового предательства могла убить ее, но не

сейчас, потом. Когда будущее Бель-Тэр будет гарантировано, она, может, и умрет от сердечного приступа. А сегодня ночью она не поддастся. Ни за что!

Лесорубы сидели и мрачно курили, время от времени перебрасываясь фразами, когда машина выехала на площадку. Они поднялись, выжидаяюще уставившись на нее, и дружно заорали приветствия, когда Кэш вылез.

– Что тут творится? – с ходу заорал он. – А ну, живо! Поднимайте задницы и за руль! У вас эта древесина прорастет, пока вы тут прохлаждаетесь!

Его слова моментально оживили всех. Нерешительность как рукой сняло. Водители засмеялись, захлопали друг друга по плечам, побежали со всех ног к своим лесовозам.

– В какую машину мне залезать? – спросил он Шейлу.

– В ведущую. – Она пошла рядом с ним.

– И куда ты направляешься?

– Как ты думаешь?

– К Эндикоту?

– Да. И поеду вместе с тобой. Коттон так посоветовал.

Он остановился. Она тоже. Повернулись друг к другу лицом, их взгляды встретились. Шейла не отвела глаз, пока два автомобиля шерифа не показали на другом конце моста.

– Пора. – Она не стала ожидать его поддержки и сама вскарабкалась в кабину первого лесовоза.

Кэш обошел кабину и влез на водительское место. Он завел мотор, проверил зеркала заднего обзора и включил

первую скорость. Они успели проехать всего несколько метров, когда Шейла воскликнула:

– Стой! – Кэш затормозил. – Похоже, что там машина Кена.

– Какого черта ему здесь надо?

Сквозь широкое лобовое стекло они увидели, как Кен промчался между двумя полицейскими машинами и затормозил на середине моста. Багажник его автомобиля занесло от резкого торможения. Кэш нажал на гудок, а Шейла высунулась в окно машины и замахала рукой.

– Кен! Что ты делаешь? Мы выезжаем, не загораживай путь!

Кен вышел из машины. Шейла приложила руку козырьком над глазами, ее слепил свет фар. Машина стояла как раз напротив. Силуэт Кена задвигался в облаке поднятой пыли.

– Что он собирается делать? – спросила Шейла.

– Он собирается... Ах ты, ч-черт! Шейла поняла, что имел в виду Кэш.

– О боже! Нет! – закричала она. Кен приставил к своему виску револьвер и сделал несколько шагов вперед.

– Вы все меня принимали за дурака. – Его речь была невнятна, он был пьян. Но не шатался, двигался ровно, и рука, державшая револьвер у виска, не дрожала. – Вы думали, у меня шарики совсем не работают. Я, стало быть, безмозглый. Так я покажу вам. Всем покажу. Вы увидите, что мозгов у меня достаточно, когда я разбросаю их по этому мосту.

– Надо что-то предпринять, – сказала Шейла и открыла дверцу кабины.

Кэш схватил ее за руку, – Нет.

– Но он может в любую секунду нажать на курок.

– Он так и сделает, если ты пойдешь к нему уговаривать.

Не делай резких движений.

– Ну, пожалуйста. Кэш. Нельзя же вот так просто стоять и смотреть. – Она попыталась высвободить руку.

– Подожди, – сказал он. – Дай мне подумать.

– Убирайся с моста, идиот! – раздался истошный женский вопль.

Они обернулись в сторону крика. Как-то совсем упустили из виду Трисию. Она стояла у стены конторы.

– Что это с ней? – спросила Шейла. – Почему она не...

– Уходи с моста! – Сложив ладони рупором, Трися отчаянно кричала:

– Кен! Ты меня слышишь? Уходи скорей с моста!

Шейла снова повернула голову в сторону Кена.

– Что-то я ее не понимаю. Что...

– Господи! – Кэш распахнул дверцу, потащил Шейлу через кабину и прыгнул на землю. – Быстро из машины! – Он подхватил ее на руки, и оба повалились на землю.

Спустя секунду раздался грохот. Взрывчатка, подложенная Джигером, сработала в назначенное время и разнесла мост вдребезги.

Глава 46

Гейла погладила ладонью грудь Джимми Дона, потом его лицо, руки.

– Просто не верится, что ты здесь. Неужели я на самом деле трогаю тебя. И... и ты меня не презираешь.

Глаза ее были полны слез, никак не могла выплакаться. Плакала она с того самого момента, как Джимми Дон возник неизвестно откуда. Сначала от страха, потом от стыда, потом от любви.

– Я не презираю тебя, Гейла. Сначала – было дело. Пока сидел в тюрьме, ненавидел тебя. Но потом получил письмо от Кэша, причем в тот же самый день, что и от Шейлы. Он просил меня прийти к нему, когда окажусь на свободе. – Его рука нежно погладила ее по щеке. – Он рассказал мне, как-во тебе тут пришлось, почему вообще все так обернулось.

– Почему же ты тогда шпионил за мной? Он улыбнулся в темноте:

– Кэш меня нанял для этого дела.

– Он нанял тебя шпионить в Бель-Тэр?

– Не шпионить, а следить, как бы не вышло чего дурного.

Он опасался, что Джигер что-нибудь попытается натворить из мести.

Она подумала над его словами.

– Кэш беспокоился за Шейлу?

– Не только. За Шейлу, за тебя, за Коттона.

– Ты меня так напугал. Я знала, что кто-то там есть, кто-то наблюдает, следит, выжидает свое время, чтобы сотворить что-то ужасное.

– И не без оснований. – Его ноздри расширились. – Не я один там прятался в темноте. Джигер тоже там был.

– Несколько дней назад кто-то подслушивал возле кабинета снаружи.

– Это был Джигер. Я видел, как ты вышла на веранду. Дыхание затаил, хотел тебя предостеречь, чтобы не заворачивала за угол. Но Кэш просил меня не высовываться, пока Джигер не замарается и не попадетсся с поличным.

– Но он не попался. Джимми Дон пожал плечами:

– Теперь уже поздно. Лес вывозят сегодня ночью. Кэш все эти дни был просто не в себе. Уж и не знаю, сколько раз он обходил всю погрузочную площадку, все время торчал возле нее.

– А что он искал там?

– Просто осматривал, и все. Сам не знал, чего искал. Убежден был, что тот, кто взорвал железнодорожную ветку, на этом не остановится. Кэш был уверен, что они что-нибудь да придумают, чтобы остановить караван лесовозов.

– Они?

– Кэш предполагал, что Джигер действует не в одиночку.

По привычке Гейла поежилась при упоминании этого имени.

– Ты держись подальше от Джигера, Джимми. Если нас увидят вместе, он захочет убить и тебя.

Ее ладонь покоилась в его руках, которые в свое время поймали мячей, идущих в ворота, больше, чем кто бы то ни было в истории спортивных команд школы Хевена.

– Джигер больше тебе зла не причинит. Он вообще больше ничего сделать не сможет – никогда.

Он говорил это с такой уверенностью, что сердце Гейлы замерло. Она вопросительно посмотрела на него.

– Джимми Дон, уж не... Он прижал палец к ее губам.

– Никогда меня не спрашивай об этом. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, потом она вздохнула и благодарно уткнулась лицом ему в шею. Он обнял ее.

Затем она освободилась из его объятий и отошла к одной из колонн.

– Я бывала в постели с таким множеством мужчин, что и не сосчитать, Джимми Дон.

Он поднялся со ступеньки и подошел к ней.

– Теперь это не имеет значения.

– А для меня имеет. – Она посмотрела сквозь слезы на свои руки. – До того, как пошла работать в эту пивную, у меня никого не было, кроме тебя. Клянусь богом!

Он положил ей руки на плечи.

– Я знаю. Мы оба пострадали от этого негодяя, Гейла. – Он повернул к себе ее лицо. – Со мной в тюрьме творили такое, что... – Он замолчал. Слишком страшны были воспо-

минания, чтобы рассказать об этом вот так просто, вслух.

Интуитивно она поняла его.

– Тебе не обязательно мне в чем-то признаваться, – прошептала она.

– Нет, обязательно. Я люблю тебя, Гейла. Хочу быть с тобой. Хочу жениться на тебе, как мы, бывало, мечтали. Но я не могу просить тебя выйти за меня замуж... – Она вопрошительно посмотрела на него. Он слегка прокашлялся, но не смог удержать наворачнувшиеся слезы. – Там, в тюрьме, были подонки, которые взяли меня силой. – Он отвернулся и закрыл глаза. – И это убило во мне что-то. Я... понимаешь, я не знаю, смогу ли... смогу ли быть с женщиной. Возможно, я... хм... импотент.

Гейла приложила ладони к его щекам и повернула его лицо к себе. Он открыл глаза, мокрые от слез, в них было тревожное ожидание.

– Мне это все равно, Джимми, – сказала она со страстью. – Поверь мне, мальчик мой, надо мной так много потрудились, что я начисто не помню такого чувства, как влечение к мужчине. Будь со мной ласков и нежен. Люби меня. Больше мне ничего от тебя не нужно.

Слезы текли по его гладким темным щекам. Он обнял и прижал ее к себе. В этот момент ничто не могло их разлучить, кроме того взрыва, который сотряс окна в Бель-Тэр и осветил ночное небо, как в праздник Четвертого июля.

– О боже! – воскликнул Джимми Дон. – Похоже, что Кэш

был прав!

– Шейла!

– Оставайся здесь. – Джимми Дон отпустил ее. Она протянула руку.

– Я тоже хочу с тобой.

– Тебе следует оставаться со стариком. – Он перемахнул через перила веранды.

– Но нет ни одной машины.

– Я побегу! – Его натренированные ноги уже понесли его к месту происшествия.

– Береги себя, мой мальчик! Позвони, как узнаешь что-нибудь!

Он помахал ей в знак того, что услышал ее слова. Она беспокойно следила за его фигурой, скрывшейся за воротами. Сзади скрипнула дверь, и Гейла резко обернулась.

– Мистер Крэндол! Да вы что? В постель, скорее в постель. Вам надо лежать. – Она бросилась к нему, поскольку он готов был упасть, и вовремя подхватила его сбоку. В глазах его отразился красный отблеск пожара.

– Это на платформе?

– Я уверена, там все будет в порядке. С Шейлой ничего не случится. Джимми Дон побежал узнать, в чем дело, сказал, что позвонит сразу.

Коттон не отрывал взгляда от красного зарева, поднимавшегося над деревьями.

– Мне надо быть там, – тихо сказал он.

– Ни в коем случае. Вы немедленно отправитесь обратно в постель.

– Не могу. – Он попытался освободиться от вцепившейся в него Гейлы, но оказался слишком слаб.

– Мистер Крэндол, если бы даже я и позволила вам такое безрассудство, то у нас сейчас нет ни одной машины. Вы понимаете? У вас просто нет возможности добраться туда.

– Черт бы их побрал! – Он прислонился к дверному косяку, тяжело задышал. Пальцами начал сжимать и разжимать грудь возле сердца.

Гейла испугалась.

– Ой, ну, пожалуйста, пойдете в постель.

– Оставь меня, – хрипло сказал он, отталкивая ее руки. – Я не ребенок. Хватит со мной обращаться как с младенцем.

Дальнейшие споры могли только привести к дополнительному стрессу, и Гейла отступила.

– Ну хорошо, хорошо. Давайте посидим тут, на веранде. Отсюда и телефон услышим.

Коттон позволил отвести себя в плетеное кресло. Усадив его, Гейла тоже присела на верхнюю ступеньку лестницы и закутала ноги юбкой. Вдвоем они молча наблюдали, как небо все шире окрашивается в кроваво-красный цвет.

Пикап подкатил к главному входу, она сидела на верхней ступеньке и, прислонившись к колонне, спала. Проснувшись она от звука захлопываемой дверцы автомобиля, подняла голову и заслонила глаза рукой от лучей утреннего солнца.

Кэш и Шейла направлялись к главному входу. Оба выглядели как бойцы после сражения. Джимми Дон выпрыгнул из кузова пикапа. Она робко улыбнулась ему, и он ответил ей улыбкой.

– Папа! – закричала Шейла. Она взбежала по ступенькам на веранду. – Что ты тут делаешь?! Почему ты не в постели?

– Он отказался вернуться в дом, Шейла, – оправдывалась Гейла. – Даже после того, как Джимми Дон позвонил и сказал, что с вами все в порядке. Наотрез отказался идти в спальню.

– И вы пробыли тут всю ночь? – Гейла виновато ответила ей кивком. Они обменялись встревоженными взглядами. Коттон выглядел плохо. – Ну я-то никаких объяснений от тебя не приму, – сказала ему Шейла тоном командирши. – Гейлу ты не послушался, а меня должен послушаться. Немедленно в постель.

Коттон отодвинул дочь в сторону.

– Я хочу знать одну вещь. – Хотя голос его звучал тихо, как шуршание бумаги, он немедленно приковал к себе их внимание. Опершись обеими руками о подлокотники, он с трудом поднялся и выпрямился во весь рост. – Это ты мне все это устроил?

Он смотрел в глаза Кэшу. Брови Коттона были нахмурены. Кэш не отвел взгляда от его голубых глаз. Оба смотрели друг на друга одинаково враждебно.

– Нет.

– Это был Джигер Флин, папа, – быстро пояснила Шейла.

Ей хотелось предупредить грозу, которая могла вот-вот грянуть. Когда Кэш и Коттон оказались лицом к лицу, атмосфера ощутимо накалилась, словно перед торнадо. Конечно, она знала всю меру их взаимной антипатии, но не ожидала, что она окажется почти осязаемой.

Короткими фразами она передала Коттону, что произошло ночью, не вдаваясь в детали. Будь он в лучшей форме, для него эти краткие сообщения были бы как бальзам. Она не стала ему сообщать, что Кен погиб при взрыве за несколько секунд до того, как собирался совершить самоубийство. Не стала рассказывать и о том, что Трисия вступила в злодейский сговор с Дейлом Гилбертом. Как раз в этот момент она давала показания шерифу в присутствии своего адвоката. Тот планировал сразу же оговорить сделку в ее пользу. Трисия рассчитывала получить меньший срок за чистосердечное признание. Если это дело не выгорит, ей предстояло предстать перед судом вместе с Гилбертом и Джигером Флином.

Нет, все это могло подождать до тех пор, когда Коттон снова будет на ногах.

– И знаешь, папа, внешне пожар казался куда страшнее, чем на самом деле, – с беспокойством добавила Шейла. – Большую часть древесины удалось спасти. Мы ее переправим Эндикоту, и все будет в порядке. Время еще есть.

Коттон, казалось, ничего не слышал. Он вдруг поднял па-

лец и указал на Кэша:

– Ты пересек границу частных владений.

– Да что с тобой?! Кэш всю ночь работал для тебя за десятерых!

Указующий перст затрясся в воздухе.

– Ты... ты... – Коттон глотнул воздух открытым ртом, схватил себя за пижаму на груди и пошатнулся.

– Папа! – закричала Шейла. Коттон опустился на одно колено и повалился на пол. Шейла упала на колени возле него.

– Я вызову врача, – сказала Гейла и побежала в дом. Джимми Дон помчался за ней следом.

– Папочка, папочка. – Шейла беспомощно шарила по нему руками. Его бледное лицо покрылось потом.

Губы и виски обрели синеватый оттенок, дыхание вырывалось со свистом сквозь полуоткрытые губы.

Шейла подняла голову и с отчаянием посмотрела на Кэша. Его безучастное выражение лица было для нее неожиданностью. В то же время он резко покраснел, словно за счет побледневшего Коттона.

Однако он тоже встал на колени, схватил Коттона за грудки и приподнял его слегка.

– Черт бы тебя подрал, если ты сейчас помрешь. Не умирай, старик. Не умирай!

– Что ты делаешь, Кэш?

Кэш встряхнул Коттона, голова того безвольно качнулась, а взгляд был устремлен на искаженное страданием лицо Кэ-

ша. Прядь упала на лоб Кэша, а глаза его застилали слезы.

– Не умирай, пока не скажешь этого. Ну? Посмотри на меня. Скажи это! – Он притянул Коттона за пижаму вплотную к себе, склонил голову и коснулся лбом лба Коттона. В голосе прозвучало страдание и мольба. – Ну скажи мне, ради бога. Хоть раз за всю жизнь скажи. Назови меня сыном. Ну? Скажи, что я твой сын!

С трудом Коттон приподнял руку. Коснулся ею небритой щеки Кэша. Бескровные пальцы погладили ее. Однако слово, которое он прошептал, было иное, не то, что так отчаянно хотел услышать Кэш. С трудом вдохнув, Коттон прошептал:

– Моника.

И после этого умер.

Рука безвольно опустилась от щеки Кэша и с глухим стуком упала. Мышцы Кэша медленно расслабились, и он положил обмякшее тело на дощатый пол веранды. Долгое время он, склонив голову, смотрел в невидящие голубые глаза, которые всегда отказывались замечать его.

Потом поднялся и, пошатываясь, спустился с лестницы и медленно побрел к машине. Он уехал, но Шейла, безмолвно стоявшая на коленях, успела заметить потрясенное выражение на его лице, когда он проходил мимо, не глядя на нее.

Глава 47

Прекрасны закаты в Бель-Тэр. Но в этот день закат выглядел просто роскошно. В начале дня прошел дождь, а теперь небо было ясным. На западе еще видны были остатки туч, отливавшие синим и фиолетовым. А солнце сияло как раз над ними и немного сквозь них, создавая божественную картину. Она укрепляла веру в Господа. Шейла наблюдала закат через окно своей спальни. Длинные тени пересекали комнату. Пылинки плясали в теплых лучах заходящего солнца. В доме царила тишина. Как и всегда теперь. Они с миссис Даншума не создавали.

Гейла съехала. Она вышла замуж за Джимми Дона, жила в соседнем городке и планировала осенью пойти на курсы сиделок. Джимми Дон работал на лесозаготовках Крэндола. Взялся за бухгалтерию, которой прежде ведал Кен Хоуэл. В полиции им были довольны, и Шейла питала большие надежды в отношении этой пары. Все у них должно пойти прекрасно, тем более что они избавились от преследований Джигера Флина.

Шейла была ошеломлена новостью о его ужасной и таинственной смерти. Несмотря на то что это было самое кошмарное убийство в истории округа Лорент, ни единой улики найти не удалось. У каждого были свои соображения по поводу возможного убийцы, но доказательств никто не мог

представить. Джигер взлелеял вокруг себя врагов, как другие выращивают сад. Мало кто сожалел о его жуткой кончине. Его убийство вошло в анналы неразгаданных преступлений.

Похороны Коттона Крэндола были самыми торжественными и пышными за многие десятилетия во всей округе. Первая баптистская церковь была заполнена до отказа, пришлось ставить дополнительные стулья в проходах, а те, кто все же не поместились, толпились снаружи. Поминальная служба была весьма помпезной, никогда проповедник не был столь красноречив. Пел хор в полном составе, и на последних словах молитвы даже у тех, кто недолюбливал Коттона при жизни, из глаз потекли слезы.

Однако панихида произвела меньшее впечатление, чем место его захоронения. Коттона по каким-то причинам положили не рядом с женой на фамильном участке кладбища Лорента, как все ожидали, а в уединенном уголке Бель-Тэр прямо в лесу. Только Шейла знала, что рядом с могилой отца была другая могила. Знала, что отец одобрил бы такое ее решение.

За день до его похорон ей пришлось съездить в Новый Орлеан на похороны останков Кена Хоуэла. Прискорбно мало людей присутствовало здесь. Трисия не проронила ни слезинки. С сестрой она не только не пожелала разговаривать, но даже ни разу не посмотрела в ее сторону. После короткой церковной службы ее увели полицейские. Шейла оплатила услуги адвоката Трисии – иной помощи от сестры та

принимать не пожелала. Отказалась и от свидания с Шейлой в тюрьме.

Во время этих печальных дней траура Шейла позвонила Марку в Лондон. Он выражал соболезнования, утешал, но что-то изменилось в их дружбе. Каждый из них с сожалением понял, что возврата к былым отношениям быть уже не могло.

Так Шейла осталась в одиночестве в большом доме, и никогда ей не было так одиноко, как теперь, в этот вечер. Она приняла ванну. Ее одежда была аккуратно сложена на постели. Оставалось только уложить все в чемодан и отправляться спать. Она, однако, решила задержаться в этот вечер подольше, поскольку ей предстояло провести свою последнюю ночь в Бель-Тэр.

Когда угас последний луч солнца на горизонте, Шейла, пытаясь сбросить оцепенение тоски, отвернулась от окна.

Он стоял на пороге ее спальни, прислонившись плечом к дверной раме, и молча смотрел на нее. Одет был как обычно – джинсы, сапоги, рабочая рубашка. От этого ей стало особенно неловко, поскольку сама она была в неглиже.

– Я вижу, твои манеры не улучшились с тех пор, как я видела тебя в последний раз, – заметила она. – Разве нельзя хотя бы сначала постучать в дверь?

– Я никогда не стучал, входя в спальню к женщине. Он оттолкнулся от дверного косяка и вошел в комнату. Извлек из нагрудного кармана конверт и положил его на ночной столик.

– Я получил твоё письмо.

– Тогда больше нам нечего сказать друг другу, верно?

Он рассеянно взял со столика флакон с духами и понюхал.

– Пожалуй, так. Если не считать того, что подобные новости обычно передают при личной встрече.

В своём халатике Шейла чувствовала себя обнаженной, но не столько физически, сколько морально. Его присутствие в спальне действовало на нервы. А он ходил по ней, трогал разные предметы, и от этого ей было ещё больше не по себе.

– Я решила, что нам лучше никогда не видеться. Мой юрист, учитывая мое желание, посоветовал проинформировать тебя об этом почтой.

– И он поддержал твоё решение передать мне Бель-Тэр?

– Нет.

– Потому что я незаконнорожденный сын Коттона.

– Его возражение касалось не этого. Он... он считает, что я должна была слепо следовать букве завещания папы.

– То есть поделить собственность на три части: между тобой, мной и Трисией?

– Да.

– Но ты решила иначе?

– Да.

– С чего же вдруг? – Он преспокойно уселся в кресло, накрытое чехлом, и закинул ногу на ногу.

– Это трудно объяснить, Кэш.

– Попытайся, – потребовал он.

– Мой отец... наш отец... обращался с тобой отвратительно.

– Хочешь исправить его ошибки?

– Ну, если так можно выразиться.

– Рожденный не на той стороне одеяла прав не имеет,

Шейла.

– Нет, ты для него значил гораздо больше. Он горько рассмеялся:

– Живой укор совести.

– Может быть. Когда он покинул Новый Орлеан, он вообще не намеревался бросить тебя и твою мать. Он любил ее. Очень. А его завещание подтверждает, что и тебя он любил.

– У него для меня никогда не находилось доброго слова, – сердито заметил Кэш.

– Он не мог себе такого позволить. – Ее ответ тотчас насторожил его. Прекратилось развязное покачивание ногой. Он вопросительно уставился на Шейлу, во взгляде его мелькнула надежда. – Он тебя любил, Кэш, но боялся сближения с тобой. Он считал, что, если позволит себе хоть как-то проявить свои чувства, всем все станет очевидным. – Шейла вдруг посмотрела на него с недоумением. – Право же, сама не понимаю, что было бы в этом плохого. Почему он не признал тебя при жизни?

– Да он Мэйси поклялся, что не сделает этого. Такая у них была сделка с ней. Коттон мог иметь мою мать любовницей,

но только не сына от нее.

– Но почему он не признал тебя, когда мама умерла?

– Сделка с Мэйси была заключена пожизненно. Для Коттона. По крайней мере, так он сказал моей матери и мне, когда я требовал, чтобы он женился на ней... У Мэйси не было иного выхода, как оставить ему Бель-Тэр. Но уж она позаботилась, чтобы он не был слишком счастлив в нем.

– Да, получается, что он поставил Бель-Тэр превыше собственного счастья, превыше собственного сына, – с грустью сказала Шейла. – Он любил тебя, Монику, меня. Но больше всего – Бель-Тэр! – Она посмотрела на него сверху вниз и тихо добавила:

– И ты тоже, Кэш. Поэтому ты тут и оставался все время. Где-то подспудно ты знал, что Бель-Тэр принадлежит тебе по праву. Всю свою жизнь ты ждал. – Он молчал и смотрел на нее. – Ну вот, больше тебе ждать не надо. Я отдаю тебе и свою долю. В этом письме все сказано. Препятствия устранены, владение больше не является совместным, оно целиком на твое имя. Чек Эндикота покрыл банковскую задолженность. У тебя теперь приличный деловой капитал. С честным бухгалтером, который позаботится о бюджете, ты вернешь былое процветание лесозаготовкам Крэндола. Думаю, даже превзойдешь его. Папа тебя хорошо учил. А то, чего ты не узнал от него, усвоил сам на практике. Он всегда говорил, что ты прирожденный знаток леса. Самый лучший. Он гордился тобой. – Она слабо улыбнулась ему. – Теперь

ты, может быть, захочешь сменить имя всей компании, поскольку унаследовал Бель-Тэр?

– Я бы скорее предпочел женщину, а не дом.

– Что? – Шейла посмотрела на него с удивлением. Он поднялся из кресла и подошел к ней настолько вплотную, что ей пришлось откинуть голову, чтобы видеть его лицо.

– У меня с Трисией ничего не произошло. Я не спал с ней, – сказал он. – И, признаться, никогда не испытывал такого желания. К тому же до той ночи эта сучка на меня и смотреть-то брезговала. Я заподозрил, что ее специально подослали ко мне. Начал ее обжимать маленько, а сам решил ее расколоть, узнать, что они замышляют. – Он вдруг запустил пальцы в ее волосы, еще больше откинув ее голову назад. – Шейла, ты же любишь Бель-Тэр. Почему отдаешь его мне?

– Потому что всегда чувствовала, что я тут живу временно, как бы в порядке одолжения. Всегда, всегда, понимаешь, чувствовала, что это место по-настоящему мне не принадлежит. Сама не знала почему. А сейчас знаю. Ты плоть и кровь Коттона! Его сын! Как же я была глупа! Ведь ты так напоминаешь его. Почему я раньше этого не замечала? – Она смотрела в его лицо и чувствовала, что любит его. Это становилось невыносимым, пришлось отвести взгляд. – После того, как он умер, я наконец вспомнила, что вами было сказано в ту ночь, когда ты привез меня домой с пруда Тибодо. Раньше я не видела в этом смысла. Папа говорил, чтобы ты держался подальше от дома. А ты ему в ответ кричал:

«У меня больше прав быть там, чем у них». Ты имел в виду Трисию и меня, да?

– Qui. Я вышел из себя.

– Но ты был прав. Это твое место. Не наше.

– Я чокнулся на Бель-Тэр, с тех пор как мать мне все рассказала. – Он легонько поцеловал ее в губы. – Но я не буду таким, как мой отец. Не собираюсь ставить Бель-Тэр выше всего. Не этого я хочу. Я понял, чего я больше всего на свете хочу, когда увидел тебя спящей под тем деревом. Помнишь?

– Кэш...

– Почему ты мне даришь Бель-Тэр?

– Ты знаешь почему, – почти простонала она. – Я люблю тебя, Кэш Будро.

Он поцеловал ее. Его губы были теплыми, сладостными. Кончиком языка он нежно ласкал ее рот. Его пальцы ворошили ей волосы, потом распустили их по плечам и груди. Он поглаживал ее грудь, кончиками пальцев касался сосков. Потом его ладони соскользнули на талию. Не прерывая поцелуя, он сел на край постели, широко расставив ноги, прижимая к себе ослабевшую Шейлу.

Сквозь шелковую рубашку он целовал ее груди, щекотал их языком.

– Никуда ты не поедешь, – пробормотал он. – Ты останешься здесь, со мной. И когда мы умрем, наши дети похоронят нас здесь обоих вместе. В Бель-Тэр.

Слезы навернулись на глаза Шейлы. Ее обуревала радость разделенной любви. Она запустила пальцы в его шевелюру и прижалась к нему.

Кэш обнял мягкое, податливое тело.

– Шейла...

– Что?

Сердце отстучало несколько ударов, и он прошептал:

– Я люблю тебя.